

Мужчина, только что вышедший из квартиры 6А, не заметил, как я уставилась на него. Он встряхнул свои медово-каштановые волосы, как мальчишка после купания, потер висок рукавом, размял шею. Разглядывая его, я почувствовала себя незванным гостем в своем собственном многоквартирном доме.

Побрякивание жетона Джинджер привлекло его внимание. Он наклонил голову, изучая меня.
— И снова здравствуй.

Я прищурилась. Шестой этаж никогда не был хорошо освещен. Теплый свет омывал бежевые стены и ковер цвета опалой листвы. Я позволила Джинджер протащить меня вдоль коридора. Она хотела обнюхать нового человека, я же хотела его получше рассмотреть. Когда наши взгляды встретились, мое сердце замерло, будто почувствовало нового любовника. Он был мне не знаком.

— Прошу прощения, мы знакомы?

Он не ответил на этот простой вопрос, будто ожидал, что я продолжу. Я не была уверена куда смотреть — на его выразительные зеленые глаза или на нижнюю губу, которая немного выпирала, будто его невысказанным ответом было надуться. Он дважды облизнул её с лёгкой улыбкой, пока я пялилась на него.

— Я, должно быть, перепутал вас с какой-то другой соседкой, — проговорил он. — Я только вчера переехал. Вы из квартиры 6Б? Я из 6А, — он указал на свою грудь.

Я засунула свою термокружку с кофе под мышку и пожала его большую ладонь. Затем он взъерошил блестящую, как новенький пенни, рыжую шерсть Джинджер, продолжая на меня смотреть. И я забыла, что еще пару мгновений назад мне было так грустно, одиноко, я была совершенно сбита с толку. Я все еще испытывала некоторое замешательство, но это замешательство не вызывало головную боль или боль в груди.

— Добро пожаловать в наш дом, — так как я уже и так выбилась из графика, из-за незапланированного выгула собаки, я потянула за поводок. — Джинджер, пойдём.

— Если вы не возражаете, — произнес он, пока я направлялась к лифту, — не могли бы вы подсказать мне, где здесь готовят вкусные завтраки? Что-нибудь сытное.

Я оглянулась, он выпрямил спину, и его огромная рука расположилась на животе. Уголок его губ приподнялся в улыбке. Он был очень привлекательным мужчиной и, думаю, прекрасно знал об этом. Я сдержала улыбку, даже когда осознала, что она первая истинная за много дней.

— В закускойной на углу.

Мне стало жарко, моим рукам в перчатках, моей шее под шарфом. Я не планировала оставаться так долго внутри. Он выглядел нетерпеливым, будто просил помощи у старого друга.

— Пускай вас не отпугивает запах. Она неплохая.

— На каком углу?

— На Лексингтон.

Джинджер начала скулить. Я вообще-то не должна была здесь стоять. Однако вдруг это показалось не таким важным, как приветствие нового соседа.

— Мы направляемся вниз. Я вам покажу.

— Это было бы замечательно.

Он прошел мимо меня по коридору, чтобы первому добраться до лифта и нажать на кнопку. Мы с Джинджер догнали его, когда приехал лифт, и он придержал двери открытыми для нас. Из-за его роста лифт казался очень маленьким. Он был очень высоким, одним из тех ребят, которые могут подпрыгнуть и достать головой до потолка в вагоне метро. Одним из тех ребят, которые могут заставить целый город почувствовать себя лилипутами.

Он рассматривал табло с номерами этажей, сложив руки в карманы своей худи.

— Вы не замёрзните? — спросила я, разглядывая тонкий материал.

— Не-а. Мой обогреватель сломался. Невозможно понизить температуру. В моей квартире сейчас выше 26 градусов по Цельсию.

У меня была противоположная проблема, когда я въехала. Это не должно было вызвать у меня улыбку, но мои попытки сохранить тепло были забавными, включая смехотворное количество теплых шерстяных одеял и бесконечную череду кружек с какао.

— Я легко справляюсь с холодом, — продолжил он, затем простонал, — жара же — о, господи. Я не смог заснуть. Я был на ногах допоздна, перетаскивал коробки по квартире. В конечном итоге, мне пришлось выйти на свежий воздух. Знаете, в такой ситуации вам нужно лишь избавиться от максимального количества одежды.

Жар охватил мою грудь. Я отругала себя. А что, если он расхаживает по квартире голым? Я попыталась придумать остроумный ответ, чтобы скрыть тот факт, что я покраснела, но ничего подходящего не пришло мне на ум. Вместо этого, я сделала глоток кофе. Мы вышли из лифта, последний комментарий так и повис между нами.

— Итак, вот почтовые ящики, — указала я, нарушив тишину, пока мы проходили по фойе. — Ваш следующий за моим.

Он мило улыбнулся и придержал дверь. Нас чуть не сдуло порывом холодного ветра. Я попыталась приподнять воротник вокруг шеи, но у меня были заняты руки.

— Помощь нужна? — предложил он.

Я передала ему поводок Джинджер и термос, и смогла поглубже закутаться в пальто.

— Закусочная будет по правой стороне, — я сказала ему. — Мы идем в том же направлении.

Он вернул мне кофе и пошел дальше по тротуару с Джинджер, будто она его собственная. Несмотря на холод, ярко светило солнце. Я получше к нему присмотрелась. В семь утра у него была трехдневная щетина цвета светлого масла. Щетина была светлее его медных губ и подчеркивала высокие скулы. У него был такой тип лица, который легко увидеть в кино. Я бы, не задумываясь, посетила этот фильм в подростковом возрасте, если бы он был на постере.

— Дерьмо, — заявил он.

Так как все мое внимание было сосредоточено на нем, а не на том, куда я ступаю, мне понадобилось время, чтобы сообразить, о чем это он. В буквальном смысле — дерьмо. Я отскочила в сторону как раз вовремя, едва избежав встречи с кучей собачьих экскрементов.

— Фу.

Он ухмыльнулся.

— Понедельники.

— Скорее ленивые придурки.

— Говоришь, как заправская городская девчонка, — его улыбка стала шире. — Давно здесь живешь?

— Вчера было четыре года, — мы остановились, чтобы Джинджер могла пописать на ее обычном месте под деревом. — До переезда в Нью-Йорк, я жила на восточном побережье десять лет.

— Итак, здесь тебя всё бесит.

Я рассмеялась, и, господи, как же это было приятно. Мои застывшие щеки дали трещину, будто были сделаны из бетона, а я ударила по ним молотом. Мы продолжили прогулку, в течение которой Джинджер постоянно оглядывалась, будто мы могли исчезнуть из поля её зрения. Мое настроение улучшилось. Иногда, в городе, разговор с незнакомцами оборачивается тяжелым бременем. Они всегда чего-то хотят от тебя — указаний как пройти куда-то, просят денег, спрашивают, который час. Но я была рада, что остановилась возле нового соседа. Он отогнал хмурые тучи, которые сгустились надо мной в последнее время. Но, когда он резко остановился и застонал, я ощутила, что наша прогулка подошла к концу.

— Я забыл кошелек в квартире. Как думаете, они позволят мне открыть счёт?

— Даже не мечтайте, — мы были в паре шагов от пешеходного перехода, и я кивнула на другую сторону улицы. — Вот и закусочная.

Он потёр нос рукавом. У меня тоже немного потёк нос, несмотря на то, что прогулка меня разогрела. Я даже и близко не поверю, что он хоть чуточку замёрз.

— Я лучше сбегаю домой. Я бы сейчас слона съел.

Мне не нужно было думать дважды. Он помог мне тем, что я просто почувствовала себя лучше, и я хотела отплатить ему тем же.

— Я одолжу вам, — сказала я и полезла в карман за деньгами. В моем пальто всегда лежат сорок долларов, на непредвиденные ситуации во время прогулок с собакой. И, так как урчание его живота было слышно за версту, я дала ему обе двадцатки.

— Возьмите картофельные оладьи, не пожалеете.

Он взял деньги и произнёс:

— Вы — ангел. Я обязательно всё верну.

Я кивком головы указала на Джинджер, которая часто дышала, даря свою характерную для золотых ретриверов улыбку.

— Читайте, это благодарность за ваши услуги.

— За десятиминутную прогулку? Дорогушая собачонка, — вернув мне поводок, он добавил. — Не хотите присоединиться ко мне? Я угощаю, — пошутил он.

Я была удивлена его предложением, но даже больше тем, что была расстроена из-за моего вынужденного отказа. Картофельные оладьи, да ещё и в хорошей компании, звучит, как отличный способ провести утро.

— Мне надо на работу, — ответила я неохотно. — Не все зарабатывают на жизнь выгулом собак.

— Точно подмечено, — ухмыльнулся он. Зелёный сигнал светофора начал мигать, будто намекал, что это последний шанс принять его предложение и прогулять работу. Он взял деньги. — Спасибо ещё раз.

Он перешёл на другую сторону улицы к закусочной. Я подумала, что не знаю его имени, и почему он не на работе в понедельник утром.

Не принимая во внимание моего нового соседа, вид угла улицы был мне хорошо знаком. Я стояла здесь несчётное количество раз. Джинджер натянула поводок. Она знает, что здесь мы всегда поворачиваем обратно. Солнце всё ещё светило, но облака надвигались на город. Я снова осталась одна, все утреннее веселье развеялось. Вернулась моя апатия, она была при мне уже несколько месяцев.

2

После работы я стояла под душем дольше, чем на самом деле требовалось. Иногда работа в области по связям с общественностью в Нью-Йорке оставляла слой въевшейся грязи на моем лице. И горячая вода — это то, что просто необходимо. Я могла простоять там всю ночь. Честно говоря, мне действительно больше ничего не надо было делать. За окном уже потемнело, и в квартире было прохладно.

В конце концов, я протянула руку за шторку и взяла полотенце. Выход из-под горячего душа в эту пору года можно сравнить с резким отклеиванием пластыря. Заученным движением я закрыла кран и тут же завернулась в полотенце.

Я как раз доставала фен, когда залаяла Джинджер. Она не прекращала, поэтому я направилась к двери, завязывая пояс моего, стоящего каждого пенни, который я за него заплатила, кашемирового халата. У меня ушла секунда на то, чтобы понять, кого я вижу через дверной глазок, это был мой новый сосед. Казалось, что в коридоре его подсвечивает прожектор.

— Я в неподходящий момент? — спросил он, когда я открыла дверь.

Мне было не так уж и тепло, у меня были мокрые волосы, мои соски напряглись под халатом.

— Для чего?

— Итак, очевидно, у тебя волнистые волосы, — сказал он, проигнорировав мой вопрос, и, пробежав глазами по моему телу, — такое чувство, что я тебя вообще не знаю.

Я засомневалась, а потом позволила себе улыбнуться. Я не знала, что такого сделала, чтобы заслужить его поддразнивание, но затем осознала, что мне это нравится.

— Я их в основном выпрямляю.

— Ага, редкое краткое знакомство с элегантностью из ББ в ее натуральном виде, — сказал он. — Я счастливчик.

Я не знала смеяться мне или краснеть. Казалось, мы оба собирались заговорить, но никто не осмелился.

— Извини, — сказал он первым. — Мне не стоило это говорить. Я слишком много читаю National Geographic.

Я махнула рукой.

— Это было забавно.

— Я просто пытаюсь сказать, что мне нравится, когда они волнистые, я имею в виду, они были красивыми и раньше тоже, когда были прямыми. Ну, в целом, они... красивые, — он почесал подбородок. — Тебе, наверное, интересно, зачем я пришел.

Он достал две двадцатидолларовые банкноты из кармана.

— Ты спасла меня сегодня утром.

Я поблагодарила его и положила деньги в халат.

— Ну как, понравилось?

— Словами не описать.

— Что ты заказал?

— Всё для завтрака.

— Ты заказал картофельные оладьи, как я советовала?

Он поднял брови вверх.

— Я не преувеличиваю. Я заказал каждую позицию, которая относилась к завтраку.

Я посмотрела на него в изумлении.

— Серьёзно?

— Тост, овсянку, фрукты, апельсиновый сок...

Он похлопал себя по животу.

— И так как все остальное было в целом ничего, я с полной уверенностью могу заметить, что картофельные оладьи — самая лучшая позиция по завтракам в меню. Их обмакнули в яичный желток.

Я подпрыгнула на носочках.

— Я готовлю их таким же образом.

— Ты девушка-глазунья? — спросил он.

Я кивнула.

— Когда я хочу яичницу, я иду в солярий.

У него хватило приличия рассмеяться моей невразумительной шутке, прежде чем он стал серьёзным.

— Не говоря уже про яичницу лёгкой прожарки.

— Никогда не доверяй тому, кто заказывает яичницу лёгкой прожарки.

В этот раз мы оба рассмеялись. Жетон Джинджер прозвенел, когда она просунула свой нос между нами. Вода капала с моих волос.

— Хочешь зайти? Я собираюсь приготовить ужин.

Это было не совсем правдой. В понедельник по вечерам я обычно совершаю набег на морозильник или разогреваю остатки еды с выходных. Подготовка для себя вызывает упадническое настроение, но сегодня я не буду готовить для себя одной, со мной будет мой новый сосед. Он мельком окинул взглядом коридор, в направлении своей квартиры, и сложил руки в карманы.

— Я, э... я, правда, не могу, — сказал он. — Мне всё ещё надо много чего распаковать.

— О, все в порядке, — я попыталась не допустить, чтобы разочарование от его отказа отразилось на моем лице. Я его едва знала. Конечно, у него есть свои друзья, чтобы с ними ужинать. Я потянула Джинджер за поводок обратно в квартиру. — Ладно. Спасибо, что так быстро вернул деньги.

Он улыбнулся.

— Не за что.

Я закрыла дверь и вернулась в ванную. Я слегка подсушила волосы, просто, чтобы с них не капала вода. Уже давно я не оставляла волосы волнистыми. Это будет приятной переменой. Я в уме прикинула, какие фильмы у меня есть на дисках. Наверное, мне надо придумать себе какое-то хобби, но иногда, просто хочется побыть дома. Особенно в холодный вечер понедельника.

Я надела треники, налила себе стакан красного вина и открыла холодильник. Я могу приготовить что-нибудь питательное, но сейчас я могла думать только о еде для завтрака. Хруст тоста с корицей. Яичница-глазунья. Картофельные оладьи. Я представила лицо моей любимой официантки, когда мой новый сосед заказал всё меню.

Джинджер вскочила с пола. Секундой позже, послышался стук в дверь. Она гавкнула и выбежала из комнаты.

Я отреагировала почти так же. Встала. Насторожилась. Я не очень хорошо знаю соседей. Мне тридцать один, все остальные жильцы этажа практически вдвое старше. Мы здороваемся, но на этом всё.

Исключение составляет человек, который находился на пороге моей квартиры во второй раз в течение двадцати минут. Возможно, я сказала ему больше слов, чем всем жильцам, вместе взятым в целом здании. Я не

решалась открыть ему, потому что была без лифчика. Да, я решила — он был «лакомым кусочком». Это хорошее выражение, чтобы описать его.

— Снова привет, БА.

— Итак, — сказал он. — Я все обдумал. Я ещё не распаковал кухню. Это не совсем моя сфера интересов. Плюс ко всему, мой обогреватель так жарит, будто я сделан из пластика, и он хочет расплавить меня.

Он оттянул свою футболку, идентичную предыдущей, показывая, как ему жарко. Он выглядел готовым к лету.

— Мой обогреватель выключен, — предупредила я. — У меня холодно.

Он простонал.

— С тем же успехом ты могла говорить мне непристойности.

Я удивленно приподняла бровь и пригласила его в квартиру.

— Я готовлю овощи, — я этого не планировала, но у меня были овощи в холодильнике и остатки вчерашней курицы с имбирем по-тайски. — Ты вегетарианец?

— Нет, милая.

Я сдержала улыбку на его невозмутимый ответ. Я бы ни за что не поверила, ответь он положительно.

— Я — старое доброе плотоядное. Охота, собирательство, жизнь в пещере, — он прощупал одной ногой поверхность пола, прежде чем вошел. Как будто пол покрыт водой, и он проверял температуру.

Джинджер была рада его видеть, но в то же время она виляла бы хвостом и в присутствии убийцы с топором. Я закрыла за ним дверь.

— Милое местечко, — сказал он, когда мы прошли внутрь. — Как мое, только более обжитое.

— Спасибо, — я указала на диван. — Устраивайся поудобнее. Я скоро вернусь.

Я пошла в спальню, закрыла дверь и надела лифчик под толстовку.

Когда я вошла, он, нахмурившись, листал Vog, его длинные ноги были вытянуты перед ним.

— Некоторые из этих комплектов одежды...

— Я работаю в агентстве по связям с общественностью в области моды и красоты, — я объяснила. — Мои клиенты по части красоты — макияж, крема для кожи, все в таком роде — но я также должна следить за модными трендами.

Он закрыл журнал и положил его под журнальный столик.

— Я не претендую, что разбираюсь в этом.

Я прошла на кухню, и он проследовал за мной. Некоторые овощи в холодильнике вызывали сомнение. Надеюсь, он ничего не заметит.

— Может налить тебе Пино Нуар?

— Я не очень люблю вино, — ответил он позади меня. — Хотя я бы не отказался от вот этого.

Он указал на упаковку пива Sorachi Ace на полке.

Я на секунду засомневалась. Оно мне не принадлежало, но я решила, что это не важно. Я взяла одну бутылку и протянула ему.

— Открывалка в ящике слева от раковины.

— Спасибо. Никогда не пробовал этот сорт. Оно вкусное?

— Не знаю. Я не пью пиво.

Я подравняла овощи и начала их нарезать. Несколько минут стояла тишина, не считая его глотков и стука моего ножа по доске для нарезки.

— Ну как?

— Как раз то, что нужно. В моей квартире сейчас тоскливо и совсем нет алкоголя, — он выдвинул стул, но, казалось, передумал, и остался стоять. — Мне нужно наведаться в бакалейную лавку.

— Это пиво из Буклинской пивоварни, — я переместила грибы с разделочной доски в казанок. — Так все же, что привело тебя в Гламерси Парк?

Он откашлялся.

— Работа.

Я не спросила, чем он занимался. Я все ещё даже не знала его имя.

— Ты новичок в этом городе?

— Вообще-то я приехал в Нью-Йорк по тому же поводу, что и ты.

Я оторвалась от нарезки сладкого перца, который я собиралась нарезать соломкой.

— Правда? Когда?

Он покачал головой.

— Не заставляй меня отвечать на этот вопрос, — сказал он, но все равно сделал это. — Я закончил университет десять лет назад.

— Я примерно в это же время, — по какой-то причине его зеленые глаза загорелись, и я вернулась к нарезке овощей, чтобы подавить волнение. — И что потом?

— Потом переехал на окраину. Теперь я снова здесь.

— Многие люди, если едут на окраину, то там и остаются.

— Я знаю.

Я почувствовала намек на горечь в его голосе, но потом она исчезла.

— Я из тех редких птиц, которые рады возвращению в хаос.

— Итак, ты выбрал хорошее соседство. Я бы никогда не хотела жить где-либо ещё.

Я поместила овощи в казанок и довела курицу до готовности. Возможно, этой еды ему будет недостаточно. Одна из немногих вещей, которые я действительно знала об этом мужчине, это то, что аппетит у него отменный, что он может с лёгкостью прогуляться по всему меню. На это указывал его рост и мышечная масса, но казалось у него не было ни грамма жира.

— И как же тебе удалось заказать всё из меню? — спросила я, помешивая овощи лопаткой. Я подумала, что смеялась бы до слез, если бы увидела все это своими глазами. — Ты начал сначала и заставил официантку все это переписать? Или она просто протянула повару буклет с меню?

Когда он не ответил, я повернулась. Он прохаживался возле стойки в углу. Там не было ничего необычного — просто канцелярские товары: неоновые стикеры, набор ручек, стопка писем. Хотя он смотрел не на них. Он потянулся к фотографии в рамке, там были изображены мы с мужем в день нашей свадьбы. Натан, высокий и широкоплечий в смокинге, смотрит на меня, пока я улыбаюсь в камеру. Наши темные волосы контрастируют с моим свадебным платьем.

— Дай-ка догадаюсь, твоя сестра близнец? — спросил он.

Я посмотрела на него. Его зеленые глаза, милые и приятные до этого, сузились на мне. Я знала его меньше, чем один день, но я легко могла прочитать перемену в его настроении. Потому что я замужем? Он не должен быть расстроенным, но судя по тому, как он закрылся, скорее всего был. Если так, значит, я не ошиблась и между нами и вправду пробежала искра. Я задумалась, следовало ли мне приглашать его к себе.

Мой смех был вынужденный, неудобный.

— Нет. Это я.

— Ты не упоминала, — он снова посмотрел на фото. — Разведена?

— Нет, — я подняла вверх мою левую руку и пошевелила пальчиками. — Я ношу кольцо.

— Раньше не носила.

— Этим утром? Я была в перчатках. Или ты имеешь в виду после душа?

Он прочистил горло и аккуратно вернул фото на свое место.

— Где он?

Я опять сфокусировалась на нашем обеде.

— Без понятия.

Я не проверяла телефон, с тех пор как помылась. Я забыла. Вполне возможно меня ждало сообщение. Хотя я не знаю, зачем Натан продолжал писать мне, где он. Это маленькое общение, возможно, тоже скоро прекратится.

— Либо проводит время с друзьями, либо в приюте для бездомных, — предположила я. Поняв, как это звучит, быстро добавила. — Раздает еду, я имею в виду.

— Ну, конечно, — пробормотал он. Он вернулся на мою сторону кухни. — Это постановление суда?

Я улыбнулась, хотя и не была уверена, шутил он или нет.

— Нет. Он делает это добровольно раз в месяц, — это был ответ на автомате, но если хорошо подумать, это уже не было правдой. В последнее время Натан работает в приюте каждую неделю.

Нат поступает благородно, оказывая безвозмездную помощь Ассоциации Добрых Семей, молодёжно — ориентированной и неприносящей выгоду, с приютами для бездомных и бесплатными пунктами питания по всему городу. В начале этого года, он отклонил предложение о продвижении по службе до директора по связям с общественностью, спустя несколько дней после того, как мы узнали, что у его отца рак легких. Что касается меня, я ухватилась за первый выпавший мне шанс. Мне предложили повышение несколько месяцев назад, и я в ту же минуту согласилась. Деньги никогда не падали на меня с неба, и я хотела помочь самой себе. Натан тоже не был богачом, но он хотел помогать другим.

Мой сосед сделал глоток пива, в общем-то, пива Натана. Мой муж привёз его домой из Бруклина после тура на пивоварню на этих выходных. Мне пришло на ум, что Натан не хотел бы видеть этого человека на своей кухне, пьющего его пиво. Я прогнала эту мысль. В отличие от меня, Натан более коммуникабельный. Если бы я позволила, мы бы принимали гостей почаще.

— Он всегда куда-то ходит по вечерам в понедельник?

— По понедельникам и средам он ходит в боулинг с друзьями, иногда перед этим в приют.

— И ты остаешься здесь одна?

— Почему бы и нет? Мне нравится быть одной какое-то время. Я читаю книгу или что-нибудь в этом роде, — я не упомянула, что «что-нибудь в этом роде» обычно значит посмотреть Project Runaway или Нетфликс по телевизору. По какой-то причине, мне не хотелось, чтобы он думал, что я домосед.

— Он отсутствует два вечера в неделю? — спросил он.

— Да. И иногда на выходных.

— На выходных? — пауза. — Что ты имеешь в виду?

Я пожала плечами.

— Ну, иногда по субботам он играет в баскетбол.

Его молчание было красноречивым, оно наложило тень на моё хорошее настроение. Мы никогда действительно не обсуждали выходные, Натан и я. Около года назад я где-то прочитала, что отдельные хобби благоприятно влияют на отношения, мы с Натаном всегда были не разлей вода. Натану не нравилась идея проводить даже один вечер отдельно друг от друга. Вот почему я поймала себя на мысли, когда это он стал отсутствовать по выходным регулярно?

— И это работает? — он нарушил ход моих мыслей. — На благо вашего брака?

Я достала две тарелки из шкафчика.

— Да, предполагаю, что да.

— Ты уверена? — он звучал неуверенным. — Вы предпочитаете проводить время отдельно друг от друга...?

Я поставила блюда на стойку и остановилась.

— Когда ты строишь предложение таким образом, нет.

— Как ещё это можно сказать?

— У каждого из нас своя жизнь.

И эти отдельные жизни просочились в области, в которые не следовало. Например, в спальню. Мой муж не прикасался ко мне уже два месяца, и не объяснил мне причину. Когда я спрашиваю, он закрывается, я боюсь давить на него, чтобы не сделать хуже. Но почему он перестал хотеть меня так внезапно, всё изменилось практически в одночасье. Сначала, я убедилась, что следует всё списать на стресс. В отличие от меня или большинства людей, которых я знаю, Натан эмоционально зависим от своей работы. Я никогда не думала, что это продлится так долго. Трудно не принимать это на свой счет, два месяца без секса.

— Что ты делала на этих выходных?

— Вчера Натан ходил на дегустацию пива со своими друзьями. Я ходила в кино с моим братом и племянницей. Натан — это мой муж. Он ненавидит дневные сеансы. Он лучше останется снаружи.

— А ты ненавидишь пивоварню?

— Нет.

— Ты ненавидишь его друзей?

— Нет, — я переложила овощи из казанка на тарелки. Джинджер услышала скрежет лопатки и легла под кухонный стол. — Семейным парам необязательно проводить все время вместе. У каждого может быть своя жизнь.

Он протянул руки, и я передала ему тарелки с едой, он поставил их на стол, открыл ящик, где лежали меню еды на вынос, закрыл его. Столовые приборы он нашел в соседнем ящике.

— А он не будет против, что я здесь?

Я открыла рот, чтобы ответить. Когда разговор заходил о других мужчинах, Натан всегда просто дразнил меня. Я также дразнила его. Многие женщины проявляли к нему интерес даже в моем присутствии. Несмотря на это, я никогда не волновалась.

— Он не ревнивый. Не думаю.

— Ты так не думаешь? — спросил он. — Ты не знаешь?

— Не совсем. Просто я не давала ему повода, — какое-то мгновение мы смотрели друг на друга. Я покраснела. Я никого другого не хотела, только моего мужа. Натан это знал. И я знала, что он хотел только меня, даже если

он не показывал это в последнее время.

— Хорошо, — сказал он. — Если он не будет против, я останусь.

Я вела себя глупо. То, что он был здесь, ничего не значило. Натану понравилось бы прийти домой и встретить там нового соседа нашего возраста. Возможно, он также пригласил бы его куда-нибудь сходить. Я махнула рукой.

— Конечно, ты останешься. Я настаиваю.

Каким-то образом, мы все-таки устроились за столом, сервированным кухонными принадлежностями и салфетками. Я не привыкла сервировать стол для себя. Я даже не была уверена, нравилось ли мне это. Натан любил начать есть, как только заходил в квартиру. Ему все время было мало, чтобы я ни приготовила.

Я налила себе еще вина. Мои плечи расслабились.

— Может еще пива?

— Да, пожалуйста.

Я передала ему бутылку, и дополнила каждое блюдо кинзой и лимонным соком. Он открыл вторую бутылку пива и сел за стол. На мое место. Я рассмеялась, а он удивлённо свёл брови вместе.

— Что такое?

— Это моё место, — поддразнила я. — А ты заявлял, что неплохо меня знаешь.

Его настроение заметно улучшилось. Он застенчиво улыбнулся и встал.

— Я об этом знал. Я просто пытался немного тебя расшевелить, — он жестами указал на то, что было позади меня.

— А ты не устала смотреть на кухню день ото дня? Почему бы тебе не дать шанс гостиней?

Под действием вина я рассмеялась.

— Я не знаю...

— Да ладно тебе, — он снова сел на моё место, теперь уверенный в своём решении. — Тебе просто необходима смена декораций.

— Так уж и необходима? — я села на стул Натана. Странно было сидеть с другой стороны, смотреть на кого-то другого. — Да это же совсем другой мир.

— А мне нравится, — сказал он, взглядываясь в меня. — Лично я могу привыкнуть к этому виду.

Я посмотрела вниз на свою еду. Он флиртовал? Я не могла сказать. Я не могла доверять своим суждениям. Я уже сто лет ни с кем не флиртовала, кроме Натана, и я знала его очень хорошо, я легко могла его возбудить. Это было легко до недавнего времени. Мне просто нужно попробовать ещё.

— Я говорю о кухне, разумеется, — добавил он, его рот изогнулся в улыбке. — Милая комната.

Я почти закатила глаза. Теперь я слышала это в его тоне. Он определенно был игривым.

— Мы вообще кушать будем сегодня?

— Только после вас, — пригласил он. Он подождал, пока я начну есть. Судя по тому, как он работал вилок, еда ему нравилась.

— А, — сказал он, — и завтрак.

Я замерла.

— Извини что?

— Это как я сделал заказ сегодня утром. Я указал на это слово в меню и сказал, «я возьму завтрак».

— Просто... завтрак? И она поняла, что ты имел в виду?

— Возможно, я выглядел голодным, — он съел ещё полную вилку овощей. — Она все поняла.

Я рассмеялась с закрытым ртом. По какой-то причине мне было очень смешно.

— Итак, если бы я к тебе присоединилась, что тогда? Мы бы заказали два завтрака?

Он пожал плечами.

— В следующий раз присоединяйся ко мне, и посмотрим.

— Хорошо, — согласилась я. Я не думала, что это произойдёт в действительности, просто интересно было представить такую ситуацию.

Он огляделся вокруг кухни, жуя.

— У тебя действительно прохладно. Не то, что бы я жаловался.

— Мы не включаем обогреватель до двадцать первого ноября.

Он удивленно поднял брови.

— Это особая дата? Почему не двадцатого? Или двадцать второго?

— Это как традиция.

— Странная традиция.

— Наши друзья тоже так думают, — я откусила кусочек. Курица была сухой. Я подумала, заметил ли он, и постаралась не выглядеть расстроенной. — Это то, что только мы с Натаном можем оценить. Мы провели наши первые три недели здесь без тепла.

— Ты шутишь?

Я улыбнулась моей тарелке, и покачала головой.

— Мы спали на матрасе на полу, пока не привезли нашу кровать.

В нашу первую ночь в квартире, мы занимались любовью на деревянном полу, потом спустились вниз за едой. В том же углу, в котором я стояла сегодня утром, Нат освободил несколько прядей моих волос из-под вязаной шапки и поцеловал каждый миллиметр моего лица. Мы прогулялись по улице и съели яичницу — глазунью, обнимаясь в кабинке закусочной. Я проглотила еду, курица застряла в горле. Теперь, казалось, это было сто лет назад. Последнее время Натан был холоден. Не ко всем — только ко мне. Я все еще пыталась его понять. Я не из любящей семьи. Все, что я знаю о любви и настоящей близости, я узнала благодаря Натану. Неприятно видеть, как он всё больше отдаляется с каждым днём. Он говорил, чтобы я не давала ему слишком много свободного личного пространства. Он всегда говорил, что именно это и разъединило его родителей. Но, мне кажется, что ему оно сейчас необходимо.

— Почему так долго?

Я подняла взгляд. И сразу же стала гадать, присутствовала ли в его глазах жалость. Я села ровнее.

— Ты имеешь в виду, почему мы спали на полу? Мебельный магазин.

— Нет, я имею в виду, почему так долго не чинили обогреватель? Я не собираюсь ждать следующего месяца с этим жарящим чудом. Я хочу прекратить моё хождение к открытому окну каждые двадцать минут, чтобы охладиться.

Я приветствовала смену темы разговора, для меня было лучше погрузиться в чужие проблемы, чем в свои.

— Как ты думаешь, что с ним не так?

— Даже не знаю. Я бы посмотрел, будь у меня инструменты.

— А где они?

— В Гринвич.

Я подождала, пока он объяснит. Вместо этого, он съел огромный кусок курицы. Вспоминая предыдущую тему нашего разговора, я спросила.

— Коннектикут?

Он кивнул. После того, как проглотил, он сказал.

— Я оставил инструменты там, в случае, если понадобится ремонт чего-либо до того, как подпишется договор.

— Ты продаешь там дом?

— Он на попечении у доверенного лица.

Он не совсем добровольно выдавал информацию, но я была любопытна. Это не совсем обычно — переезжать на окраину по своей воле в двадцать лет, а затем неожиданно вернуться.

— Почему ты решил вернуться?

— Я скучал. Я скажу тебе, жизнь в городе довольно трудная, но, во всяком случае, бьющая ключом, не так как в Коннектикуте. Четыре года я мотался туда — сюда между Уолл-стрит и Гринвичем. Это было ужасно скучно.

— Ты работаешь на Уолл-стрит? — я отложила вилку. Мужчины, работающие с финансами, не проводят утро понедельника в футболке и шортах, и они не проводят их в закусочных. Я совершенно уверена, что у них есть дела поважнее.

— Итак, ты переехал, чтобы быть поближе к работе?

— Нет. Я бросил работу.

Я склонила голову набок. Если раньше я была заинтригована, теперь я наблюдала за ним с нескрываемым интересом.

— Ты бросил работу? Так просто?

Он откинулся на спинку стула и промокнул рот салфеткой.

— В общем-то, да.

— Я думала ты говорил, что снова переехал в город из-за работы.

— Это действительно так, но не из-за той работы, — ответил он быстро и уверенно. — Я здесь чтобы предпринять некоторые изменения в карьере. Ты знала, что поездки на работу, которые я совершал, стоят недель моей жизни каждый год?

Я удивленно подняла брови. Но он выглядел серьезным.

— Нет, не знала.

Он кивнул.

— Четыреста восемьдесят часов в год. А это практически три недели. Время — это наш самый ценный ресурс, не так ли? Что ты можешь сделать за эти три недели?

Я сделала глоток вина. Я лучше представляла время, разделенное на отрезки. Восемнадцать лет под родительской крышей в Нью-Джерси. Четыре года учебы в Нью-Йорке. Восемь лет отработала в торговле и в области связей с общественностью. Семь лет с Натаном, пять из них официально. Два месяца как он стал отдаляться. Два месяца я крайне этим озабочена.

Двенадцать часов я знаю этого мужчину, сидящего напротив меня.

— Но ты можешь расслабиться в метро и читать газету по пути на работу, — отметила я. — Или, если ты едешь на машине, послушать радио. Может аудиокнигу.

— Это был не риторический вопрос, — сказал он. — Что ты успела сделать за последние три недели?

Было стыдно, что я никак не могла ничего придумать. Я почувствовала, как мой лоб прорезали морщины. Другой способ измерить время, появление морщин.

— Я обеспечила одному моему клиенту важную статью в New York Magazine. Я закончила одну из книг Игры Престолов. Или посмотрела один из сезонов на канале HBO. Что угодно. Я ходила с племянницей выпрашивать конфеты на Хэллоуин.

— Что еще?

— Это все, что я могу придумать.

— Должно же быть что-то еще. Необязательно что-то грандиозное.

Я перекачивала морковь по тарелке. Я не сделала чего-то, стоившего упоминания за последние три недели. Я была счастлива провести Хэллоуин вместе с Эндрю и Белл. Не считая того, что когда я бывала с Белл, Натан всегда был рядом. Он обожал и баловал ее. Он хотел видеть ее намного чаще. Мне было болезненно осознавать его отсутствие в тот раз. И как я подвела Натана, не дав ему того, чего он хотел. И возможно, никогда не смогу.

— О чем ты задумалась? — спросил он. — Ты выглядишь грустной.

Я посмотрела на него. Его голос был мягким, хотя он не смягчил свои слова. Действительно ли я выгляжу грустной, или он почувствовал это во мне? Даже если бы я попыталась, я бы не смогла объяснить бушующие внутри эмоции. Я толком не знала, как их описать. Неполноценность. Безвыходность. Вот, что происходит, когда мысли заходят туда, куда не следовало. На секунду мне захотелось, чтобы Натан сидел напротив меня. Он знает нашу историю, кроме одной немаловажной детали. Но затем это желание прошло, потому что даже, если бы он был здесь, я все равно не смогла рассказать ему о недостающем паззле, о том, что я от него скрыла.

Я снова попыталась вспомнить о чем-либо, стоящим упоминания, но не смогла.

— Это грустно, — сказала я, — как много времени мы тратим зря.

— Я не спрашивал, как много времени ты тратишь зря. Что сделало тебя счастливой за эти три недели?

— Время, проведенное с моим братом и его дочкой. Он одинок, поэтому ему неоткуда ждать помощи, — Джинджер перевернулась на другой бок на моей ноге. — Мы с Джинджер качественно проводим время. Иногда мне кажется, что она единственная, кто меня понимает.

— По этой причине, я думаю, люди и заводят собак.

— Возможно, — его тарелка была пуста. — В казанке есть еще немного. Почему бы тебе не взять овощи с собой?

— А как же твой муж?

— Он поест в баре в боулинге. Возьми, не придется идти в столовую на ужин.

— Спасибо, — сказал он. — Приятно иметь дружелюбного соседа.

— Главное с этим не слишком переусердствовать, — пошутила я и тут же об этом пожалела.

Моя шутка не была смешной, она могла быть неверно истолкована. Зачем я тогда это сказала, наверное, я выпила слишком много вина. Несмотря на это он рассмеялся, взял свою тарелку. Я отвернулась, чтобы он не видел, как я покраснела. Частично от алкоголя, но в основном из-за моего комментария. Я встала и сложила овощи в пластиковый контейнер.

Он стоял возле раковины, затем включил кран.

— Даже не думай об этом, — сказала я.

— Помыть посуду — это меньшее, что я могу сделать.

— Категорически нет.

Нат не мыл посуду. У нас так было заведено, и мне это нравилось. На кухне я забочусь о нем. В остальном, он заботится обо мне. Готовка, единственная вещь, которую он никогда не попросит прекратить, неважно насколько он расстроен.

— Серьезно, я одна из тех редких птиц, которая любит мыть посуду.

— Тогда, ладно.

Он выключил воду и отошел от раковины, затем остановился прямо передо мной. Мне пришлось отклонить голову немного назад.

— Может мы просто парочка редких птиц?

Мы еще не находились так близко друг к другу. Я все еще ощущала игривость между нами, но я думала, что моя неудачная шутка привела нас на новую территорию. Я с трудом пыталась подобрать подходящий ответ, мне нравилась та легкость, которая была между нами. Я не хотела, чтобы у него сложилось неверное представление.

— Предполагаю, что да.

— Ты не выпрямила волосы.

— Ты... — у меня стало липко во рту. Я облизнула небо. Я могла выпить еще бокал или два. Хотя было уже поздно для гостей. — Тебе не нравится, когда они прямые?

— Мне нравится и так, и так. Мне просто интересно. Давно ты их выпрямляешь?

— С каждым годом все больше. Это ничем не отличается от нанесения макияжа или ношения каблуков.

Большинство женщин красят волосы. Я же их просто выпрямляю.

— Я ни в чем тебя не обвиняю.

— Хорошо, потому что это было бы довольно странно. Ведь я даже не знаю твоего имени.

— Ты хочешь его узнать?

— Нет.

Меня удивил мой ответ, быстрый и холодный. Это простое «нет» было как признание. Знать, как зовут твоего соседа — просто элемент культуры. Отрицать это — значит намного больше. Мне следовало хотеть узнать его имя, и я хотела. Мне хотелось познакомиться с ним поближе. Судя по поднятому уголку его губ, он тоже об этом знал. Какое-то время мы стояли в тишине. Мы находились близко друг к другу. Его тело излучало тепло, такое же тепло излучал и Натан. Шум из коридора заставил меня отойти. Я хотела услышать, как поворачивается ключ Натана в замке, хотя он еще не должен был вернуться домой. Я хотела, чтобы он пришел сейчас, но Джинджер не бросилась ко входной двери.

— Финн, — произнёс он, и я уловила легкий запах пива в его дыхании. — Финн Коэн.

— Понятно.

— А какое у тебя?

— Сэди.

— Сэди, — повторил он.

— Финн, — я протянула ему контейнер. — Вот держи.

Он взял его и отступил на пару шагов.

— Спасибо. Увидимся... Сэди.

Мое сердце билось слишком быстро, я не могла это игнорировать. Он будоражил что-то во мне, что-то, что я вынужденно похоронила месяцы назад. Мне это не нравилось. Мне не нравилось, что это было направлено не на Натана. Я бы пригласила Финна еще выпить, позволила бы границам размыться, а разговору стать более интимным. Я никогда не узнаю, как далеко мы сможем зайти.

Я закрыла за ним дверь.

Натан не делал абсолютно никакого секрета из своего позднего возвращения домой после боулинга. Входная дверь с грохотом захлопнулась. В спальне вспыхнул свет. Сначала мне показалось, что это всего лишь сон. Я села на кровати и потёрла глаза, чтобы взглянуть на часы. Красные цифры отозвались резью в глазах, они показывали два часа ночи.

— Нат?

Он заполнил дверной проём и стоял там, будто забыл, зачем пришёл.

— А?

— Ты разбудил меня.

— Извини.

Он не выглядел и не звучал виновато. Его галстук сбился в клубок в кулаке, пуговицы на воротнике были расстёгнуты. В последнее время он укладывал волосы гладкой волной, как трюфель из тёмного шоколада. По-другому, но мне нравилось. Его причёска практически пережила все его сегодняшние приключения, кроме нескольких упрямых прядей, выбившихся и свисавших на лоб.

Мой муж брюнет с оливковой кожей, его тёмно — каштановые волосы практически того же тона, что и глаза. Но для меня важнее внешности его личностные качества, он добрый и отзывчивый. Но сегодня, с ним творилась какая-то непонятность.

— Где ты был?

— Там, где и всегда по вечерам понедельников.

Всё ещё пытаюсь угадать его настроение, я спрятала своё презрение.

— Да, я знаю. Я имею в виду после.

— Никаких после. Я сразу пошёл домой.

— Ты так набрался в боулинге?

Он потёр переносицу.

— Я устал повторять тебе, это не просто место, где ты катаешь шары. Это... — он вздохнул. — Не важно. Я не набрался. Мы немного выпили. Что в этом плохого?

— Это не плохо. Я когда-нибудь запрещала тебе пойти выпить? — я посмотрела на часы. — Мне кажется уже слишком поздно для вечера понедельника, но...

Он расстроено вскинул руки и пошёл в гардеробную. Галстук и пиджак оказались на полу, до того, как он расстегнул ремень и начал раздеваться. У Натана всегда была классная и крепкая попка. Когда я первый раз его увидела, я устала на него, и только, когда моя подруга Джил позвала меня, я смогла оторвать от него взгляд. Это было ещё до того, как он стал постоянно заниматься. Сейчас он посещает тренажёрный зал четыре раза в неделю, я определённо не единственная женщина, которую радует результат.

— Натан... — учитывая нашу прежнюю активную сексуальную жизнь, мне все ещё было трудно смириться с тем фактом, что мы так долго спим бок о бок, не прикасаясь друг к другу. — Ложись в постель.

— Я ложусь, — сказал он из-за плеча.

— Я говорю сейчас. Прямо сейчас, — я прикусила свою нижнюю губу. Я более явственно ощутила шелковый материал простыни. Который сейчас час для меня уже не имел никакого значения. Два месяца без секса довольно странный срок для молодой пары. Когда прошла неделя, день или два, я даже не задумывалась об этом. Но иногда, из ниоткуда, моё желание просыпалось внутри. Два месяца недостаточный срок, чтобы забыть, как мне было с ним хорошо.

Натан стоял ко мне спиной, снимая свою одежду и бросая её на пол.

— Утром уберу.

Даже пьяный Натан беспокоится о беспорядке. Я никогда не просила его складывать носки в корзину для грязного белья или забирать вещи из химчистки, как поступают многие из моих подруг. Он более опрятный, чем любой из моих знакомых.

— Не важно, — сказала я. — У тебя достаточно костюмов. Ложись спать.

— Я сказал, что лягу.

Мы оба замолчали. Он повернул голову, но смотрел в пол. Я прислонилась к спинке кровати. Меня не волновало, что он выпил в компании друзей. Я наоборот поддерживала его. Он общительный. Я не очень. Когда он счастлив, я тоже. Хотя сегодня он не прислал сообщение и не позвонил. Раньше мы с Натаном были очень близки — виртуально и физически. Раньше он писал мне, чтобы просто сказать привет, или рассказать что-то о событиях своего дня. Он придерживал меня за локоть, когда мы переходили улицу, и оставлял любовные послания в самых неожиданных местах. Он хотел меня в любое время. Мы постоянно были на связи. То, что мы из одной крайности бросились в другую, раздражало. Раньше, когда Натан шёл куда-нибудь со своими друзьями, он делал это с неохотой. Он не хотел, чтобы я страдала от одиночества. Он хотел, чтобы я ходила с ним, и, если я присоединялась, он делал всё возможное, чтобы я хорошо проводила время. Ни один из его друзей не поступал так же, и частично из-за этого я и остаюсь дома два вечера в неделю. Он должен веселиться с друзьями, а не беспокоиться обо мне.

Когда стало понятно, что Натан не собирается извиняться, я нырнула под одеяло и поправила подушку под головой.

— Извини меня за желание переспать со своим мужем.

Он пробурчал что-то себе под нос. Я почувствовала, как закипаю, пытаюсь разгадать его ответ. Мне показалось, он сказал «мне нужен перерыв». Неуместная и банальная отговорка. Ни он, ни я не умеем вести боевые действия. Мы нечасто это делаем. Я должна была в этом преуспеть, учитывая, что мои родители ссорились каждую неделю, когда я была ребёнком, и это продолжается до сих пор. Мой отец начал пить, когда я была совсем маленькой и его несчастье очень скоро просочилось в нашу семью. Моя мать вскоре тоже стала пить. Она была скрытым алкоголиком. Во время драки она убегала в их спальню. А щелчок дверного засова ещё быстрее доводил до крайности моего отца. Когда мой брат подрос, отец начал драться и с ним. Эндрю врывался в мою спальню и запирали дверь, хотя отец никогда не приходил за мной. Эндрю находил меня под кроватью или в моей ванне. Я рисовала, когда была помладше. А когда подросла, слушала музыку или читала журналы, так я уходила от реальности. Брат целовал меня в лоб, затем выбирался через окно и уезжал на своём мотоцикле. Как и моя мать, я пряталась пока отец не успокаивался, что он всегда и делал.

Я отвернулась от Ната и сделала успокоительный вдох. Я не хотела дойти с ним до драки или ссор. Он впечатлительный, а я могла сказать что-нибудь, о чём позже пожалею.

— Выключи свет, пожалуйста, — я сказала ему. — И не прикасайся ко мне сегодня. Или когда-либо ещё, пока я не разрешу тебе.

Я ожидала резкий ответ, может какое-то бормотание, или пассивно-агрессивное отношение. Ничего из этого не последовало. Половица скрипнула. Натан выключил свет, но в постель не лёг. Через несколько секунд я услышала резкий звук голосов в соседней комнате, затем он перешёл в приглушённый шум. Телевизор посылал яркие вспышки света в спальню. Моя сторона матраса прогнулась.

— Ты как чёртова Принцесса на горошине, — Натан сказал мне однажды за завтраком. Мы встречались около месяца или двух и спали в одной постели уже много раз. — Мне пришлось обнимать тебя всю ночь, чтобы ты постоянно не крутилась.

Я улыбнулась и покраснела.

— Откуда ты знаешь, может я притворялась, чтобы ты меня обнимал?

— Ты же знаешь, мне не нужен предлог, чтобы обнять тебя... Принцесса.

— Принцесса? — я спросила удивлённо. Он никогда прежде меня так не называл. — Кто тебе это сказал? Я не Принцесса.

Он ухмыльнулся.

— Тогда ты Горошина.

Шесть месяцев спустя, когда он ласково назвал меня «Горошиной» в третий раз, я перебила его.

— Мне не нравится это прозвище.

— Почему нет? — он спросил серьёзно. — Ты не хочешь быть Горошиной?

— Сморщенным зелёным шариком, который люди только делают вид что любят, а на самом деле ненавидят, — я выпятила нижнюю губу.

Он долго смеялся.

— Да. Это точно. Это ты.

Каждые несколько месяцев, хотя я думала, что он милостиво забыл об этом, он называл меня «Горошиной» совершенно неожиданно.

— Ещё вина, Горошина? — прокричал он в переполненном ресторане, или в другой раз, когда мы были одни. — Моя дорогая Горошина, я уже вынес мусор.

Сегодня, я уставилась в стену, я не могла заснуть. Мои проблемы — это маленькие зелёные овощи под матрасом. Я никак не могла заставить его отделаться от этого дурацкого прозвища, зато теперь я не могла вспомнить, когда он последний раз меня так называл. Это ещё одно дополнение к растущему списку вещей, которые мне следует воспринимать как должное.

Я встала с кровати. Сейчас я хотела не только физической близости с Натаном, но и очень тосковала по нему эмоционально. Это комбинация одиночества. Я остановилась в дверном проёме спальни. Было темно, не считая вспышек света от телевизора, и я знала, что он видел меня с того места, где он лежал на диване в своих боксерах. У меня были приёмы, которые я ещё на нём не испробовала, и сейчас самое время их применить.

Когда он поднял на меня взгляд, я сняла мой немодный топ от пижамы, и затем медленно спустила трусики.

— Натан, — опять начала я. — Пойдём в постель. Ты знаешь, что мне нужно.

Он пристально на меня смотрел. Если он не ответит, я буду умолять. Я уже не выше этого. Натан раньше никогда не давал мне повода сомневаться в его влечении ко мне, и два месяца недостаточно, чтобы уничтожить мою уверенность.

Через мгновение он ответил, его голос был резким.

— Чего ты хочешь?

— Ты знаешь, о чём я, — повторила я. Я пробежалась рукой по груди, спустилась ниже к животу. И ещё ниже, я была готова сделать всё, что угодно. Он плавно поднялся с дивана. На мгновение я подумала о Финне, он сидел здесь всего пару часов назад. Запах пива, когда он произнёс моё имя.

Все эти мысли тут же улетучилось из моей головы, как только Натан направился ко мне. Внезапно, я занервничала при мысли о сексе с собственным мужем. Он остановился прямо передо мной. Единственным звуком было наше дыхание. Я больше не могла ждать. Я стала на носочки и прижала свои губы к его. Наконец он запустил руки мне в волосы и поцеловал. Я обняла его за шею. И он оттаял — прямо в моих руках. Это был Натан, которого я знала, тот, который обожал меня, несмотря на то, что творилось в его голове. На вдохе, он обнял меня за талию и повёл назад в спальню.

— Господи, детка, — произнёс он между бешеными поцелуями. — Ты на вкус такая...

Я простонала.

— Натан.

Он остановился, без предупреждения выпустил меня из рук, как будто моя кожа горела огнём. Я чуть не упала в попытке сохранить равновесие.

— Что такое? — спросила я, восстанавливая дыхание.

Я видела, как он помрачнел. Я не хотела терять его, но он смотрел на меня, будто совсем меня не знал. Тишина становилась все более дискомфортной. Он накрыл мои плечи своими огромными руками и медленно развернул меня.

— Ты уверена?

Я продолжала смотреть вперёд и тяжело сглотнула.

— Уверена... в чём?

Он шагнул вперёд и прижался к моей спине.

— Ты уверена, что готова? — спросил он хрипло в моё ухо. Его жесткая длина упиралась мне в поясницу. А он бесспорно был готов. — Потому что два месяца — это большой срок для воздержания от того, чего хочу я. Я понемногу схожу с ума.

Я кивнула затаив дыхание.

— Я готова. Тебе не нужно сдерживаться.

— Хорошо. Я не буду, — он толкнул меня. Это застало меня врасплох, я упала вперёд на кровать. Я ухватилась за одеяло. Он был так возбуждён, я с трудом его узнавала. Даже голос у него был другой. И мне это чертовски нравилось. Я прямо там, где я хотела быть, в полном распоряжении Натана. Месяцы, наполненные желанием, прошли через меня. Я практически тряслась от предвкушения. Он дотронулся до моего местечка между ног. Я была мокрая. Он был твёрд. Нам не нужна была прелюдия.

— Трахни меня, — потребовала я.

Он убрал руку, её место занял его член. Головкой он надавил на мой вход. Он нагнулся к моей спине и медленно заскользил внутрь. Я повернула голову, чтобы поцеловать его, как раз, когда он вошел в меня. Я вскрикнула, снова уткнувшись лицом в матрас.

— Да, — я простонала, когда он начал двигаться во мне.

— Да? — он тянул меня за волосы, пока я не увидела переднюю спинку кровати. Он брал меня быстро, жадно, стуча кроватью в стену. — Так нравится?

— О, боже, Нат...

Когда он рукой накрыл мне рот и горячо прошептал «ш-ш», у меня по коже мурашки побежали. Он дышал в изгиб между моей выгнутой шеей и плечами. Он ощущался слишком хорошо. Это было так давно. Никто из нас не продержится долго, если он будет надвигаться на меня так стремительно, было в его движениях что-то животное. Я хотела этого. Я хотела взорваться на миллион частей и когда все закончится, чтобы он собрал меня как осколки разбитого стекла и склеил обратно. Его стоны в моё ухо стали громче. Мой собственный оргазм приближался. Он сильно шлёпнул меня по ягодицам. С этой неожиданной острой болью, я сжалась вокруг него.

Он был грубее сегодня, более необузданный. Натан мог заниматься со мной любовью часами, но тот факт, что я все ещё могла заставить его потерять контроль в считанные минуты, превратил меня в желе.

Он усилил хватку в моих волосах.

— Тебе нравится, когда тебя имеют сзади, не так ли, шлюха?

Я прикусила нижнюю губу с резким вздохом. Натан никогда в жизни не называл меня шлюхой. От чистейшего шока, мои мышцы начали сокращаться вокруг него, принимая его глубже.

— Твою мать! — прошипел он сквозь стиснутые зубы.

Ещё два толчка, и я с пылающим лицом кончила, кончила слишком сильно. Более интенсивно, чем считала возможным за такой короткий промежуток времени.

— Кому-то нравится быть шлюшкой, — пробормотал он сверху.

Было ясно, что я получила новое прозвище. У меня не было слов, я чувствовала, каким влажным был его член от меня. Я снова была готова.

— Угу, — я выдохнула.

Он выпрямился, взял в руки мои бёдра и стал направлять меня на себя быстро и жёстко. Ещё один оргазм зарождался во мне. Но до того, как я успела дойти до него, он погрузился глубоко и кончил в меня. Мы оставались в таком положении несколько секунд. Он продолжил свои движения входя и выходя из меня, теперь медленно, неспешно. Он погладил мою поясницу. Мои глаза закрылись от удовольствия. Этот взрыв, давно сдерживаемого оргазма сопровождаемый нежным прикосновением, был истинным блаженством.

Натан вышел из меня. Я подползла к изголовью кровати, он плюхнулся рядом. Мы лежали в темноте часто дыша. Моё тело все ещё гудело. Он был голым, сексуальным. Я никогда не была его маленькой шлюшкой, и после семи лет проведённых вместе, такой сюрприз в спальне меня очень возбудил. С другой стороны, это также могло быть сигналом тревоги. Почему он меня так назвал? Неужели он хочет шлюху? Следует ли мне его об этом спросить? Я подождала несколько секунд, полагая, что он начнёт говорить.

— Нат...?

Он только хмыкнул. Его дыхание выровнялось. Я поняла — уже поздно, и он действительно много выпил. Это было не самое лучшее время для серьёзных разговоров. В любую другую ночь, я могла бы прокатиться на этой причудливой волне. Могла бы побыть для него плохой девочкой. Но учитывая тот факт, что в последнее время он вёл себя по-другому, я не уверена, что был повод для беспокойства.

Я забралась под одеяло. Может, чары разрушены и сегодня был победный прорыв, и завтра всё уже будет другим. Я зарылась головой в подушку и отпустила все тревоги, выдохнув. Даже если ничего действительно не изменится, я цеплялась за надежду, что завтра станет для нас новым началом.

4

Следующим утром Натан проснулся раньше меня. Я дотронулась до моих волос, спутанных от его пальцев. Сегодня я хотела быть обновлённой, как чистый лист, как будто последних двух месяцев и не бывало. Я даже не буду пытаться узнать у него, что это было, не прямо сейчас. Замужество — это дело нелёгкое. Каждый проходит через ухабистые участки. Я встала и надела халат. Его сторона кровати выглядела не потревоженной. Я нашла его на кухне, уже принявшего душ и одетого. Когда мы были моложе, я с трудом заставляла его надеть костюм. Сейчас он носит их каждый день всю неделю, я нахожу его повзрослевшим и сексуальным.

— Доброе утро.

Он стоял ко мне спиной. Он прочистил горло.

— Привет.

Моя кружка ждала меня на стойке, как обычно каждое утро. Не важно, в каком он был настроении, Натан был достаточно умным и никогда не сокращал моё употребление кофеина. Я выбрала вопрос, который бы способствовал продолжению разговора.

— Как ты себя чувствуешь?

— Я вчера слишком много выпил, — прозвучало как извинение, но за что? За неприятный разговор или за то, что переспал со мной? Я ненавидела, что не могла об этом спросить. Ведь так долго он был для меня открытой книгой.

Я облокотилась плечом на дверной проём.

— Хорошо провёл время?

— В боулинге? Не совсем, — он посмотрел на меня поверх своего плеча и открыл рот, будто хотел начать энергично рассказывать, как глупо ведут себя его друзья, когда напьются. Я слышала это и раньше. Вместо этого он сказал. — Было весело.

— Ты перебрался на диван прошлой ночью?

— Нет. Почему ты так решила?

— Твоя сторона кровати заправлена.

— Это то, что получаешь, выйдя замуж за «чистюлю». Я практически застелил её с тобой внутри.

Я слегка улыбнулась. Он передал мне кофе и достал из холодильника молоко. Зарывая дверцу, он замер на мгновение и снова посмотрел внутрь.

— Ты пила пиво вчера вечером?

Я сделала глоток из кружки. У него не возникли бы сомнения, если бы я сказала «да», но почему я должна была лгать? Наш сосед заходил на ужин. Наш сосед, чьё имя я не хотела знать, и который был действительно чертовски привлекательным, заходил к нам на ужин, во избежание второго похода в закусочную за один день. Хотя, если бы я была на его месте, не уверена, что смогла бы его понять. Натан нравится женщинам, его мальчишеское обаяние и заразительную улыбку заметила бы даже слепая. Если бы он пригласил кого-то в моё отсутствие, мне бы это не понравилось. Не то чтобы он мог выгнать моего гостя. Я была вежливой, Натан поступил бы также.

— И вино? — спросил Натан, взяв наполовину пустую бутылку Пино Нуар с полки кухонного шкафчика. — Мне следует начать волноваться?

— Кое-кто приходил, — сказала я.

— Кто? Джил? Она ненавидит пиво.

— Нет. У нас новый сосед в 6А, наконец-то кто-то нашего возраста, — я сделала ещё пару глотков кофе. Натан встретился со мной взглядом поверх кружки. — Он ещё не распаковал кухню, поэтому я пригласила его на ужин.

— Его?

— Да. Ничего страшного?

Он медленно поставил вино на место.

— Конечно. Все нормально, — Натан закрыл шкафчик, и я практически слышала, как он переваривал услышанное.

— Что? — подсказала с любопытством я. Вообще-то я нечасто говорила что-либо о других мужчинах, поэтому также редко видела его реакцию на это.

— Ты готовила для него? — спросил он.

Ага. Натан и его еда. Он всегда ест с удовольствием то, что я готовлю для него с любовью. Это единственное, что осталось от наших прежних отношений, то, что мы не потеряли. Я немного придвинулась к нему, чтобы воспользоваться шансом и успокоить его.

— Я плохо себя чувствовала, — сказала, пожимая плечами. — Его обогреватель или что-то в этом роде сломалось, и он не мог его выключить. По всей видимости, он не переносит жару.

— Хм. Да, не удалось нам вчера созвониться.

— Похоже на то.

Он рассмеялся своим мыслям.

— Всё также как у нас, только наоборот. Чувак должен быть благодарен, что у него тепло.

— Я так и сказала, — с крошечной долей сомнения я обернула свои руки вокруг его талии.

Она ни в малейшей степени не была мягкой — он посвящает еженедельные тренировки в тренажерном зале мышцам пресса. Я почувствовала запах его лосьона после бритья. Однако присутствовал ещё и новый тонкий аромат. Наверное, от геля для волос, который поселился в ванной пару недель назад.

— Я тоже об этом подумала. Слава богу, я спала рядом с горячим парнем. Помнишь, как было холодно?

— Не совсем, — сказал он. — Я был слишком счастлив, чтобы это заметить.

Я подняла взгляд на него. С этого ракурса, я отчётливо видела круги у него под глазами. Морщины вокруг сдвинутых бровей. У меня защемило что-то внутри, я знала, его вчера что-то гложило. Возможно, приближающаяся смерть его отца. Возможно, что-то связанное со мной.

— Наше первое гнёздышко, — сказал он. — Мы были такими счастливыми.

— Мы и сейчас счастливы, любимый. Это было замечательное время, но я и сейчас также счастлива, — возможно, у нас сейчас непростой период, но это не повод перечеркнуть последние семь лет. — А ты разве нет?

— Просто эта квартира слишком тесная, — я почувствовала, как его тело напряглось. — Было бы замечательно иметь побольше места.

— Ты так думаешь? Я думаю, будет сложно найти что-то побольше за эти же деньги.

— На Манхэттене, да.

— Да, — повторила я, — а где же ещё?

— Я не знаю, — он посмотрел на часы. — Мне нужно идти. Сможешь выгулять Джинджер?

Джинджер уже сидела возле входной двери, готовая к утренней прогулке. Натан начал эту традицию, когда она была ещё щенком. Раньше это была хорошая причина, чтобы выкурить сигарету. Хотя несколько лет назад он бросил, так как курение вредит репродуктивной функции. Но они с Джинджер продолжали гулять по утрам.

Я вздохнула.

— Похоже, это входит в привычку, — сказала я, так как вчера было то же самое, — мне нужно знать, чтобы вставать на пару минут раньше.

— Я выгуливал её практически каждое утро последние четыре года, не высказывая недовольства, — он попытался отстраниться, но я ему не дала такой возможности. Ссора это была или нет, но я ещё не закончила. — Я всего лишь пару раз попросил тебя с ней погулять.

— Но ведь тебе это нравилось. Ты даже шутил, что она единственная представительница женского пола, с которой у тебя было больше свиданий, чем со мной.

Он напрягся.

— Сэди, мне нужно идти.

— Хорошо, хорошо. Я просто хотела постоять с тобой минутку и сказать, что сильно люблю.

— Сэди, не могла бы ты... — он оттолкнул моё плечо, немного сильнее, чем собирался. Я, спотыкаясь, отошла назад. Он развернулся и облокотился на раковину. — Мне кажется, меня сейчас стошнит.

Я была потрясена, тем, что он оттолкнул меня, но когда он объяснил, потрясение исчезло. За всё время, что я его знаю. Его рвало всего пару раз. Я дотронулась до его спины.

— Любимый?

Он несколько раз глубоко вздохнул.

— Погоди. Это пройдёт.

Когда я увидела, что это не серьёзно, я перестала бороться с улыбкой.

— Ну как, — я поддразнила, — ты не пострадал?

Он покачал головой, его пальцы побелели. Я пробежалась рукой по его спине.

— Позвони на работу. У тебя там накопилось море дней для больничного. Ты их никогда не использовал.

— Я берегу их, на случай если что-то случится с отцом. Я буду ему нужен, — он повернулся ко мне, держась рукой за живот. — После работы забегу к соседу и посмотрю, что там с обогревателем.

Раньше мы больше разговаривали с Натаном о болезни его отца. Сейчас же я не спрашивала, как у него дела, Натан тоже ничего не рассказывал. Мы плавно сменили тему разговора.

— Ты, правда, сделаешь это? — спросила я. После того, как мы провели три недели без отопления, Нат теперь мог починить в квартире всё, что угодно.

— Конечно.

— Это замечательно, дорогой.

Я засомневалась. Несмотря на то, что я думала, Натану понравится Финн, всегда существует вероятность того, что дружелюбный сосед может вторгнуться в наше личное время.

— Хотя это не совсем наша проблема.

— Соседи должны выручать друг друга, — он хотел обойти меня, но я задержала его.

— Извини за пиво, — сказала я, — может мне съездить на Бруклинскую пивоварню и купить новую упаковку?

— Не валяй дурака. Пиво для того и покупают, чтобы пить, — он наморщил нос. — Пить? Выпивать? Не столь важно.

Я немного посмеялась.

— Я возьму то, что осталось от ужина, что бы никуда не спускаться на ланч.

— Ой, — я почесала за ухом, — к сожалению, ничего не осталось. Извини.

Он просто кивнул.

— Ничего страшного.

— Я погуляю с Джинджер, — сказала я, чтобы утешить его.

— Хорошо.

Я не сдвинулась, чтобы дать ему пройти. Сейчас физически мы были близки, и мне хотелось, чтобы он меня поцеловал. В этом не было ничего удивительного, что жена хочет поцелуй от мужа.

— Я... — он положил руку мне на плечо и чмокнул в лоб. — Я попытаюсь быть дома к ужину.

Натан был очень предан своей работе, поэтому не уходил с работы раньше пяти. Я хотела спросить, что он имел в виду. И моя, и его работа отнимали достаточно много времени, но я приняла за правило готовить для него ужин, когда знала, что он будет дома. Я отошла в сторону. Он вышел из комнаты. Я хотела ещё что-то сказать, но не знала что. Вроде бы наши дела понемногу налаживались, и после прошлой ночи у нас снова появилась связь.

Я пошла к входной двери, где он надевал пальто. Он поцеловал Джинджер, как и меня, в лоб. Была ещё одна вещь, которая могла растопить его сердце.

— Белл меня убьёт, — сказала я.

Он взглянул на меня удивлённо.

— Белл? Почему?

Бинго. Моё пальто висело возле двери. Я достала из кармана очень маленького размера Сникерс.

— Я почти забыла передать тебе от неё вот это.

Он взял её.

— Шоколадка? Она ходила собирать конфеты на Хэллоуин?

Я кивнула.

— Она сказала, что эта любимая у дяди Ната. Я пыталась сказать ей, что ты любишь Твикс, но...

— Я ненавижу Твикс.

Я посмотрела на него. Враждебность в его голосе обезоруживала.

— Я знаю, Натан. Я просто дразню тебя.

— А. Да. Спасибо, — он поправил галстук, — увидимся вечером.

— Твой галстук. Теперь он завязан криво, — я приблизилась к нему.

— Все нормально, — сказал он, отступая назад, — поправлю в метро.

Он ушёл, а я ещё какое-то время стояла одна. Моё сердце билось под кожей, к которой Натан не притронулся — мои плечи, которые он не притянул ближе к себе, мои оставшиеся без поцелуя губы. Джинджер начала скулить на дверь, за которой только что исчез Натан. Каждый день она не хочет оставаться одна. Каждый день её ждёт разочарование.

???

Позже, когда я пыталась одеть блузку, я вспомнила о сваленной в кучу прошлой ночью одежде Натана. Я подняла её и разложила в уже доверху набитый мешок для химчистки. Его серый в клеточку галстук был моим рождественским подарком пару лет назад, купленным на мою первую премию. Он знал, сколько он стоил, поэтому я была удивлена, увидев его измятым на верху груды одежды. Я расправила его, пропуская шёлк сквозь пальцы. На самом краю я увидела красное пятно.

Моё сердце замерло, прежде чем я успела оформить какую-либо мысль. Я поднесла ткань поближе к лицу и присмотрелась повнимательнее. Оно не бросалось в глаза, его можно было и не заметить. Я потёрла его большим пальцем, но оно уже глубоко въелось. Помада?

У меня в горле образовался комок. Нет. Мой Натан никогда бы не позволил другой женщине оставлять следы своей помады на его галстуке. Мой Натан уважает, то, что у нас есть. Уважает меня. У нас было достаточно разговоров о неверности наших друзей за эти годы. Иногда возникают порывы, и это естественно. Искушения не избежать. Я бы не волновалась, если бы Натан с кем-то флиртовал, хотя это ему и не свойственно. Когда мы куда-нибудь выходили вместе, он даже не смотрел на других женщин. И, если бы он захотел отношений с кем-то другим, предполагалось, что он придёт ко мне, и мы всё обсудим. К этому разумному и здравомыслящему решению мы пришли вместе.

Мокрый нос Джинджер напротив моей штанины напомнил мне о том, что её пора выгуливать. И я могу опоздать на работу, если так и буду медлить. Я затолкала галстук в мешок, но я не думала, что с такой же лёгкостью смогу спрятать и похоронить мысль о пятне в моей голове. Хотя в душе я знала, что мой Натан никогда бы мне не изменил. Но я не видела моего Натана уже несколько месяцев.

Как я и предполагала, пятно от помады на галстук Натана прочно засело в моей голове на весь день, я не могла забыть о нём даже ненадолго. В результате, я оказалась возле мешка с вещами для прачечной, как только вернулась домой после работы, и пыталась решить, что же делать дальше.

Доверие на самом деле не являлось проблемой в нашей семье. Тем не менее после пяти лет брака поведение Натана стало непредсказуемым очень внезапно. Он отдалился как физически, так и эмоционально. У него произошли едва уловимые изменения во внешности, он укладывал волосы по-другому, проводил больше времени в тренажёрном зале. И как бы я не хотела делать вид, что наш брак идеален, он дал весомую трещину. Я не могла винить его в том, что он отдалился.

Натан делал для меня всё, а взамен просил очень мало. Хотя было одно единственное, чего он действительно хотел, и никак не успокаивался. И, когда я захотела этого также сильно, как и он, то тяжесть разочарования, которая легла на мои плечи была неподъёмной. После семи месяцев попыток забеременеть — семи месяцев огорчений каждый раз, когда у меня начинался цикл — я вернулась к противозачаточным таблеткам. Это было предложение Натана. Наблюдать за тем, через что я прошла, было тяжело и для него. Он думал, что это временно.

— Мы попытаемся позже, — сказал он мне. — Нет причин, по которым это должно произойти именно сейчас.

Но чем больше я об этом думаю сейчас, тем меньше я могу представить себе, что смогу пройти через этот болезненный путь снова. Дети, возможно, не появятся в нашем будущем из-за решений, принятых мною в прошлом. Если я заставлю себя, то смирюсь с этим. А вот сможет ли Натан?

Возможно, нет. Возможно, последние несколько месяцев он готовил себя к тому, что я не могу дать ему то, чего он действительно хочет.

Я подошла к мешку для химчистки и достала его галстук. Пятно было маленьким, практически незаметным. Было два возможных исхода, реши я спросить у него об этом.

Первый — он невиновен, и я просто ещё больше увеличу пропасть между нами, высказав необоснованные обвинения. Достаточно ли у меня оснований, чтобы делать такие радикальные выводы?

Второй — у Натана был секс с другой женщиной. Эта мысль завязала в узел мой желудок, лишив меня возможности дышать. Это было слишком неожиданно. Слишком внезапно. Ни один муж не может измениться от любящего до бессердечного за такой короткий промежуток времени.

Я разозлилась. Вся ситуация выглядела как глупое клише. Если бы Натан собрался мне изменить, он бы подошел к этому более творчески. Хотя бы предпринял минимальные попытки скрыть это.

Я перекинула мешок через плечо. Я не видела никакой пользы в поднятии этой проблемы на поверхность. Мое доверие ему намного сильнее, какого-то крошечного пятна. Джинджер прошла за мной к входной двери, где я взяла её на поводок, и надела пальто. С Джинджер и мешком для химчистки на буксире, я прошла по коридору к лифту.

Как только я вошла в лифт, я услышала.

— Придержите, пожалуйста.

Я поймала двери, остановив их и не дав им закрыться. Его голос не должен был быть таким знакомым, после одного лишь дня его жизни здесь, но я знала, что этот голос принадлежит жильцу из 6А.

Финн раздвинул двери лифта. Джинджер поприветствовала его, виляя хвостом. Он взъерошил шерсть на её голове.

— Привет, — сказала я.

— И снова здравствуй.

Это напомнило мне нашу первую встречу, тогда он сказал тоже самое.

— Ключи? — спросила я.

Он похлопал по карману и кивнул.

— К этим автоматически закрывающимся дверям нужно привыкнуть.

— Борись с ними, как можешь, и рано или поздно ты их закроешь.

— Хорошо иметь классную соседку, — он ухмыльнулся. — Куда это вы направляетесь, прекрасные леди?

Я пожала плечами и попыталась не покраснеть от его приятных слов.

— Всё как обычно. Дефекация на публике, обнюхивание поп, и всё в этом роде.

Он рассмеялся.

— Надеюсь, ты говоришь о Джинджер.

— Да, всё веселье достанется ей, — я указала ему на мешок за моей спиной, — а я завязла в домашних хлопотах.

— В химчистку?

— Угу.

— Она возле Home Depot [1]? — спросил он. — Мне туда. Я провожу тебя.

Со звонком двери лифта открылись.

— Спасибо.

— Твой муж не возражал, что я выпил его пиво? — спросил он, пока мы выходили на улицу.

— Напомни, как его зовут?

— Натан. И нет, нисколько. Он был рад поделиться.

Разве пригласить другого мужчину в свою квартиру хуже, чем потенциальное пятно от помады? Если так, почему Натан не беспокоился? Он казался более обеспокоенным тем, что еды не осталось.

— Похоже он хороший парень.

Громоздкая сумка была как барьер между нами. Хороший парень. Это точное определение для моего мужа. По какой-то причине мне очень хотелось достать галстук и показать его Финну. Узнать мужское мнение. Спросить, как классная жена может справиться с этим, не сделав ещё хуже. Я не знаю почему, но Финн тоже казался хорошим парнем, и этот хороший парень был бы шокирован, узнав о флиртующем муже дружелюбной соседки.

«Как кто-то может изменить такой как ты?» он бы ответил. «Я бы убил, ради возможности иметь кого-то готовящего мне ужин каждый вечер. Особенно, если бы этим кем-то была ты.»

Я разыграла миллион сценариев дальнейшего развития событий. Разве Финна будет волновать, что Натан мне неверен? Неверен. Эта мысль звучала нелепо. Натан — золотой муж.

— Я хотел спросить, — сказал Финн, пока мы переходили улицу, Джинджер бежала рядом со мной, — может, ты порекомендуешь мне какой-нибудь тренажёрный зал неподалёку?

— Мы ходим в New York Sports Club, — у Натана есть тренер, который пытается меня записать каждый раз, когда я туда захожу, что случается не очень часто, а в последнее время совсем редко. — Он находится на 23-й.

— Круто, — сказал Финн восторженно. — Я посещал его, когда был моложе. Учитывая всё, что произошло, занятия в тренажёрном зале были первым, что я забросил. Нужно навёрстывать упущенное.

Я искоса посмотрела на него. Он до сих пор не побрился и был наспех одет. Осмелев от осознания того, что я несла испачканный галстук Натана, я разрешила своим глазам посмотреть туда, куда действительно хотелось: на его скульптурные плечи, на бицепсы, плотно обтянутые свитером, на его закатанные рукава, которые обнажали мускулистые предплечья. В такой ситуации обычно я бы прикусила язык, но сейчас мне было любопытно, утруждает ли Натан прикусить свой.

— Честно говоря, ты выглядишь так, будто не пропустил ни дня.

Моё лицо покраснело. Я смотрела вниз на тротуар. Может, это было в моём воображении, но мне показалось, что Джинджер покачала головой. Я не могла поверить, что произнесла это вслух. Мне нравились другие мужчины и раньше, но когда я слышала, что вслух сказала про Финна, это уже не звучало как ничего не значащий флирт. И, честно говоря, мне не хотелось забрать свои слова обратно.

— Спасибо, — Финн почесал живот. А я не могла не вообразить там не менее шести кубиков пресса. — Но обычно я в лучшей форме.

Он был в прекрасной форме.

— Можешь дурачить меня и дальше, — сказала я.

— Возможно, переезд помог.

— Тебе нужна помощь? — спросила я. Мне было трудно представить его, декорирующего квартиру. — С мелочами, я имею в виду. Сделать квартиру обжитой. У меня это хорошо получается.

— Да, возможно.

Я подумала, а не пересекла ли я френдзону. Я была в этом новичком. Единственные представители противоположного пола, с которыми я общалась, были либо мужья моих подруг, либо друзья моего мужа. Никто из них даже близко не сравнится с внешностью Финна или Натана. Значит ли это, что мы не должны быть друзьями?

Мне нужно было ослабить растущее напряжение, поэтому я выбрала безопасную смену темы.

— И чем ты занимался на Уолл-стрит?

До того, как он успел ответить, Джинджер ринулась за белкой и вырвала поводок из моей руки.

— Джиндж.

Финн сорвался с места. За несколько секунд догнал её и схватил поводок. С искренним смехом, он сел на корточки и почесал у неё за ушами. Она всё ещё была в полной боевой готовности с белкой на прицеле, но потом села и лизнула его в щёку.

— Эта белка у меня в долгу.

— Я под впечатлением, — сказала я, улыбаясь. — Возможно ты в лучшей форме, чем утверждал.

Он встал и вернулся с ней ко мне.

— Возможно, но также возможно я супергерой под прикрытием, летающий со скоростью пули.

— Звучит правдоподобно, — поддразнила я. Я подошла, чтобы взять поводок Джинджер, но он оставил его у себя в руке. Я поправила мешок для химчистки, и мы продолжили наш путь.

Тротуар был усыпан опавшей листвой, зелёной, оранжевой, коричневой. На пёстром сером асфальте это смотрелось прекрасно.

— Итак, мы говорили о... — сказала я.

Он быстро на меня взглянул, будто забыл о моём существовании.

— Да, о моей работе. Я работал с банковскими инвестициями. Это скучно, — он шаркнул ногами по земле, — эта часть моей жизни закончена. Я хочу заняться чем-то новым. Чем-то значимым.

— Есть какие-нибудь идеи?

— Мне всегда нравилось фотографировать. Это моя мечта. Я знаю основы графического дизайна, для, например, веб-сайтов или логотипов. Мне нужно больше опыта, но суть ты поняла.

— Не совсем. Я не творческий человек.

— В каждом есть что-то творческое.

— Не во мне. Я попробовала себя в гончарном искусстве, игре на пианино, рисовании и так далее. Даже в танцевальных занятиях, где просто нужно всё повторять за учителем, я была как рыба, выброшенная на берег, не в обиду рыбам сказано.

Уголок его губ приподнялся, и одна глубокая ямочка на щеке улыбалась мне.

— Ты сказала, что неплоха в декорировании. И ты готовишь.

— Спасибо советам и рецептам из Pinterest.

— Всегда? И ты в точности им следуешь?

— В начале — да, — я пожала плечами. Я поняла, что не совсем следовала рецептам в последнее время. — Думаю, ты прав. Чем больше я учусь, тем более опытной становлюсь.

— Это уже что-то. Я люблю готовить, так же как математику. Но я считаю, что и там, и там есть выражение творчества.

— Даже в математике?

— Конечно.

Мы дошли до угла и повернули, продолжая идти по направлению к строительному магазину и химчистке.

— Ты когда-нибудь останавливалась и задумывалась о своей жизни?

Я посмотрела на него.

— Это довольно абстрактный вопрос.

— Вообще-то нет. Так что?

— Ты не мог бы пояснить.

— Например, ты не спрашивала себя, как я докатилась до такой жизни?

Мне не пришлось долго думать, чтобы ответить. Другие задумываются об этом. Даже Натан мог спросить, о чём-то таком, но не я. Я считаю, каждый человек несёт ответственность за то, как сложится его жизнь.

— Честно говоря, нет. Например, у меня хорошо оплачиваемая работа, но я оставляю её в офисе каждый вечер. Это мой выбор. Натан напротив, хочет, чтобы работа бросала ему вызов.

Иногда он приносит работу домой.

— Но это то, что ты рисовала в своём воображении?

— Полагаю, что да. Я была просто счастлива возможности закончить университет. Хотя могла просто никуда не поступать, как мой брат. У моих родителей не было на это денег, — деньги бы были, если родители не растранижили их ещё в моём детстве. — Но я взяла это на себя и отучилась.

Он нахмурил брови.

— А ты не думаешь, что было что-то ещё? Удача? Судьба?

— Я не верю в судьбу, но, конечно, удача сопутствовала мне.

Он медленно кивнул.

— Я верю в силу вселенной. Мне кажется это здорово, знать, что кто-то приглядывает за тобой.

— Это не так, — сказала я и быстро добавила, когда он удивился. — По крайней мере, для меня. Я не могу говорить, кому и во что верить.

— И ты примеряешь эту мрачную точку зрения на всё в своей жизни?

Я со смешком согласилась.

— Я просто реалистка. Я имею в виду, когда я встретила Натана, я практически услышала щелчок, как будто ты вставил две батарейки в пульт управления, — я глуповато улыбнулась, — две сексуальные батарейки. Суть в том, что у нас были схожие происхождение и интересы, поэтому для нас быть вместе имело смысл.

— Понимаю, — кивнул он. — И что же это тогда?

— Я сама творец своей судьбы. Если мне что-то не нравится в моей жизни, я стараюсь это изменить.

— Хм, — он почесал подбородок, пока обдумывал это. — Это может доставлять трудности в супружеской жизни?

— Какие?

— Что если тебе что-то не нравится в вашей совместной жизни, а его всё устраивает? Что если ваши взгляды не совпадают?

— У нас нет таких проблем, — сказала я. А в голове, я знала, что это абсолютная правда.

Невозможно во всём сходить в мнении и глобальные жизненные решения не исключения. Я прогнала эти мысли. — И до того, как ты скажешь, что я счастливица, потому что другие так сказали, это не верно. Я вышла замуж за моего мужа, потому что мы хорошо ладим. Это решение было таким же, как и любое моё другое, — потому что могу представить Натана настоящим романтиком, и, раздражаясь, я добавила. — Удачей было наше сильное притяжение.

— Было? — в его голосе прозвучал крошечный намёк на надежду. Я подавила его.

— Есть. До сих пор есть.

— Да, — сказал он с лёгким вздохом, — звучит прекрасно.

Я улыбнулась, несмотря на то, что я смотрела под ноги. Это не первый раз, когда я слышу нечто подобное про наши отношения, но это всегда волнительно. Потому, что пока я росла, я наблюдала, как мои родители не просто разлюбили друг друга, а, в конечном итоге, стали ненавидеть друг друга. Поэтому иметь прекрасный брак для меня не маленькая победа.

— Хорошо, я попала на наживку. Почему-то мне кажется, что этот разговор не обо мне. Ты когда-нибудь задумывался, как ты докатился до такой жизни, Финн?

Его улыбка была коварной.

— Иногда. Когда я был моложе, я хотел стать фотографом из National Geographic, а в свободное время снимать свадьбы и семейные портреты, ради удовольствия, — он рассмеялся. — Я собирался совместить очертания природы с чаепитием при свечах и белым кружевом.

— Это не так уж и невозможно.

— Поверь мне, я уже снимал свадьбу. Это не имело ничего общего с удовольствием.

— Я имела в виду, ещё не поздно построить карьеру на том, в чём ты заинтересован. Что тебе нравится снимать?

Он рассеянно наматывал поводок Джинджер на руку.

— Всё. Незнакомцев. Пейзажи. Хотя иногда это тоже может вызывать скуку.

— Я тоже так думаю. По крайней мере, те, что я видела.

— Если я закончу с переездом, на этой неделе можно будет выбраться куда-то и поснимать, — сказал он практически самому себе. — Мне было трудно найти объекты для съёмки в Коннектикуте. Та свадьба, о которой я упоминал, на ней люди либо много платили, чтобы стереть их лица, либо избегали попадания в камеру. Через некоторое время, я перестал стараться.

— В этом городе таких проблем не будет.

— Не — а. Как я уже говорил, работа — это причина, по которой я вернулся, — он посмотрел на меня и его взгляд задержался на мне. — Теперь я чувствую себя более вдохновлённым.

Я тут же посмотрела вперёд. Он определённо флиртовал. Я запустила свою руку под плащ и почесала ключицу.

— Могу я взглянуть на твои работы?

— Мне бы этого хотелось, — он внезапно остановился.

Я снова взглянула на него.

— Что случилось? Ты опять забыл бумажник? Потому, что если это так, это уже немного подозрительно.

Он улыбнулся.

— Это случайно не химчистка?

Я посмотрела наверх.

— Ой, ты можешь побыть с Джинджер? Я на минутку.

Он кивнул, указывая на поводок в его руке.

— Я держу её.

В очереди передо мной был только один человек. Жужжание флуоресцентных ламп способствовало обнаружению подозрительных пятен. Я посмотрела на улицу через стеклянную дверь. Финн и Джинджер резко оказались в фокусе. У меня появилось внезапное чувство, что мы уже здесь были. Как будто Финн и я уже находились в таком же месте в альтернативной вселенной. Дежавю появилось очень быстро, но задержалось. Пока я пыталась это осознать, зазвонил мой телефон. Я ответила, это был Натан.

— Привет.

— Что случилось?

После паузы он сказал.

— Ничего. Чем занимаешься?

Я зажала нижнюю губу между зубами. Раньше он постоянно звонил просто так, с тех пор, казалось, прошла целая вечность.

— Я в химчистке. А ты?

— Всё ещё на работе, немного задержался. Я просто... Хотел позвонить тебе.

Я улыбнулась.

— Я очень рада, что ты позвонил, — у двери зазвонил колокольчик, когда другой посетитель выходил.

— Здравствуйте. Фамилия? — меня звали к конторке.

— Подошла моя очередь, — я сказала Натану.

— Хорошо. Пока.

Он так быстро положил трубку, что это застало меня врасплох, и я ещё раз взглянула на экран.

— Ваша фамилия? — требовала Чин-Мэ. Она обслуживала меня ещё со времён колледжа, но всё равно каждый раз спрашивала мою фамилию.

— Хант, — я подошла поближе и положила мешок между нами. Когда я достала галстук, ощущение теплоты от звонка Натана испарилось. Я показала галстук Чин-Мэ и указала на пятно. — Что это? — спросила я.

Она кивнула и наклеила туда красную наклейку.

— Хорошо.

— Вы знаете, что это? — я указала на мои губы. — Помада?

Она мимоходом взглянула и указала пальцем на пятно.

— Хорошо. Нет проблем.

Я нахмурилась. Мы обычно не обсуждали такие вещи. Согласилась ли она, что это помада? Я посмотрела на её лицо, что бы это понять. Было ясно, что она не осознавала важность происхождения этого пятна.

Я оставила нашу одежду и сложила мешок. Финн ждал меня с Джинджер, как будто они моя семья. До сих пор наше общение было лёгким. Возможно слишком лёгким. Почему-то мне легко было представить, как я выхожу на улицу и обнимаю его рукой за талию. Я выбросила эту мысль из головы.

— Давай перейдём здесь, — сказал он, когда я вышла.

— Но Home Depot находится на этой стороне.

Он кивнул.

— Я знаю, просто на той стороне есть классная кофейня. Я угощаю.

— Спасибо. Но я предпочитаю не употреблять кофеин так поздно.

— Может десерт? Чай? Мне нравится эта кофейня, Quench Coffee.

— Я всего — то была там сотню раз. У них лучшая выпечка. Особенно...

— Круассан с тёмным шоколадом и фисташкой?

— О, господи, — я выпрямилась. — Да ради него можно умереть.

— Это точно. Я могу умереть прямо сейчас, если не отведаю его.

Я рассмеялась его серьёзному тону.

— Каждое утро я хожу к ним за кофе. Они меня знают.

— Уверена, что ничего не хочешь?

Я отрицательно покачала головой.

— Мы с Джинджер можем подождать тебя здесь.

— Хорошо, — сказал он с намёком на неодобрение.

Мы с Джинджер стояли на тротуаре перед Home Depot, а Финн зашёл внутрь. За пять минут его отсутствия, я испытала целую гамму эмоций. Это было странное интимное событие с мужчиной, который не был моим мужем. Но чувство вины испарилось, когда я вспомнила о галстукке, который был моим подарком. Я хотела поговорить лицом к лицу с Натаном. Не только об этом, но и о его отстранённости, которая длится уже несколько месяцев. Интересно, это кто-то с работы? Думает ли он о ней, когда он со мной? Перешёл ли он черту? Мой желудок сжался. Я не хотела придирааться к нему. А что, если это просто увлечение или флирт, это не повод для ревности.

Это не хуже того, что я сейчас нахожусь с Финном.

Что я вообще здесь делаю?

Я поискала глазами Финна через стекло витрины, но не увидела его. Мои волосы оказались под порывом ветра, и мне захотелось пройтись по ним расчёской. Дверь магазина открылась. Моё сердце пропустило удар. Это был не Финн.

Я думаю, у меня появилось увлечение.

6

Пока мы с Финном неспешным шагом направлялись к нашему многоквартирному дому, я убеждала себя, что это предел нашей дружбы и дальше она просто не может зайти. Мы просто соседи, а соседям не обязательно проводить много времени вместе. У меня нет причины видеться с ним и дальше, просто дежурные «снова здравствуй» в коридоре, и на этом всё. Но, когда Финн остановился возле своей двери и повернулся ко мне со своими взъерошенными пшеничными волосами, я не смогла первой пожелать приятного вечера.

Он переместил пакет из Home Depot в другую руку.

— Итак...

— Итак.

— По поводу распаковки вещей. Было бы здорово, если бы ты помогла с кухней.

Я посмотрела на металлическую табличку с надписью 6A на его двери.

— Сейчас?

— Когда будешь свободна, но до Дня Благодарения.

— Грандиозные планы?

— Вроде того, — он отвёл взгляд на пол. — Дело в том, что...

Я ждала. Он переступил с ноги на ногу и перебирал ключи в ладони.

— Да?

— Как я упоминал, у меня была причина переехать в Гринвич.

— Работа, — сказала я. — Многие финансисты так поступают.

— Да, но я также имею в виду, что были и другие причины. Стой... Подожди... Дай мне немного времени.

Теперь он, суетливо перебирал кольцо для ключей, раскрывая его ногтем. Его лицо покраснело. Неужели он нервничал? До того, как Натан сделал мне предложение, он столько раз вытирал ладони о брюки, что я чуть не свалилась со смеху. Он мгновенно успокоился, встал на одно колено и попросил моей руки. Он всегда говорит, что смех лучше, чем Ксанакс[2].

Но Финн — незнакомец. Я не знаю его индивидуальные особенности, признаки, выдающие его состояние, его привычки. Что бы он не пытался сказать, это было личным. Мы просто соседи, мне постоянно приходится напоминать себе об этом. И на основании того, что мне было очень любопытно, что же он не мог сказать, мне следовало его остановить.

— Все нормально, тебе не нужно ничего объяснять.

— Но я хочу.

Я подняла вверх руки.

— Не нужно. Нат, наверное, меня ждёт.

— Конечно, — он посмотрел на свои руки, его настроение упало. А я подумала, хотел ли он, чтобы его тоже кто-нибудь ждал.

— Извини. Я не хотела напоминать об этом.

Он немного приподнял голову. Его меланхолия сменилась любопытством.

— Напоминать о чём?

— Что кто-то ждёт меня, а ты... — я остановилась как раз вовремя, чтобы не ляпнуть лишнего.

— Что?

Один. Настала моя очередь выглядеть глупо. Я хотела пожелать ему удачи в распаковке вещей. Переезд — хороший повод узнать кто твой настоящий друг, а вот декорирование — совсем другое дело. Я надеялась, что у него было к кому обратиться за помощью. Вместо этого я сказала.

— Ничего. Приятного вечера.

— Тебе тоже, — он открыл свою дверь и вошёл внутрь.

Я с Джинджер вошла в нашу тёмную квартиру. Время уже перевалило за шесть вечера, а Натана ещё не было дома. Я прислонилась спиной к входной двери. После приятного и лёгкого вечера с Финном, я не могла избавиться от чувства холодной дистанции, которое установил Натан.

Возможно, Финн и был одинок в своей квартире, но прямо сейчас я была одинока в своём браке. Ко мне осознание этого пришло впервые, я распознала одиночество в глазах у Финна, потому, что чувствовала то же самое.

Флиртовал ли Финн? Или он просто искал компанию, дружелюбную соседку, у которой можно одолжить сахар? Привлекательный, атлетичный, не расположенный к готовке Финн, занимающийся выпечкой. Такая картина заставила меня улыбнуться. Мне стало интересно, как далеко он зашёл в процессе распаковки кухни, которую он по его словам не использует.

Я покормила Джинджер и проверила телефон. От Натана не было вестей. Воспоминание о том, что возможно он не придёт к ужину не помогло унять зияющую пустоту в моей груди. Мне нужно было отвлечься, а Финну нужна была помощь. Когда мы переехали в эту квартиру, у Натана не было проблем с такой трудной задачей. Я поручила ему расстановку книг на полки, подключение принтера, установку шкафа в прихожей. Остальное было на мне. Возможно, небольшой физический труд поможет мне избавиться от грустных мыслей.

Я оставила Натану записку.

Я в квартире напротив, 6А. Приходи за мной, когда вернёшься домой.

Я нарисовала сердечко и приклеила стикер на холодильник. Натан скажет мне, если ему не понравится, что я провожу время с Финном. Я буду честна с ним по этому поводу.

Я пробежалась расчёской по волосам. Ключи, мобильный телефон, и портативный плеер, музыка — спасительное средство при переезде — всё это было у меня в руках, пока я возвращалась к квартире Финна. Подойдя к его двери, я остановилась. Лифт издал звуковой сигнал на пути от первого этажа. Я подождала, чтобы посмотреть, может, Натан был там, но лифт проехал мимо, поэтому я постучала в дверь.

Финн открыл не сразу. На самом деле он довольно долго не открывал, я даже подумала, что он снова куда-то вышел. Я постучала немного сильнее. От безысходности я постучала в третий раз. Я уже собиралась уходить, но он рывком открыл дверь. Я на миг увидела мышцы его пресса, до того, как его майка их прикрыла. Он одёрнул край майки и прошёлся рукой по беспорядку на голове.

— Я в неподходящее время? — спросила я. Он был одет в майку без рукавов и пижамные штаны вместо джинсов, в которых он был на улице.

— Нет, — сказал он запыхавшись. Он жестами указал за свою спину. — Я просто поднимал тяжести.

Я подняла брови в удивлении.

— А как же распаковка вещей?

— Я этим тоже занимался, только между упражнениями.

— Может, я зайду попозже?

— Нет, — он шире открыл дверь. — Прошу.

В тёмной квартире было тепло и пахло тыквенными специями. Атмосфера была противоположна дружелюбной. Романтичная.

— Прошу прощения за освещение, — сказал он. — У меня только одна лампа, поэтому ношу её из комнаты в

комнату. Всё остальное придёт с доставкой мебели.

Несколько горящих свечей в главной комнате были объяснением, почему так пахло осенью.

— Здесь уютно.

У меня возникло странное чувство, когда я вошла в квартиру идентичную моей, только практически без мебели и с новым ковром. Белые стены увеличивали пространство, но также выглядели неестественно. Мы с Натаном покрасили стены в гостиной в серо — синий цвет в апреле, в тот день, когда у меня началась менструация. Мы обсуждали покупку квартиры с двумя спальнями в этом районе. Натан должен был получить продвижение по службе, и мы знали, что рано или поздно нам понадобится детская. Но мы так и не воплотили эту идею в течение месяцев, потому как стало известно, что беременность не дастся нам легко.

— Тебе нужно покрасить стены, — сказала я. — Белый слишком...

— Белый, — сказал он.

— Да.

— Возможно, если будет время, — он кивнул на плеер. — Что это?

— Я передумала, насчёт оказания помощи тебе, и принесла музыку, на случай если у тебя нет.

— Лучшая идея за сегодняшний день. По крайней мере, одна из, — он посмотрел на коробку рядом с нами и отодвинул её ногой за дверь. — Пойдём на кухню.

Я последовала за ним. В его квартире был коридор с четырьмя дверьми, все кроме одной, ведущую в ванну, были закрыты. Квартира с тремя спальнями казалась слишком дорогой для проживания одного человека. Но опять же, может он что-то планировал на будущее.

В кухне не было свечей, там был верхний свет, но Финн его не включил. Он распаковывал что-то из целлофанового пакета. Я подождала на пороге кухни, пока мои глаза привыкли к темноте.

— Лампочка, — сказал Финн, поднимая её вверх. — Из Home Depot, — он был таким высоким, что ему не нужен был стул, чтобы достать до потолка.

— У тебя есть фонарик? — спросила я.

— Дай мне минутку, — он положил лампочку на стол и пошел в направлении выхода. Виден был только его силуэт, едва освещённый сиянием свечей из другой комнаты. Впадинки на его щеках были в тени. Возвращаясь обратно, он остановился возле меня. Возможно из-за низкого потолка, казалось, что Финн вдвое больше меня.

Уровень адреналина в моей крови подскочил. Это место было мне незнакомо. Тёмное. Уединённое. Атмосфера между нами изменилась, потяжелела, стала более двусмысленной.

Он положил свою тёплую руку мне на плечо.

— Извини.

Мурашки побежали у меня по коже. Я заблокировала дверной проём. Я отступила на шаг, чтобы он мог пройти. Мог мозг медленно оживать, постепенно разворачивая мысли, будто они были плотно упакованы. Мне нравилось, что он передвигался с лёгкостью, его скромное очарование. То, как его нижняя губа выдавалась вперёд, будто он вечно надувал губы. Он привлекал меня.

— Ты не возражаешь? — спросил он.

Я чуть не выпрыгнула из своей кожи.

— О чём ты?

В руках он держал фонарь.

— О том, что хочу поменять лампочку.

— О, — я взяла фонарь. — Да, конечно.

Он занял позицию. Я включила фонарь и направила на него.

Он прикрыл лицо руками.

— О боже, мне нужно видеть лампу, ей не обязательно видеть меня, — сказал он.

Я хихикнула и посветила на потолок.

— Прости.

— Если ты лишишь меня зрения, тебе придётся заботиться обо мне.

Я уже задыхалась от смеха.

— С чего ты взял?

— Из-за чувства вины, — просто ответил он.

— Вины? — поддразнила я. — Что это такое?

— Ха. Сколько у тебя времени? — он вкрутил лампочку и вытер руки о штаны. — Всё готово.

Я нажала на включатель. Но ничего не произошло.

— И так всегда?

— Да. Ты уверена, что это тот выключатель?

— На нашей кухне этот включает свет.

Я посмотрела на стены в поисках других выключателей. Финн выкрутил лампочку и подул на неё.

— Я думаю, мы облажались, — сказала я. — Эта маленькая лампочка смеётся над тобой.

— Очень смешно, — он бросил лампочку в полное мусорное ведро возле раковины. — Спасибо большое, Home Depot. И что теперь?

Я принесла две свечи из гостиной и поставила их на кухонную стойку.

— Нам нужно двигаться вперёд. Нам есть чем заняться.

Он склонил голову.

— Ты уверена?

— Шоу должно продолжаться.

Он тихо засмеялся.

— Мне следует приглашать тебя почаще. Ты как плакат, вдохновляющий человечество.

— Хм-м, — я пыталась придумать что-то смешное, касающееся включения света. Знакомая цитата пришла на ум. — Я буду любить тебя как при свете солнца, так и в темноте, — прошептала я, хотя, наверное, мне надо было оставить её при себе.

— Теперь ты звучишь, как совет из Pinterest.

— Это из клятвы Натана, — я заставила себя улыбнуться. — Он сам это написал.

— А — а, — Финн вышел из комнаты и вернулся с коробкой в руках. — Кастрюли и сковородки.

Я заглянула внутрь.

— Их довольно много, для человека, который не готовит.

— Может разместим их под плитой? — спросил он, как будто это была наша квартира.

— Давай. Где остальное?

— Слева за дверью.

Я нашла коробку, на которой было написано Столовое Серебро. Подчерк Финна был необычно чётким. Я взяла ещё одну коробку, которая стояла ниже, так как в ней были предметы, относящиеся к кухне, включая разделитель для посуды. Первые две надписи были зачёркнуты чёрным маркером: Марисса. Подаренное. Кухня.

Марисса? Бывшая подружка? Это и есть реальная причина переезда Финна?

Я не спросила. Это было не моё дело, и я сказала себе, что мне лучше не знать. Я вернулась на кухню, чтобы распаковать коробки в том порядке, который казался правильным для меня. Я раскладывала столовые приборы с характерным звуком в разделитель. Мне пришлось сосредоточиться, чтобы ничего не перепутать. Финн производил много шума, пытаясь расставить сковородки.

— Твоя кухня в Коннектикуте случайно не была вдвое больше? — спросила я.

— Как ты догадалась? — он вздохнул, доставая массивную чёрную сковородку. — Что это, чёрт возьми, такое? Могу я прожить без этого?

— Чугунная сковородка, — сказала я. — Зачем она тебе, если ты даже не знаешь для чего она?

Он согнул руку со сковородкой, будто это была гантеля.

— Чёрт возьми, мне даже не нужен тренажёрный зал, пока у меня есть такая сковорода.

— Сковородки прокачивают фриттату [3], а не фигуру, — я сказала слово «фигуру» кокетливо. Подходящее слово.

— Фри — что?

Я зажмурила глаза от смеха. Его нахмуренные брови заставили меня сложиться пополам.

— Я серьёзно, — сказал он.

— Я знаю, — ответила задыхаясь. — Поэтому мне так смешно, — я указала на комнату у меня за спиной. — Там есть коробка с надписью подаренное, если хочешь, можешь положить её туда.

Он посмотрел туда мельком, но оставил сковородку там, где она была.

— Спасибо, но так как ты прервала мою тренировку, думаю мне надо наверстать упущенное.

Я улыбнулась, и в последовавшей тишине, подумала о руках Финна. Как бы они ощущались на женщине. Как бы они ощущались на мне. Это так приятно, когда тебя обнимают. Я бы хотела, чтобы Натан постучал в дверь. Забрал меня домой. Обнял меня. Занялся со мной любовью. Вспомнив о его клятве, я почувствовала теплоту. И, возможно, чувство вины, что было для меня не характерно. Я никогда не была большим приверженцем чувства вины или сожаления.

Я вспомнила недавний разговор, который состоялся у нас с Натаном летом. Моя подруга призналась за бокалом вина, что у неё были сомнения по поводу её жениха. Я пришла домой, включила прикроватную лампу и всё рассказала Натану.

— Она всё равно выйдет за него? — спросил он.

— Думаю, да. Из-за чувства вины, по крайней мере.

— Ты бы не стала выходить за меня замуж, если бы у тебя были сомнения, — сказал он.

— Я надеюсь, ты тоже.

— Возможно, нет. Хотя, не знаю. У меня их никогда не было, — он сел повыше у изголовья кровати, его взгляд был сонным, но увлечённым. — И чувство вины это единственное, почему она останется со своим женихом. Как это ужасно. Представь, чтобы было, если бы никто не испытывал чувства вины. Мы были бы свободны от наших демонов.

— Без чувства вины, не было бы и угрызений совести, — сказала я. — Конечно, мы все были бы счастливы, если бы могли простить себе и то, и это. Но представь, в каком мире мы бы жили, если у людей не было причин дважды подумать о том, как они поступают с другими.

— Всё верно, но чисто гипотетически, если бы общество научилось справляться с чувством вины, наше существование стало бы лучше. Ты так не думаешь?

— Мне нужен пример.

Он на мгновение задумался.

— Возьмём твою подругу. Если бы её не мучало чувство вины по поводу отмены свадьбы за неделю до церемонии, она бы уберегла себя от множества страданий. Да, это будет ужасно. Люди бронируют авиабилеты и номера в отелях, и обе стороны вкладывают в это много денег. Но в данном случае, случится следующее — они вернутся из медового месяца, и реальность их настигнет. Может быть, сразу они этого не осознают. Может у них даже появится ребёнок или даже два. Через десять лет они разведутся, разорвав семью на части, сражаясь зубами и когтями, пережитый стресс заберёт годы их жизни.

Я кивала, соглашаясь со всем, что он говорил. Натан не только умный, но и эмоционально развит. Я люблю это в нём.

— Или останутся вместе и будут плохим примером для детей, — сказала я, подумав о моих родителях. — Но я думаю то, о чём ты говоришь, это чувство стыда. Ей будет стыдно отменять свадьбу, от того как это будет выглядеть, и сколько это каждому будет стоить. Она не обязательно будет сожалеть.

— Что насчёт тебя? — спросил он. — Ты утверждаешь, что никогда не испытываешь чувства вины.

Я нахмурилась на него.

— И представь, что остальные люди были бы как я.

— Ужас, — он потянулся ко мне и повалил меня на кровать для поцелуя. — Реально внушает страх.

Я погладила его по щеке.

— Я хочу больше походить на тебя.

— А какой я? — прошептал он.

— Я не знаю. Но ты всё всегда делаешь правильно. Ты всегда знаешь, что мне нужно, даже если это личное пространство.

— Личное пространство, — проговорил он задумчиво. — Это то, чего я не дам тебе слишком много. Обещай мне тоже самое.

И, конечно, я пообещала. Нарушала ли я теперь обещание, не давая на него в признании мне о причине его беспокойства? Каждый день мне хотелось поднять этот вопрос, но что-то всегда меня останавливало. Я подожду до выходных, в случае если это что-то важное. Или я думала, после праздников. Или. Возможно, завтра он станет другим. Так же была вероятность, что он переживал из-за внезапного ухудшения состояния его отца. Я не хотела его изводить.

Но это крошечное, красное пятно являлось зацепкой, и теперь я волновалась пуще прежнего.

— Что-то ты притихла, — сказал Финн.

Вспотев, я стянула мой кардиган с плеч и повесила его на спинку стула. Моя майка прилипла к животу.

— Жарко? — спросил Финн.

— Вроде того, — у моих ног оказалась ещё одна коробка, хотя я не помнила, чтобы она там была до этого. Она казалась тяжёлой, поэтому я открыла её на полу. Осторожно я подняла набор обеденных тарелок на кухонную стойку. — Я думала о том, что ты говорил раньше.

— Извини за шутку о Printerest. Я даже не совсем представляю, что это за сайт...

— Не об этом, — сказала я. — Я не настолько нежная. Я имела в виду чувство вины, когда ты спросил меня, сколько времени у меня в распоряжении. По какому поводу ты можешь испытывать чувство вины?

Он прочистил горло.

— О. Ты имеешь в виду... прямо сейчас?

— Вообще. От чего оно тебя удерживает?

Его выдох закончился смешком.

— Это сложный вопрос. Если ты хочешь увидеть, как американец паникует, спроси его, где он сегодня напортачил. Иногда я удивляюсь, почему нас всех не повязали ещё во время завтрака.

— Интересно, звучит как эпидемия.

— Что-то в этом роде, но я тоже в этом виновен, — мы оба рассмеялись. — Вина из-за чувства вины.

— Я не испытываю чувства вины, — продекларировала я как будто в суде. Как будто, пыталась убедить его. — Я ни о чём не сожалею.

— Вообще ни о чём? — спросил он удивлённо.

— Ни о чём. Бывает случается то, что я не в силах контролировать. А там, где могу, я всегда стараюсь принять верное решение, используя имеющуюся информацию. Во всяком случае, решения, лучшие для меня.

— И для твоего мужа.

Я остановилась, ополаскивая тарелку.

— Ну, да. Я имею в виду, что лучше для меня практически всегда лучше для Натана.

— А если это не так?

Я вытерла тарелку и поставила её на полку к остальным. Однажды, довольно давно, я приняла решение за Натана. Это было нелёгкое решение. Многие люди даже сказали бы, что оно было плохим. Неверным. Но моя жизнь с Натаном лучше благодаря этому, и как я теперь могу страдать от чувства вины?

Я попыталась подумать о выборе, который я сделала, который не был лучшим для Натана, но я всё равно его сделала. Натан — самое важное в моей жизни. Хотя могу ли я сказать без тени сомнения, что ставлю его нужды выше своих? В идеале ответ был бы положительным. И в большинстве случаев так и есть.

Но затем я вспомнила о наших неудачных попытках забеременеть. Возможно, Натан считает нормальным тот факт, что я вернулась к противозачаточным таблеткам, но это не продлится долго. Он готов использовать любую возможность. Хотя я знаю, что люди не всегда получают то, чего хотят. И должен быть предел, когда несчастье становится невыносимым, когда кто-то говорит довольно, хватит. Предстоит принять трудное решение, но такое, которое удовлетворит интересы нас обоих.

— Компромисс, — сказала я. Это заранее приготовленный ответ, но выбор является правдой, я не знала, как поступлю, в случае, если бы пришлось выбирать между тем, что лучше для меня, и тем, что лучше для него.

— Где он? — спросил Финн через мгновение.

— Кто? — я подняла тяжёлый поднос, подула на него, и подумала, что поставлю его в старомодном шкафу в углу, только нужно было освободить для него место.

— Твой муж, — он прочистил горло. — Где он?

— А, — с некоторым усилием я положила тарелку в отделение для посуды, закрыла шкафчик, и вздохнула. — Я не знаю. У нас очень свободные...

— Да, ты говорила, — сказал он. — Но неужели тебя не волнует, где он?

Я посмотрела на свои руки. Финн продолжал давить на то, о чём я думать не хотела. Я пришла сюда, чтобы отвлечься, а не встречаться со своими демонами лицом к лицу. Я могла бы попытаться и угадать, где Натан мог быть, но суть в том, что он был не здесь. Что удерживает его вдали от дома? Другая женщина? Или ещё хуже — я? Помимо вечеров в боулинге, у него много других причин пропускать ужин дома.

— Конечно, меня волнует, — сказала я. — Но я доверяю ему.

— Я не знал, что мы говорим о доверии.

Я тоже.

— Что-то не так? — спросил Финн.

Я стояла к нему спиной.

— Нет, — я достала тарелку с цветочным рисунком. Где, чёрт возьми, он это достал, на блошином рынке?

Мужчины.

Финн вытер руки о тряпку, забрал тарелку из моих рук, и отставил её в сторону.

— Я знаю, мы не настолько хорошо друг друга знаем.

— Мы вообще друг друга не знаем, — я повернулась к нему. — Мы только продвинулись на полшага от

незнакомцев.

Он вздрогнул, практически незаметно.

— Ладно, представь, что я — незнакомец. Иногда гораздо легче довериться тому, кого ты не знаешь.

У меня что-то сжалось в груди. На самом деле, я не ощущала, что Финн — незнакомец, мне наоборот казалось, что мы знаем друг друга уже давно. Даже дольше чем мы знакомы с Натаном, что казалось вообще бессмысленным. Встреча с Натаном была чем-то новым, как начало, как будто он только родился и сразу пришёл в мою жизнь. Финн мог бы быть старым другом, как майка, которую я уже сто раз надевала.

— Я наткнулась на кое-что, — слова просто вырвались из меня.

— На что?

— Это глупость, банальность. Даже не стоит упоминать об этом, — я закатила глаза и облокотилась спиной на кухонную стойку. — Я нашла след от помады.

— Когда? — судя по выражению лица, он закрылся. — Где?

— Прошлой ночью на его галстуке.

— Боже, Сэди, — Финн запустил обе руки себе в волосы, реагируя так, будто я сказала это о его собственной супруге. Его лицо исказила гримаса. — Мне жаль.

— Правда? — моё сердце пропустило удар. — Почему? Ты думаешь, это что-то значит?

— Я, — он почесал шею сзади. — Я просто, я имею в виду, откуда мне знать. Я его никогда не встречал. Но каждый раз, когда я вижу тебя, ты всегда одна.

— Я говорила тебе, прошлым вечером он был в боулинге.

Он поднял вверх обе руки.

— Я ничего не утверждаю. Туда, в боулинг, ходят женщины?

— Я не знаю, — я туда не ходила. Хотя, наверное, стоило.

Финн потянулся и нерешительно погладил меня по голому плечу. Основание его шеи блестело от пота, кожа моей головы вспотела. Я перекинула волосы на одно плечо, и его рука поднялась немного выше, и он надавил большим пальцем на мою ключицу.

Я приоткрыла губы, когда он снова это сделал, и закрыла глаза.

— Это приятно.

Он не был нежным. Я могла почувствовать силу его рук, пока он массажировал мои плечи, затем и шею.

— Дело в том, что... — сказала я в темноте. — Что я была не самой лучшей женой, а он был безупречным мужем. Поэтому это не имеет смысла.

— Ты спрашивала его об этом?

— Нет. Мне кажется, нелепо поднимать эту тему. Каждый, кто знает нас... — я остановилась, не зная, как всё объяснить. — Он не мог.

Мы немного постояли в тишине. Финн плавно подвинул бретельку моей майки. Она съехала вниз по моему плечу.

— Извини, — пробормотал он.

Я не стала поправлять её.

Он продолжил снимать напряжение в моей шее.

— Когда ты сказала, что не была лучшей женой...

— Это не то, о чём ты подумал, — я покачала головой. — Я никогда ему не изменяла. Я хочу сказать это тот случай, когда одна половинка идеальна, а вторая обязательно будет разочаровывать. Я не всегда говорю или поступаю правильно.

— А он всегда?

— Всегда, — прошептала я. — До этих последних двух месяцев.

— А что случилось два месяца назад?

Я сильно прикусила нижнюю губу. Это было то, о чём я постоянно себя спрашивала. В один день он был самим собой, а на следующий — всё изменилось.

— Он узнал, что его отец умирает.

— Мне жаль.

— Он отказался от продвижения по службе, чтобы всегда быть рядом, в случае если он понадобится отцу. Но пару месяцев назад я получила продвижение, и сейчас я зарабатываю немного больше его.

— Этого было достаточно, чтобы остыть к тебе?

— Я так не думаю. Разница на самом деле незначительная, — Натан которого я знала, не был таким

мелочным, но в последнее время, я узнаю много нового о мужчине за которым я замужем.

— Кажется, он был рад за меня.

— Значит, ты думаешь?

— Что?

— Я не дурачок, я не собираюсь произносить это первым.

— Что он встретил кого-то? Нет. Я так не думаю. Должно быть какое-то другое объяснение, — я открыла глаза, Финн оказался ближе, чем был пару секунд назад.

— И снова здравствуй, — сказал он.

— Привет, — мой голос был скрипучим. — Какой диагноз?

Он вернул свой палец на заднюю часть моей шеи. Моя кожа покрылась мурашками.

— Немного напряжена, но относительно без осложнений.

— Это хорошо.

— Да, это так, — он глубоко вдохнул и взглянул на меня. — Мне нужно кое-что тебе сказать.

Мои волосы встали дыбом. Я почувствовала, что это будет что-то серьёзное, и не была уверена, что хочу это услышать. Я выдавила кривую улыбку, которая возможно выглядела также неловко, как я себя чувствовала.

— Я пахну собачьей едой?

— Я хочу поцеловать тебя, — он выпалил на одном дыхании. — Я не стану, просто думал, что тебе следует знать.

У меня внутри что-то упало, будто я была в свободном полёте. Я неосознанно прикусила губу, затем отпустила её, подумав, что это может выглядеть как приглашение. Он на самом деле это произнёс? Без побуждения, без колебаний? Ты можешь хотеть кого-то поцеловать, но не сказать об этом. Должна ли была я разозлиться на его признание? Я не разозлилась. Мне было любопытно. Я даже была взволнована. Так как мы были честны друг с другом, я спросила о том, о чём хотела.

— Почему?

— Почему я хочу поцеловать тебя? Или почему я сказал, что хочу?

Моё сердцебиение ускорило. Но я не струсил.

— Второе. Это не то, что ты можешь просто прийти и сказать незнакомке. Замужней незнакомке.

— Потому, что ты мне нравишься, — он рассеянно гладил мой затылок кончиком пальца. — Поэтому я хочу быть честным.

Я положила руку на его запястье, и он остановился. Сейчас и на протяжении последнего часа казалось, что мы единственные люди на планете. Плохая Жена и Незнакомец. Если бы я позволила ему поцеловать меня, никто бы никогда не узнал об этом. У него не было помады на губах, и у меня тоже.

— Ты уходишь, не так ли? — спросил он.

Я кивнула. Мне не пришлось убирать его руку. Он сам её убрал.

— Возможно, так будет лучше, — он протянул мне кардиган и плеер. Мы забыли включить музыку. — Я сам справлюсь с остальным.

До того, как я смогла что-либо произнести, он провёл меня к входной двери.

Я сказала только.

— Приятного вечера.

— До встречи, — он открыл дверь, потом снова её закрыл. Он вздохнул. — Поговори с ним. Если хочешь узнать, что случилось, просто спроси у него.

Я завернулась в кардиган, несмотря на то, что волосы прилипли к моему затылку. Мои ноги вспотели в ботинках.

— Спасибо.

— Не за что, — он выпустил меня.

Я прошла по коридору, открыла дверь своей квартиры, и увидела, что свет был включён. Я положила ключи, когда Джинджер прибежала ко мне, виляя хвостом.

— Нат?

— Я здесь, — отозвался он из гостиной.

Я сняла ботинки и носки, положила их на полку при входе, а затем нашла его на диване.

— Почему ты не пришёл и не забрал меня?

Он нажал на паузу, он смотрел какой-то спортивный канал.

— Я не знал, где ты была.

— Я оставила тебе записку.

— Правда? — он нажал на плей на пульте и вернул своё внимание телевизору.

Я пошла на кухню. Стикер всё ещё висел на холодильнике, но был сдвинут немного влево. Он только что мне солгал. Я отклеила его и вернулась в гостиную.

— Ты не видел записку? — спросила я.

Он выключил телевизор, встал и потянулся. Он был таким высоким, что кончики его пальцев задели потолок.

— Я думал, ты пошла в магазин или ещё куда-нибудь.

— Тебе следовало мне позвонить. Как насчёт ужина?

— Я сделал бутерброд с запечённым сыром.

У меня не было слов. Если он был дома, я всегда готовила ему ужин. И точка. Я хотела сказать ему об этом. Сказать, что знаю, что он видел и сдвинул записку. Я была уверена, что он это сделал. Хотя я могла и ошибаться. Запомнила ли я, куда точно её приклеила? Если я не права, то буду звучать как истеричка.

— Где ты был сегодня вечером?

— Я заехал к отцу.

— Без меня? — спросила я. — Мы могли бы встретиться в больнице.

— Я это не планировал. Я просто спонтанно решил заскочить к нему после работы.

Я скомкала стикер в руке. Состояние отца Натана быстро ухудшалось с тех пор как мы узнали, что у него рак лёгких. Когда мы узнали, он уже некоторое время был болен. Натан винил себя в том, что не убедил упрямого отца сразу же обратиться к врачу.

— Лучевая терапия подкосила его сильнее, чем обычно. Поэтому они оставили его в больнице.

— Ты звонил своей маме?

— Да. Она посылает «спасительную энергию» из Калифорнии, — он бросил пульт на диван. — Я закончил с телевизором, так что он в твоём распоряжении.

— Может, посмотрим что-то вместе?

Некоторые программы мы смотрим с Натаном вместе, некоторые врозь. Я ненавижу медицинские драмы в прайм-тайм. Он же покинет комнату, если увидит Тима Гана. Но, когда мы найдем программу, которую оба любим, мы всегда смотрим её с открытыми ртами. Смеёмся над одним и тем же, даже если другие не находят это смешным. Покрикиваем на дурацких персонажей.

— Я пойду почитаю, — сказал он. — Хочу, наконец, начать книгу Эрика Ларсона, которую я заказал сто лет назад.

Исторический документальный роман. Не в моём вкусе. Я знала, что он ждал её с нетерпением.

— Хорошо.

Он повернулся, чтобы уйти.

— Я была у соседа, — сказала я. — Это было в записке. Он попросил меня помочь с распаковкой вещей на кухне.

— Как мило с твоей стороны. Переезжать одному, не так уж и весело.

— Я думаю, он бы тебе понравился, — сказала я запинаясь. Возможно, если бы они познакомились, мой соблазн в виде Финна исчезнет. Забавно, но мне казалось, что они поладят. — Тебе следует как-нибудь подойти и поздороваться. Я не думаю, что у него много друзей.

Натан повернул голову ко мне.

— Его обогреватель всё ещё барахлит?

— Да, — я пробежалась рукой по взмокшей шее и вспомнила о прикосновении пальцев Финна. — Я обливаюсь потом.

Натан посмотрел на меня долгим взглядом и открыл рот, будто хотел что-то сказать. После короткой паузы он спросил.

— Как его зовут?

— Финн, он работал в банковской системе.

Натан смотрел на меня, переминаясь с ноги на ногу.

— Я попытаюсь зайти к нему и взглянуть на обогреватель, но не обещаю.

Он пошёл в спальню. Я приготовила себе поесть и смотрела телевизор, не вникая в то, что происходило на экране. Сегодня ничего особенного не произошло, но мои мысли все время металась от пятна помады и того, что Натан игнорировал меня прямо сейчас. До сильных рук Финна и его признания. Что такое поцелуй на самом деле? Соприкосновение двух частей тела, как например рук. Мысль о запретном поцелуе с Финном задевала

что-то глубоко внутри меня.

Я всё ещё была липкой, поэтому я отложила мытьё посуды на утро и решила принять душ.

Натан полностью сосредоточился на книге. Я переоделась в халат в гардеробной. Когда я принимала противозачаточную таблетку, я заметила, что в мешке для химчистки лежали какие-то вещи. Я присела на колени и просматривала вещи, пока не нашла галстук. Я быстро достала его, выпрямляя и разравнивая его на ковре. Он был скомкан, но чист. Я вздохнула со смесью облегчения и замешательства. Я склонилась над мешком. Потом понюхала, и почувствовала запах сигарет.

Я стиснула зубы. Натан бросил несколько лет назад и ни разу не срывался. Это не его запах, он просто остался на его одежде. Это чей — то запах. Или он из бара. В любом случае, он не из больницы. Насколько нужно быть безрассудным, чтобы врать насчёт больного отца?

Мои щёки начали гореть. Я с трудом сформировала мысль, которая не включала нецензурные ругательства. Я оставила вещи и рванула к изножью кровати.

— Где ты был сегодня вечером?

Он перевернул страницу.

— Я уже говорил тебе. В больнице.

Запах засел в моём носу. Я сильно потёрла нос.

— Где ещё?

Он посмотрел на меня.

— Я поехал туда после работы, потом сразу домой. Я немного посмотрел телевизор до того, как ты пришла, — он поднял голову. — А что?

Я пыталась успокоить дыхание, глубоко вдыхая. Он превращает меня в кого-то, кого я не узнаю — в подозрительную жену. Мои друзья и коллеги держали своих мужей на коротком поводке, я никогда не понимала почему. Это то, что может случиться, если не внимательно за ними следить?

— Ничего, просто у меня был странный день, — сказала я.

Это должна была быть та часть, в которой он откладывает книгу и спрашивает почему. Затем обнимает меня и говорит, что я единственная женщина в его жизни раз и навсегда.

— Ну... — он опустил взгляд в пол, к моим ногам, нахмурил брови, будто тщательно обдумывал свой следующий шаг. Он колеблется так долго, что молчание стало неловким. — Это странный город, — наконец произнёс он, и вернулся к чтению книги.

Это должно быть была очень интересная книга. Меня прямо подмывало спросить, неужели она больше заслуживает его внимания, чем его собственная жена. Или нужно было пропустить это пассивно-агрессивное развитие событий и обвинить его в том, что он спит направо и налево с кем-то за моей спиной. Что бы он на это ответил?

Эта паранойя была для меня в новинку, так же, как и его новое отношение ко мне. Мне это не нравилось. Я бы хотела, чтобы всё было как раньше.

— Я уже отнесла вещи в химчистку, — я сказала невозмутимо.

— Я знаю.

— Твоя вчерашняя одежда была довольно грязная. И сегодняшняя тоже.

— Я тоже ходил в химчистку пару раз. И я всегда забирал твои вещи.

Я сузила глаза. Это правда, только наполовину. Он любит порядок. Хотя и я не оставляю за собой беспорядок. Я могу отложить что-то до утра, но утром всегда всё убираю.

— Я не это имела в виду.

Так ли иначе, он всё ещё казался, занятым чтением.

— Натан.

Он снова поднял на меня взгляд и сделал движение, как будто хотел отложить книгу, но затем передумал. Я увидела проблеск нерешительности, затем выражение его лица прояснилось.

— Что?

У меня в животе запорхали бабочки. Мы обещали друг другу, и я хотела ему сказать. Если бы мы почувствовали соблазн сделать что-то, предполагалось, что мы об этом признаемся друг другу. И сейчас я как раз была той, кто почувствовала соблазн. Если бы Финн просто поцеловал меня без предупреждения, остановила бы я его или нет? Я не знала. Это значило, что мне нужно было сказать об этом Натану. Таков был наш договор. Хотя его было не так легко выполнить. Как я могла сказать человеку, которого люблю больше всего на свете, что он меня теряет? И что у другого мужчины выходит лучше? Может Натан пытался всё

исправить, но не мог. Мы бы поговорили об этом, будь всё так просто.

— Что такое? — спросил он. — В этой книге куча деталей. Мне нужно сконцентрироваться.

— Ничего, — я развернулась и захлопнула за собой дверь в ванной.

В душе меня начало трясти. Не из-за того, что Натан сказал, а из-за того, что он вообще это сказал. Он не отталкивал меня, не злился на меня, и не покидал комнату, когда я входила.

Мне стало страшно.

Я ждала, что он придёт и извинится, но он не пришёл. Когда я вышла из душа, он уже заснул, на час раньше, чем обычно. Я забралась в постель, но я с таким же успехом могла бы быть где угодно, а он всё равно не заметил бы.

Возможно даже в соседней квартире.

7

Проснувшись утром, я была более спокойной. Так как Натан вчера лёг спать очень рано, то он ушёл ещё до того, как я выбралась из постели, это было довольно необычным. Мы с Джинджер спустились вниз и очутились в зимнем царстве. Всё было припорошено снегом. Это был первый снег, и воздух, казалось, ожил. Всё это раньше восхищало меня, но пару лет назад я подвернула лодыжку на льду. Теперь я ношу сапоги с прорезиненной подошвой, пока добираюсь до работы и обратно. Тот факт, что приходится брать с собой дополнительную пару туфель, раздражает. Во всяком случае, снег останется белым не больше одного дня. Потом он станет грязным и серым, как асфальт.

Джинджер обнюхивала куст с небывалым энтузиазмом. Она остановилась, оглянулась и вернулась к исследованию. Мне нужно было устроить её в отделение полиции. «Или использовать её в слеске за Натаном», подумала я, поглубже закутываясь в пальто. Я всего лишь в третий раз задумалась о пятне от помады и запахе от сигарет на костюме этим утром.

— Давай, девочка, — сказала я. — Поторапливайся.

Она пометила куст и на этом всё. Наверное, Натан уже выводил её. Я повела её обратно к зданию, у входа в здание я увидела женщину с маленькой девочкой. Они обе носили сочетающиеся розовые кепки, и у них были длинные светлые волосы. Свободной рукой женщина нажимала на цифры на домофоне снова и снова.

— Что, чёрт возьми, с ним не так?

— Здравствуйте, — сказала я.

Она обернулась. Её улыбка была такая широкая, что я могла пересчитать все её зубы.

— Привет, — сказала она. — Вы здесь живёте?

Девочка в дутой куртке посмотрела на меня.

— А как зовут вашу собаку?

— Джинджер, — Джинджер, которая спокойно стояла, услышав своё имя, начала вилять хвостом. — Можешь её погладить.

Девочка запустила свою маленькую и белую ручку в рыжую шерсть Джинджер.

— Вы не можете нам войти внутрь? — спросила женщина. — Мы живём здесь, но, кажется, домофон не работает.

— Возможно, он замёрз прошлой ночью, — я достала мой ключ и впустила их в здание.

Тепло окутало нас. — Во всяком случае, тамбуры отапливаются.

— А здесь красиво.

— Спасибо, — я не знала, почему я это сказала. Не похоже, что у меня были ещё какие-либо утверждения по поводу здания. Мы с Джинджер вошли в лифт, когда он приехал, и я нажала на шестой этаж. Они тоже вошли секундой позже.

— Можно я нажму? — спросила девочка, а затем нахмурилась на панель. — Неважно, она уже нажала.

— Просто нажми на любой этаж выше шестого, — сказала женщина, подмигнув мне. — Нарушь правила, малышка.

— Вы живёте на шестом? — спросила я. Я не очень тесно общалась с моими соседями, но знала их в лицо. Эта женщина с девочкой были мне не знакомы.

— Мы только переехали. Я сказала моему мужу, если мы всё же переезжаем в город, то ему бы лучше позаботиться, чтобы это было нормальное место. Я могла бы жить как бедный голодный артист, когда мне было двадцать, но теперь я тридцатидвухлетняя мать. Я отказываюсь сражаться с крысами за еду.

— Мам? — девочка спросила высоким голосом.

— Я шучу, любимая. Здесь нет крыс.

— Ну... — начала я.

Но женщина провела пальцем по горлу и покачала головой. Она знала. Крысы обычно ассоциировались с метро, но я видела мышь или даже две в своё время в моей квартире. Или три.

Мы обменялись улыбками и двери открылись.

Женщина пошла по коридору со своей малышкой, я с Джинджер проследовала за ними. Она остановилась у 6А. Мой взгляд метался между ней и дверью. Она постучала. Я в удивлении приподняла брови. Она и в правду постучала? Коридор больше не казался мне тёмным. Мои пальцы стали как маленькие сосульки, поэтому я засунула одну руку под мышку, другой рукой держа рядом Джинджер. Мне следовало пройти дальше или что-то сказать?

Как я могу спросить у неё, не перепутала ли она где живёт, не обидев её при этом?

— Может нам спрятаться? — спросила девочка.

— Да, давай, — они обе исчезли из поля зрения глазка на двери, поэтому из него была видна только я, застрявшая на месте.

Почему мы все собрались здесь возле квартиры Финна, этого я не могла понять. До того, как я приняла какое-либо решение или пришла к какому-либо заключению, Финн открыл дверь.

Он вспотел, его волосы были в полном беспорядке, но он улыбался мне, как будто у меня в руках был чек на огромную сумму на его имя.

— Привет, — сказал он мягко, нежно. — Ты должно быть ищешь...

— Бу, — прокричала девочка, выскочив из-за угла.

Он отпрыгнул и ударился о дверной косяк. Всё его тело напряглось.

— Ма — марисса?

Моя кровь заледенела, так же, как и руки. Марисса — имя на одной из коробок в квартире Финна.

Она подпрыгнула, и он взял её на руки без промедления. Женщина тоже выглянула из-за стены, ухмыляясь.

— Сюрприз!

У Финна отпала челюсть.

— Кендра? Что ты здесь делаешь?

Женщина — Кендра — подошла к двери и, посмотрев на меня, закатила глаза.

— Мы ехали четыре часа из Коннектикута, чтобы посмотреть на новую квартиру, и это приём который получили, чувак.

Если я выглядела настолько шокированной, насколько себя чувствовала, казалось она этого не заметила. Я почувствовала спазм в животе. Только прошлым вечером Финн сказал, что хочет меня поцеловать. А прямо сейчас я стояла посреди его... семьи?

— Малыш, — сказала Кендра, — ты мокрый как мышь. Ты до сих пор не отремонтировал эту, как ты говорил печку?

— Я...

Знакомы силуэт — знакомый мне силуэт — появился в поле зрения за спиной Финна. Натан неторопливо двигался к выходу с гаечным ключом в руке.

— Натан Хант, к вашим услугам.

Что здесь вообще происходит? Я пытливо уставилась на Натана, но он улыбался Кендре. Финн и я обменялись взглядами. Мы не совершили ничего кроме прогулки, разговора и распаковки. Но наша дружба вдруг стала какой-то грязной тайной, на которой нас поймали.

— О, — обратилась Кендра к Натану, онемев. — Вы арендодатель?

Это был необычная реакция от женщины на Натана. В костюме он выглядел, как будто сошёл со страниц *Gentlemen's Quarterly*, но сейчас? Он был липким от пота. Его фланелевая рубашка расстёгнута на шее. Его гладкие каштановые волосы были в беспорядке. Если это было вообще возможно, он выглядел ещё более сексуальным.

Натан вытер руку о джинсы и протянул её Кендре.

— Ваш сосед из 6Б. Муж Сэди.

Кендра пожала его руку и моргнула.

— А кто такая Сэди?

— Это я, — сказала я так тихо, будто мне было стыдно.

— А, — она тепло улыбнулась мне. — Так вы знакомы с моим мужем?

Я смущённо перевела взгляд с неё на Финна. Может они живут отдельно? Разводятся?

Мне не нравилось находиться в таком положении, в изумлении, и чувствовать себя странно по поводу того, чего я даже не делала. Это была вина Финна, что я так себя чувствовала, поэтому я посмотрела на него, и у меня зарябило в глазах.

Финн застенчиво почесал затылок.

— Мы встретились в тот день, когда я въехал, — сказал он указывая на Джинджер, — собака побежала за белкой, и я её догнал.

— Потом он зашёл на пиво, — сказал Натан, ухмыляясь. — Вот как всё было. Хотя я при этом не присутствовал, — он звучал дружелюбно, и его улыбка была настоящей, поэтому я не думала, что он хотел этим что-то сказать.

— Правда? — спросила Кендра. Она улыбалась нерешительно, будто это касалось её. Опять же я была бы тоже обеспокоена, если бы мой муж уехал из нашего дома и снял себе квартиру. За исключением того, что она не вела себя так, как будто они разошлись. — Как приятно, когда твои соседи молодая пара, — добавила она.

— Согласен, — Натан наклонился к девочке. — А кто это у нас?

Она посмотрела вверх на свою маму, прежде, чем ответить.

— Марисса.

— Приятно познакомиться, Марисса, — он улыбнулся. — Сколько тебе лет? Семнадцать?

Она рассмеялась.

— Мне семь!

— О да, мне следовало догадаться, — наконец он посмотрел на меня. Под его светлым, счастливым взглядом, я увидела что-то мрачное. — Моя племянница твоего возраста.

У меня пересохло в горле, и я сглотнула. Я пыталась догадаться, что он хотел мне сказать своим взглядом. Что племянница это единственное, что у него когда-либо будет?

— Она живёт в городе? — спросила Кендра. — Может нам их познакомить?

— Нет, — я ответила за него. Я не хотела продолжать этот разговор. Для меня Белл была чем-то очень дорогим сердцу, и она не относилась к этому разговору. — Я думала, ты ушёл на работу, — я сказала Нату.

— Ещё пока нет, — он выпрямился, вышел из квартиры, и стал возле меня. — Ты не упоминала, что у Финна есть семья, — сказал он, самозабвенно глядя на Мариссу. — Я бы побыстрее постарался починить обогреватель.

Все повернулись ко мне.

— Я... — я запнулась. — Я полагаю, что не подумала об этом.

— А я подумал. В любом случае я не могу починить его прямо сейчас, мне нужны инструменты, — он посмотрел на Финна. — Когда ты их достанешь, я смогу закончить. Если это будет безрезультатно, нужно будет его заменить.

Кендра состроила гримасу.

— И что, здесь так и будет такая жарница? Может арендодатель что-либо сделать?

— Эта волокита займёт недели, — сказал Натан. — Я заменю его, сами знаете какой, не буду выражаться, у вас обогреватель, — он посмотрел на Мариссу. — Но держу пари, что холод намного хуже.

— Всё нормально. Она слышала кое-что и похуже, — сказал Финн. — Наша мама выражается как сапожник.

— И тебе, чёрт возьми, это нравится, — сказала Кендра, обняв его за талию. Финн коротко посмотрел на меня и отвёл взгляд. Судя по моему опыту, расставшиеся пары так себя не ведут. Я сглотнула, от такого нежного проявления любви, и пристыженно почувствовала укол ревности. — У алтаря, — продолжила Кендра, — когда святой отец спросил, беру ли я Финна в мужья...

— Она сказала «конечно, чёрт возьми, я согласна», — торопливо произнёс Финн, сливая слова воедино. — Я не только прожил эту историю, но и постоянно слышал её пересказ.

— Они не слышали, милый, — она приподнялась, чтобы поцеловать его в щёку, затем пробежалась рукой по щетине на его подбородке. — Это что-то новенькое.

Его жевалки напряглись.

— Это бородабрь. Борода, ноябрь. Я её рашу.

— Круто, — весело произнесла она. — Может мне тоже её отрастить.

Я издала протяжный смешок, прежде чем смогла себя остановить. Она говорила о волосах, но не на голове. Когда Натан это понял, он тоже засмеялся.

Финн не выглядел весёлым. Он отодвинулся от Кендры.

— Давай отпустим их. Им ещё нужно на работу.

— Да, — согласился Натан, — а мне ещё и в душ.

Мужчины пожали друг другу руки.

— Ещё раз спасибо, — сказал Финн. — Я у тебя в долгу.

— Пока нет, но когда я почию его, с тебя упаковка пива. И не заурядного какого-нибудь, а дорогого и качественного.

— Натан, — произнесла я, качая головой.

— Что?

Финн улыбался.

— Ты его получишь.

Натан одарил Кендру своей улыбкой, сражающей женщин наповал. Я прекрасно её знала, но не с такого ракурса. Неужели он также улыбается, когда меня нет рядом?

— Было приятно с вами познакомиться леди, — его взгляд задержался на Мариссе. Он начал так смотреть на детей в прошлом году. Во всяком случае, это когда я стала это за ним замечать.

Может это не правильно, что я ревную его к маленькой девочке? Я проследовала за Натаном в нашу квартиру, в моих мыслях царил хаос. Я чувствовала себя дурой по многим причинам. Я хотела узнать, о чём разговаривали Натан и Финн. Почему Финн не упоминал о семье.

Как только дверь в нашу квартиру закрылась, улыбка сползла с лица Натана. Он, расстёгивая рубашку, исчез из поля зрения.

— Тебе не обязательно было туда ходить, — сказала я. Мой тон вопреки желанию был обвинительным.

Он исчез в спальне.

Моя блузка прилипла к подмышкам. Мне было то холодно, то жарко — это состояние начало меня раздражать, ведь зима технически ещё не наступила. Я осталась там, где и стояла. Финн утверждал, что честность была причиной, по которой он хотел меня поцеловать, но не упомянуть о семье — это было ложью. Я не знала, почему меня вообще это волновало. Это было не моё дело. Хотя я не люблю, когда бьют исподтишка.

Я отстегнула поводок Джинджер. Появилось запоздалое смущение за моё поведение. Я-то подумала, что Финн флиртовал со мной. У меня было такое чувство, что каждый собравшийся в коридоре решил надо мной подшутить, и они ожидали моей реакции на то, что я узнала, что Финн женат. Даже Натан.

В любом случае, почему меня это волнует? Я повесила пальто. У меня есть кто-то очень даже хорошенький здесь, в нашей квартире. Я всё еще помнила наш горячий секс пару дней назад. Я нашла Натана в ванной, пар устремился вверх к держателю для душа. Я отодвинула занавеску.

Его глаза были плотно закрыты, так как он намыливал волосы шампунем.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Присоединяюсь к тебе, — сказала я, расстёгивая блузку.

Он не ответил и даже не посмотрел на меня.

— Разве ты уже не приняла душ?

— Мне всё равно.

— Ты уже должна уходить на работу.

— Мне всё равно, — произнесла я на распев. Я вытянула блузку из-за пояса юбки. — Ты знаешь, какой я бываю, когда я в настроении.

Его член дёрнулся. У меня внутри всё сжалось. Да. Это было то, чего я добивалась. Когда я видела его желание своими глазами, у меня между ног всегда тоже рождалось желание.

Натан пробежался руками по лицу и ополоснулся.

— Я уже опаздываю.

— И что? — я погладила его бицепс, локоть, предплечье. Я потянулась к нему. — Я хочу тебя.

Он поймал мою руку.

— Я сказал нет.

Я отодвинулась. Вода из душа капала с моей руки на нос ботинка.

— Что?

— Нет.

— Почему нет?

— Я говорил тебе. Я опаздываю.

— Раньше это тебя никогда не останавливало.

— Я не хочу.

Мне показалось, что я слышала, как разбилось моё сердце. Натан перевёл взгляд с моего лица на грудь. Неужели он так просто мог выключить влечение ко мне? Или я была слепа, всё отрицая? Может он уже некоторое время ко мне ничего не испытывал.

— Ты имеешь в виду меня. Ты не хочешь меня.

Он отвёл взгляд и после короткого замешательства потянулся за мочалкой. Он выдавил не неё гель для душа, а затем застыл, будто забыл, что с ней надо делать дальше.

— Нет. Просто не сейчас.

Меня осенило, что возможно он не хотел меня и той ночью тоже. Может он хотел шлюху, не жену, и он это получил. Но при дневном свете труднее делать вид, что ты занимаешься сексом с кем-то другим.

— А когда? — спросила я.

— Я не знаю. Я не хочу говорить об этом в душе.

— Ты, наверное, шутишь? Ты же не можешь просто выложить мне всё это, а потом просто взять и закрыть тему.

Он развернулся ко мне спиной и прислонился ладонями к стене.

— Наверное, не могу. Но прямо сейчас, я думаю, будет лучше, если ты оставишь меня одного.

У меня задрожала челюсть. Моя блузка была растёгнута. У меня на самом деле не укладывалось в уме, что в последние месяцы он, возможно, просто меня не хотел. А что, если он был злым, если он был грустным, если он с кем-то переспал — я ещё могу с этим справиться. Но что, если он ничего не чувствует ко мне? Это смертельно для наших отношений, как ножом в самое сердце. Я погладила его по спине.

— Почему?

Он ударил по плитке одной рукой.

— Твою мать, Сэди. Я сказал, что не хочу об этом говорить.

Я отступила назад, практически споткнулась о коврик для ванной. У меня было два желания: либо с силой вырвать занавеску с колец, либо умолять его прекратить всё это. Я не знала, что сделает только хуже, или что всё улучшит. Может, это как раз и было белое и чёрное. Я была в замешательстве. Я ушла из ванной, я ушла из квартиры, ушла от его дерьма. В лифте у меня тряслись руки, пока я застёгивала блузку, заправляла её в юбку, и надевала пальто.

До этого Натан никогда мне не отказывал мне даже в поцелуе. Я первая отпускала его руку, меня звали для прощального лёгкого поцелуя, когда я убегала на работу. Мне нравилось, что он так любил меня. Иногда я забывала показать свою любовь, но не он.

Он заботился обо мне не потому, что должен, а потому что сам этого хотел. Это фундаментальное различие между ним и другими мужьями, которых я знаю. Несколько лет назад я со своими подругами поехала в Атлантик — Сити на выходные и перепила мартини, меня стало тошнить, и, по словам девочек, я не успокоилась, пока не поговорила с Натаном. Он забрал меня той же ночью, три часа пилил до казино и ещё три обратно. Я заснула, моя голова покоилась у него на коленях, и он гладил мои волосы одной рукой, а другой вёл машину. На следующее утро любой другой отчитал бы меня. А он готовил яичницу с беконом, пока мы смеялись.

На улице ярко светило солнце, но погода разбушевалась. Ветер заморозил мои уши, нос, пальцы. Каким-то образом он проник в моё сердце и заморозил и его тоже. Сердце, которое было незащищено и беззащитно, потому что Натан разбил стены, защищающие его.

Потому что Натан однажды любил меня настолько сильно, что я чувствовала себя в безопасности его заботы. «Личное пространство. Это, то чего я никогда не дам тебе слишком много. Обещаешь мне тоже самое?»

была под пристальным взглядом моего босса. Её очки в чёрной оправе съехали на кончик носа, я знала почему. Мы уже сорок минут были на этом собрании, а я не произнесла ни слова.

Когда она всех отпустила из конференц — зала, она сказала мне задержаться.

— Давай пройдем в мой офис.

Я закрыла ноутбук и проследовала за ней. Амелия Ван Экен Коммуникейшенс или АВЭК, занимало седьмой этаж офисного здания возле Брайант-парка. Открытое, без разделения, пространство было светлым благодаря солнечному свету из окон от пола до потолка, в центре которого была люстра, и плюшевые из синего бархата клубные кресла возле лифта. Она никогда не раскрывала, сколько ей было лет на самом деле, но для возраста чуть за тридцать, она успела достигнуть намного больше, чем любой из знакомых мне людей.

— Гови, — позвала Амелия. Её стрижка, удлинённый светлый боб, двигалась как единое целое, будто скорее принадлежало героине из «Лего», чем человеку. — Нам нужно два латте из моего любимого места. Ты его знаешь.

Гови медленно показался из-за ряда столов, где мои коллеги подслушивали, неистово кликая мышками. Его рот сузился в тонкую линию.

— Амелия, я что, выгляжу как ассистент?

— Все вы, мальчики около тридцати, выглядите для меня одинаково. Я не знаю, где Джек. Он, наверное, убирается после совещания. Это на Шестой Авеню.

Гови бросил на меня сердитый взгляд. Я пожала плечами. Он знал, с чем ему предстоит иметь дело, когда устраивался.

— Принеси их прямо сюда, — добавила она. — Холодный латте плохо скажется на моём настроении.

— Вот как это называется, — пробормотал он.

Она услышала его, но для неё это было сродни комплименту. Амелия нанимала мужчин мелкими сошками, таким образом она мстила бывшему мужу, приказывая им то одно, то другое.

Никто об этом не говорил, но все об этом знали.

— Закрой дверь и садись, — она плюхнулась в белое кожаное кресло и проверила настольный календарь от Кейт Спейд в золотой оправе, пока говорила со мной. — Что это сегодня было?

— Когда? — я заняла место прямо напротив её и скрестила ноги.

— Не строй из себя невинность. Я ожидала большего. Поэтому я и предложила твою кандидатуру вместо Гови, — она указала на меня ручкой в чёрно — белый горошек. — Ты была растеряна.

Это правда. Если бы только всё было наоборот, и работа смогла отвлечь меня от проблем в личной жизни. Слишком многое случилось за последние несколько дней. До того, как Натан отверг мои попытки к сближению, я подозревала, что это просто такой период. Теперь я располагала информацией, которую я просто не могла игнорировать. В какой-то момент мы с Натаном сбились с пути, теперь мы играли не за одну команду, а против друг друга.

— Извини. В последнее время меня многое тревожит.

Она кивнула, а её кожаное кресло скрипнуло.

— Развод — это задница. Но поверь мне, быть одной намного лучше.

Мои щёки треснули, когда я улынулась, будто их уже долгое время не использовали.

— Тебе понравился Натан, когда вы встретились на прошлогодней праздничной вечеринке.

Её брови сошлись вместе, но волшебным образом, ни одна морщинка не появилась.

— Неужели? А, да. Я забыла. Теперь я припоминаю, — она махнула наманикюренной рукой.

— Дорогая, он слишком симпатичный. Ты не можешь иметь всё и сразу.

Я не удержалась и засмеялась.

— Это логично, но на самом деле далеко от правды. Натан, он... — и вот снова, мне было трудно описать его характер. Я могла рассказать ей, что он ставит интересы других людей выше своих, что он любит и доверяет слепо, иногда слишком слепо. Но, казалось, слов недостаточно, чтобы его описать.

Амелия вздохнула. Её внешняя невозмутимость немного проявилась, как будто с зеркала вытерли пар.

— Я помню, Сэди. Я часто вспоминала, как было очевидно, что он обожает тебя. Он всегда делал всё возможное, чтобы ты хорошо проводила время.

Я выпрямила спину и тепло разлилось по телу. Даже она видела, как идеально мы подходим друг другу, а учитывая её сегодняшние взгляды на брак, это было подвигом.

— Я помню, что мы увлечённо беседовали с клиентами, — продолжила она. — А твой муж принёс напитки без чьей-либо подсказки. Клиентам это понравилось.

— В этом весь Натан, — сказала я. Я улыбнулась в нерешительности. Или, это был Натан.

Вечеринка этого года будет через месяц. Я не думаю, что он захочет прийти. Хотя, даже если он и захочет, как долго мы сможем притворяться? Будут ли Амелия и мои коллеги видеть нас насквозь? — Хотя это не обо мне, — я сказала ей. — У нас с Натаном всё хорошо. На самом деле я переживаю из-за подруги.

Она цокнула губами.

— Ну конечно.

— Честно. Очень близкая подруга. У неё дела не очень.

Амелия всё время говорила о проблемах в её личной жизни, поэтому я знала, через что ей пришлось пройти. Мне было не совсем удобно обсуждать личные вопросы в офисе, но мне необходимо было поговорить с кем-то, кто смог бы меня понять.

Раздался стук в дверь.

— Входите, — сказала Амелия.

Зашел Гови с нашим кофе.

— Ну что, это было так трудно? — спросила она.

— Совсем нет, — он поставил их на стол. — Просто теперь не рассчитывай на меня при запуске предложения Incredi Blast Mascara сегодня вечером, как планировалось.

— А я на это как раз и рассчитываю, — сказала она мимоходом. — Подожди, — она подняла руку вверх, чтобы остановить его и сделала осторожный глоток латте. — Хорошо. Ты свободен.

Он оставил нас одних, и я потянулась за моим кофе.

— Так эта твоя подруга, — сказала Амелия. — Что с ней не так?

Я попыталась не выглядеть обиженной.

— На самом деле, дело не в ней, то есть, кого нужно винить в подобных ситуациях?

Амелия подождала, пока я продолжу, постукивая ручкой по слову ноябрь.

Я почесала запястье, затем под носом. Даже замысловатый террариум у окна не смог удержать мое внимание сегодня.

— Как долго продолжался роман Регги до того, как ты узнала о нём?

Амелия прекратила постукивание. Она настолько часто рассказывала про Регги, что такой вопрос не казался мне неуместным.

— Около года. И это только тот роман, о котором я знаю.

— Какие признаки на это указывали? Если оглянуться назад, что изменилось за тот год?

Она сжала свои красные губы.

— Совершенно незначительные вещи выдавали его, — сказала она. — Он злился на меня без причины.

— Правда? — я кашлянула, потому что у меня пересохло в горле. — Неужели многие браки сталкиваются с этим? — мой не сталкивался до недавнего времени. Но я помню, как мне сообщали по секрету мои друзья по какому поводу они ссорятся со своими мужьями. Но это ни в какой степени не относилось к нам с Натаном. Например, чья очередь выбирать фильм или кто последний пользовался велосипедом, и поэтому из шины вышел весь воздух.

— Судя по выражению твоего лица, муж твоей подруги уже ведёт себя таким образом.

Я обуздала своё выражение лица, постаралась выглядеть просто немного озабоченной.

— Кажется, что он, я не знаю, как это выразить, сыт ей по горло. Раздраженный.

— Это типичный случай. Мой психолог скажет тебе, что на самом деле он зол не на тебя, извини, не на неё. Он злится сам на себя, и вымещает это на тебе.

— На ней, — поправила я.

— Да. Извини.

Я нахмурилась на неё.

— Это не я.

Она подняла ладонь вверх.

— Я знаю, — сказала она защищаясь.

— Какие — то ещё признаки?

— О, это только половина, — сказала она. — Вот, например, я как-то готовила напиток и уронила кусочек льда на пол, даже не заметив. Он поскользнулся, совсем немного, я тебя уверяю, он даже не упал, но он сорвался на мне. Я была так расстроена, что даже расплакалась. Позже, он пришёл в спальню с очень виноватым видом. Сказал, что отведёт меня поужинать в любое место, куда я захочу, только чтобы помириться. Он

чувствовал себя просто ужасно.

— Я не совсем понимаю.

— Всё было на пределе, — сказала она. — Предельный гнев переходил в предельное раскаяние. Он-то воздерживался от проявления любви, то тратил баснословные суммы на бутылку вина или туфли от Лубутена в знак примирения.

С тех пор как всё это началось, Натан не удосужился произнести искреннее «извини». Он не предпринял никаких попыток что-либо уладить или утешить меня. Он закрывается, потом закрывается ещё сильнее, а я уже дохожу до отчаяния.

— Он чувствовал свою вину? — заключила я. — По поводу его романа.

— Точно, — сказала она. — Тебе бы стать психотерапевтом.

— К этому заключению несложно прийти.

Она глубокомысленно вздохнула.

— Ну как, это соответствует поведению мужа твоей подруги?

— Я не видела, чтобы он извинялся.

— Может он делает это с глазу на глаз. Регги не сдерживался в пылу момента. Извинение было лучшим выбором, — она покачала головой. — Больной, правда? Регги был задницей — манипулятором.

— А если он этого не делает? Не извиняется?

Она сделала глоток латте, изучая меня из-за края стакана. Её помада оставила большое красное пятно на белой крышке.

— Я не знаю, милая, значит ли это, что у него роман, или, что его нет. Вина проявляется множеством способов. Многие женщины получают джекиллов и хайдов, когда их мужья начинают изменять. Хотя все мы разные.

Я вертела картонный держатель вокруг чашки. Амелия открытый человек, но я была не совсем уверена, где кончались границы дозволенного с ней. Но этот вопрос прожигал меня изнутри. Мне нужно было задать его, иначе он бы сжёг меня изнутри.

— Год — это довольно долгий срок, если ты спишь с кем-то, кто не является твоей женой.

— Да, верно, — она посмотрела прямо на меня. — Ты хочешь узнать были ли мы с Регги близки в течение этого времени?

Я поднесла кофе к лицу, будто чашка сможет спрятать мой смущённый кивок. Я сделала глоток и тёплый напиток начал своё путешествие по моему горлу.

— Мы были первые месяцы. Затем это случалось всё реже и реже, он извинялся. Потом всё и вовсе прекратилось. Он не проявлял ко мне интереса.

Мой желудок совершил кульбит. Всё просто прекратилось. Я не могла представить, что больше никогда не почувствую вес тела Натана на себе. Никогда не кончу под его умелыми пальцами и жёсткими выпадами. Я люблю смотреть, как меняется его лицо за пару секунд до оргазма, будто он пытается увидеть что-то, что мне не доступно. Это состояние слишком знакомо, чтобы его игнорировать. Пятно от помады, говорящий сам за себя запах сигарет, его оборонительная позиция и неоправданный гнев — поведение Натана, как классический пример из книги об изменяющих мужьях. Но, что, если то, о чём говорит Амелия правда, это как соль на мою рану. Просто потому что поведение Натана изменилось два месяца назад, не значит, что и роман длится столько же. Как долго всё это продолжается?

О, господи. Натан жизненно важен для меня, как моё сердце или как кровь в венах. Если он планирует бросить меня ради другой женщины, он с таким же успехом мог бы вспороть меня ножом и оставить истекать кровью. Амелия смотрела на меня с сочувствием, но не удивлённо. В её жизни вещи такого рода случались. Это случилось и со многими её друзьями. Я не удивлюсь, если у неё с ними состоялись такие же беседы.

Я вернулась в свой офис. В течение всего дня я думала, как мне правильно на всё это реагировать: злиться, грустить, быть в замешательстве. От мысли о поднятии этого вопроса, я испытывала острую боль. Я бы лучше спряталась под одеялом и «переждала бурю». У меня не было явных свидетельств, но это и не было интуитивными догадками. Сердце подсказывало, что этого не могло произойти. Но головой я понимала, что вполне могло. Придётся ли мне оставить его? Хочу ли я этого? Или он бросит меня первым?

Моё сердце не билось, оно пульсировало, как открытая рана, которую ничто не сможет вылечить. Кто смог привлечь внимание Натана? Жена Финна привлекательная и забавная, почему тогда он хотел поцеловать меня, если у него была она?

Даже если я смогу вынести мысль о встрече лицом к лицу с Натаном сегодня вечером, я не смогу этого

сделать. Сегодняшний вечер, он проводит вне дома, и он будет в Бруклинском Боулинге. Я всё ещё не теряла надежду, что когда я вернусь домой с работы, он будет меня ждать.

Что он сожалеет, что отверг меня утром.

Я была в паре шагов от своей квартиры, когда дверь 6А открылась позади меня.

— Сэди, — настойчивый голос Финна эхом раздался по коридору. Я остановилась. Натан уже долгое время не произносил так моё имя. — Я ждал тебя.

Это был не тот человек. Это была не та квартира. Но моя мечта сбылась. Всё — таки кто-то меня ждал.

9

— Позволь мне всё объяснить, — сказал Финн.

Я не обернулась. Я мыслила более ясно, когда не смотрела на него.

— У тебя есть семья.

— Да, но...

— Ты врал.

— Нет. Я пытался тебе всё рассказать после нашего похода в химчистку, но ты не дала мне возможность высказаться. Ты знала, что я собирался сказать что-то важное, но ты не захотела меня выслушать.

Я смотрела вперёд, не совсем уверенная, кто был виноват. Ещё пару шагов, и я бы оказалась дома. Скорее всего Джинджер ждёт меня в прихожей. Иногда мне кажется, что она слышит меня, когда я только еду в лифте.

— В любом случае ты должен был мне всё рассказать, — сказала я с дрожью в голосе.

Дверь в квартиру Финна захлопнулась. Он подошёл и встал позади меня.

— Давай не будем обсуждать это здесь.

— Почему нет?

— Ты знаешь почему.

Я сжала кулаки. Если бы я надавила на него, между нами больше не было бы недосказанности. Я могла бы это отрицать, но факт оставался фактом, Финн был здесь, а Натан — нет.

Финн взял меня под локоть.

Я обернулась посмотреть на него, вздрогнула от тепла его руки, тем как его рука слилась с моей кожей.

— Где они? — спросила я.

— Не здесь.

— Где?

— Дома.

Мне не следовало поворачиваться. Теперь мне не хотелось отводить взгляд. Я вспомнила как приятно было просто находиться рядом с ним.

— Твоя дверь захлопнулась.

Взгляд его зелёных глаз смягчился. Он залез в карман рукой, затем раскрыл свой кулак, и показал ключ. Он провел меня к своей двери, всё ещё держа меня за руку, а свободной рукой открыл дверь. Его хватка была властной, сильной. Я позволила ему завести меня в его квартиру.

Он снял сумочку с моего плеча и поставил её на пол. Он хотел снять и пальто, но я остановила его.

— Ты спаришься, — просто сказал он.

Через мгновение мои плечи расслабились. Я позволила ему снять с меня пальто. В его квартире была жарница, как на экваторе.

— Может выпьешь чего-нибудь?

Я не знала, почему я была здесь. У меня почти никогда не получалось отказать себе в чём-то, и я бы лучше находилась здесь, чем в моей пустой квартире. Я прошла вглубь. Солнце садилось, красно — оранжевые лучи просочились через открытое окно. Сквозняк захлопнул обложку книги в мягком переплёте. В центре комнаты на потёртом по бокам деревянном ящике стоял проигрыватель.

— Кендра никогда бы не позволила мне такой купить, — сказал он, стоя позади меня. — Если это не самая новая вещь, лучше оставить её в прошлом. Всё в Нью-Йорке слишком старое для неё.

У конверта для грамм пластинки были посеревшие, потёртые края. Лучшие хиты Дженис Джоплин.

Я повернулась и посмотрела на него через всю комнату. Казалось, он старался держать дистанцию.

— Ну и что это? — спросила я.

— Что?

— Вы разошлись? Разводитесь? — я скрестила руки на груди. — Кризис среднего возраста?

— Хуже.

На улице темнело, просигналил автомобиль.

— Ничего из выше перечисленного, — сказал он. — У нас всё нормально.

Я тотчас поняла, что значит это хуже. У Финна и меня были другие места, куда нам нужно было идти и пытаться быть счастливыми.

— Вы не разошлись?

Он покачал головой.

— Как и у всех, у нас есть спорные вопросы. Но когда вещи будут распакованы, она и Марисса будут жить здесь. Я приехал раньше них, чтобы обосноваться, и, честно говоря, — он сделал паузу. — Чтобы немного побыть одному.

— Когда?

— В конце месяца. После Дня Благодарения.

Мои ногти впились в ладони.

— Но ты хотел поцеловать меня.

— А ты не хотела, чтобы я это сделал?

Хотя я не всегда была откровенной, я также не привыкла врать.

— Я хотела, — согласилась я.

— Вы тоже не разошлись. У тебя нет сомнений по поводу Натана, — он пригвоздил меня взглядом. — Или есть?

— Нет, — я ответила решительно.

— Ну так почему я плохой парень? Это касается не только меня. Мы нравимся друг другу.

Я открыла рот, чтобы это отрицать, но мы оба знали, что это правда. Я бы только звучала оборонительно. Взрослые должны быть в состоянии обсуждать подобные вещи.

— Ладно, — согласилась я. — Но ты должен был сказать мне о них. На тебе не было обручального кольца.

Он показал мне руку, на которой и теперь не было доказательства, что он женат.

— Я его не ношу, пока занимаюсь распаковкой. Я один в квартире. Я не собирался обманывать тебя.

Я пропустила руки через волосы.

— Это не важно. У тебя ребёнок.

— Разве это изменило бы то, что ты чувствуешь?

— Да, я бы не...

— Что?

Вчера вечером я пришла с намерением помочь другу. Сказала бы я ему пару дней назад, что не могу прогуляться с ним до химчистки, потому что он женат? Нет. Это была невинная прогулка. Теперь я знала правду, и всё равно была здесь.

Капелька пота скатилась по виску, и я смахнула её.

— И что теперь?

Он пересёк комнату и остановился передо мной. Его присутствие было осязаемым. Он потянулся. Я сражалась с протестом, но он просто взял пластинку и достал её из конверта.

— Прошло много времени с тех пор, как я делал это, — сказал он.

Я изучала его лицо, а он сфокусировался на установке пластинки в проигрыватель. Песня немного потрещала до того, как заиграла. Он закрыл глаза и придвинулся ближе ко мне, казалось, его не волновало, что он не мог видеть.

— Славно, правда? Ядро на цепи [4].

Он говорил про песню, но его завуалированная ирония не ускользнула от меня. Я не ответила. Морщинки вокруг его глаз становились более глубокими, когда он улыбался. Его отросшая борода была цвета тёмного блонда. Внезапно, я не смогла вспомнить цвет его радужной оболочки, была ли она цвета сосны или изумруда.

— Финн.

Он открыл глаза. Они были насыщенного зелёного цвета леса, его зрачки расширились, из-за чего цвет казался ещё темнее. Он посмотрел на меня и засунул руки в карманы. Он стоял настолько близко, что мог толкнуть меня

локтем.

— Я купил эту пластинку в магазине подержанных товаров сегодня вечером. После того, как Кендра уехала.

— Она рассердится?

— Она уже рассердилась. Где Натан?

— Не твоё дело.

— Я ответил на твои вопросы.

— Я не приставляла к твоему виску пистолет.

— Он дома? — спросил он.

Я нахмурилась. Не отвечать было ненамного лучше вранья, но я не могла выдавить из себя да. Это было неправдой.

— Остайся, — сказал он. — Давай что-нибудь выпьем.

— Здесь, наверное, миллион градусов жары.

— Тебя это не смущает.

Мой гнев вышел через жаркий выдох.

— Нет?

Он медленно покачал головой.

— Нет.

Теперь он был ещё ближе. Настолько близко, что чувствовалось будто температура поднялась еще на сотню градусов. Он прижал кончик своей туфли к моей, будто в поцелуе. Я с лёгкостью могла отойти. Позади меня была ещё половина гостиной.

— Они вернутся?

— Не сегодня. Они не переносят жару.

Жара была значительная, но не настолько, чтобы разъединить семью.

— Это не причина.

— Мариссе нужно в школу завтра. Кендра ненавидит большой город. У меня нет места для второй машины. Наши кровати ещё не приехали. Выбирай любую.

Моя грудь вздымалась и опадала. Никто из нас даже не моргнул.

— Тогда где ты спишь?

— На матрасе на полу, — сказал он. — Для меня этого достаточно.

У меня саднило горло. Я поняла, что это продолжалось с того момента, как утром я покинула ванную комнату. Это из-за невыплаканных слёз и невысказанных обвинений. Из-за желания, чистого, неразбавленного и сильного.

— Тебе жарко?

— Невыносимо.

Запись застопорилась. Всё ещё держа руки в карманах, он наклонился вперёд и прикоснулся своими губами к моим. Мы вдвоём застыли, дыша через нос. Этот мужчина хотел меня. Я могла судить об этом по каждому его движению, не важно, что они были немного сдержанными. Я не думала, что был момент, когда бы он не хотел меня. А что насчёт меня? Не мечтала ли я об этих мягких губах? Он дотронулся до моей щеки. Всё ещё с закрытыми глазами, я прильнула к его ладони.

Он отступил, но его рука осталась на моей щеке. Наши взгляды встретились. Он решительно проскользил большим пальцем по моим губам, так что мои зубы царапнули внутреннюю часть нижней губы.

— Сэди, — он произнёс моё имя как какую-то команду. Его не волновало, что я ему не принадлежала. Он не спрашивал моего разрешения.

Музыка продолжала перескакивать с места на место. Дневной свет быстро исчез, как будто закрыл на всё глаза, и позволил сумеркам разбираться с изменщиками.

Финн склонил голову. Мне следовало остановить его. Он рисковал даже больше, чем я, и, отчасти, поэтому я не хотела его останавливать. Нет ничего горячее, когда видишь, что тебя так сильно желают. У меня в животе одновременно были камни и бабочки. Я снова вернулась в девятый класс, в незнакомый сад, где я раздавила красный пластиковый стаканчик, когда меня впервые поцеловали. Почему я почувствовала себя также?

Он обнял меня за шею другой рукой и притянул меня, будто не мог больше ждать ни секунды. Ощущение его губ было в сто раз лучше, моего первого поцелуя. У меня были годы практики после первого поцелуя. Рот Финна был мягким, но жадным. Я старалась не отставать.

Он усилил хватку на мне, а его стон был сладким, как конфета. Я не могла не обнять его в ответ, поэтому

вцепилась в его футболку. Твёрдый, готовый он прижимался к моему животу, и бабочки в моём животе просто сошли с ума.

Я не видела член другого мужчины уже семь лет.

Паника зародилась у меня в груди. Моё возбуждение превратилось в пепел, обжигая меня. Я оттолкнула Финна, и споткнулась. Я налетела на деревянный ящик, и проигрыватель полетел на пол. Музыка остановилась.

Я прикрыла рот рукой.

— Мне очень жаль.

Он тяжело дышал, и пристально на меня смотрел.

— Почему?

— Я... не хотела... твой проигрыватель...

— Нет. Почему ты остановилась?

Это должно было быть очевидным, но даже я не могла произнести это вслух. Я боялась зайти дальше. Что если мне это не понравится? Что если наоборот?

— Я испугалась.

Он беспомощно смотрел на меня. Я не смогла понять, он разозлился или успокоился.

Наконец, он двумя руками потёр лицо.

— Спасибо за честность.

Я отступила на шаг.

— Мне нужно идти.

Он отбросил слипшиеся волосы со лба.

— Я не хочу, чтобы ты уходила.

— Я знаю.

— Пстой, — он потянул меня вперёд за бицепс, я оказалась прямо перед ним. Он коснулся своей ладонью линии моих волос, пробежался пальцами сквозь пряди. У меня вспотели руки и местечко под грудью. Он погладил пальцем мою блестящую верхнюю губу, но я не думала, что это могло помочь.

— Он подумает, что ты бежала домой с работы, — сказал Финн.

Я положила руку на его запястье, и он остановился.

— Пока, — сказала я.

Он отпустил меня, я взяла своё пальто и сумочку и вышла из квартиры. Воздух в коридоре, хотя и обогреваемый, был освежающим для моей вспотевшей кожи. Я вошла к себе домой.

В прихожей горел свет. Джинджер не сразу пришла меня поприветствовать, что означало только одно.

— Натан?

— Да.

Я прикрыла рот рукой, повернулась к ближайшей стене и прислонилась к ней лбом. Он не мог быть здесь. Он не мог быть так близко. Просто напротив по коридору, где я позволила Финну прикоснуться ко мне руками, губами, заявить свои права на меня. В паре шагов отсюда я перешла черту, которую я надеялась, что никогда даже не увижу, тем более не переступлю. Но в глубине души я знала правду. Даже если Натан был в соседней комнате, мы никогда не чувствовали себя дальше друг от друга, чем сейчас.

— Сегодня много вызовов? — спросил Натан, пока мы пересекали Вильямсбургский мост [5] такси.

— Ну, — водитель неопределённо пожал плечами.

Прохладный Нью-Йоркский вечер остудил мой жар, и теперь я куталась в пальто. Я подумала о том, что хорошо было бы захватить перчатки. Или шарф, подумала я, в то время как Натан снимал свой с шеи.

Я посмотрела на чёрную гладь реки Ист-Ривер. Я не знала, о чём думала, вызвавшись пойти посмотреть, как Натан играет в боулинг. Он уже был полностью собран и готов выйти, когда я вернулась из квартиры Финна. Я запаниковала, испугавшись, что он увидит доказательство поцелуя Финна на моём лице — мои розовые губы и виноватые глаза. Он не упомянул об этом.

Боулинг — это не моё. Вульгарные песни 80-х, слабое освещение, бакалея, чёрствые, пожелтевшие крендели,

вчерашние начо. Натан играл в боулинг уже год, а я ни разу так и не пришла посмотреть. Моё безрассудство с Финном способствовало появлению беспокойства по поводу растущей пропасти между мной и Натаном, поэтому я сама себя пригласила. Он торопился, но не возражал.

Единственное о чём я не задумывалась до теперешнего момента, это как добраться до Бруклина. Натан проводил там много времени.

— Разве ты обычно не на метро едешь? — когда я отвернулась от окна, то заметила, что Натан смотрел на меня через плечо.

Он снова повернулся вперед.

— Да, но я уже опаздываю, — после короткого замешательства он передал мне свой шарф.

Я обернула его вокруг шеи, сразу согрешившись. Он пах Натаном. Этот жест не заставил бы меня задуматься о нём дважды ещё два месяца назад, но сегодня для меня это было лучше, чем букет роз.

— Сколько стоит такси?

— Сэди, не выноси мне мозг.

Я немного покачулась назад от потрясения.

— Я и не думала.

Водитель сузил глаза на меня в зеркале заднего вида, быстро ополчившись против придирчивой жены. Когда я передвинулась в кресле, кожа скрипнула.

— Ты думаешь я бы предпочла прокатиться на метро? Мне просто было любопытно.

— Это намного дороже билета на метро.

— Мы ведь едем аж в Бруклин, — проворчал водитель.

Они обменялись взглядами и пожали плечами, как старые приятели. Замечательно. Натан был более общительным с водителем такси, чем со мной.

— Как дела на работе? — спросила я, предлагая более нейтральную тему.

— Дел по горло, — он откинул голову на сидение со вздохом. — Ты знаешь, как это бывает перед праздниками.

Места дислокации Ассоциации Добрых Семей становятся переполненными в это время года, особенно когда выпадает снег. Он собирает деньги в главном офисе и не видит и половины того, что происходит в приютах, но в любом случае он предотвращает раздоры в них. Я восхищаюсь его приверженностью, несмотря на то, что не всегда его понимаю.

— Я тут подумала, — сказала я, затем остановилась. Всякий раз, когда я так говорю, Натан дразнит меня словами «ой-ой-ой» или «Боже упаси». Обычно это выводит меня из себя. — Я тут подумала, — повторила я, в случае, если он не слышал, — нам следует пропустить обед на день Благодарения у моих родителей в этом году и подать его на кухне в приюте.

Он немного приподнял голову.

— Правда?

— Да.

Он повернулся в кресле, и на этот раз произнёс.

— Я пытался уговорить тебя на это годами.

— Я знаю. Но в этом году я решила, нам не придётся иметь дело с манипуляциями моих родителей.

Он уже был готов улыбнуться, но остановил себя. Я не знала, почему он этого не сделал, но я видела, что сделала его счастливым. Я приму то, что дают. После того, как ранее я поговорила со своим боссом, я долго размышляла о том, чтобы сделать что-то особенное для Натана. У меня не было дефицита идей, но было трудно придумать что-то именно для него, что не являлось прямой выгодой для меня или даже нас как пары. Каждый год Натан просил меня оказать помощь в Добрых Семьях вместе с ним, и каждый год я отказывалась. Моя мать проделывала старый трюк «почувствуй себя виноватой», а брат давил на то, что не хочет застрять с племянницей один на один с нашими родителями. Натан никогда не отказывал мне. Он просто работал волонтером вечером перед Днём Благодарения.

Натан опять посмотрел вперёд через лобовое стекло.

— Посмотрим.

— Я уже позвонила маме.

Он уставился вперёд. У него был поразительный профиль, такой же сильный и безмолвный, как и он сам. На первый взгляд это были просто нос, рот, пара глаз. Но, если присмотреться по повнимательнее, вы увидите, что воплощение и симметрия просто прекрасны, настолько, что у меня захватило дух.

— Что ты сделала? — переспросил он. — Ты сказала, что мы не придём?

В его голосе была надежда. Будто я находилась в крошечной тьме, и вдруг зажегся маленький огонёк.

— Она пыталась переубедить меня, но я отстояла своё мнение. Эндрю и Белл приедут в среду вечером на ранний обед на День Благодарения, и на следующее утро я с ними отправлюсь в бесплатную столовую Добрых Семей — с тобой или без тебя.

Я наблюдала за движением его кадыка, когда он сглотнул. Практически незаметно, его плечи расслабились на сидении.

— Спасибо.

Я позволила себе маленькую улыбку. Его одобрение ощущалось как будто оазис в долгом путешествии по пустыне. Я подумала, сколько времени понадобится, чтобы пересечь её всю.

???

Боулинг в Бруклине был не таким, каким я ожидала его увидеть. Снаружи казалось, что это был обычный склад. Но, когда мы ступили внутрь, увидели, что там было темно и людно. Музыка была громкой. В пространстве напротив входа лазерные дорожки и разноцветные шары для боулинга составляли неоновую площадку для игры. Всё светилось синим и пурпурным ультрафиолетом, и после каждого грохота тёмные рты поглощали прямые белые зубы-кегли.

— Очередной вечер среды, — сказал мне Коннор Викс, коллега и приятель Натана.

Это не был скучный, пустой клуб, как я себе представляла. Музыка была новой, что напомнило мне, как я отстала от жизни и забыла, насколько крут андеграунд. Здесь Натан не был половинкой скучной женатой пары. Он был вызывающим восхищение, забавным и «выпивка за мой счёт» Натаном, которого я встретила семь лет назад.

Я поднялась на носочки в поисках Натана. К счастью, его рост не давал ему возможности легко затеряться в толпе.

— Ты поздоровалась с Донной? — спросил Коннор.

— А она здесь?

— Конечно. Вообще-то среда — для жёнушек.

Я отвела взгляд от Натана. У Коннора был такой тип лица, которое со временем становилось ещё привлекательней. Особенно когда он улыбался. Натан говорил, что единственная причина, почему Донна обратила на него своё внимание, было то, что он играл на гитаре.

— Что значит, среда — для жёнушек?

— Жёны приходят с нами. Иногда они даже занимают свою собственную дорожку. По правде говоря, я возможно даже видел, как Донна покатила шар. Конечно, у неё был страйк. Но, полагаю, в основном они пьют вино и сплетничают. Я могла только представить, какое у меня было выражение лица, но к чести Коннора, он был невозмутим. Он не указал на свой промах. В течение года, что Натан являлся частью команды, он никогда не упоминал вечера для жёнушек.

Жена Коннора, Донна, помахала нам. Она поманила меня к барной стойке. Донна совсем не изменилась, несмотря на то, что я не могла вспомнить, когда видела её в последний раз. У неё были чёрные волосы, полностью выпрямленные, и тяжёлый макияж. У неё всегда где-нибудь, да присутствовал анималистический принт. Из всех коллег — друзей Натана мы с ней были меньше всего похожи. Она также была самая дружелюбная.

— О боже, ты пришла, — она крепко обняла меня, когда я подошла достаточно близко. — Я месяцами упрашивала Натана, чтобы он привёл тебя сюда.

Я была слишком смущена, чтобы сказать ей правду — Натан не хотел, чтобы я приходила раньше, и он не хотел этого и сейчас.

— Я была занята, — сказала я.

— Я знаю, но прошёл почти год с вечера выпускников.

Я мысленно вернулась в тот вечер, когда мы встретили Донну и Коннора на вечере выпускников, организованном Нью-Йоркским Университетом. Мы с Натаном слишком много выпили, и он запустил свою руку мне под платье, пока декан выступал с призывом к сбору денежных средств. Донна нас застучала. После приступа смеха, Натан раскошелится на номер в отеле, где мы провели ночь.

— Это жена Натана, Сэди, — Донна представила меня двум другим женщинам.

Они обе простились.

— Натан такой милашка, — сказала блондинка в коротком чёрном топе. — Он постоянно о тебе рассказывает, — раньше я бы не удивилась услышав такое, но на данный момент это застало меня врасплох. Я была уверена, что раньше он всегда нежно отзывался обо мне. Мы пожали друг другу руки. — Я — Алиса, — сказала блондинка, — а это Джоан.

Джоан могла бы быть сестрой Донны, она также была тёмненькой и у неё была загорелая кожа. Она мило улыбалась.

— Очень приятно наконец познакомиться с тобой.

— Прошу прощения, — я сказала, глядя на них. Они были моего возраста, возможно немного моложе. — Я не совсем представляла, на что это будет похоже. На самом деле Натан не вдавался в детали.

— Не волнуйся, — Джоан махнула цветным акриловым маникюром. — Натан говорил, что ты делаешь это специально.

Я наклонилась ближе к ней, чтобы лучше расслышать сквозь музыку.

— Делаю что?

— Проводишь пару дней врозь. Так сказать, сохраняешь новизну в отношениях. Он говорит, что ты наслаждаешься своим свободным временем.

— Да, но если бы я знала...

— Ты счастливица, что он на это согласился, — вставила Алиса. — Мы как-то пробовали это с Бобом — «время врозь». Он закатил истерику. Мы сводили друг друга с ума, но я думаю, ему это нравилось, — она понизила голос. — Жены присутствуют только по средам. По вечерам в понедельник Боб думает, что я дуоюсь. На самом же деле, я валяюсь перед телевизором и объедаюсь, я могу вести себя так только когда его нет рядом. Это мой особый вечер.

Женщины рассмеялись. Это в большей или меньшей степени то, что я делаю, когда Натана нет дома, поэтому я улыбалась вместе с ними.

— Если бы я жила не в Бруклине, возможно, я не смогла бы так часто сюда приходить, — сказала Джоан, убедившись, что её грудь на полном обозрении. Я была в той же блузке, прилипшей к моей спине в квартире Финна, когда он прижался своими губами к моим. Розовые губы Джоан расплылись в приторной улыбке. И мне захотелось узнать, красит ли она губы красной помадой.

— Кто из них твой муж? — я спросила её.

— Жених на самом деле, — она указала на одного из мужчин возле Натана. — Это мой Мики.

Мики, лысый и с пивным животом, стоял рядом с Натаном, который в свою очередь был, несомненно, самым привлекательным из них. И в тот самый момент Натан откинул назад голову и рассмеялся, а я задумалась, может мне следует волноваться всё больше и больше с каждым годом по этому поводу.

— Ты говорила, что живёшь в Бруклине? — спросила я.

Джоан кивнула.

— В Парк-Слоуп.

— Мы все там живём, — сказала Донна. Должно быть, я выглядела поражённой, потому что она продолжила. — Ты знала об этом. Мы недавно переехали из Хобокена.

Я смутно припоминала, что Натан об этом упоминал. Кроме того, что мой брат живёт в Нью-Джерси, моё внимание уменьшается, когда люди упоминают что-либо за пределами Манхэттена.

— Конечно.

— Парк-Слоуп это место куда переезжаешь, особенно если ты, ну ты знаешь — думаешь наперёд, — Донна подмигнула, её глаза блестели, отражая лазерные огни. Я попыталась не выглядеть испуганной её конкретным намёком. — Заходите как-нибудь к нам в гости. Я сделаю сангрию [6].

— Конечно, — сказала я, с преувеличенным восторгом, будто сангрия являлась хорошей причиной навестить кого-то. На самом деле, предположив, что мы можем пойти на обед к его друзьям, это казалось хорошим способом заполучить внимание Натана. — Я поговорю с Натаном.

Джоан сделала глоток чего-то красного и шипучего через крошечную чёрную трубочку.

— Я говорила Мики, что, если наш брак будет хотя бы наполовину таким как ваш с Натаном, мы были бы так счастливы. Так, так счастливы.

Её слова звучали практически насмешливо, но её тон таким не был. Я была смущена и немного рассержена, что Натан оставил меня с этими женщинами. Неужели Джоан со своим напитком и милой улыбкой знает что-то такое, чего не знаю я?

— Спасибо, — сказала я. — Но это всё он. Он замечательный муж, — ещё два месяца назад я бы с лёгкостью

приняла этот комплимент, возможно даже немного самодовольно. Не являюсь ли я обманщицей, играя роль которой они нас наделили? Мы с Натаном долгое время были парой, вызывающей зависть, и я не была готова расстаться с этим.

Я дотронулась до моих неверных губ, будто они каким-то образом могли выдать меня.

— Извините меня.

Я пробиравлась сквозь толпу к Натану, который увлечённо болтал с Мики, Коннором и ещё какими-то мужчинами, которых я не узнала.

— Эй, — сказала я.

Он посмотрел на меня.

— Что случилось? — его тон был весёлым, но его улыбка увяла.

— Я только что встретила Джоан, — я ждала проблеска в его глазах — страха, восторга, злости — чего угодно.

Он просто стоял, затем посмотрел на своих друзей, которые игнорировали нас.

— Ну и?

— Она милая.

— Я на самом деле нечасто с ними общаюсь.

— Понятно, — я изучала его лицо. Из него вышел бы плохой врун. Тем не менее, я думала, он им являлся. Насколько я знала, раньше он не врал. — Она говорила так, будто вы лучшие друзья.

— Она преувеличивает, — он отвернулся.

— Почему ты никогда не приглашал меня на вечер для жёнушек?

Натан сжал челюсти, не посмотрев на меня. Он что-то сказал, но из-за громкой музыки я не расслышала.

— Что? — спросила я.

Он повернулся и прокричал.

— Я приглашал тебя сто раз, — музыка затихла, и некоторые люди обернулись на нас. Он понизил голос. — Ты настаивала на том, что нам нужно отдохнуть друг от друга.

— Я настаивала? — я отшатнулась назад от такого обвинения. — Мы пришли к соглашению, что это на благо нашего брака иметь отдельные интересы.

Коннор наклонился к нам.

— Принести вам выпить?

Натан ему слабо улыбнулся.

— Мне ещё пива.

Когда Коннор отошёл, Натан произнёс сквозь зубы.

— Поговорим об этом позже.

— А я хочу поговорить сейчас.

Он крепко взял меня за руку, вывел меня из круга и отошел на пару шагов от мужчин. Его рука была как мост, который мне хотелось перейти, но он слишком быстро её убрал.

— Я приглашал тебя, — спокойно произнёс он. — В первый раз ты сказала нет. Во второй раз ты сказала «нет». В третий, четвёртый, и в пятый раз — всегда нет. В конечном итоге, я перестал спрашивать.

— Потому, что когда мы вместе куда-то идём, ты всегда волнуешься, чтобы мне было хорошо. А я хотела, чтобы ты в это время расслабился.

— Ты хотела это время для себя, — сказал он.

— Это не честно, — сказала я. Из того, что он сказал, следовало, будто я выгоняла его из дома два вечера в неделю, но я лишь думала, что для нас будет хорошо попробовать что-то новое. — Время врозь хорошо для нас обоих. Мы пришли к этому решению вместе.

— Нет, не пришли. Ты однажды предложила это за ужином. Сказала, что слышала будто это неплохо для пар, немного поскучать друг по другу. Что я должен был на это ответить? Ты хотела проводить время без меня, я не собираюсь тебе себя навязывать.

Я изумлённо на него уставилась. Он поворчал по этому поводу, это я помнила, но он и не отказывался. Я думала, ему нравилось сюда приходить.

— Это по этому поводу ты злишься?

— Не надо приходить сюда, в мой вечер для развлечения и начинать разборки. Я не хочу делать это здесь.

— Натан ответь на вопрос. Это поэтому ты разозлился на меня?

— Я не знаю, — он потёр глаза ладонью. — Я расстроен из-за отца. На работе завал в это время года. Я здесь,

чтобы развеяться, Сэди. Почему ещё и ты хочешь подлить масло в огонь?

Казалось, что моё сердце подступило к горлу. Я не могла сказать, был ли этот разговор к лучшему или к худшему. Я дотронулась до его руки.

— Малыш.

— Мне нужно переобуться. Игра уже начинается, — он вернулся к своим друзьям.

Я отшатнулась, сжав челюсть.

— Извини, что отвлекаю тебя от игры, — я выкрикнула ему в спину. Либо он не слышал, либо игнорировал меня.

— Сдаётся мне, что это просто кучка мужиков, пьющих пиво и выставяющих на показ свои шары.

Джоан рассмеялась у меня за спиной. Я понятия не имела откуда она взялась.

— Как долго ты здесь стоишь? — спросила я.

— Только с того момента про шары. Как раз вовремя, как мило, что они любят свою команду.

Мило? Я посмотрела на спину Натана. Это же просто глупое хобби, не так ли? Или это место, где Натан развлекается, флиртует и, возможно, даже забывает обо мне?

— Я так рада, что ты пришла, — сказала Джоан. — Донна говорила, что ты прикольная. Круто тусоваться с ещё одной крошкой.

В её голосе не было ни унции злобы. Я не знала, чему верить. Если бы я спросила у Донны, не слышала ли она что-нибудь про Натана, она бы увидела трещину, которая образовалась в нашем браке, а я не хотела, чтобы люди в нас сомневались. Это напомнило мне о моих родителях, им было бы лучше врозь. Они ненавидят друг друга, но отказываются разводиться. Родители Натана, наоборот, любили друг друга, но не смогли уберечь их брак от разрушения.

Натан обернулся и посмотрел на меня. Он был слишком далеко, чтобы услышать, но мог чертовски хорошо видеть. Я обернула руку вокруг Джоан, обрадовавшись, что Натан нахмурил брови.

— Давай — ка выпьем, — предложила я. — И не это девчачье пиво, которое пьют наши мужчины. Я хочу тяжёлую артиллерию.

Она подпрыгнула от восторга.

— Я так и знала, что ты мне понравишься.

Натан наблюдал за нами так долго, насколько я могла видеть его, и затем мы повернулись к нему спиной и прошмыгнули на случайно освободившиеся места у барной стойки.

Я помахала бармену и заказала коктейль Олд фешен [7] для всех. Обычно я старалась избегать тропы, выбранной моим отцом-алкоголиком, но сегодня мой мир перевернулся с ног на голову, поэтому я не сопротивлялась. Джоан никогда его не пробовала, поэтому она устроила представление из каждого глотка.

— Он такой крепкий, — кричала она, а затем. — О господи, женщина, ты раздвоилась.

Я чокнулась с ней.

Мужчины столпились вокруг табло со счётом и по очереди катали шары по узкой дорожке.

Кегли улыбались мне, пока Натан не сбил их все. Я аплодировала со своего барного стула. Он посмотрел в нашем направлении. Возможно он был прав в том, что это была плохая идея — проводить время врозь. Делает ли это меня плохой женой? Я никогда не задумывалась, может он хотел видеть меня здесь, как думали эти женщины.

Лазерные лучи рассекали темноту. У моего стула была хромая нога, поэтому он шатался от моих малейших движений. От бурбона я сразу же окосела.

Я и была плохой женой. Я всё ещё ощущала прикосновение пальца Финна к моей нижней губе. Капелька пота стекала по моему затылку, где лежала его рука. Я всё ещё слышала глухой удар от падения проигрывателя на пол. Я куплю ему новый, получше, чтобы компенсировать разрушение его маленького провозглашения свободы.

Я приподняла вырез моей блузки. В квартире Финна было душно, и я скучала по этому теплу. По его горячему дыханию, его жаркому телу. Я закрыла глаза и подумала о матрасе на полу, а что если он спал обнажённым, а простыни были отброшены в сторону. Моя липкая кожа, скользкая по его коже. Я прикусила губу.

— Мы никогда так не напивались, — Алиса перегнулась через колени Джоан, чтобы достать до меня. Она тоже выпила Олд фешен или два. — Ты плохо на нас влияешь.

Я злобно улыбнулась.

— Я стараюсь.

— Ты придёшь в следующую среду? — спросила Джоан. Она почти хныкала, как будто я уже сказала нет.

— И испорчу игровое время Натана? — спросила я. — Чёрт, да.

Казалось, они не поняли мой намёк, что он флиртовал с ними, особенно с Джоан. Они смеялись и смеялись. И я присоединилась к ним. Я чувствовала, что моя тушь осыпалась после долгого дня. Я лизнула палец и постаралась её вытереть.

— Ты делаешь только хуже, — сказала Джоан. — Давай я попробую.

Она намочила свой палец. Я вздрагивала каждый раз, когда её ноготь оказывался в опасной близости от моего глазного яблока. — Я думаю эта тушь перманентная.

— Проклятье, — сказала я слишком громко. У неё были густые и длинные ресницы. — Твой макияж совершенен. Как это у тебя получается?

Она разразилась пламенной речью о растекающейся подводке. Поэтому она пользовалась чёртовой тушью — кого вообще это волновало? У меня степень по коммуникациям и внимание двух божественных мужчин. Интересно, счёл бы Финн Джоан привлекательной? Я попыталась быть субъективной. Единственное в чём мы были похожи это тёмные волосы. Её формы были более пышными, и она их подчёркивала. Никто из нас не выглядел, как изящная блондинка Кендра. Я прикрыла глаза. Желчь поднялась к моему горлу, мне пришлось отогнать образ Кендры и её дочери прочь.

Я достала телефон и позвонила моему брату, спросить какой тип женщин его привлекает сегодня.

— Я сплю, — было его ответом.

— Ещё даже не полночь, — воскликнула я.

— Позвони мне, когда у тебя будет ребёнок, пьяница, — и он повесил трубку.

Я захихикала. Эндрю не любит, когда его будят. Я люблю его, потому что когда мы с Натаном пытались забеременеть, он не относился ко мне как к стеклянной.

Я не была уверена, сколько прошло времени, когда Натан нашёл меня.

— Мы уходим.

— Ещё пять минут, — Донна попросила у него.

— Ладно, — он кивнул мне, — встретимся снаружи у входа.

Я ухватилась за стойку, чтобы сохранить равновесие.

— Нат, подожди, стой...

Он не сдвинулся с места и нахмурился.

— Что?

— Я готова. Я пойду с тобой, — я нагнулась, чтобы достать сумочку под стойкой. Я схватилась за ремешок, не подрастала и слетела со стула.

До того, как я упала, Натан словил меня за талию и поставил на место.

— Сэди, ты очень много выпила.

— Нет, я как стёклышко.

Все разразились смехом, включая и меня.

— Ну, давай уже, — Натан выдохнул полной грудью. Возможно это был алкоголь, который бежал по моим венам, но мне казалось, что он был немного радостным. — Пойдём домой.

— Мне просто нужно попрощаться, — я повернулась к Донне и Алисе и пообещала так громко, как только могла. — Увидимся на следующей неделе. На вечере для жёнушек.

— Дай мне свой номер телефона, — сказала Донна.

Алиса захлопала в ладоши.

— Мне тоже.

Я посмотрела на Натана, который закатил глаза.

— Я буду снаружи.

— Ты не оставишь меня? — спросила я.

— Сомневаюсь, что даже дома ты это получишь, — он немного наклонился. — Иди прямо ко входу. Нигде не шлейся.

Его дыхание пощекотало мне ухо. Помог бы алкоголь мне найти обратный путь к нему с самого начала?

Я дала Донне и Алисе мой номер телефона. Я не попросила их номера. Они свяжутся со мной, если захотят.

— Где Джоан? — спросила я, осознавая, что я не видела её несколько минут.

— Возможно, сражается с Майком, — сказала Алиса.

— Понято, — я убрала мой мобильник. — Скажите ей, мы увидимся на следующей неделе.

Я пошла искать Натана. Меня позвал Коннор.

— Очень рад, что у тебя получилось прийти, и Донна тоже.

Я рассеянно оглянулась вокруг и произнесла.

— Я тоже.

Появился Майк и представился.

— Я — бойфренд Джоан, — произнёс с явным нью-йоркским акцентом.

— Она сказала, что вы помолвлены.

— О, да. Так и есть, — ухмыльнулся он. — Постоянно забываю, но не напоминай ей об этом.

Она разозлится.

Я никак не могла вспомнить, где Натан сказал мы встретимся, у входа в здание или на тротуаре. Я снова стала искать его в толпе. Джоан — которая не сражалась с Майком, как сказала Алиса — её тоже нигде не было видно. То есть они вдвоём куда-то запропастились.

11

Натан совершенно точно сказал мне ждать его на улице, перед входом в Бруклинский Боулинг. По крайней мере, мне так казалось. Я покосилась на вышибал, которые облокотились на барные стулья и общались между собой. Группа мужчин быстро вывалила из здания, создавая достаточно шума, чтобы эхо их голосов разносилось дальше по улице. Коренастый мужчина приобнял меня рукой.

— И куда же мы отправимся? — спросил он.

— Мы не вместе.

Он посмотрел вниз на меня и его очки в толстой оправе упали на нос. Он вернул их на место.

— Теперь ты со мной, красотка. Пойдём.

Он облокотился на меня всем своим весом. Сегодня мой мир и так выбился из колеи, поэтому мы проковыляли пару шагов вперёд. Его друзья заплодировали нам.

— Ладно, так и быть, — сказала я. — Позволь мне только взять с собой мужа.

— Дерьмо, — он отпустил меня, как будто я была заразной, затем ускорился, чтобы догнать своих друзей. Я поправила блузку и прошлась до угла в поисках Натана. Там было пусто. Когда я развернулась и отправилась назад, я увидела, что Натан разговаривал с вышибалами.

— Господи, Сэди, — сказал он, когда заметил меня. — Я же говорил тебе ждать меня здесь.

— Я не могла тебя найти.

— Я был в туалете, — в руках он держал моё пальто, которое я забыла, потому что из-за выпитого алкоголя, мне было тепло. Его рука повисла, будто весила целую тонну. — Ты пьяна, ты не слушала, тут так темно и холодно, что можно задницу отморозить. Да что с тобой такое?

— Я не знаю, — сейчас было не самое подходящее время для икоты, но она одолела меня как раз в этот момент. Натан закатил глаза и пошёл прочь. Всё равно, мне казалось, что он на самом деле не был так рассержен, как делал вид. — Чем ты занимался в туалете? — спросила я, пытаюсь одеть пальто и сильно не отстать от Натана.

Он посмотрел на меня, у него было, прям мультяшное, сбитое с толку выражение лица.

— Что это вообще за вопрос?

Итак, он исчез в то же время, что и Джоан. Либо это ничего не значило, либо могло очень много чего значить.

Я переходила неровный тротуар и уронила сумочку. Я была лишь одной рукой в пальто. У меня всё немного кружилось перед глазами, и мне потребовалась минута на то, чтобы сконцентрироваться.

— Ты не мог бы подержать мою сумочку, пока я надену пальто? — спросила я, выпрямляясь. Он не ответил. Он уже был на полпути вниз по тротуару. — Эй, Натан?

Он остановился и опустил руки в карманы, но не повернулся. Когда я наконец надела пальто и повесила сумочку на плечо, я догнала его.

— Извини, что доставляю тебе неудобства, — сказала я сухо.

Он не ответил, но взял меня за локоть, пока мы переходили улицу.

— Мы можем просто взять такси до дома? Я в этих сапогах целый день, а до метро ещё пару кварталов.

— Мне нужен свежий воздух, — он достал свой мобильник. — Хочешь я вызову тебе такси?

Кто знает, будет ли метро переполнено в это время.

— Не надо, — дёрнула его за руку, и он уронил телефон.

— Сэди, — простонал он.

— Извини, — я подняла телефон, вытерла и протянула ему. — С ним всё в порядке, ни царапинки.

Он искоса на меня посмотрел, затем взял его и положил в карман.

— Что ты пила?

Я ухмыльнулась.

— Олд фешен.

Он удивлённо поднял брови.

— Я думал, ты его ненавидишь.

— Я думала, что это то, что нужно, потому что он такой крепкий, что мог свалить моего отца.

— Крепкий, хм?

Я надеялась, что он спросит, чего я пытаюсь достичь, выбирая алкоголь по такому критерию. По крайней мере, это завязало бы разговор. Он перевёл меня через ещё одну улицу. Я посмотрела на его ладонь, которая все ещё держала мой локоть. Я не была уверена, что он это осознавал.

— Тебе было бы значительно проще просто взять меня за руку.

— Мы уже перешли улицу, — сказал он и отпустил меня, когда мы снова оказались на тротуаре.

— А ты сегодня выиграл? — я практически пустилась рысцой, чтобы идти с ним наравне.

— Мы просто валяли дурака.

— Но ты вёл счёт. Я видела. Я видела, ты забил три страйка.

Он потёр нос.

— Полагаю, технически, я выиграл. Но на самом деле это было не...

— Я так и знала, — сказала я, хлопая в ладоши. Мы приближались к станции метро, где было болеелюдно, так что я была не единственная, кто создавал шум. — Ты самый важный персонаж.

— Самый важный персонаж? — спросил он. — Ты имеешь в виду лучший игрок?

— Ты мой самый важный персонаж и мой самый лучший игрок, — последнюю часть я произнесла невнятно, из-за глупой ухмылки. Я подумала, что те девчонки из бара могли бы стать моими новыми друзьями. Если только никто из них не спал с моим мужем. Из-за этой мысли я фыркнула. — Эй, — закричала я, внезапно вспомнив мой разговор с Донной. — Донна пригласила нас в Парк-Слоуп на ужин и сангрию. Я думаю, стоит пойти.

Натан кивнул мне. Клянусь, он сражался с улыбкой.

— Правда? Ты покинешь Манхэттен ещё разок?

— Я уже здесь, неужели ты не видишь? — спросила я. Конечно, я бы предпочла, чтобы мы были на Манхэттене, где пять минут на такси, и мы дома, но я оставила это при себе.

— Вижу, — признал он. — Спасибо, что пришла.

У меня заняло какое-то время, оценить его неожиданную благодарность. Возможно всё, что он хотел от меня, это моё большее участие в его жизни. Если дело было в этом, то я определённо приду в следующую среду для женушек.

— Мне на самом деле очень понравились девочки, — и я правда так думала. Переход разговора на тему Бруклина оказался безопасным, и я продолжила. — Они очень хорошо отзывались о Парк-Слоуп.

Тотчас же он напрягся, и я увидела, как его практически хорошее настроение исчезло.

— Да неужели? — спросил он скривив губы. — Это девочки так сказали.

Я нахмурилась. В его голосе присутствовало внезапное раздражение. Что так рассердило его? Неужели ему не понравилось, что я зависала с ними? Особенно с Джоан?

— Что не так? — спросила я. — Тебе они не нравятся?

— С ними всё в порядке, — он потфутболил пивную банку, и она ударилась в кирпичную стену с граффити в стиле Бэнкси, затем он вздохнул. — Супер. Мы поедем в Парк-Слоуп, если это, то чего ты хочешь.

Я нахмурилась от его сарказма.

— Я думала, тебе нравится эта идея.

— По-любому.

Моя улыбка увяла.

— По-любому, — передразнила я. — Ты всё время сердишься.

Он осмотрелся вокруг, но затем снова посмотрел на землю.

— Ты и вправду придёшь в следующую среду?

— Да, — сказала я. — Сто процентов, я буду там.

Он почесал подбородок и покосился вперёд. Станция Бедфорд уже была видна. Куча людей толпилась вокруг, кто-то слонялся перед витринами, кто-то курил, кто-то слушал музыку. Кто-то просто пробирался через толпу.

— Я не думаю, что стоит.

Его слова больно укололи, я вспомнила сегодняшнее утро и его отказ в душе. Я уже чувствовала, что добилась небольшого прогресса, и вот снова всё вернулось назад, я сражалась с собой, чтобы это не вырвалось из меня.

— Ты не хочешь, чтобы я пришла?

— Я не знаю. Но прямо сейчас эти вечера мне необходимы самому.

Без предупреждения глаза стало жечь от слёз. Возможно, это было из-за бурбона.

Возможно, от боли в ногах, которые отекали за целый день на каблуках. Было трудно принять правду, но в каком — то смысле эти маленькие удары, как, например, его отказ в душе, были для меня открытием. До теперешнего момента, он на самом деле не признавал, что всё было так плохо. Во всяком случае, мы были уже не на разных планетах.

— Не плачь, — пробормотал он слишком тихо, чтобы я могла разобрать, был ли он раздражён или обеспокоен. Я не знала, как он это сказал. Он даже на меня не посмотрел.

Наши шаги глухо отзывались от тротуара. Я подождала, пока угроза разрыдаться миновала.

— Почему ты не хочешь, чтобы я приходила?

— Всё сложно.

— У меня есть время.

Он пожал плечами.

— Я не хочу об этом говорить. Во-первых, ты пьяна.

— Я быстро трезвею.

Он сглотнул, сфокусировавшись на станции метро впереди.

— Завтра ты ничего не вспомнишь.

— Ты же знаешь, что это не правда, — возразила я. — Тебе просто нужна причина, чтобы не говорить об этом. Это на самом деле нечестно, затыкать меня таким образом, — он ускорился, и я тоже. Мои сапоги жали всё сильнее и сильнее, подушечки пальцев гудели. Я избегала встречаться взглядом с другими людьми. — Натан, эй?

Он повернулся ко мне.

— Это нечестно, да? А честно, что я тебе сто раз говорил по поводу Парк-Слоуп, а ты ведёшь себя, будто никогда о нём не слышала, пока Донна не упомянула об этом.

Нас разделяло расстояние, и люди были вокруг, поэтому мне пришлось сконцентрироваться, чтобы уловить то, что он сказал. Я была шокирована. Вполне возможно, что он раньше упоминал Парк-Слоуп, но я всегда игнорировала его предложения переехать.

Гламэрс Парк идеально нам подходит. Он разрастается и так близок к Манхэттену, это единственное место, где бы я хотела жить, и здесь есть всё, что нам нужно.

— Прости, это просто тот Бруклинский...

— А честно, что все жены приходят ради своих мужей, но не моя? — продолжил он. — А когда ты пришла, у тебя хватило наглости, обвинить меня в том, что я не хочу тебя здесь видеть? Нет, это нечестно, но так происходит в мире Сэди.

У меня отвисла челюсть. В мире Сэди? Я не знала, что на это ответить. Если я живу в своём собственном мире, это не должно было быть новостью для Натана. Ему нравилось обожать меня.

Я всегда говорила ему, какую важную роль он играет в моём мире.

Я была в паре шагов от него, мои ноги свело судорогой. Они ужасно болели. У меня всё болело.

— Как давно ты так считаешь?

Он достал свой проездной и ладонью потёр лоб.

— Мы можем поговорить об этом завтра?

— Нет.

Он стал спускаться по ступенькам, я проследовала за ним, шаря по сумочке в поисках кошелька.

Натан подождал меня у входа на платформу.

— Полночь в метро, не самое подходящее время для этого разговора, — сказал он.

— Хорошо, — я провела своей карточкой и прошла через турникет. — Иди дуйся в одиночестве. Захочешь

поговорить, найдешь меня.

— Да ладно тебе, Сэди, — сказал он. Турникет просигналил ему, когда он попытался пройти.

— Подожди. У меня закончились поездки.

— А мне всё равно, — сказала я на ходу и умчалась прочь. Табло показывало, что поезд прибудет через пять минут. Этого времени должно быть достаточно, чтобы купить новый проездной, но я всё равно взглядом через плечо искала Натана. Мне пришлось остановиться у скамейки, чтобы снять сапог и размять ногу.

Натан шёл в моём направлении, складывая новый проездной в бумажник и пряча его в карман.

— Мне не нравится, когда ты так убегаешь, — сказал он, когда подошёл ко мне.

— Полное дерьмо.

Он кивнул на мою ногу.

— Схватила судорога?

— Всё нормально, — я посмотрела на него и затем отвела взгляд. — Собираешься сказать мне в чём твоя проблема?

— Не сегодня, я бы хотел, чтобы ты отнеслась с уважением к тому, что я не готов об этом говорить.

Я покачала головой, покончив с этим.

— А я бы хотела, чтобы ты отнёсся с уважением, когда, говорю тебе не разговаривать со мной, пока ты не готов с этим разобраться.

Он положил руки в карманы и колебался.

— Послушай...

— Это был культурный способ сказать, оставь меня в покое.

Я уставилась на его ноги, пока он, наконец, не отошёл. Он направился к соседней скамейке и сел.

Мы с Натаном облажались. Возможно, нам следовало больше спорить с годами, тогда бы мы не допустили, чтобы всё зашло так далеко. Хуже всего, что воспоминания о том, как всё было, были свежими и чёткими. Как хорошо он меня знал. Не так давно Натан принёс домой кофейный столик моей мечты, он месяцами разыскивал его на барахолках. Он слушал меня. Он чувствовал, в чём я нуждалась. Он всегда знал, как сделать меня счастливой.

Прошло семь лет, с тех пор как он появился в моей жизни и перевернул мой мир с ног на голову. Более всего было то, что я помнила, как мы были счастливы, как будто это было только вчера.

Мы с Натаном встретились на летнем барбекю в Хэмптонс. Это была вечеринка в честь помолвки Джил, моей самой близкой подруги, и Виктора, парня с которым я её познакомила. Они арендовали дом на выходные. Виктору и его друзьям не хватало игроков для пляжного футбола, и поэтому они пригласили парней из соседнего дома.

Мы с Джил вышли на террасу в крошечных бикини и потягивали клубничные маргариты, когда высокому, мускулистому нападающему передали мяч и наши взгляды встретились. Он немедленно отложил мяч и подбежал к нам. Так как было видно, что он хотел что-то сказать, я перегнулась через перила, чтобы лучше расслышать.

— Как тебя зовут? — спросил он.

Стакан запотел в моей руке. У него были большие, цвета капучино глаза, его тело покрывал загар. Джил подтолкнула меня локтем, чтобы я ответила на его вопрос.

— О, — я посмотрела на его широкую грудь, которая была мокрой от пота и вся в песке. — Сэди, — ответила я, настороженная его вопросом. Трудно было не улыбаться, когда такой парень как он уделяет тебе внимание.

— Ты когда-нибудь была здесь раньше, Сэди? — спросил он.

— В Хэмптонс? Да...

— Нет, прямо здесь, — он указал на песок под его ногами. — Твои ноги ступали здесь?

Джил положила свою ледяную руку на моё предплечье и сжала его. Позже она сказала мне, что между нами прям всё искрило.

Я нервно рассмеялась. Ещё до этого я увидела в отражении раздвижных стеклянных дверей, что мои губы

были красными от напитка.

— Да. Вчера вечером мы запускали фейерверк.

— Хорошо, — привлекательный нападающий упал на колени и устремил свой взгляд в небо. — Господи, спасибо. Прости, если когда-нибудь сомневался в тебе...

— Хант, что, чёрт возьми, ты вытворяешь? — спросил один из игроков на пляже.

Он снова посмотрел на меня и ответил, чтобы только я слышала.

— Я поклоняюсь земле, по которой она ходила. В буквальном смысле. Это самое малое, что я могу сделать.

Я сильно покраснела, пока Джил аплодировала.

— Все видели? — закричала она парням, которые глупо таранились. — Вот как это делается, — она подмигнула ему. — Bravo.

Это было слишком, но это сработало. Я бы упала в обморок, даже если бы он просто предложил обновить мой напиток.

— Останься и посмотри игру, — сказал он. — Останешься, Сэди?

Мои щёки уже болели от улыбки.

— Да.

— Не бросай меня. Ладно? Я вернусь за тобой.

Он так и сделал. Его звали Натан. Когда игра закончилась, и они отмылись, Натан со своими друзьями пришли к нам на ужин. Позже в тот вечер на одеяле на пляже мы делились разными историями. Мы загадывали желания на падающих звёздах. Мне было двадцать четыре.

С того самого дня Натан обожал меня. И я позволила себя обожать. Хотя это совсем не значит, что я любила его меньше, чем он меня. Просто мы такие. Или были такими.

Я услышала, как разбилась бутылка. Солнечные воспоминания о том дне в Хэмптонс поглотила равнодушная, беззвёздная станция метро в Бруклине. Меня трясло, сапог был в моей руке. Натан сидел в паре метров от меня, он не смотрел в мою сторону. Наверное, он больше не мог поклоняться земле, по которой я ходила, потому что нашёл новое место для преклонения.

Поезд должен был прибыть три минуты назад. Моё тело осело. Я просто хотела домой, в кровать.

— Эй, — услышала я. — Ты. Ты солгала.

Я не сразу сообразила, что обращались ко мне. Я посмотрела на группу мужчин, которые направлялись в мою сторону — это был мужчина в очках со своими друзьями, которых я встретила у входа в Бруклинский Боулинг. Он плюхнулся на скамейку рядом со мной.

— Ты сказала, что замужем, — он поддразнил меня.

Я искоса на него посмотрела, я была не в настроении.

— Так и есть.

— Врунья, — он сделал заговорщицкое лицо. Его очки съехали на миллиметр вниз на красном носу. — Ты ранила мои чувства.

Я втиснула свою распухшую ногу в сапог.

— Выживешь.

— Не смогу. Мне станет легче после поцелуя.

Его друзья рассмеялись. Женщина, сидевшая рядом, оторвалась на мгновение от своей книги, и затем снова принялась читать.

Я встала и собиралась уйти, но он дёрнул меня за локоть, возвращая меня назад. Он поморгал немного, затем закрыл глаза, сморщился, от него несло пивом.

— Только один разок. А?

— Отпусти, придурок, — я дёрнулась и наткнулась на что-то твёрдое, как стена. Моё сердце подпрыгнуло, когда две руки опустились мне на плечи, удерживая меня.

— Это я, — сказал Натан над моей головой.

Я выдохнула и моё тело расслабилось. Я повернулась поблагодарить его, но он уже обошёл меня. Глаза в очках всё ещё были закрыты, когда Натан толкнул его. Мужчина растянулся на платформе, а его очки с грохотом упали на пол.

— Эй, что за...

— Это моя жена, — плечи Натана были на уровне ушей этого парня, который был на полфута ниже и стал походить на ребёнка.

— Чувак, ты что сумасшедший? — спросил он, когда поднялся на ноги. — Ты мог убить меня. Ты не можешь

толкать людей в метро.

Натан наклонился и поднял очки.

— Не забудь своё хипстерское дерьмо. Кем ты себя возомнил, Кларком Кентом? — он бросил их парню, они попали ему прямо в живот.

Кто-то рассмеялся. Группа парней, с которыми он пришёл, ахнула.

— Да пошёл ты. Это не я толкаю людей на платформе, будто тупой супергерой.

— Я учу тебя толике уважения, — сказал Натан. У них было численное превосходство, но казалось, это его не беспокоило. — Она сказала тебе, что она замужем.

— Дважды, — добавила я.

— Она не выглядит замужней, — он триумфально выдохнул, будто оскорбил нас.

Его друзья начали потихоньку расходиться, очевидно, им надоело это столкновение.

— Да ладно тебе, — сказал один из них. — Отвали.

Он последовал за ними, хмурясь, пока внимательно осматривал свои очки.

Сегодня на мою долю хватило воздыхателей. Натан всегда даёт мне возможность самой во всём разобраться, если только мне не потребуется помощь. Сегодня я была рада, что он был рядом. Я взглянула на него.

— Спасибо.

Платформа задрожала от приближения поезда. Натан кивнул, взял меня за локоть и подвёл к жёлтой линии. Мы ждали в напряжённом молчании, пока двери не открылись.

Свободных мест было достаточно, поэтому я заняла место посередине, чтобы он мог сесть с краю.

Но он остался стоять. Когда мы въехали на Манхэттен, я встала, чтобы быть рядом с ним. Поздний поезд ехал быстро, и нас шатало. Мои плечи ударились о его.

— Что-то ты притих, — сказала я.

Как я и ожидала, он не ответил.

Я ухватила за бирку на его пальто и пропустила её сквозь пальцы.

— Это было так сексуально.

Он приподнял брови.

— То, что за тобой приударил пьяный хипстер?

— Ты знаешь, что я имею в виду, — я притянула его немного поближе. — То, как ты защитил меня.

— Я поступил бы также для кого угодно.

По какой-то причине он хотел, чтобы его слова укололи. Но этого не произошло. Он мог бы поступить также с кем угодно, но он бы всегда сделал это ради меня. Я продолжала держать его за мягкую ткань шерстяного пальто. Было ещё кое-что, что смогло вычеркнуть мою ранее возникшую злость, это было возбуждение. Я прильнула к Натану. Мне стало ясно, что на самом деле я не верила, что он мог быть с Джоан. Если бы я в это поверила, то не смогла бы перенести мысли о сексе с ним. А прямо сейчас я ещё как могла.

Я запустила руку ему под пальто.

— Ты становишься таким твёрдым.

Его ноздри раздулись, он посмотрел на меня.

— Твёрдым?

— Твои мышцы, — я дотронулась до его плоского живота. — Не думай, что я не заметила. И твоя причёска. Она другая, но мне нравится...

Он схватил моё запястье, останавливая меня.

— Не надо.

Не надо. Прошлый раз во время секса он закрыл мне рот, когда я назвала его по имени. Он всё ещё не хотел меня, свою жену. Ладно, так и быть. Я была достаточно возбуждена тем, как он заявил свои права на меня перед теми парнями, чтобы подыграть ему.

— Обычно я так не делаю, — сказала я, оглядываясь вокруг в вагоне. — Но я тут подумала, может ты бы хотел, чтобы мы отправились к тебе?

— Что ты делаешь, Сэди?

— Сэди? А кто это? Твоя жена? — я пожала плечами. — Мне всё равно. Я умею хранить секреты.

— Да это смешно.

Поезд остановился. Кто-то вышел, кто-то вошёл. Я несколько раз подмигнула Натану и провела рукой по его руке, и затем убрала руку.

— Ты верный муж, — сказала я. — Всё ясно. Но мы можем повеселиться и, не прикасаясь, друг к другу.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он.

— Разве ты не любишь грязные разговоры? Или твоя жена их не любит?

Немного замешкавшись, он ответил.

— Любит.

Поезд дёрнулся, и я упала прямо на него. Он поймал меня, и в меня ударил запах сигарет.

— Ты что, курил? — спросила я, настолько удивившись, что вышла из образа.

Он приподнял брови, но затем расслабился.

— Не говори моей жене.

Я прикусила нижнюю губу. Бинго. Он заинтересовался. Я встала на носочки. Он не сдвинулся с места, я притянула его к себе, и он наклонился. Я прошептала ему на ухо.

— У меня от тебя слабость в коленях. Не уверена, что долго продержусь на ногах.

— Что... что ты предлагаешь? — спросил он.

— Может мне встать на колени? Прямо здесь. Возьму тебя в рот.

Его дыхание участилось.

— Мы здесь не одни.

— Ты их имеешь в виду? — спросила я, кивая на пассажиров. — Пусть идут к чёрту. Или пускай смотрят.

Если ты, конечно, не против.

Его хватка на моей руке усилилась.

— Господи, Сэди.

Поезд приближался к остановке. Если бы он меня не держал, я бы упала вперёд. Двери открылись. Это была наша остановка. Мы с ним какое-то мгновение смотрели друг на друга.

— Вперёд, — бросила я ему. — Ты же пытался избавиться от меня весь вечер, не так ли?

Он помедлил, но затем отпустил меня и покинул вагон. Я дала ему фору. Когда он наполовину поднялся по ступенькам, я увидела, что он посмотрел через плечо ища меня глазами.

Он меня не нашёл, но и не остановился.

Как раз перед тем, как двери закрылись, я выпрыгнула из вагона. К тому моменту, как я поднялась на поверхность, он уже ушёл.

У меня зазвонил телефон. Я ответила.

— Ты кое-что оставил в поезде.

— Да? — спросил Натан. — И что же?

— Меня, — я сглотнула, смотря направо и налево. Люди были вокруг, но мне было всё равно. Это Нью-Йорк. Здесь ничего никого не должно удивлять. — Ты всегда сбегашь от женщины, готовой отсосать у тебя?

Мужчина, шедший впереди меня, обернулся, но я отвела взгляд.

— Блять, Сэди. Ты играешь нечестно...

— Держу пари, он огромный, такой же большой и сильный как ты, — мы с Натаном могли говорить об этом в постели, но я не была настолько откровенной, особенно на публике. Несмотря на это, я не могла позволить ему отвлечь меня. Пока он хотел меня, и я его не потеряла. Пока он реагировал, пусть даже он злился, у меня всё ещё был шанс. В последнее время я не ощущала с ним эмоциональной связи, но секс мог вернуть его обратно ко мне, пусть даже на немного.

— А она разрешает тебе кончать в рот, твоя жена?

— Нет, — сдавленно произнёс он.

Предполагалось, что это подействует на него, но на меня это тоже подействовало. Мои трусики промокли.

— А я разрешу. Как и подобает отменной шлюшке.

Связь прервалась. Я посмотрела на экран. Он повесил трубку. Дерьмо. Почему? Если он хотел шлюху, я могу ей быть. Ему не нужно искать Джоан, или кого-то ещё, чтобы удовлетворить его. Но что я ещё могу сделать? Он отвергает мои прикосновения, мои слова, мою любовь. Все, что я могу ему дать. Я была в растерянности.

К тому моменту как я подошла к нашему дому, моя неуверенность в себе бушевала внутри. У меня не должно было уходить столько сил на то, чтобы мой муж меня заметил.

Но, когда я вышла из лифта, я увидела Натана, он стоял, облокотившись на дверь нашей квартиры. Он сложил руки на груди, его глаза потемнели. Я не смогла прочесть его настроение. Я не произнесла ни слова, боясь сказать что-то не то.

— Как ты меня нашла? — спросил он.

Моё сердце пропустило удар. Он всё ещё хотел поиграть. Я не отступила.

— Я преследовала тебя.

— Зачем?

— Потому что я... — я посмотрела на дверь. — Я... хочу попасть внутрь.

— Моя жена дома.

Мои бёдра задрожали. Мои трусики уже давно были мокрыми. Это стремительно на меня подействовало.

— Ты предлагаешь...

Он развернул меня и прижал ко входной двери.

— Ты этого хочешь? — спросил он. — И поэтому ты, чёрт возьми, не оставляешь меня в покое?

Я уже не была уверена, была ли это всё ещё наша игра. Моя грудь была прижата ко входной двери, но мне нравилась эта новая сторона Натана. Одного только моего шока было достаточно, чтобы возбудить меня.

— Да, это то, чего я хочу.

Он прижался бёдрами ко мне сзади, и я получила ответ на мой вопрос, хочет ли он меня, даже если я его неинтересная жена. Я щекой опиралась на дверь, с такого ракурса я могла видеть квартиру Финна. Мои мысли перенеслись к горячим, голодным губам Финна.

— Здесь? — спросила я.

— Нам нельзя внутрь, — усмехнулся он. — Ты же этого хочешь, не так ли?

У меня не было ни единого шанса остановить его прямо сейчас. Всё, что бы я смогла получить от него, казалось маленькой победой.

Он дёрнул мою юбку вверх и провёл рукой вверх по моим шёлковым колготкам.

— Все эти чёртовы преграды.

— Порви их.

Он не терял ни секунды. Он оттянул ткань от моей ноги, и другой рукой порвал её. Как только ткань поддалась, она легко порвалась дальше. Он прикасался ко мне, доминируя над всеми моими чувствами, пытаясь добраться до всего, что было вне зоны его досягаемости. Когда я захныкала, он вставил в меня пальцы. Он меня очень хорошо знал. Через несколько секунд я уже не могла отдышаться, а дверь дребезжала напротив моей груди. Он убрал руку, и я знала, что будет дальше.

Он достал ключи, открыл дверь, и втащил меня в квартиру.

— А как же твоя жена? — спросила я.

— Нам нужно быть тихими.

Я включила свет. Он его выключил и притянул меня к себе за талию. Он начал собирать мою юбку у себя в руке, когда Джинджер всунула свой нос между нами.

— Джинджер, нет, — сказал он.

Её хвост ударил его по ноге. Она напрыгнула на нас, требуя поиграть с ней. Натан взял её за ошейник.

— Я сказал нет. Лежать. Он увёл её, а я осталась стоять там. Я ждала, тяжело дыша, мои колени практически стучали друг о друга. Дверь с шумом закрылась.

Натан вернулся. В квартире по-прежнему было темно.

— На колени.

Я опустилась на холодную, твёрдую плитку. У меня было столько слюны, что я была готова принять каждый его дюйм. Мы определённо занимались этим у входной двери, но я не помнила, чтобы отсасывала у него здесь.

Я убрала его руки от его брюк. Он слишком медлил. Я освободила его длинный, твёрдый член, который принадлежал мне, я знала его лучше, чем своё собственное тело. Кончиком языка я облизала головку. Он собрал мои волосы в кулак. Я облизала ствол. Пососала его яички. Укусила внутреннюю поверхность его бедра, так, как он любит. Я знала, что я хорошая девочка, когда почувствовала на языке каплю его спермы.

Я всосала его полностью, потом выпустила, медленно, потом быстро, и снова медленно. Я приняла его насколько могла глубоко, затем облизала головку. Со стоном он руками упёрся в стену. Он начал легонько толкаться, чтобы проникнуть ещё глубже. Он задрожал, он был близок к развязке.

Он положил свою руку мне на голову, запустил пальцы в мои волосы.

— Чёрт, это слишком хорошо. Я сейчас кончу.

Я задвигалась быстрее. Я не могла вспомнить, когда он последний раз кончал мне в рот, но, не потому что я не позволяла. Он любил трахать меня и кончать внутри. Но не сегодня. Единственным предупреждением был его хриплый возглас, и он кончил мне в рот. Сейчас я была ещё более заведённой, зная, что он так возбудился, что просто больше не мог сдерживаться. Я сделала в точности то, что он хотел, и была той, кого он хотел.

Он вышел из меня, тяжело дыша.

— Я проглотила всё до капли, — сказала я. — Как хорошая шлюшка.

Он посмотрел на меня, его рот был открыт, потому, что он не мог отдышаться. Он спрятал член обратно в трусы.

— Ты издеваешься надо мной?

— Нет, — я прикусила нижнюю губу и опустила руку себе между ног. — Мне понравилось. Я хочу ещё.

— Когда тебе будет удобно?

Я усмехнулась.

— Что бы это могло значить?

Он ушёл. Через мгновение Джинджер вырвалась из комнаты и практически повалила меня на пол. Я встала и разулась. Я сняла колготки, всё ещё цепляясь за маленькую надежду, что он захочет порвать их до конца. Я нашла Натана в спальне без рубашки и в нижнем белье. Он натягивал треники.

— И это всё? — спросила я.

— Я уже говорил тебе сегодня утром в душе, Сэди. Прямо сейчас я этого не хочу, но ты продолжаешь давить на меня. Я не могу ясно мыслить, когда мы трахаемся.

— Зачем тебе ясно мыслить? — спросила я, скрещивая руки на груди. — Скажи мне, чтобы я могла помочь.

— Я скажу, — он демонстративно посмотрел на меня, — когда моя голова будет ясная, и я буду знать, что хочу сказать.

Я нахмурилась, мои щёки загорелись. Я испытывала искушение снова его соблазнить, таким образом показать ему каково это, чувствовать себя отвергнутым.

— Знаешь, что? Просто убирайся.

— Что?

Я схватила подушку, отнесла её в гостиную и бросила её на диван. Следующее, что я сделала, это достала из бельевого шкафа чистый комплект постельного белья.

— Что это ты делаешь?

Я, не церемонясь, швырнула бельё на диван рядом с подушкой.

— Наслаждайся сном на диване.

Он преградил мне путь обратно в спальню.

— Я не пытаюсь тебя ранить, — он провёл рукой по волосам и опустил её. Боль, отразившаяся в его глазах, заставила меня остановиться. — Мне это нужно. Мне нужно кое в чём разобраться.

— В чём разобраться? — я устала сражаться с ним, с самой собой.

— Я приду к тебе, когда буду готов. Я обещаю. Но пока, я прошу тебя только об одном.

Отступи.

— Ты так говоришь, будто это не так уж сложно. Ты живёшь в моей квартире.

— В нашей квартире.

— Ты знаешь, что я, чёрт возьми, имею в виду. Не перевирай мои слова. Мы живём вместе. Как я смогу игнорировать тебя?

— Не игнорировать, — сказал он. — Просто дай мне немного личного пространства.

— Ты говорил мне не давать тебе личного пространства.

Это заставило его остановиться. Он осмотрел меня, мои порванные колготки, задранную юбку.

— Я знаю. Я так сказал, но...

Я покачала головой и прошла мимо него. Я забралась в постель, пьяная, возбуждённая и подавленная.

Джинджер металась в растерянности между диваном и кроватью. В темноте и тишине я была беззащитна против натиска эмоций. Слезы набежали на глаза. Он не хотел меня на самом примитивном уровне, я — то думала, что со мной такое никогда не случится. Что мне с этим делать? Что будет с нами дальше?

Я рыдала с кулаком во рту, чтобы он не услышал. Натан отдалялся всё дальше и дальше, но он всё ещё был в соседней комнате, и каким-то образом, это делало всё только хуже.

— Привет, — сказал он, когда я занырнула внутрь. Я пыталась не смотреть на него, но это было трудно. Он пах как-то по — домашнему, будто сидел у огня зимним вечером, укутанный в одеяло. — Как поживаешь?

— Всё хорошо, — я остановилась, чтобы забрать почту.

Он подождал, пока я её перебирала. Возможно чувствуя моё настроение, он произнёс.

— Эй. Какая любимая книга у Микки Мауса?

Я, наконец, взглянула на него. Его зелёные глаза сияли, а я засмузилась, из-за мешков под моими. Я выбросила всё, кроме счетов, в мусорную корзину.

— Я сдаюсь.

— Великий Крысби, — ухмыльнулся он. — Марисса это придумала. В ней проснулась внезапная любовь к грызунам.

Так здорово было улыбнуться.

— Умница.

Он нажал кнопку вызова лифта. Двери открылись, и мы вошли.

— Уже поздно, — сказал он, — ты только с работы?

Я кивнула.

— У нас было мероприятие в Сохо. Как распаковка вещей?

— Жарко, — на мгновение мы замерли. Как будто само это слово могло согреть, воздух вокруг потеплел. Он облизнул свои губы. Они казались сухими от холода, обветренными, но манящими. Мои руки дёрнулись, когда я вспомнила, как потеряла контроль на прошлой неделе и цеплялась за него, пока он целовал меня.

Он рассмеялся.

— Мы забыли нажать на наш этаж.

Мои щёки запылали. Или это случилось из-за моего воспоминания. В любом случае моё напряжение спало, и я расслабилась.

— Квартира почти готова? — я спросила пока мы поднимались.

Он пожал плечами.

— Не совсем. Я отвлёкся.

— На что?

— Наконец вытащил кое-что из моего оборудования. Я брал камеру с собой пару раз на прогулку.

— Это замечательно, — произнесла я улыбаясь. — Снял что-нибудь стоящее?

— Я немного отстал от жизни, — отметил он. — Но в этом городе море людей с кем можно сотрудничать. На самом деле, я уже подыскал работу.

— Ух ты, — я уловила его волнение. — Поздравляю.

— Спасибо. Она владелица небольшого бизнеса, и я предложил ей сделку. Надеюсь, она предпочтёт меня другим претендентам, — мы приехали на шестой этаж, и он легонько дотронулся рукой моей спины, пока мы выходили.

— Твоя борода ещё больше отросла, — заметила я, пока мы шли к его двери.

Он поскрёб её.

— Она чешется.

— Ты можешь сбрить её.

Мы остановились у его квартиры.

— Она тебе не нравится?

Я никогда не была за растительность на лице. У Натана был резко очерченный, квадратный подбородок, и было бы досадно прятать его. Хотя на Финне это работало очень даже хорошо.

— Нет, мне нравится.

Он кивнул.

— Тогда я её оставляю.

Я почти собралась уходить, но находясь возле его квартиры, я задумалась, что бы я ощущала, если бы была внутри. Тепло. Лёгкое гудение в голове от того, что делаю что-то запретное. Я практически могла слышать, как перескакивает мелодия на виниловой пластинке. Он уже вставил ключ в дверь, но затем увидел, что я все ещё стояла рядом.

— Мне очень жаль, что так вышло с проигрывателем, — сказала я. — Я куплю тебе другой.

— На самом деле с ним всё в порядке. Он винтажный, сделан надёжно.

— О, ладно. Хорошо.

Медленно его губы расплылись в улыбке, как будто он только что разгадал какой-то мой секрет. Хотя я была не совсем уверена, что он у меня был. Но если бы он всё же существовал, то это было бы желание пойти к Финну, послушать музыку и развеяться, после почти недельной тишины в моей собственной квартире.

— Приятного вечера, Сэди, — сказал он, заходя в квартиру.

???

На следующее утро на работе все собрались в конференц-зале. В то время как Амелия обсуждала обновления нашего веб-сайта, она указала на меня.

— Фотографии. Напомни мне, а то забуду.

— Фотографии? Зачем?

— Нам нужно обновить твою страницу. В новой должности ты больше работаешь с клиентами, я хочу видеть там твоё лицо. Там перечислены твои достоинства, но этого не достаточно.

Я села ровнее. На прошлой неделе много чего крутилось у меня в голове. В основном работа, планы на День Благодарения и то, что Натан всё ещё спит на диване. Но после того как я увидела Финна вчера вечером, я не могла думать ни о чём другом. Амелия уже сменила тему разговора, когда я спросила.

— Я могу нанять своего фотографа?

— Я не против, — сказала она. — Просто попробуй получить от этого удовольствие. Убедись, что это отражает то, чем мы здесь занимаемся — объединяем хобби и любимое дело. Пришлешь мне счёт.

Что же для меня было любимым занятием? Я думала об этом в метро по дороге домой.

Дурачиться с Натаном, вот как я определяю веселье. Сидеть на высоченных местах на игре Янки, мои ноги лежат на его коленях, пока я с наслаждением уплетаю хот — дог — вот единственная причина, почему я мирюсь с бейсболом.

Веселье — это когда мы устроили гонки по фермерскому рынку в Юнион-сквер в поисках самого креативного ужина за десять минут. И даже если идеи Натана были лучше, он уступил победу мне.

Готовить для Натана. Быть с Натаном. Вот мои любимые занятия.

Сегодня вечером он в боулинге. Даже несмотря на то, что сегодня снова среда, нам не нужно обсуждать, стоит ли мне приходить. Как бы мне не хотелось быть там, я уважаю его желания и нужды. Он не хочет, чтобы я была там. Ему не нужно, чтобы я его расстраивала.

После прогулки с Джинджер, я была не в настроении бездействовать. Я налила себе бокал вина, пока готовила салат со стейком, картофель по — деревенски с чесноком и брокколини. Я поела в одиночестве, слышно было только как нож резал салат — латук, и покормила Джинджер остатками со стола. Еды было достаточно для двоих, но эти блюда бы испортились до завтра.

Я подумала о Финне, нормально ли он питается, как часто он ездит обратно в Коннектикут, чем он занимается целыми днями. Одной съёмки недостаточно, для оплаты жилья в этом здании.

У него будет уже два заказа, если он согласится поснимать меня. Его восторг вчера вечером по поводу новой работы, которую он так любит, был заразительным. Когда я скажу ему о предложении поработать, то стану причиной его воодушевления.

После второго бокала вина тишина в квартире стала оглушающей. Я переложила остатки еды в пластмассовый контейнер и схватила ключи от квартиры. Я постучала в дверь Финна.

Возможно, его не было дома. Может он где-то ужинает. Может, уехал в Коннектикут. Может в кино. Пока я убеждала себя, что дома его нет, он открыл мне в майке и шортах.

Плечом он облокотился о дверной косяк со внезапно довольной улыбкой на лице.

— И снова здравствуй.

— Привет, — я заглянула в его квартиру. Свет был включён, но я не слышала ничего и никого.

Мне следовало обдумать мои действия более тщательно.

— Я один, — сказал он.

— О, — я посмотрела в его глаза. — Я тоже.

Он кивнул, будто всё понял. Как вообще он мог понять, что мне было так больно сегодня быть одной, пока Натан развлекался со своими друзьями и их жёнами?

— Входи, — сказал он.

Я даже не засомневалась. Сегодня вечером хмурое облако, которое нависло надо мной, могло сделать перерыв.

— Я кое-что тебе принесла.

Он закрыл за мной дверь.

— Это то, о чём я думаю?

— Это ужин.

— Господь всемогущий, — простонал он. — Ты — ангел.

— Ты преувеличиваешь, — ухмыльнулась я.

— Ты бы так не говорила, если бы была мной. Я уже неделю в глаза не видел овощей.

Это должно было вызвать во мне смех, а вызвало грусть. Мебели стало больше с прошлого раза, но диван был укрыт простыней. Телевизор всё ещё находился в коробке. В углу стоял развлекательный центр, но он не был вплотную придвинут к стене. Я укутала руки в рукава свитера, хотя обогреватель у него всё ещё работал на полную.

— У тебя всё в порядке? — спросила я.

— Что? — он проследил за моим взглядом по комнате. Кофейный столик из Икеи был разобран возле дивана, инструкция валялась тут же. — Я отрываюсь по полной. Впервые за многие годы я живу как холостяк. Это всё так же круто, как я это помню.

Я не сказала, что холостая жизнь тоже может состоять из взлётов и падений, как и жизнь в браке. Когда я была здесь в прошлый раз, квартира показалась мне приятной и чистой.

Сегодняшний беспорядок заставил меня засомневаться в себе. Еда быстрого приготовления и жизнь в коробках? Первые свидания и неловкие разговоры? Я не с огромной радостью вспоминаю мои незамужние деньки.

Я передала ему контейнер с едой.

— Извини, что прервала твою вечеринку, но я принесла брокколини.

Его брови взметнулись вверх.

— Здорово, брокколини мои любимые.

Я рассмеялась.

— Попробуй ещё раз. Это было не убедительно.

— Нет, правда, — он предложил мне последовать за ним в кухню. — Мне нравится, что они малюсенькие, не то, что брокколи, эти огромные засранцы.

Теперь я вовсю хихикала в ладонь. Всего лишь пять минут здесь, и я уже не преступница, но и не жертва. И я не порчу чай — то день, тем, что просто нахожусь рядом.

— Ты поешь со мной? — спросил он.

Я жестом указала на мою квартиру. Моя рука всё ещё была завернута в рукав, как у пятилетнего ребёнка.

— Я уже поела.

— Но ты присядешь? — спросил он, и отодвинул для меня стул.

Он отошёл к кухонному шкафчику, не дожидаясь моего ответа. Я заправила прядь волос за ухо, и села за стол. В этот момент я чувствовала себя более комфортно в кухне незнакомца, заваленной и неорганизованной, чем в своей собственной спальне.

Он выложил всю еду на тарелку, хотя я подозревала, что если бы меня здесь не было, он бы принялся есть прямо из контейнера.

— Итак, — произнесли мы одновременно и оба мило улыбнулись.

— Продолжай, — сказал он.

— Ничего, просто, — я приподняла рукава. Сегодня мне хотелось расслабиться, но я не могла это сделать пока кое-что давило на меня, будто «слон был в комнате». Лучше бы мы признали свою ошибку и двигались дальше. — По поводу прошлой недели.

— Да. Это то, что я хотел сказать.

Я кивнула. Поцеловать Финна было неправильным. Я повторила это ещё раз в голове, чтобы отвлечься от воспоминания, как это было приятно.

— Мне жаль.

— А мне нет.

Я побледнела. Моя следующая реплика должна была быть, что это больше не повторится.

— Я имею в виду, мне жаль, — сказал он, поставив свою тарелку на стол. — В какой-то степени, но не потому, что это случилось, а потому, что это случилось таким образом, — он жестом указал на нас. — Я бы хотел, чтобы всё было, ну знаешь... по-другому.

Я свела брови.

— Правда?

— Да, — он отправил пару брокколини в рот. — Правда.

Ну ладно. Я не знала, что теперь делать, кроме как смотреть, как он жевал. Должна была ли я с ним согласиться? Несомненно, он потрясающе привлекательный. И просто находясь с ним, я чувствую теплоту, даже уют. Лёгкость. Счастье? Я ему нравлюсь. Моё настроение улучшилось, когда я сюда пришла. Но правда лежит не на поверхности, а намного глубже. Это не продлится долго. Просто потому, что мне сейчас лучше, не значит, что я продам свою теперешнюю жизнь за поцелуй с Финном. Это, конечно, если у меня всё ещё есть та жизнь. Натан может или хочет всё закончить. Возможно, он уже всё закончил, и пытается найти способ как мне всё это сказать.

— Ты грустная, — сказал Финн.

Я оторвалась от созерцания деревянной столешницы.

— Всё в порядке.

— Нет, — сказал он, будто мог точно прочесть мысли в моей голове. — Ты грустная. Я же вижу.

Мои руки лежали на коленях, и пальцами я перекатывала по кругу обручальное кольцо.

Финн пристально на меня посмотрел. Если он хотел, чтобы я сказала, что Натан сделал меня грустной, я не могла этого сделать. Не ему. Такое признание чужому мужчине было бы более интимным, чем поцелуй.

— Я зашла, чтобы попросить тебя об услуге, — сказала я бодро, вспоминая, как была взволнована тем, что могу предложить ему работу. — Кое-что связанное с фотографиями.

Он нахмурился.

— Тебе нужно больше тренироваться в искусстве смены темы разговора.

— Вполне возможно, — отметила я, проведя руками по бёдрам.

— Ладно, сегодня я тебя прощаю. Так что за просьба?

— Фотографии, — я закатила глаза. — Да, глупо я знаю. Мой босс хочет их для веб-сайта. И так как я получила повышение, то на сайте есть рубрика Обо Мне и всё такое.

— Своя собственная рубрика? — он откусил кусочек и кивнул мне. — И что там пока? Вопросительный знак?

— Силуэт со стрижкой под горшочек, — сказала я невозмутимо. — Не удивительно, что бизнес не идёт.

Он улыбнулся пока жевал.

— Сэди?

— Да?

— Стейк просто превосходный.

— Спасибо, — я ухмыльнулась.

— Я буду очень рад поснимать тебя. Даже почту за честь.

— Твоя работа будет оплачена, естественно, — я шлёпнула себя по лбу, как героиня ситкома.

— Ещё бы! С этого надо было начинать!

— Об этом не беспокойся. Я бы не отказался попрактиковаться. Как насчёт этих выходных?

— Ты уверен? Это уже очень скоро.

— Абсолютно. Давай сделаем это.

— Замечательно, — сказала я с облегчением. Амелия не будет доставать меня по этому поводу. — Где?

— Я могу выбрать место?

— Она сказала «получить от этого удовольствие». Я не представляю...

— Я об этом позабочусь. Приходи в субботу утром. Я загляну на сайт твоей компании и прошупаю почву.

Я достала визитку из сумочки на связке ключей и передала ему через стол.

— Вот наши координаты.

— «Амелия Ван Экен Коммуникейшенс», — прочитал он и перевернул визитку. — Мы сделаем фото и для твоей визитки.

Я махнула рукой.

— Девочка из отдела маркетинга этим занимается.

— Я настаиваю на фотографии. Если там будет твоё лицо, это поможет привлечь больше клиентов, — он проглотил еду и сделал глоток пива. — Особенно твоё лицо. Я бы купил всё что угодно, чтобы ты ни продавала.

Я попыталась сдержать улыбку.

— Я не продаю всё, что угодно.

— Ну, тогда я бы поверил всему, чтобы ты ни сказала.

Я почесала нос.

— Если это правда, то тебе нужно поучиться играть в мафию. У тебя на лице всё написано.

— Извини, Сэди, — сказал он. — Я не играю в игры, особенно по серьёзному поводу.

Его комментарий поднял волну флирта. Он говорил о моей работе? О нас? В любом случае мы с ним вступили на эту тропу. Я знала, куда она может привести. Наводящий комментарий стал шуткой для тех, кто в теме, всё это вышло на какой-то более интимный уровень, который открывал двери для большего. Я не только поцеловала другого мужчину, но я снова была в его квартире и собиралась провести с ним больше времени вместе.

— Мне пора домой, — сказала я.

Финн облокотился на спинку своего стула и держал бутылку пива за горлышко.

— Разве сегодня не вечер для боулинга?

— Ты запомнил.

— Конечно.

Я не сдвинулась с места. Просто потому, что мне следовало это сделать, не значило, что я хотела это сделать. Он несколько раз прокрутил бутылку по кругу и затем встал. Он отправил тарелку в раковину, и на обратном пути, открыл холодильник и предложил мне Heineken.

— Выпей. Это поможет.

Он мог иметь в виду жару от обогревателя, но мне казалось, что всё же мои проблемы с Натаном. Для меня, остаться сидеть на этом стуле, было не так уж и плохо. Мне было комфортно в нашем собственном маленьком мире. Натан даже не знает, где я сейчас нахожусь, волнует ли это его? Для чего мне нужно было идти домой?

Он открыл бутылку и передал мне через стол. Я сделала большой глоток, чем намеревалась. И он был прав. Это остудило меня.

— Что он сказал по поводу пятна от помады?

Я с грохотом опустила бутылку на стол, и он вздрогнул. Было нелегко поднимать эту тему, учитывая, что мы с Натаном не разговаривали. Финн был единственным, кому я рассказала о пятне от помады. Но я уже начинала об этом сожалеть, потому что он хотел, чтобы я перед ним объяснилась. Я бы лучше забыла, что пятно вообще существовало. Кроме того, Чин-Мэ вернула галстук, и он был как новенький.

— Сэди, — никак не унимался Финн.

Я начала читать информацию на этикетке. Пиво было произведено в Голландии.

Интересно, я думала, что в Германии, но это было написано прямо на лицевой стороне. Это говорило о том, какая я невнимательная. Я начала искать информацию о содержании алкоголя.

— Содержание алкоголя 5.2 процента, — сказал Финн. Я не смогла скрыть шок на лице от его способности читать мои мысли. Он забрал бутылку из моих рук и поставил её на стол. — Я задал тебе вопрос.

Я не смотрела на него, пока отвечала.

— Я не спрашивала у него.

— Почему нет?

— Потому что я ему доверяю. И не хочу его расстраивать.

Финн вытянул шею, чтобы посмотреть мне в глаза.

— У него крутой нрав?

— Нет, — ответ последовал незамедлительно, когда я осознала, что Финн мог подумать. — Совсем нет. Просто сейчас на него много всего навалилось.

— Было ли что-нибудь ещё, что указывало на ...?

Я практически желала, чтобы он произнес всё до конца, так как самой это произносить не хотелось. Что-нибудь указывающее на то, что Натан мне изменяет? Что он разлюбил меня? Что он сейчас несчастнее, чем когда-либо раньше? У меня слёзы выступили на глазах. Я взяла бутылку пива с таким видом, что Финну снова пришлось её у меня забрать.

— Я не знаю, — сказала я. — Пару раз он приходил домой и от него пахло сигаретами, хотя не должно было. Как будто он зашёл в бар после работы, или во время ланча, — я остановилась, ожидая, что Финн скажет, что я страдаю паранойей. Но он молчал. — Я встретила эту девушку, — продолжила я, — в боулинге. Эту женщину. Она подруга одного из игроков. По средам они берут с собой жён.

Финн нахмурил лоб.

— Сегодня среда. Он никогда не говорил тебе?

— Говорил. Я отказывалась, чтобы посмотреть телевизор, и потому, что думала, что он будет более расслаблен без меня.

— Почему?

— Ему не придётся всё время проверять, что я хорошо провожу время. Он такой.

— А, — он лениво ударял указательным пальцем по столу. — Ну, и кто эта женщина?

— Я не знаю. Просто знаешь, у меня возникло такое чувство. Она вообще-то не в его вкусе, нет, я так не думаю. Мне просто так... показалось. Когда я попыталась спросить его, что случилось, он не захотел об этом говорить. Он занял оборонительную позицию.

— Ну и.

— Ну и?

— Это нехороший знак.

— Я знаю, что это не так, — сказала я незамедлительно. Хотя я и злилась на Натана из-за его молчания, я волновалась за него. — Ему нужно время, чтобы со всем разобраться. Я, правда, точно не знаю с чем... — тут я остановилась, внезапно осознав, где я нахожусь. Обычно единственным человеком, с которым я обсуждала свои отношения с Натаном, был сам Натан. Иногда это был мой брат. Мы с Финном перешли черту. Я была не совсем уверена, как он истолкует мои проблемы с Натаном. — Мне не следовало обсуждать это с тобой.

— Почему нет?

Он знал, почему не следовало. Будет лучше, если я не буду произносить это вслух. И вот снова, возможно я уже и не знала, как будет лучше. Прямо сейчас Натан был в Бруклине, и Джоан тоже. Но я была здесь.

— Потому, что ты меня поцеловал. И я хочу, чтобы сделал это снова, — я отодвинулась ближе к спинке стула, хотя он ни на дюйм не приблизился. — Но это не приглашение.

— Я знаю. Поверь мне, если бы это было оно, то между нами не было бы стола.

Я сглотнула. Смысл сказанного был предельно ясен.

— Это звучит так будто ты хочешь, чтобы что-то случилось между нами. А как же Кендра?

Настала его очередь переставлять с места на место его пиво. Не отводя от меня взгляд, он отклеил угол этикетки.

— Что ты хочешь знать?

— Всё.

— Кендра? — его подбородок подвигался из стороны в сторону перед тем, как он сделал большой глоток пива. — Я могу сказать, почему женился на ней. Из-за Мариссы. Это была незапланированная беременность. Я хотел всё сделать правильно. Кендра меня не остановила.

Его искренность застала меня врасплох.

— А. Ты имеешь в виду вы не... ты не...?

Он пожал плечами.

— Да, я люблю её. Мы были вместе около года, затем я решил завершить эти отношения. Я думал, что был слишком молодым, чтобы остепениться. А затем я совершил неоригинальную ошибку, у нас был прощальный секс, — он уже не смотрел на меня. — Это совсем не значит, что Марисса — это ошибка.

Я была рада тому, что он не видел моё выражение лица.

— Так вот как Кендра забеременела? Во время прощального секса?

Он поджал губы и кивнул.

— Просто всё случилось не так, как я себе это представлял.

Я опустила голову. Я слишком хорошо понимала, о чём он говорил. Я тоже думала, что я неуязвима, когда была моложе. Но это было не так. Наши ситуации не так уж и отличались. Но получилось так, что решение Финна определило направление его жизни, а моё открыло мне возможность выбирать.

— А как ты себе всё представлял?

Он украдкой взглянул на меня, но выглядел потерянным в своих мыслях.

— Кендра дразнит меня, что я идеалист. В тайне, я думаю, её это беспокоит. Не может быть романтики в отношениях с человеком, с которым живёшь из-за обязанностей, — он сложил руки по обе стороны от пива. — Полагаю, это странно, что я хочу жениться по любви.

— Это не странно, — обида в его словах была очевидна. — Но, насколько мне известно, женщина не может забеременеть сама по себе, — я подмигнула ему. — Но это только насколько я знаю.

Он невесело ухмыльнулся.

— Она солгала по поводу противозачаточных таблеток, Сэди. Ты не можешь говорить мне, что я облажался.

— Но всё же, — сказала я, — нечестно возлагать всю вину только на неё.

Он усмехнулся и положил руки ладонями на стол.

— Я в прямом смысле не могу признать ещё больше вины. Я был женат на ней годы, и делал всё для них. Его лицо покраснело, я ждала, что он продолжит. Когда он этого не сделал, я спросила.

— А теперь уже нет?

Он прокручивал бутылку по кругу на столе, и я задумалась над тем, сколько он уже выпил. Он смотрел на меня и выглядел вполне трезвым.

— Семья Кендры живёт в Коннектикуте. Богатые люди живут в Коннектикуте, но я к этому не стремился. Я был счастлив попытаться стать художником, но не смог содержать семью надеждами и мечтами. Безопаснее было растить Мариссу там. Спокойнее. Короче говоря, смертельно скучно, — он вздохнул. — Опять же, я был единственным, кому было около тридцати в нашем доме.

Его прорвало, но я его внимательно слушала. Я думала это было то, что ему нужно — чтобы кто-то, не Кендра, выслушал его.

— Поэтому ты здесь, а они нет?

— Я бы хотел, чтобы Марисса росла в большом городе, здесь разнообразие, трудности, культура. А не в гребаном Гринвиче. Кендра выросла в Гринвиче и всегда получала то, что хотела. Если не от меня, так от богатых родителей. Это даже более опасно, чем кучка бездомных у тебя на пороге, — он встал и взял ещё пиво. Я просто спросила, а он начал трещать без умолку и взорвался как действующий вулкан. После молчания Натана, я цеплялась за каждое слово Финна. — И я сказал ей, Кендре, я сказал, что возвращаюсь обратно в город, и она может делать всё, что захочет, — он снова сел.

— И?

— И она захотела остаться со мной, поэтому мы продаём дом, и они переезжают. Скоро, — он покачал головой. — Её семья уже во все оружие.

— Это как?

— Это не соответствовало их ожиданиям, сначала они не хотели, чтобы Кендра выходила за меня. Но её отец подёргал за ниточки, и они устроили меня в программу MBA [8], даже не спросив моего мнения. Их принцесса не собиралась выходить за неуспешного художника.

— Они заставили тебя бросить фотографию?

— Нет. Я бросил, чтобы обеспечить Мариссе стабильное жильё. Я уже закончил школу и пытался сделать карьеру фотографа, когда Кендра забеременела. Я подчинился Кендре и её родителям, полагая, что так будет лучше для Мариссы, но... — он взял пиво.

Я прикусила верхнюю губу. Я сидела в кухне другой женщины, собиралась давать советы её мужу по поводу их взаимоотношений. Может кто-то пытался сделать то же самое и для Натана?

Я прогнала эту мысль прочь.

— Финн, тебе нужно поговорить с Кендрой даже больше, чем мне с Натаном о том, что происходит. Тебе нужно сказать ей обо всём этом. Она обрубает концы налаженной жизни — она и Марисса — ради тебя. Ты должен сказать ей правду.

— В этом всё и дело, — он облокотился на стол. — Я говорил ей. Она знает, что я чувствую. Она знает, что я бы никогда не отказался от моего ребенка и не стал увиливать от ответственности. Нам не обязательно было жениться. Она знала, как сильно я хотел чего-то другого, но она отказалась мне это дать.

— Другого... как это?

— Раньше я был романтиком. Я совершал великие поступки. Я был тайным поклонником, парнем с магнитофоном над головой под окном у возлюбленной. Однажды я подарил букет цветов девушке перед всеми в кафетерии, я хотел порадовать её. Я хотел быть влюблённым. Я хочу расти вместе со своей партнёршей, а не против неё, — я поёрзала на стуле под интенсивной жаждой в его глазах. — Я бы никогда не произнёс это вслух, — отметил он. — Я всё ещё цеплялся за призрачную надежду, что между нами всё изменится, или ... или она наконец поймёт, что заслуживает мужчину, который будет любить её больше, чем я.

Финн вздохнул, устав от этого разговора. Наблюдая, как его тело осунулось, я подумала о другом мужчине, который добивался женщину, будто от этого зависела его жизнь. Он дал мне возможность почувствовать себя такой особенной, что весь мой образ мышления полностью изменился. Благодаря Натану я поверила в романтику и в целебную силу истинной любви. Что произошло с этим мужчиной? Неужели я разрушила это в нём, как Кендра сделала это с Финном?

Если это так, то как это случилось? Я никогда не заставляла Натана быть со мной. Я говорила ему не единожды, что слишком сильно его люблю, чтобы удерживать его в несчастливом браке. Я возможно одна из немногих, кто знает, что иногда развод — это не так уж и плохо. Моя мама не стала бы алкоголичкой и могла

бы как следует заниматься моим братом и мной, но она совершила ошибку тем, что полюбила моего отца. В конечном итоге, отец опустил её на свой уровень.

— Извини, — сказала я. — Может это прозвучит грубо, но может тебе нужно сказать ей намного больше, чем ты уже сказал.

Он внимательно на меня посмотрел.

— Что это значит?

— Если ты не хочешь быть в этом браке, то ты не обязан. Я знаю, ты думаешь, что она заставляет тебя, но на самом деле, это не так.

— Всё сложно, — он облокотился на спинку стула и закинул лодыжку на колено. — Есть Марисса. И Кендра, я правда люблю её. Я знаю, как это звучит, но это так. Просто в последнее время, я задумался... — он посмотрел на меня, будто я должна закончить предложение за него.

— Задумался о чём?

— О жизни. Как мы становимся теми или иными людьми. Пути, которые мы выбираем. Играет ли судьба мне на руку или злую шутку?

— Судьба, — повторила я.

— Камень может изменить направление нашей жизни. Ты можешь наехать на него, проколоть колесо, и никогда больше не вернуться на этот путь. Или ты можешь свернуть и оказаться на совершенно другой дороге.

Покусывая губу, я отвела взгляд. Не было никакого камешка, объясняющего, почему я здесь сидела. А Натан был с Джоан. Хотя это я должна была быть там с ним, в противном случае судьба Джоан обгонит мою. Не то чтобы я в это верила. А вот Натан верил. Если он думал, что романтика в наших отношениях умерла, то возможно он искал её в другом месте, и во всём винил судьбу, так же как это пытался сделать Финн.

Я зевнула. Моя бутылка пива была практически пустой. Я задумалась, будет ли умно продолжать этот разговор. Финн может всё не так понять, подумать, что каким-то образом сама судьба привела меня к нему сегодня вечером. Хотя на самом деле, мне просто не хотелось быть в одиночестве. А что, если Натан вернулся пораньше, а меня нет дома? Я встала.

— Я, пожалуй, пойду. У меня была тяжёлая неделя, хотя ещё только среда.

Он тоже поднялся.

— Выспись. Пей побольше воды. Я имею в виду для съёмки.

Без сомнений он заметил круги у меня под глазами.

— Конечно.

Он проводил меня до входной двери.

— Я не знаю, как ты можешь здесь находиться, — сказала я, имея в виду жару.

— Я тоже не знаю. Передай Натану благодарность за то, что попытался починить обогреватель.

Я посмотрела на него.

— Ты тоже в этом участвовал?

— Разве он тебе не сказал? Он приходил чинить его, но обогреватель до сих пор не работает. Мне придётся его полностью заменить. Я жду пока привезут новый.

— Он об этом не упоминал, — сказала я переминаясь с ноги на ногу. — Когда он был здесь... о чём вы разговаривали?

— Всё, как всегда. Об инструментах, технике, — он пожал плечом и посмотрел мимо меня. — Я спросил его о пиве, которое я выпил. Мы выяснили, что мы оба фанаты Янки, — он вернул свой взгляд на меня. — Не беспокойся. До тебя мы не дошли.

Я и не волновалась. Натан слишком мне доверяет, чтобы в чём-то подозревать.

— Ладно, — я осмотрела ещё раз его квартиру. Всё было не так плохо, как показалось изначально. Белая простынь была приподнята и открывала угол дивана в викторианском стиле с резными деревянными ножками. Бархатное сидение было глубокого зелёного цвета и отделано пуговицами. Этот диван не был чем-то, что мог выбрать мужчина. Я подозревала, что он ещё и неудобный.

Я посмотрела на Финна как раз в тот момент, когда он наклонился. Но для чего? Объятия? Поцелуя? Я вздрогнула, и он нырнул влево в последний момент, чтобы открыть дверь.

— Увидимся утром в субботу.

Я отступила назад.

— Увидимся.

В своей квартире, я отодвинула постельные принадлежности Натана и села на диван. Я включила телевизор и

стала бесцельно переключать каналы. Я снова проиграла наш с Финном разговор. Оказывается, он романтик. Так же, как и Натан. Я не удивлюсь, если у Натана был свой способ сделать приятное девушке, когда он был в старшей школе. Они были парочкой безумных фанатов Янки с горящими глазами, и я была не совсем уверена, как воспринимать то факт, что они были в некотором роде похожи.

Я вернулась к просмотру ситкома и прижала подушку Натана к груди. Минуту спустя я написала ему смс.

Я скучаю по нашей романтике.

А затем, не отправив, удалила его.

14

Натан вошёл в нашу ванную комнату, пока я наносила на ресницы третий слой туши. В зеркале я увидела, как он просканировал мой внешний вид, задержавшись на моей попе.

— Встреча с клиентом, в субботу? — спросил он.

— Не-а.

— Нет? — он потянулся через меня за зубной щёткой. — Это платье ты обычно надеваешь на завершение сделки.

Он выдавил пасту, засунул щётку в рот и вышел из ванны. И снова наш разговор внезапно оборвался. Но затем, он притопал назад, достал щётку изо рта и спросил.

— Куда ты собралась?

В последние полторы недели мы обходили друг друга стороной, отводили взгляд. Он всё ещё спал на диване. Никто из нас не предпринял попыток это изменить. С моей стороны не было приглашения, но и от него не поступало просьб вернуться. Всё просто застопорилось. Почему бы не дать ему отведать его же собственную пилюлю? Головокружение стало зарождаться во мне, когда я спросила.

— С каких пор тебя это интересует?

Он маячил позади меня.

— Да, ладно тебе.

— Да ладно, что? — я ещё приблизилась к зеркалу, делая вид, что сфокусировалась на подводке. Из-за платья цвета глубокого индиго мои глаза стали практически фиолетовыми. — Я не буду напрягать тебя своими планами.

Он сплюнул пасту в раковину, бросил щётку на столешницу и вышел из комнаты. Он был не единственным, у кого могли быть секреты. Не то чтобы это было волнующе — встреча с Финном — это обязанность по работе. Хотя Натан этого не знал.

Я выбрала бежевые кожаные лодочки от Ив Сен Лорана. Я обычно не обуваю их для работы, но они удлиняют мои ноги, и у меня было такое чувство, что их полюбит камера. Моё платье было с глубоким вырезом, который мало что прикрывал. Прихватив шерстяное пальто и шарф, я направилась к выходу.

Натан посмотрел на меня, сидя на диване и зашнуровывая кроссовки. Судя по его спортивным штанам Adidas и футболке с длинным рукавом, он собирался на ещё одну игру в Бруклине. Во второй раз в этом месяце.

— Я твой муж, — сказал он. — Я имею право знать, куда ты идёшь.

Он привлёк моё внимание. Станным образом он интуитивно выбрал тот момент, когда я собиралась провести день в компании другого мужчины, и вспомнил, что я вообще существую.

Это взбесило меня. Он не дал мне ничего с той ночи, когда у нас был оральный секс в пяти минутах от того места, где я сейчас стояла.

— Понимаю, — сказала я, поворачиваясь к нему. — Сейчас ты мой муж. Я не думала, что мы будем подбирать и выбирать случаи, когда нам применять наши супружеские клятвы, а когда нет.

Он откинулся назад.

— Наши клятвы действуют всегда. Не сомневайся в этом из-за пары трудных недель.

— Может месяцев, — сказала я.

— Разве я когда-нибудь держал тебя в неведении, по поводу моих планов?

По крайней мере, Натан просвещал меня о своих планах на этой неделе. Смс или небрежная записка позволяли мне узнать, где он сейчас, или где он был раньше. Вопрос был в том, могу ли я ему верить.

— А ты куда собираешься? — спросила я с вызовом.

Он указал на свои кроссовки.

— На баскетбольную игру.

— Где? — игра была в Бруклине. Я знала это, но внимательно наблюдала за его лицом, пока он отвечал.

— Где и обычно, — сказал он, будто ходил туда каждую неделю. — В Парк-Слоуп. Там есть площадка между квартирами Михаэля и Коннора.

Мы смотрели друг на друга, он сидел на диване, я стояла у двери. Он всегда встречался со своими друзьями в Бруклине. Хотя я клянусь, что в последнее время это случается чаще.

— Мне нужно сделать фотографии для работы.

— А, — он вернулся к зашнуровыванию кроссовок.

— С Финном, — добавила я.

Он замер.

— Финн. Сосед, через коридор.

— Да.

— Почему?

— Он — фотограф.

— Ты говорила мне, что он банкир.

— Он им был, — я обернула шарф вокруг шеи. — Теперь он фотограф.

— Это удобно.

— Да, — согласилась я. — Это так.

Натан облокотился локтями на колени и снова меня осмотрел. В этот раз он сузил глаза на моём платье.

— Оно сексуальное.

Я пожала плечами.

— Это для сайта. Я хочу хорошо выглядеть.

— Ты замерзнешь.

— О, ну. Как там говорится? Красота требует жертв.

— Мне так не кажется, — он встал с дивана. — Красота — это боль. Или всё наоборот.

Он не сдвинулся, чтобы уйти. У меня вспотела шея. Шарф подрагивал от ударов моего сердца.

— Почему его жена здесь не живёт? — Натан спросил. — Как это её зовут?

— Кендра. Они переезжают, — сглотнула я. — Она будет... жить здесь.

— Когда?

— Скоро.

Он помахал воротником футболки, как будто ему было жарко. Хотя мы всё ещё не включили обогреватель.

— Вы будете делать это в его квартире?

— Нет. Мы будем снимать на улице, — я облокотилась на стену. — Хочешь пойти со мной? Ты лучше меня разбираешься в этих креативных вещах.

Он посмотрел через меня на входную дверь.

— У меня игра. Я уверен, у Финна море креатива, — фыркнул он. — Финн. Что это за имя такое? Он что придаток какой-то?

Я скрестила руки на груди, не впечатлившись его попыткой оскорбить. Но, по крайней мере, он проявил хоть какой-то интерес. Это могло значить, что нужно отказаться от встречи с Финном, мне уже стало нравиться проводить с ним время, но это того стоило.

— Я хочу, чтобы ты пошёл со мной, Натан. Ты можешь перенести игру?

— А ты можешь перенести съёмку?

Мой вопрос разозлил его. Я видела это в его глазах. Вот если бы он потратил два часа на подготовку к глупой игре. Я собралась с духом и постаралась говорить спокойно.

— Я уже сделала причёску и макияж. И Финн уже распланировал свой день.

— Я уже изложил свою точку зрения.

— Какую?

— Не важно.

— Нет, важно.

Мне казалось, что он снова отмахнётся от меня, но он остановился. Он моргнул, прикусив верхнюю губу.

— Разве я о многом тебя прошу? — сказал он.

Мне на самом деле не нужно было думать об этом. Не секрет, что Натан всегда старался изо всех сил ради меня. Мои подруги всегда подтрунивали надо мной по этому поводу, с завистью.

— Нет, ты просишь не о многом, — согласилась я.

— Было бы прекрасно... получать чуть больше отдачи. Я бы хотел, чтобы ты знала, что важно для меня, также как я знаю, что важно для тебя. Я бы никогда на самом деле не ожидал, что ты отменишь свою съёмку, чтобы провести день со мной. Но почему я всегда должен отменять свои планы?

Я почувствовала внезапную острую боль в сердце, одинаково из-за чувства вины и грусти, что не обеспокоена последствиями так, как он. Но я не могла просто проглотить его слова, не поняв очевидного.

— Это потому, что ты сделал меня такой, — сказала я. — Если я и эгоистичная, то это потому, что ты возвращал это во мне. Ты практически принуждал меня быть обожаемой все эти годы.

Он нахмурился, и я видела борьбу на его лице. Думаю, он хотел высказать то, что его беспокоило, но он себе этого не позволил, может из-за принципа. Возможно, ему всё ещё нужно было что-то доказать.

— Я хочу, чтобы ты чувствовала себя обожаемой. Но, наверное, я просто хочу чувствовать тоже самое.

Неужели он не знает, как я его обожаю? Значит ли это что я облажалась как жена? Я так не думаю, просто я не проявляю свою любовь так, как он. Я посвящаю себя ему на кухне и в спальне.

Это самые интимные места, и там он — мой король. Я готовлю ему всё, что он захочет, и занимаюсь с ним любовью, когда бы он не захотел. Всегда. Я посмотрела через плечо на входную дверь и обратно. Мы с Финном не договаривались о времени, может он сможет перенести съёмку.

— Я поеду с тобой в Бруклин, — сказала я. — Это поможет?

— Я не собираюсь вызвать в тебе чувство вины и заставить тебя ехать, — сказал он. — Ты была права. Нет смысла всё отменять из-за баскетбольной игры, которая тебе всё равно не понравится.

Я ссутулила плечи.

— Я не понимаю. Если ты не думаешь, что мне понравится игра, почему ты вообще поднял эту тему?

Мы смотрели друг на друга несколько мгновений, и я подумала, что мы оба пытались понять друг друга. Проблема была в том, что на протяжении нашего брака Натан всегда вел меня за руку через все трудности. Я никогда не была хороша в выражении моих самых сокровенных мыслей, но он был в этом хорош, и он всегда показывал мне, как стать лучше. Сейчас, без его поддержки, я чувствовала, что я подверглась проверке, но не выучила то, что должна была. Когда он вздохнул, я почувствовала, что могу сделать то же самое.

— У меня не очень хорошо получается объяснять, — он взглянул на часы. — И мне пора выходить, иначе они исключат меня из игры.

— Что насчёт Джинджер?

— Я выведу её по-быстрому, — он свистнул, и Джинджер вскочила на лапы.

— Ладно. Если ты уверен, — я придержала дверь и посмотрела на него, будто мне было ещё что сказать. Он сконцентрировался на поводке Джинджер. — Повеселись. Пока.

Я вышла из квартиры. Казалось, квартира Финна располагалась дальше обычного, коридор казался уже, как будто я двигалась в замедленной съёмке. Я постучала. Финн сразу же открыл с широкой улыбкой на лице, и я оказалась внутри ещё до того, как Натан вышел из нашей квартиры.

Я случайно задела ногой большую сумку для камеры возле двери. Когда я поправляла её, Финн украдкой взглянул на мои голые ноги.

— Нам нужно идти прямо сейчас, — сказал он. — Есть вероятность, что позже пойдёт дождь.

Мне казалось, я слышала шаги в коридоре, перезвон жетона Джинджер.

— Может мне нужно что-то выпить сперва. Чтобы расслабиться.

— Нет времени. Я не хочу упустить дневной свет.

Я бы лучше упустила дневной свет, чем налетела на Натана вместе с Финном.

— Да, — поддразнила я, — это будет настоящим позором.

Уголок его губ приподнялся в улыбке.

— Это из 101-го Руководства по фотографии. Эта глава была озаглавлена как Отстойные высказывания фотографов. Ты простишь меня?

— Ну конечно, — я тянула время, в случае если Натан ждёт лифт в коридоре. Финн перекинул сумку с камерой через плечо, и его рука уже была на дверной ручке, когда я заглянула в гостиную. Коробка с надписью Оборудование стояла на полу и была открыта. — Это старая камера?

— Со времён колледжа. У меня есть новая, но мне удобнее снимать этой. Не волнуйся, она всё ещё замечательно снимает.

— Я не волнуюсь, — он мог сказать мне, что будет снимать на мобильник. Я в этом вообще не разбираюсь. — Ты изучал фотографию или это просто хобби?

— Я специализировался на этом в Нью-Йоркском Университете.

Я повернулась к нему.

— Правда?

— Я серьёзно этим занимался. Но как я тебе уже говорил, жизнь сложилась иначе, — весёлый настрой Финна начал постепенно исчезать. — Нам нужно идти, — сказал он, открывая дверь.

— Куда мы отправимся? — спросила я, когда мы зашли в лифт.

— В Виллиамсбург.

— Бруклин, — неодобрительно пробормотала я. Ещё одно преобразование. — Замечательно.

— Между прочим, ты прекрасно выглядишь, — сказал он. — На самом деле, сногшибательно.

Двери лифта открылись, и я прикрыла глаза от света освещавшего маленькое фойе.

— Спасибо, — слой помады на моих губах был таким же плотным как моё шерстяное пальто.

— Я знаю, что нужно наносить более интенсивный макияж на съёмки.

— Всё будет просто прекрасно, — он придержал дверь, — после тебя.

Мы вышли на тротуар. Натан и Джинджер стояли на клочке травы перед зданием. Джинджер начала завывать, увидев меня, но Натан потянул её за поводок к ближайшему дереву. И она про меня забыла. Я не могла придумать, что нового сказать Натану. Я могла бы снова позвать его с нами, потому что я хотела, чтобы он был там, но он мог подумать, что я ожидаю от него отмены его планов ради меня.

— Мы возьмём такси, чтобы сэкономить время, — Финн сказал с обочины. Я не могла сказать, притворился ли он, что не замечает Натана.

Натан искоса посмотрел на меня, на Финна, и озноб пробрал меня с ног до головы. Он опустил руку в карман. Его воротник был поднят, из-за чего его волосы казались практически чёрными. Если кто-то и должен был начать разговор, то это должен был быть он. Я уже пошла на крайность пригласив его и предложив изменить мои планы. Он заставил меня пообещать, что я отступлю, но затем позволю ему вернуться ко мне.

— Сэди? — позвал Финн, придерживая дверь такси для меня. — Ты идёшь?

Натан отвернулся. С таким же успехом он мог быть незнакомцем.

Я затянула пояс моего пальто и села в машину.

15

Телевизор на заднем сидении транслировал обновлённый прогноз погоды. Финн был прав, передавали дождь. Я выключила телевизор и до Бруклина мы доехали в тишине. Я настаивала на том, чтобы оплатить поездку, но Финн мне не позволил.

— Я добавлю это в счёт, — сказал он наконец, когда я в третий раз протянула ему деньги.

Выйдя из такси, мы оказались между двумя промышленными зданиями.

Финн мигом поставил сумку на тротуар и достал камеру.

— Мы собираемся делать это здесь? — спросила я. Нас окружали дорожный знак, вывернутое мусорное ведро и длинное ограждение из проволоки.

— За углом, — сказал он. — У этого здания довольно тихо, по крайней мере, по стандартам Нью-Йорка. Не так уж и плохо для города с населением более восьми миллионов человек.

Я немного прогулялась по тротуару. Не так уж и много людей были здесь по какой-либо причине. Нас окружали уродливые серые плиты и голые деревья.

— Я думала мы поедем в какой-нибудь парк или вроде того.

— Возможно, если бы это была свадебная съёмка, — сказал он прямо позади меня, и я подпрыгнула на месте. — АВЭЖ современное агентство. Съёмка в парке была бы слишком традиционной.

Я обошла вокруг разломанного пенопластового контейнера.

— А это современно?

Он навёл на меня объектив, но не сделал фото.

— Позволь мне делать свою работу. Если фотографии тебе не понравятся, мы пойдём в парк.

Я вздохнула.

— Договорились.

— Пойдём, — он направился к бетонной стене с углублениями и разрисованной граффити. Я последовала за ним, не скрывая замешательства. Он взял меня за плечи и прислонил меня спиной к зданию, лицом к улице. Взяв меня за подбородок, он поднял мою голову, поворачивая то на дюйм вправо, то на миллиметр влево. Он хмурил брови, концентрируясь. Не было ничего романтического в его прикосновении, но, несмотря на это, в моей голове творилось безумие, и я не могла отвести взгляд от его лица.

— Красивая, — пробормотал он.

— Мы ещё ничего не сняли.

Он отступил на шаг.

— Сними пальто.

Я спустила его с плеч, но не знала, куда его положить.

— Я...

— На землю. Бросай. Ну же.

Неохотно, пытаясь не сдвинуть голову, я отбросила его на пару футов, чтобы оно не попало в кадр. С шарфом я поступила также. Вот для чего нужна химчистка.

Он уже начал снимать, хотя я ещё не заняла позицию.

— Подожди. Стой. Что я должна делать?

— Просто стой там. Не улыбайся.

Не улыбаться для съёмки оказалось сложнее, чем я предполагала. Мои мышцы лица подёргивались всё сильнее, чем больше я старалась их расслабить. Я, чёрт возьми, не знала, что делать с руками.

Он опустил камеру.

— Забудь о съёмке. Просто посмотри на меня.

Я так и сделала. Солнце сияло прямо над нами, глаза Финна были ошеломляюще зелёного цвета.

— Хорошо, — сказал он, — просто продолжай смотреть на меня. Думай обо мне.

— Одну секунду, — я закрыла глаза, и передо мной возник образ Финна, когда я увидела его в первый раз в коридоре, его белая майка, влажные от пота волосы. Я снова открыла глаза. Я представила, что я нахожусь здесь, чтобы изучить его, понаблюдать за ним в его стихии. Он сделал фотографию и затем что-то настроил. Я была растеряна. Годами я жила без камеры, пока у меня не появился смартфон. Когда я упомянула об этом на нашем третьем свидании, Натан резко поднял голову. Я запуталась, когда это было? Или на четвёртом свидании? Мы были в Мексиканском ресторане в Hell's Kitchen, и выпили по две маргариты.

— Замри, — внезапно сказал Натан, сидя напротив за маленьким уютным столиком.

— Что...

— Не двигайся. Просто оставайся на месте, — он сфотографировал меня. — Я хочу показать её моему отцу. Он не верит, что ты самая красивая девушка на Манхэттене.

— Натан, — я закатила глаза, в тайне надеясь, что он и вправду верил во все комплименты, которые мне говорил. Через какое-то время я узнала, что он верил в каждое произнесённое слово.

Только через пару месяцев я узнала, что у меня на щеке было пятно от авокадо.

Теперь, когда я ворчу по поводу стоимости ниток или кофе, Натан показывает мне этот снимок, и мы складываемся пополам от смеха.

— О чём ты только что подумала? — спросил Финн.

— Что? — я моргнула будто от вспышки. Я медленно возвращалась в реальность. — Я не знаю, — солгала я. — Ни о чём. А что?

— Постарайся вернуться в это состояние. Ты не улыбалась, но выглядела... счастливой. Это было идеально.

Слишком поздно. Момент был упущен. Идеально. Такое вообще может существовать? Я никогда в это не верила до встречи с Натаном. Моё детство определённо было несчастным. Мои родители пропустили мой пятнадцатый день рождения, потому что потеряли счёт времени в казино. Когда я задувала свечку на капкейке, который принёс мой брат, я пожелала новых родителей, идеальных. Это был не единственный раз, когда я этого желала.

— Я просто следую твоим указаниям, — сказала я Финну.

— Тогда будь естественной, — он подошел и протянул мне камеру. На экране я немного сузила глаза и расслабила губы. Мои щёки покраснели от холода. Он поднял моё пальто и накиннул мне на плечи. — Пойдём дальше. Тень от серого здания немного тебя затемняет.

Я последовала за ним, бережно прижимая к груди его аппаратуру. Я была не совсем уверена, что мне понравилось фото. Для работы на нём было слишком много эмоций. Но я решила не указывать на это прямо сейчас.

Он остановился перед стеной из красного кирпича.

— Вот это место подойдёт. Как ты себя чувствуешь?

От моего дыхания образовывался пар, но я не дрожала.

— Хорошо.

Он погладил меня по руке вверх и вниз, прежде чем начал растирать плечи. Даже через шерстяное пальто я почувствовала, какими сильными были его пальцы. И снова, в его прикосновении не было ничего сексуального, но моему телу стало тепло, и не только от его рук.

Всегда приятно, когда о тебе беспокоятся, заботятся, даже если это длится всего пару секунд.

— Готова? — он снял с меня пальто и положил его на землю. — Облокотись на стену.

Он забрал у меня камеру и отступил назад не оглядываясь. Парочка в стёганных пальто чуть не сбила его с ног. Он даже не заметил, сфотографировал, посмотрел, что получилось и снова вернулся ко мне. Он отодвинул меня от стены и поправил причёску, переместив волосы вперёд на плечи. Он пропустил сквозь пальцы пару прядей и расположил их на платье. Кожу головы начало покалывать, затем покалывание распространилось дальше по шее и до кончиков пальцев. От ощущения, возникшего между ног, я втянула в себя воздух.

Он тут же посмотрел мне в глаза. Морщины между его бровей стали глубже. На долю секунды показалось, что он вообще забыл, что мы здесь по работе. Он облизал нижнюю губу. Жар отразился в его глазах. Я видела его и раньше, но в этот раз он был очень интенсивным, хотя я точно не могла припомнить, когда он так смотрел на меня раньше.

— И снова здравствуй, — прошептала я.

Его лицо расслабилось.

— Привет.

— Ты сказал это, когда мы впервые встретились. Почему?

— Я говорил тебе, я принял тебя за другую соседку.

— Кто-то ещё в здании выглядит как я?

Он поднимал мой подбородок, пока моя голова не дотронулась до кирпичной стены. Моё горло было выставлено на показ. Он отошёл от меня, чтобы сделать фото, которое даже и близко не могло быть профессиональным. Я выпрямилась, он не остановил меня, просто изучал моё лицо.

— Твои глаза зачаровывают, как будто ты носишь цветные контактные линзы.

— Откуда ты знаешь, что я их не ношу?

Он наклонил голову.

— Теперь можешь улыбнуться.

Следующие десять минут он был весь в работе. Подходил ближе, приседал на корточки, вставал. Говорил «облокотись на эту ногу» и «скрести руки», «давай попробуем без помады».

У меня заняло добрых пару минут, чтобы стереть толстый слой помады. Он наблюдал за мной, смеялся.

— Ты как будто целовалась с клоуном, — он взял мою косметичку и нанёс немного жидкой основы вокруг губ спонжем. Его прикосновения согревали. Мне было некуда смотреть, только на него. Его губы были ярко розовыми, как и кончик носа. Они были приоткрыты, нижняя так и просила, чтобы её куснули. Я подумала о том, что должно быть у него замерзли руки и лицо.

Финн оставил меня, а сам направился на середину улицы. Он хотел, чтобы я надела пальто, затем сняла, накинула на плечи. Он всерьёз возмущался, когда ему приходилось отходить, чтобы пропускать машины. Мне нравилось наблюдать за ним, зная, что он изучал меня через объектив.

С ударом молнии он опустил камеру. Мы оба посмотрели на небо. Огромная серая туча образовалась вдалеке.

— Чёрт, давай возвращаться, — наконец сказал он, собирая свои вещи.

Я быстро надела пальто и шарф, и затем вызвала такси. Теперь, когда съёмка закончилась, меня затрясло, будто до этого мое тело сдерживалось. Мои щёки болели. Я размяла шею.

— Ты была прекрасна, — сказал он. — У нас определённо что-то получилось.

Я не была в этом так уверена. Я переживала, что эти фото не совсем подойдут для работы.

— Может нам сделать пару обычных снимков для надёжности?

Он рассмеялся, складывая камеру.

— Ты ничуть мне не доверяешь, ведь так?

— Нет. Доверяю, правда, — сказала я слишком поспешно. — Я правда тебе очень признательна.

Такси притормозило у тротуара. Финн повесил камеру на плечо и открыл дверь.

— Если погода будет позволять, мы можем сделать пару простых фото возле деревьев у нашего дома. Для твоего успокоения.

Мы проскользнули на заднее сидение и поздоровались с водителем.

— Не то, чтобы я сомневалась...

— Да я просто дразню тебя, — он обнял меня за плечи и притянул к себе.

— Замёрзла?

Мне следовало отодвинуться. Но почувствовав его тепло, было невозможно от него отказаться, оно ощущалось таким необходимым.

— Немного.

Он прижал меня к себе, поглаживая своей рукой вверх-вниз по моей.

— Ты дрожишь.

Водитель посмотрела на нас через зеркало заднего вида.

— Вы, ребята — милая пара.

— Спасибо, — сказала я.

Финн изогнул бровь. Он выглядел довольным, потому, что она подумала, что мы вместе, или потому, что я не поправила её? На самом деле, мне не хотелось поправлять её. Я скучала по таким взглядам, которым она наградила нас, она больше завидовала, чем ревновала. Я всегда получала такие взгляды, когда была с Натаном. От этого приятного чувства и тёплого воздуха от обогревателя, я почувствовала лёгкое головокружение.

Я говорила себе, что мы просто, как актёры в кино. Через несколько минут необходимость в тепле уменьшилась, но появилась другая, менее срочная, но всё же важная потребность. Потому что возбуждение так ощущалось — необходимым. И чем больше его игнорируешь, тем интенсивнее оно растёт. Я прижалась к нему. Всего лишь его рука на моём бедре могла породить фантазии о нём. Как он повалит меня на заднее сидение, потому, что он уже не может себя контролировать. Запустит свои пальцы под моё платье и найдёт меня полностью для него готовой.

Нижняя часть моего тела страдала от внезапного желания.

— Некоторые фото я сделал для себя, — прошептал он мне в ухо. Он просто не мог выбрать худший вариант, чтобы подразнить меня. Мои ноги превратились в желе. — Это тебя злит?

Я проверила, не обращает ли внимание на нас водитель. Она просто обязана была знать, что я замужем. Как что-то настолько существенное и определённое в моей жизни может быть скрыто?

— А что если я скажу, что да?

— Я их удалю. Если ты уверена, что это тебя не... заводит.

Я попыталась скрыть учатившееся дыхание.

— Почему это должно меня возбуждать?

— Представь, что я потом буду любоваться ими.

Я повернулась к нему. Наши губы были так близки, ещё чуть-чуть, и они бы соприкоснулись, снова. У его губ был такой цвет, будто они были закалены на солнце, а шёпот был таким мягким. Я не могла перестать представлять, как он, сидя перед монитором, смотрит на мои фото, его член в кулаке. Это должно было вызвать чувство отвращения, но напротив, мои трусики промокли.

— Можешь не отвечать, — сказал он, и машина остановилась у тротуара. — Всё написано у тебя на лице.

Он вышел из машины так, будто ничего не произошло, поддерживая меня под локоть.

— Давай попробуем вот здесь, — предложил он. Несколько деревьев перед зданием образовали коричнево — золотой навес. Прохладный воздух был наэлектризован. Угроза дождя была очевидна, но Финн всё равно достал камеру. В этот раз он не сказал, какую позу мне принять и не прикасался ко мне. Он просто сделал пару крупных планов.

— Нам даже не нужно было покидать наш район, — пошутила я.

Прячась за объективом, он произнёс.

— Прекрати пытаться разрушить моё творческое видение.

— А это помогает тебе, ну ты понимаешь? Когда ты будешь просматривать их позже, один в темноте, ты будешь думать, «О боже, вот эта такая высокопрофессиональная»?

— Ты что, дразнишь меня? — проворчал он с приподнятой бровью.

Улыбка у меня на лице была вынужденной для съёмки, поэтому он не мог догадаться по моему лицу.

— Я...

— Я взрослый человек, не какой-то там подросток, который прячется в подвале от родителей, — сказал он. Щёлк. — Я не ублажаю себя в темноте, если только я не в постели, — сконцентрировавшись на работе, он больше не смотрел мне в глаза. — И мой ответ — нет. Я, чёрт возьми, не могу думать о композиции, пока смотрю на тебя.

Внезапно я почувствовала жар. Он не был нежен. Но и я не была осмотрительна.

Флиртовать с ним было приятно, как бальзам на душу.

— Давай я хотя бы подкрашу губы.

— Нет. Ты мне больше нравишься без неё.

Я уже почти открыла рот, чтобы сказать ему, что съёмка для работы, и с помадой было бы более профессионально, но была прервана раскатом грома. Без предупреждения капли дождя начали барабанить по моей макушке.

— Я думаю, это сигнал для нас.

Он не сдвинулся с места.

— Оставайся на месте.

— Но моя причёска...

— И что? Это то, что нам нужно. Не улыбайся.

Дождь усилился, мелкий дождь перешел в ливень. Через пару минут я совсем промокла, а он всё снимал.

— Твоя камера сломается.

— Постарайся не реагировать на дождь, — он приблизился к моему лицу, убрал пару прядей, которые прилипли к щеке. — Я знаю, это трудно. Просто позволь этому случиться с тобой.

Я стояла неподвижно, руки неуклюже свисали по бокам. Я бы никогда не смогла этим зарабатывать себе на жизнь: ни работая моделью, ни участвуя в съёмках. Я чувствовала себя нелепо, но Финн снимал так, будто нашёл золотую жилу.

— Ты выглядишь, Господи, Сэди, просто божественно, — обожание в его глазах успокоило мой озноб. Я забыла о том, что я в чертовски дорогих туфлях месила мокрую листву и что моя сумочка от Chloe мокла на земле.

— Правда? — спросила я.

Он выглядел оскорблённым.

— Ты что шутишь? Ты уверенная в себе, сексуальная. Жаль, что ты не можешь увидеть себя через мой объектив.

Да, я уверена в себе. Это лишь в последние месяцы я об этом забыла. Финн не скрывал, чего он хотел. Он не играет в игры. С ним я вспомнила, каково это, когда тебя замечают. Почувствовав себя обожаемой, я закрыла глаза и подставила своё лицо дождю.

— Ты убиваешь меня, — пробормотал он. — Всегда просто убиваешь меня. Повернись.

Теперь я больше доверяла Финну, я снова почувствовала себя прежней, поэтому я сделала, как он просил, и повернулась лицом к улице.

— Теперь снова посмотри на меня.

Я повернула голову, положив подбородок на плечо. Должно быть моя тушь размазалась. Капли дождя стекали в вырез моего платья и собирались в бюстгальтере.

— Вот так?

— Одного такого взгляда достаточно, чтобы мужчина сошёл с ума. Чтобы он забыл своё собственное имя, — он потряс головой. — Ты говоришь, что это не искусство? Разве это не заставляет тебя что-то чувствовать?

Я прикусила нижнюю губу зубами. Внимание Финна заставляло меня испытывать много всего. Его желание было написано у него на лице. Оно вернуло мне ту силу, которой я лишилась, когда Натан перестал смотреть на меня так, как это сейчас делал Финн.

От раската грома мы оба подпрыгнули, как от удара хлыстом.

— Нам нужно пойти внутрь, — сказал он, будто это только что пришло ему в голову.

Пока я собирала свои вещи, он схватил с земли сумку для камеры и уже держал входную дверь, поторапливая меня. Мои каблук проваливались в землю, замедляя шаги. Он рассмеялся достаточно громко, я слышала его смех даже сквозь дождь.

— Просто сними их.

Я сняла бежевые туфли и, бережно прижав их к груди, побежала босиком по траве к нему. Внутри мужчина

выходил из лифта с зонтиком в руках, Финн устремился вперёд, чтобы задержать двери.

— Ты, должно быть, замёрзла, — сказал он, пока мы ехали на шестой этаж. Финн руками пригладил волосы. Я почесала нос.

— Да, так и есть.

— Оно того стоило. Ты себя даже не узнаешь.

— Я уверена, мой босс их оценит, — язвительно произнесла я.

Его смех был глубоким и хриплым.

— Я говорю о последних. Они не для работы.

Моё платье было мокрым и полностью прилипло к телу. Пока двери не открылись, в маленьком замкнутом пространстве витало напряжение, несмотря на то, что мы были уже не во власти грозы. Пока мы быстро шли по коридору, капли воды стекали с нас и капали на изношенный ковёр. Финн побрякивал ключами в кармане, пока мы не дошли до его квартиры.

— Я впервые благодарен моему чёртовому обогревателю, — он открыл дверь, и мы поспешили внутрь. Тепло окутало нас. Я оставила сумочку и туфли у входа рядом с его сумкой для камеры, а он повесил моё пальто и шарф.

— Они быстро высохнут, — сказал он и исчез дальше по коридору.

Я уже была на полпути в гостиную, когда остановилась и осознала, где нахожусь. Почему я здесь? Обогреватель, душ и сменная одежда ждут меня на другой стороне коридора — но не более того. Финн вернулся, неся в руках полотенце. Я взяла его, чтобы отжать лишнюю воду из волос.

— Финн...

Он сдёрнул простыню с дивана, подняв при этом облако пыли в желто — сером послеполуденном свете.

— Присядь, посмотрим, что получилось.

Моё тело расслабилось от тепла. Я промокнула полотенцем ключицу и грудь.

— Мне, наверное, следует пойти домой. Снять с себя эту одежду.

— Наверное, — но никто из нас не сдвинулся с места. Наконец он снял камеру с шеи и аккуратно положил её на новый кофейный столик. — Я сделаю нам попить что-нибудь погорячее.

16

Закрывшись в ванной Финна, я устала сидеть на экране своего мобильного телефона, хотя там не на что было смотреть. От аромата кофе, донёсшегося до меня, я одновременно ощутила дрожь и у меня потекли слюнки. Несмотря на то, что моя одежда высохла, я чувствовала озноб изнутри, будто моя кровь переносила глыбы льда. Что же мне делать, остаться здесь, где так тепло и уютно, или вернуться домой в пустую квартиру? Я отправила Натану сообщение.

Скоро будешь дома?

Пока я ждала ответа, я исследовала своё отражение в зеркале. Мои выпрямленные волосы стали волнистыми. Губы стали розовыми, после того, как их покинула помада. Я отыскала лосьон для тела в шкафчике под раковиной и с его помощью удалила размазанную тушь, гадая, кому он принадлежит — Финну или Кендре.

Мой телефон завибрировал на раковине, я взяла его и прочла ответ Натана.

Не совсем. Баскетбольная игра прервалась из-за дождя. Сейчас мы пьём пиво.

Посидеть в пабе в дождливый день, как раз соответствовало моему настроению. Я говорила Донне, что постараюсь выбраться в Парк Слоуп вскоре, и мне, возможно, следовало быть именно там. Я решила сама себя пригласить.

В каком баре? Мы можем встретиться?

Он печатал ответ, я ждала. Я могла бы принять душ, переодеться и быть в пути в течение часа. Если бы только Бруклин был ближе. Мой телефон просигналил о том, что пришёл его ответ.

Мы у Микки. Играем в покер.

Я снова посмотрелась в зеркало. Если Джоан и упоминала, что живёт у Микки, то я этого не помнила. Внезапно я начала сожалеть, что так много выпила в ту ночь. Они помолвлены — это я помню. Обычно люди, которые помолвлены, живут вместе. Она может быть прямо сейчас с Натаном, который знает, что я не

появлюсь, потому что у меня есть пункт, касаемо азартных игр.

Мои отец и мать были завсегдатаями казино. Они не единожды возвращались домой с запахом сигарет и дешевого спиртного. Они проигрывали суммы денег, которых у них не было, и наличные, которые обещали дать мне. Сначала по мелочи — билет на выпускной, деньги на ланч, затем, подача заявления в колледж, и само обучение в колледже. Хотя одну вещь они все-таки сделали правильно, несмотря на то, что мы жили в нищете, фонд стипендий проявил ко мне благосклонность. Тогда я осознала, что у меня одной есть возможность построить мою жизнь так, как я этого хочу.

Я уже собиралась покинуть ванную, но поступило ещё одно сообщение от Натана.

Игра затянется допоздна. Не хочется сражаться с грозой. Я, скорее всего, заночую здесь.

Вот значит, как ты думаешь, было моей первой мыслью. Я так быстро напечатала ответ, что даже допустила ошибки.

Ты взрослый мужчина, а не ребёнок, чтобы устраивать посиделки с ночёвкой. Я хочу, чтобы ты вернулся домой.

Я не думаю, что факт его признания поверг бы меня в больший шок, чем его следующее сообщение.

Если я сплю не в твоей постели, какая вообще разница, где я сплю? Я буду дома, когда ты проснёшься.

Я сузила глаза на экран и задумалась, кто вообще этот человек. Уж точно не мой Натан, который просто так звонил мне с работы, чтобы сказать, что думал обо мне. Мой Натан считал бы, что идея ночевать, где бы то ни было даже не заслуживает обсуждения.

Выйдя из ванной, я забросила телефон обратно в сумочку. У Натана было достаточно причин, чтобы вернуться домой, но мне он не дал ни единой, чтобы вернулась я. В гостиной я закрыла глаза и наслаждалась богатым ароматом свежесваренного кофе. Я постелила полотенце на зелёный бархатный диван Кендры. Моё платье теперь было слегка влажным, несмотря на это лишь мокрое нижнее бельё было истинной причиной моего дискомфорта.

Финн вернулся босиком и с двумя кружками в руках, над которыми вздымался пар.

— Тебе не обязательно было это делать, — сказал он.

— Это милый диван.

— Он, как бельмо на глазу.

Этот красивый и прекрасно сделанный предмет мебели смотрелся бы органично в витрине магазина или в историческом фильме, который бы снимали в каком-нибудь английском замке.

Он совсем не подходил Финну, который был скорее похож на слона в посудной лавке, чем на монарха. Он всё ещё ничего не сделал в своей квартире. И я подумала, что реальная причина его неприязни к дивану простирается далеко за пределы его вкуса. Я бы никогда не купила что —нибудь в квартиру, что бы не понравилось Натану.

Кофе согрел мои руки и щёки. Этот запах напомнил мне о поездках домой на праздники, хотя это были не особенно приятные воспоминания для меня. Поездки в отчий дом обычно сводились к тому, что Эндрю, Натан и я пытались выжить среди перебранок моих родителей.

Мы с Финном сделали по глотку.

— Как хорошо, — сказала я, наконец, расслабившись. — Ты что добавил туда алкоголь?

— Нет, но могу, — ухмыльнулся он. — Я купил этот кофе в Quench Coffee.

— Вот почему он мне так понравился.

— Я всё время туда хожу со времён колледжа, за исключением тех лет, что я был в Коннектикуте.

Я отвела взгляд. Коннектикут — плохое слово. Об этой стороне Финна я даже не хотела думать. Я не могла допустить того, чтобы посмотреть на себя с этой стороны. Дождь стучал за окном.

— Может, ты на самом деле добавишь немного алкоголя?

Он покинул комнату, а затем вернулся с Калуа [9] в руках.

— Попробуй — ка вот это, — сказал он, плеснув мне немного.

Я попробовала, смотря вверх на него.

— Ещё.

Он налил сначала мне, затем себе.

— Выпьем.

— За что? — спросила я.

Он поставил свою чашку на стол, не сделав глотка, и взял в руки камеру.

— За плохие решения.

Сделав полглотка, я подняла свой взгляд на него. Если он не мог поверить в то, что мы не делали ничего плохого, то не было причины произносить это вслух. Я выпила ещё немного кофе и спросила.

— Ты хочешь, чтобы я ушла?

— Не совсем, — он смотрел на меня из-под ресниц, пока что-то щёлкал на камере. — Я говорил о сером фоне для твоих снимков. Не самое лучшее решение с моей стороны.

Я сжала губы.

— Так вот за что ты хотел выпить?

От его улыбки на одной щеке появилась ямочка. Каждый раз, когда он нажимал на кнопку, камера плакала. Он хмыкнул.

— Хотя с большинством я определённо могу поработать.

Я наклонилась вперёд.

— Можно посмотреть?

— Давай, я найду достойную, — он переместился поближе ко мне, сосредоточенный на своём задании, пока наши голые ноги не соприкоснулись. Моё колено соприкоснулось с волосками на его голени, и мою кожу стало покалывать. Он поднёс экран к моему лицу. — Вот. Как тебе?

На фото я была со скрещенными руками и уверенной улыбкой. Фото было хорошим, хотя я не была уверена насчёт граффити на стене позади меня. Я бы предпочла менее агрессивный фон.

— Как вариант...

— Но не моя любимая, — он пролистал ещё несколько снимков и выбрал ту, которую сделал за пару секунд до начала дождя. Мой взгляд украдкой хранит секрет успеха со следующим клиентом, на фоне Нью-Йоркской осени с разноцветной листвой на фоне серого неба. Я не была в этом уверена.

— Какие ещё?

— Как насчёт вот этой? — он показал мне ещё одну. Моя голова повернута к плечу, на лице игривое выражение и волосы прилипли к щекам. Я не помнила, чтобы я прикусывала губу, но доказательства были на экране. Я уже не смотрела в камеру, я смотрела поверх её, на Финна. Мои внутренности сжались.

Финн что-то нажал и экран стал чёрным. Он поднёс видеоискатель к глазу. Щёлк.

— Финн...

Он мягко дотронулся костяшками пальцев к моей щеке и отодвинул волосы назад. Он сделал ещё один снимок, но ощущение от его касания осталось.

— Я же смыла макияж, — моя попытка помешать ему звучала неуверенно.

— Хм... — он что-то настроил, затем сделал ещё фото. — Я тут заметил. Забавно как я... ну, то есть камера... любит тебя.

В этот раз, произнося его имя, в моём голосе звучало предупреждение.

— Финн.

— Я ничего не могу с собой поделать.

— Не можешь или не хочешь?

Края его улыбки выглядывали из-за камеры. Он опустил её. На моём лице было то же выражение, что и на последнем фото. Я не модель и не актриса. Тот похотливый блеск в моих глазах был непритворным, и он никуда не исчез.

Финн потянулся и очертил вырез моего платья. Ощущение его руки даже через ткань усилило моё сердцебиение, посылая мурашки по телу. Кончик его пальца проскользнул под платье и прикоснулся к коже. Это простое и едва заметное прикосновение подействовало на меня сильнее, чем, если бы он просто подошёл и схватил меня. Он тянул за край платья, пока я не выпрямила спину.

— Ничего не могу с собой поделать, — ответил он на мой последний вопрос. — Не хочу, и не буду, — медленно, осторожно, у меня было достаточно времени остановить его, он приподнял мои волосы и расстегнул молнию моего платья вдоль спины. Он спустил платье с одного плеча, обнажая его изгиб. И сделал фото. Он наклонил мой подбородок немного в сторону. В комнате потемнело из-за грозы. Единственное, что нарушало тишину, были капли дождя, барабанившие по стеклу, моё неровное дыхание и щелчки затвора камеры.

— Поиграй с причёской, — тихо произнёс он.

— Как?

— На твоё усмотрение.

Я запустила руку в волосы и собрала их в свободный хвост.

— Затяни его.

То небольшое, в чём я ему уже уступила, пошатнуло мою сдержанность. Он не спрашивал разрешения, поэтому мне самой нужно было принимать решения. Я обернула волосы вокруг руки, отчего кожу головы начало покалывать. Пока я ждала его следующей команды, моя попа слилась с диванными подушками. Он потянул за вырез моего платья, стянул его с плеча, с груди и оставил на талии.

— Ты создана для камеры, для этого освещения, — его голос царапал, будто тупой нож по коже, — для меня.

Несмотря на жару, дрожь прошла сквозь меня. Я попыталась сдержать её внутри, пыталась не двигаться, будто моё участие могло показаться двусмысленным. Было кое-что, что я бы хотела почувствовать — его язык на моём, его руки у меня на груди, его твёрдость, прижатую к моему бедру. Хотя я не могла с уверенностью сказать, что я бы хотела воплотить это в жизнь.

— Ты можешь двигаться, — сказал он.

Я обняла себя, чтобы предотвратить дрожь, выпила ещё кофе с Калуа. В горле и груди потеплело.

— Ты спрашивала, что я люблю фотографировать, — спросил он, прячась за камеру. Я посмотрела на него, тот глаз, который был виден из-за камеры, был зажмурен.

— Незнакомцев, — ответила я.

— Наоборот, того, кого я знаю, таким образом, открывая его новые грани.

— И что же ты видишь сейчас?

— У тебя много граней, Сэди. Но ты не сразу их открываешь. Возможно, ты даже не осознаёшь, что они у тебя есть, — он мог беспрепятственно лицезреть меня, а вот его лицо почти полностью было скрыто. Я была не совсем уверена, что его переход к подробностям, которые лежали в зоне серой морали, облегчал положение вещей или, наоборот, всё усложнял. Его слова были ощутимы, как прикосновения рук.

Полагаю, Финн был прав, все люди многослойные личности, слой накладывается на слой, какие-то проницаемые, какие-то нет. И я не была исключением.

— Ты носишь бежевые кружевные лифчики. Я этого не знал.

Зародившийся у меня смешок, так и не вырвался наружу. Я мягко выдохнула. Мои трусики были из того же комплекта, что и лифчик, и должно быть его это тоже интересовало. Мне не следовало поощрять его, но его привлекательность ощущалась, как источник тепла в холодной комнате.

— Что ещё?

— Ты хорошо выполняешь указания.

— Есть ли что-либо ещё, чего я не слышала ранее...

— На спину, ноги на диван, — тон его голоса изменился, не принимал возражений. Я улеглась на диван, облокотившись лопатками на подлокотник.

— Позволь мне увидеть тебя. Всю тебя.

Пульсирующий клубок возбуждения между моих ног теперь был единственным, что сводило меня с ума. Я с трудом стянула платье с бёдер, когда Финн обошел стол и ухватился за край платья. Он рывком стянул его с бёдер, с икр, с лодыжек и бросил его на пол. Когда в последний раз я обнажалась перед кем-то кроме Натана? Я скрестила лодыжки и руки на груди.

— Как я могу разглядеть тебя, если ты так делаешь? — спросил он.

— Ты не можешь. И точка.

— Ты не хочешь, чтобы я это сделал?

Я замешкалась. Я не волновалась, что ему не понравится увиденное, наоборот, очень даже понравится. Что ему захочется чего-то большего, чем просто смотреть. И что я не смогу остановить его, хотя должна. Или не должна? Ведь Натан не приложил никаких усилий, чтобы остановить меня. Он наблюдал, как я уходила сегодня утром. Он проигнорировал мои просьбы поучаствовать в съёмке, вернуться домой, позволить мне приехать к нему. Он отказывался от секса, интимности, разговоров. Вспоминая о последних месяцах нашего брака, было бы глупо с моей стороны предполагать, что он всё ещё хотел, чтобы я бегала за ним.

Сперва я раскрыла руки.

— Я никогда раньше не видел такую, как ты, — сказал Финн, фиксируя каждое моё движение, — теперь ноги.

Я выпрямила ноги, затем согнула одну ногу в колене, ощущая под стопой бархат дивана, он был скорее грубым, чем комфортным.

— Ты занимался этим прежде? Я имею в виду фотографировал кого-то вот так.

— Нет, я не заходил так далеко, — он сделал паузу. — Думаю, у меня никогда не было подходящего объекта.

— А как же...

— Нет, она меня не вдохновляет.

Я старалась смотреть в объектив. Для него я подходящий объект, единственный. Как так много чувств могло вспыхнуть между нами за такой короткий срок? Теперь я это понимаю. Я уже была увлечена им настолько, что хотела, чтобы камера исчезла, но я ещё не была настолько смелой, чтобы что-то для этого сделать. Я хотела остановить время. Этим серым вечером, в этом тёплом пространстве, которое, казалось, могло существовать только в моём воображении, я подумала, что сегодня может существовать личное пространство где-то посреди реальности. То место, где существовали только мы вдвоём.

Вспышка молнии напомнила нам, что уже стемнело. Финн включил лампу в изножье дивана. Я посмотрела через белоснежные возвышенности и изгибы моего тела на него.

Он взял меня за лодыжку и выпрямил мою ногу. Сперва его касание было непривычным, незнакомым, а потом это ощущение растаяло и слилось с моей кожей. Моё молчание говорило о моём доверии. Я не останавливала его.

Крепко держа меня, он опустил своё колено между моих ног.

— Ты дрожишь, потому что боишься?

С того момента, как я впервые увидела Финна в коридоре, мы были вовлечены в этот затянувшийся танец завалированных намёков и задерживающихся взглядов. Прелюдия, вот что происходило между нами: те слова, которые мы не произнесли, признания, которые не сделали.

Если мне и было страшно, то я этого не чувствовала, а если я и дрожала, то это было вызвано чувством предвкушения.

— Я не боюсь.

— Хорошо, — он наклонился вперёд, теперь его камера была направлена прямо на меня. — Покажи мне.

— Что ты хочешь увидеть?

— Всё, что ты хочешь показать мне.

Его внимание было неистовым и пьянящим. Я не узнаю, как далеко смогу зайти, пока не попробую. Я смогу остановиться, никогда не будет слишком поздно, чтобы уйти. А что если я вообще не уйду? Я уже знала ответ — я буду не в силах остановиться.

Мои руки дрожали. Когда я завела их назад, и выгнула спину. Я растегнула единственную застёжку на лифчике и деликатно его сняла. Мои соски затвердели от полученной свободы и под взглядом Финна.

Финн наблюдал за каждым моим движением, будто разворачивал свой подарок очарованными глазами. Его взгляд впился в эту интимную часть моего тела.

— Какие клёвые сиськи, — сказал он, и моё тело задрожало. Это было довольно грубо, но казалось он просто должен был это сказать. А я становилась всё более мокрой, даже слишком мокрой для моих крошечных трусиков.

— Финн, — сказала я, как уколола, потому что он не фотографировал.

— Извини, — он направил объектив прямо на меня, но ничего не произошло. Он положил камеру на стол с глухим стуком. Его руки опустились мне на талию, большие, тёплые. Он потянул меня вниз пока моя голова не упала с подлокотника на подушку, и пока его колено не прижалось ко мне между ног.

В этот волнующий момент мы застыли. Двигались только моя грудь и его волосы, которые не поспевали за его внезапными движениями, они лениво падали на его лицо. Он приблизил ко мне своё лицо.

Когда мы были уже на расстоянии дюйма, я упёрлась ладонями ему в грудь, останавливая его.

— Финн, — его имя вырвалось как стон. — Господи, мы не можем.

Его волосы цвета жидкого золота щекотали мне лоб.

— Я могу.

Я открыла рот, чтобы сказать «это неправильно», но получился только хриплый шёпот.

— Неужели тебе не любопытно?

— Да, но...

— Позволь мне удовлетворить твоё любопытство, — он положил руку на сосредоточение моего возбуждения. Я прошипела сквозь сжатые зубы. — Это просто любопытство. Мне следовало уйти. Мне следовало возмутиться. Однако мне не следовало удивляться, что мы пришли к этому. Как будто я не знала, что это может случиться.

— Я хочу тебя, Сэди, — я практически могла ощутить вкус кофе от его дыхания. Легонько, через мои кружевные трусики, он прикоснулся к моему входу кончиками пальцев, прижал ладонь к моему клитору.

— Я больше ни о чём не могу думать. Только о тебе. О твоих глазах. О твоих губах. О тебе, такой мокрой.

Из моей груди вырвался стон. Румянец покрыл всё моё тело — от смущения, возбуждения.

То, как он дотрагивался до меня, было достаточно, чтобы моё удовольствие стало очевидным и заглушило остатки сопротивления.

— Мы можем продолжать в том же духе, если так ты чувствуешь себя менее виноватой. Это займёт больше времени, но я никуда и не тороплюсь.

Я пыталась не извиваться. Его нежные, трепетные касания выводили меня из себя. Мои трусики стали гораздо более мокрыми, чем они были даже пару секунд назад. Знание, что одно слово, и я получу то, чего хочу, полностью разрушило моё самоконтроль.

— Я тоже о тебе думаю, — сказала я.

Он надавил пальцем на ткань, почти прорвав её, практически оказавшись внутри меня.

Мои бёдра дёрнулись. Я положила ладони ему на щёки. Я не знала для чего, чтобы остановить его или чтобы притянуть ближе. Мысль о другом мужчине пугала меня. В реальности же возбуждала.

То, что он так сильно меня хотел. То, что он не мог держать руки прочь от того, что ему не принадлежит. Мои мысли поразительно крутились вокруг него, мы почти не касались друг друга.

Другой рукой он схватил меня за волосы у корней.

— Если ты не можешь этого сделать, то это сделаю я. Я приму это решение для нас. Если завтра тебе будет больно физически или эмоционально... если ты засомневаешься в том, что мы сделали... если ты захочешь сделать это снова. Я возьму вину за всё на себя, Сэди, — и он атаковал мой рот поцелуем. Моё сердце было парализовано удивлением и страхом. Его язык доминировал над моим, его губы твёрдые и обветренные, волна желания затуманила всё. Я отвечала его жадным губам, скользя языком широкими движениями, ища зубами точку опоры. Я захватила его выдающуюся нижнюю губу, как мечтала уже несколько недель, и он простонал мне в рот.

Он перестал прикасаться ко мне, я же наоборот запустила руки под его одежду. Он был очень горячим. Он вздрогнул, когда я пробежалась пальцами по кубикам его пресса. Я потянула его рубашку, он перенёс вес тела на одну руку и снял её через воротник.

Как я и предполагала, мой светловолосый, бородатый любовник был сложен как греческий бог. Мои руки прикоснулись к его груди и животу. Он не позволил долго лстить ему. Двумя пальцами он взял меня за подбородок и повернул мою голову в направлении входной двери.

— Я видел тебя с ним в коридоре в ту ночь, — произнёс он мне в ухо. — Я из-за этого с ума сходил.

Пальцами я вцепилась в бархат дивана. Это раздражало, что он наблюдал за нами, и думал, что у него было право сходить по мне с ума, и говорить об этом сейчас. Хотя любая возникающая у меня эмоция лишь подливала масла в огонь. И от этого я ещё сильнее извивалась под ним, отчаянно желая получить облегчение.

Он отодвинул мои трусики в сторону, и я издала гортанный стон. Он улыбнулся.

— Вот и она. Я этого так ждал.

Я снова повернула голову к нему.

— Чего?

На этот раз он поцеловал меня более нежно.

— Я видел это через объектив, тебе трудно открыть своё сердце, но ты этого хочешь. Ты хочешь, чтобы тебя изучали, — он медленно двигался рукой от моего горла и остановился на груди.

— Откройся мне.

Я выдохнула сквозь стиснутые зубы. Я попыталась не внимать его словам. Моё тело просило об этом, не моя голова и не сердце. Мы знакомы, но нас ничего не связывает. Если что-то и собиралось раскрыться, то только мои ноги.

— Ты будешь трахать меня или нет?

Его глаза вспыхнули, и он сузил их. Он захватил оба моих запястья одной рукой и завёл их за мою голову. Моя согнутая правая рука мешала полностью видеть его.

— Это то, чего ты хочешь? — спросил он. — Чтобы я вошёл в тебя, и никакого веселья сперва?

Неконтролируемая дрожь пронзила мою спину.

— Веселья? — выдохнула я.

Он запустил мою руку под попу и сжал ягодицу. Его пальцы путешествовали повсюду, задевая мои трусики. С каждым моим вздохом мой живот то опадал, то вздымался. Меня так не трясло со времён средней школы, когда однажды отец поймал меня, когда я хотела тайком взять его машину из гаража.

— Веселье. Ты знаешь, Ф... — он ущипнул мой живот. — Ты... — он запустил руку мне между ног. — Н...

Он щёлкнул резинкой от моих трусиков по моей коже. Я громко задышала и поёжилась от боли. Он всё ещё

удерживал мои запястья. Он раскрыл мои складочки и, не церемонясь, скользнул пальцами внутрь. Я не остановила его внезапные, резкие толчки. Я была в беде и, казалось, уже не смогу притормозить. Добиться моего согласия оказалось легче, чем я думала.

Всё, что я могла делать, это снова и снова повторять «о, господи», никакие другие слова, казалось не подходили.

— Каково это быть такой мокрой так долго? И наконец оказаться так близко? — он отпустил мои запястья до того, как я успела ответить, и снова присел на корточки. Мои руки покалывало, пока кровь не прилила обратно к пальцам.

Он снял штаны, его губы приоткрыты, нижняя губа манила меня. Каково это почувствовать, как этот шикарный рот и царапающая борода поедают меня?

Он смотрел на меня, пока доставал свой член, огромный и твёрдый в его кулаке. Его пальцы блестели от моих соков.

— Я просто хочу попробовать... — он достал презерватив из заднего кармана и раскатал его по члену. — Хотя бы пригубить...

Он приподнял меня за бедра, расположился у моего входа и скользнул языком в меня. Он вознёс взгляд к потолку, будто в молитве, и сжал зубы.

У меня двоилось в глазах. Я ожидала веселье сперва, поэтому удивилась, когда он твёрдый как камень надавил головкой на мой вход. Он притянул меня за талию и несколько раз толкнулся в меня. Мы оба всхлипнули.

После нескольких недель прелюдии, я уже была на грани оргазма, но он вышел из меня, швырнул меня обратно на диван.

Я подняла голову, задыхаясь.

— Что ты делаешь?

— Это был всего лишь разогрев, — сказал он, снимая остатки одежды.

17

Финн хотел превратить наш секс в искусство. Его, достойные приза, губы оказались у меня между ног. Он несколько раз лизнул, затем поцеловал мои нижние губы, посасывал мой клитор, снова целовал, его язык погружался глубоко в меня, будто я была мороженым, которое таяло и стекало по рожку. Так он разогревал меня.

Я выгнула спину дугой, простонала в потолок, запустила руку в его волосы. Пряди его волос были мягкими, я сильно потянула за них. Он стал поедать меня неистово. Другой рукой я прикрыла свой рот, будто опасаясь, что мои крики могут нас выдать. Я уже не могла сдерживаться. Мои бедра дрожали по обе стороны от его головы. Он остановился и посмотрел на меня.

— Как мне заставить тебя кончить?

— Во-первых, — задыхаясь, произнесла я, — не останавливайся, чтобы задавать вопросы. Я уже почти кончила.

— Перевернись, — он лениво улыбнулся, его глаза были прикрыты.

— Но...

Рукой, которая была под моей попой, он поднял меня и перевернул на живот. Я делала, как было сказано. Он накрыл меня целиком своим телом, каким-то образом одновременно ободряя меня и доводя меня до грани безумия. Он знал, что мне было необходимо, ещё до того, как это осознала я. Мы оба вспотели, наши тела слились воедино.

— Даю подсказку, — сказал он, отодвигая мои волосы в сторону. — Не облегчай для меня задачу. Ты говоришь мне, как довести тебя до оргазма, а я найду другой путь. Я хочу удерживать тебя на краю так долго, как захочу. Пока я не решу столкнуть тебя.

— Тебе вообще не нужно меня толкать.

— Я правильно тебя понял? Ты тот тип людей, которые могут кончить от простого чиха?

— Прямо сейчас, да.

Он проложил дорожку из поцелуев вниз по моей спине. От ощущения его бороды, по коже побежали

мурашки. Он укусил мою ягодицу зубами, а потом прошёлся языком по моей щёлочке.

С каждым движением его языка, я всё глубже зарывалась лицом в диван. Он развёл мои бёдра в стороны, стал целовать внутреннюю их часть, массажировать её, его руки были в опасной близости к моему входу. Он любил каждый дюйм моих ног своим ртом, затем он переместился на тонкую кожу моих лодыжек.

— Вот, что случается с мужчиной, который поглощён женщиной, которая ему не принадлежит, — произнёс он откуда-то вне поля моего зрения. — Я теряю голову. Я хочу увидеть, как можно больше тебя и дотронуться, пока у меня есть такая возможность.

Я всё ещё помнила, как ощущался его огромный член внутри на тот краткий миг. Я хотела почувствовать его снова.

— Трахни меня сейчас, — умоляла я. — Потеряешь голову в другой раз.

Его смех был тихим и низким, он снова взобрался на диван. Он прижался губами к моим волосам.

— Мне следует трахнуть тебя? — спросил он. — Или мне заняться с тобой любовью? Может мне попробовать и то, и другое?

Я практически буквально растеклась под ним. В данный момент я бы мало чему сопротивлялась.

— Всё, что захочешь.

— Мне нравится это слышать. Но в первый раз я хочу тебя на спине, чтобы я мог тебя видеть.

Я перевернулась. Я никак не могла понять, как ему удалось так долго и беспощадно держать меня на грани. Я не заслуживала пощады сегодня, я её и не хотела. Он расположился у меня между ног, а я обхватила его большое тело бёдрами, икрами и лодыжками.

Посмотрев между нами, он взял член в руку. Он надавил на меня головкой и проверил мою реакцию.

— Дай мне посмотреть, — сказала я. Я хотела ещё, хотя бы совсем немного.

Я ослабила хватку, но всё равно осталась обёрнутой вокруг него. Он приподнял своё тело, так что я могла всё видеть. Он вошёл ровно настолько, чтобы подразнить меня. Его размер мог бы напугать меня, если бы я не привыкла к Натану.

— Я делаю тебе больно? — спросил Финн, полностью замерев. — Я знаю, он большой, хотя я ещё даже не начал.

Я осознала, что зажмурила глаза. Мои плечи съёжились вокруг шеи, мои пальцы зарылись в подушку. Почему я должна думать о Натане прямо сейчас?

— Давай, целиком, — сказала я, открыв глаза.

Его челюсть сжалась, желание светилось в его глазах.

— Может быть больно.

— Я этого и хочу.

Он вошёл немного глубже. Я не могла оторвать взгляд от того, как мы смотрелись вместе.

Он вглядывался в моё лицо.

— Я не хочу причинить тебе боль.

— Подумай, как хорошо это будет ощущаться...

Он жёстко толкнулся и ворвался в меня с несдержанным стоном удовольствия. Боль пронзила меня. Я прикусила нижнюю губу и не отпускала, пока боль не перешла в удовольствие.

Он остановился, тяжело дыша. Капельки пота капали с его груди на мою.

— Продолжай, — сказала я.

Он вышел из меня и медленно вошел снова. Мы оба смотрели как его член медленно входил в меня.

— Сильнее, — сказала я.

— Скажи мне, что хочешь меня, — он посмотрел вниз на меня.

— Скажи мне, что я шлюха, — выпалила я в ответ. Я не знала, откуда это взялось. Мы оба были уже достаточно разгорячёнными, чтобы Финн заметил, как я покраснела. Я не стеснялась того, что я хотела, чтобы меня так называли. Меня смутило то, что это было для меня так важно, что я не смогла оставить это при себе.

— Если это связано с тем, что мы сейчас делаем, — сказал он, двигаясь медленно внутрь, наружу. Хотя это было очень приятно, мне хотелось большего. — Я не собираюсь тебя так называть. Ты не такая.

Я обхватила его лицо. Мне нравилось, что он заботился, что он хотел, чтобы мне было комфортно, и я хотела отплатить ему за это.

— Я хочу тебя, Финн. С тех пор как ты так на меня смотрел...

— В коридоре, — закончил он за меня, — будто ты уже знала меня. Сэди, ты смотрела на меня, будто я... Я был кем-то, кого ты любила, потеряла, и наконец нашла, — он запустил руку мне в волосы и поцеловал меня

уверенно и в то же время благоговейно. По всей видимости, приятная интимная беседа оказала воздействие на его член, потому что он, наконец, стал трахать меня так, как мне этого хотелось. Его выпады стали жёстче, почти яростными. Диван качался, его деревянная рама билась о стену. Я уже была на грани оргазма, но не столько потому, что это ощущалось так хорошо, а потому что казалось неправильным. Финн во многом напоминал мне Натана. Но он всё же был другим, иным, жёстким, неправильным.

— Смотри мне в глаза, — он схватил меня за подбородок.

Мне казалось, что я смотрела ему в глаза. Финн сейчас смотрел на меня так же, как это обычно делает Натан, или делал раньше, как будто я солнышко в его вселенной.

У меня в груди что-то сжалось. Паника легче завладела мной, чем оргазм, и она быстро нарастала. Финн отпустил моё лицо и сильно шлёпнул меня по ягодице. Я испуганно вздрогнула.

— Тебе это необходимо, не так ли? — спросил он.

Одними губами я произнесла «пожалуйста».

Он приподнялся и опёрся на оба предплечья, продолжая врезаться в меня, безжалостно, мощно. Теперь его ничего не удерживало. Он не беспокоился, что сломает меня. Он отпустил себя. Я отпустила себя, и скользила под ним. Сейчас ничто не могло быть важнее, чем взобраться на вершину удовольствия. И я кончила, схватив его за плечи, чтобы не потерять себя. Его лицо скривилось, либо от удовольствия, либо от боли, потому что ногтями я впиалась в его кожу, оставляя следы. Одной рукой он схватил моё лицо и удерживал его неподвижно.

— Ты на таблетках? — спросил он, его глаза были как два пламени горящего огня.

— Да, — задыхаясь, произнесла я, — но на тебе же презерватив.

Его лицо исказилось. Большим пальцем он давил на мои губы, пока я не раскрыла их. Я хотела поцелуем стереть мученическое выражение с его лица.

— Господи, — сказал он. — О, боже.

Моя макушка врезалась в подлокотник дивана, пока он потерялся во мне. Темп его толчков стал неистовым, вышедшим из-под контроля, затем он прохрипел «блять» и кончил.

Он свалился на меня изнуренный и липкий. Его толчки постепенно замедлились, я пробежалась рукой по его мокрой от пота спине и помассировала кожу его головы, пытаясь расслабить его. Он поцеловал внешнюю часть моего уха, будто целился с закрытыми глазами.

— Ты здесь, — мне показалось он произнёс, его голос был приглушён моими волосами.

— А ты? — спросила я. В сравнении с тем, как интенсивно он кончил только что, тишина была оглушительной.

— Я здесь, просто дай мне минутку.

Он запустил руки под меня и крепко держал меня, будто я пыталась убежать. Но я не пыталась. Мне было некуда идти. Осознание пришло, как удар кулаком в живот. Возможно, я только что солгала, физически я находилась здесь, но часть меня была в совершенно ином месте, и возможно никогда не будет находиться здесь. Финну понадобилось время, чтобы прийти в себя, после такого интенсивного поглощения меня. Его бормотание было хриплым и скрипучим.

— Господи, Сэди. У меня такое ощущение, что я кончил впервые за многие годы, — вздохнул он. — Ещё чуть-чуть, и я бы умер.

Мой смех был бездыханным, его тяжёлое тело сдавливало мои лёгкие. Я не могла представить, как секс может разрушить мужчину таких размеров.

Он поднял голову. Его волосы были влажными и гладкими, как отполированный дубовый пол. Несколько прядей медленно упали на его лицо.

— Я хотел извиниться за последний вопрос.

— Я понимаю, — несмотря на звон в ушах и туман в голове, я ясно и в деталях помнила наш разговор на этой неделе. — Кенд... она солгала тебе по поводу противозачаточных таблеток.

— Ты можешь произносить её имя, Кендра, — он прочистил горло. — Я больше ни с кем не спал с тех пор как встретил её. Наверное, я струхнул в последнюю минуту.

— Я тоже этого не хочу, поверь мне, Финн. Я, несомненно, меньше всего этого хочу.

— Почему? Кендра просит у меня второго ребёнка, — большим пальцем он погладил ямку на моей щеке.

— Возможно, тогда Натану и Кендре следует встретиться, — я вздрогнула ещё до того, как закончила предложение. Финн пристально вглядывался в меня. — Прости, мне не следовало этого говорить.

— Всё нормально. Далеко ли это за пределами возможного на данный момент?

Я отвернулась, чтобы он не прочёл всё в моих глазах. По правде говоря, я бы убила Кендру ещё до того, как

она бы попыталась заполучить Натана. Он слишком хорош для всех нас. Хотя такой ли он теперь? Тот ли он человек, за которого я вышла замуж? Я никогда не думала, что смогу изменить ему, хотя я не чувствовала того удивления, которое должна была испытывать. Я не такой ангел, как он или каким он был.

Финн вышел из меня, снял презерватив и расположился в узком пространстве между мной и спинкой дивана. Когда я пошевелилась, чтобы устроиться поудобнее, он сгрёб меня в охапку.

— Нет, — сказал он, — не уходи пока.

— Я не ухожу. Я пока здесь, — я осмотрела квартиру, она была до странного знакомой, как моя собственная, и в то же время совсем другая. Проигрыватель стоял в углу, частично прикрытый пузырчатой плёнкой, ниспадающей с развлекательного центра. Радиатор тарахтел и фыркал, но всё ещё обдувал квартиру.

— Он сидел на этом диване, когда приходил чинить обогреватель? — спросила я.

— Давай не пойдём по этому пути, — Финн поцеловал меня за ушком.

Образ Натана в этой комнате вызвал спазм, а потом постепенно размылся. Как будто я выключила старый телевизор. Я не обращала внимания, на появившийся приступ тошноты до тех пор, пока он полностью не исчез.

— Да. Должно быть ты прав.

— И ты спокойна, — сказал он. — Не то, чтобы я жаловался, но я волновался, что ты будешь более... но не спокойной.

Я была не совсем уверена в том, что он хотел от меня услышать. Оцепенение после оргазма может длиться довольно долго, и кто знает, что может случиться затем. Прямо сейчас я чувствовала себя бабочкой с подбитыми крыльями и редкой возможностью вернуться в свой кокон на пару часов.

— Я удовлетворена, — сказала я. — Уже долгое время я чувствую себя ни как иначе, только сбитой с толку. Я не вижу смысла с этим бороться.

— Это многое для меня значит, — Финн поводил носом по моим волосам.

Я обернулась посмотреть на него. Его слова звучали искренне, и хотя мы сблизилась, мы ещё многого не знали друг о друге.

— Почему? Почему это что-то для тебя значит?

Он украдкой взглянул на меня. Если он пытался заглянуть в мою душу, то он бы не нашёл там ничего нового, после того, что мы только что сделали.

— Это ощущается правильным, ведь так? Как будто, так и должно быть. Я всегда всё подвергаю сомнению в моей жизни: Кендру, работу, следовало ли мне остаться в Коннектикуте. Единственное, что не подлежит сомнению, это Марисса. А когда мы встретились с тобой, всё стало на свои места. Внезапно мой риск переезда обратно в город стал оправданным решением.

— А как же Кендра?

— Она всегда сводила наши разговоры к нам, и я позволял ей это. Хотя переезд в город воскресил меня. И ты являешься частью этого.

— Я не совсем понимаю, о чём ты говоришь, — я снова смотрела перед собой.

— Я говорю, что наконец у меня появилась причина проявить твёрдость к Кендре, — он сделал паузу. — И эта причина — ты.

Я напряглась в его объятиях и не пыталась это скрыть. У меня сразу же возникло несколько вопросов. Он ей всё расскажет? Почему сейчас и почему я? Какое значение он придаёт тому, что между нами произошло за прошедший час, и совпадает ли оно с моим мнением? Знаю ли я, что на самом деле чувствую?

— Я? — я спросила нерешительно.

— Я чувствую что-то к тебе, что-то сильное, — он прижал меня ближе. — Теперь сильнее, чем когда-либо. Я могу представить нас вместе.

Я не смогла подавить смехок. Любая женщина была бы счастлива заполучить его, включая и меня, хотя мы знакомы менее двух недель.

— Вместе? — спросила я, потому что, казалось, я не могла прекратить повторять за ним.

— Я знаю, всё произошло слишком быстро, и кажется невозможным. Но у меня такое чувство, что я плыл по течению, пока не встретил тебя.

Я хранила молчание. Его слова были такими же романтичными и возвышенными, какими обычно говорил Натан. Мне всегда было трудно понять, почему он такой. Он вполне мог сказать что-то подобное спустя пару недель после знакомства. Я могла не верить ему, но он доказывал правдивость своих слов годами. До недавнего времени у меня не было причин сомневаться в нём.

Не знаю, попала ли я на удочку судьбы, но до знакомства с Натаном, я бы рассмеялась Финну в лицо, если

бы он предложил мне такое.

— Я не ожидаю от тебя ответа, — сказал он через некоторое время. — Это как я вижу ситуацию. Но наши видения могут быть разными, — он сглотнул. — Это так?

— Я даже не знаю, — сказала я, закрыв глаза. Мой голос был как у робота. — Я не могу доверять своим чувствам, потому, что сейчас чувствую себя одиноко.

— Нет, — горячо прошептал в мои волосы, растягивая это слово. — Нет, нет, нет. Я не хочу, чтобы ты чувствовала себя одиноко, никогда. Особенно не тогда, когда ты в моих руках.

— Извини. Я не имела в виду данный момент. Просто, в общем, — я придвинулась к нему, чтобы показать, что не сожалею о том, что нахожусь здесь. Он поцеловал мою щеку, нежно погладил кожу под грудью. Мне всё ещё было одиноко, но Финн отогнал это ощущение прочь.

— Я сегодня замечательно провела время, — сказала я.

— Ты серьёзно?

— Да. Ты вытеснил меня из зоны комфорта, — я подумала о том, как Финн будет рассматривать фотографии позже, когда я уйду. — Фотографии вышли прекрасные.

— Любой фотограф хорош, если снимает достойный объект.

— Я этому не верю, — сказала я с небольшой улыбкой. — Ты на самом деле талантлив, Финн.

— Спасибо, Сэди, — спиной я чувствовала его сердцебиение.

— А что касается спальни... ну, ты можешь попрактиковаться там немного.

Он хмыкнул и рассмеялся, затем ущипнул мой сосок без предупреждения. Я втянула в себя воздух.

— Осторожно. Я могу захотеть попрактиковаться с тобой снова. Очень скоро.

Я сложила губы трубочкой. Я знала, что он дурачился, но это порождало вопросы.

— Это то, чего ты хочешь? Повторить?

— Я что буду считаться чокнутым, если скажу, чёрт возьми, да? — он потёрся своей колючей щетиной о мою щеку. — Ты такая же красивая, когда кончаешь, как я и представлял.

Я фыркнула. Конечно, я могла выглядеть по — разному в момент оргазма, но красивой?

Мгновения перед самым пиком оргазма просто дикие. Моё тело искривляется, извивается, делает всё, чтобы достичь экстаза. Все мысли улечиваются. Не существует мрака слишком непроницаемого, не существует света слишком слепящего. Ничего не остаётся в запретной зоне.

Это грубо, а грубо значит некрасиво, но это правда.

— Блин. Но ты же на самом деле так не думаешь?

— Я так думаю. Сейчас, когда я увидел тебя такой, я не смогу держаться от тебя подальше.

— И ты довольно обеспокоенно об этом говоришь, — сказала я.

— Возможно, так и есть, где-то внутри я волнуюсь. Я разберусь с этим позже.

— Итак, ты хочешь повторить, — я всё ещё пыталась всё осознать. Один раз ещё можно сослаться на преступление в состоянии аффекта. Но дважды?

— Дважды...

— Трижды, четырежды, сотню раз. Я же не так много прошу, — он зажал мочку моего уха между зубов. — А ты чего ожидала? Мёд на моих губах. Тепло, окутывающее мой член. Шёлк на кончиках пальцев. Как я могу держаться в стороне?

Я лежала очень неподвижно, не считая моей груди, вздымающейся в его объятиях. Мне нравилось его грязные разговорчики. Я снова завелась, и я была уверена, что он мог меня разоблачить.

— А что если я скажу, что тебе придётся...

— Не говори.

— Отпусти меня, — сказала я.

Он заколебался, но затем раскрыл свои руки. Я перевернулась, теперь мы лежали лицом к лицу. Я просунула ногу между его ног и положила голову на его бицепс.

— Я хочу, чтобы ты была моей, — он погладил рукой мою спину.

Я начала понимать, для него это не было ошибкой в пылу момента.

— Давай попытаемся остаться в настоящем.

— Ты чувствуешь себя виноватой?

Чувствую ли я? Несмотря на то, что я была возбуждена до предела, моя голова была ясной, и я сознательно пошла на это. Я горжусь собой, что являюсь хозяйкой своих решений, невзирая на результат.

— Чувство вины не свойственно мне, как всем остальным людям, — объяснила я. — Я тебе уже об этом

говорила.

— Я тебе не верю. Ты хотела, чтобы я сделал тебе больно, это было твоё чувство вины.

Я внимательно изучала его грудь, как карту сокровищ. На ней было немного волос, но они были темнее, чем на голове. Я знала, что он был прав. Никто не лишён чувства вины. Я просто хорошо его контролирую, и что в этом плохого? Это помогает мне не заикливаться.

— Обычно я так себя не веду. Обычно я не говорю таких вещей.

— Ты попросила назвать тебя шлюхой.

Я выдохнула через нос. Когда Натан меня так назвал, мой оргазм настиг меня с неумолимой интенсивностью. Возможно чувство вины подтолкнуло меня попытаться снова пережить это чувство никчёмности. После того, как меня годами боготворили в спальне, было шокирующе и очень горячо побыть разок кем-то другим.

— Да.

— Почему? — он потянул за прядь моих волос, чтобы я на него посмотрела. — Эй, я не собираюсь тебя осуждать. Я думал, это было горячо. Но я не буду тебя так называть, пока не узнаю, почему ты этого хочешь.

— Даже если меня можно назвать шлюхой за то, что нахожусь здесь, то я не лучшего класса.

— Что, чёрт возьми, это значит?

Очевидно, что Натан желает кого-то, кем я не являюсь. И кто знает почему? Он так долго оберегал меня, что возможно устал бояться сломать меня. Той ночью я пыталась показать ему, что я могу быть той, которую он хочет, неважно кем. Ему не нужно искать размалёванных красной помадой девиц.

— Я думаю, Натан хочет кого-то, с кем можно обращаться как с дерьмом. Я не знаю почему, полагаю, некоторым мужчинам это нужно. Но почему так внезапно?

— Если он так к тебе относится...

— Нет. Вот о чём я говорю, он чрезвычайно хорошо ко мне относится, и, возможно, его уже от этого тошнит, — я хотела отвести взгляд, но не отвела. Финн внимательно на меня смотрел, слушал. Я была в долгу перед ним за его внимание. — И вот я здесь такая, какую хочет Натан, только я не с ним. Запретная, плохая, неправильная, — я моргнула. — Называй меня шлюхой, потому что я этого заслуживаю, — и добавила. — И потому, что меня это заводит.

Финн вздохнул глубоко и тяжело, будто на его плечи давил вес всего мира. Он поцеловал мой нос, мои веки.

— Я так много всего хочу, Сэди. Я бы уничтожил все эти воспоминания для тебя.

Однако я не хотела, чтобы он их уничтожил. Разве шрам настолько уж плох, если всё, что к нему привело было очень хорошим?

Это всё не важно, это реальная жизнь. Мы не можем просто взять и вычеркнуть что-то, не можем повернуть время вспять и исправить ошибки. Я сделала для себя выбор, который привёл меня в квартиру к другому мужчине, в его объятия. И я почувствовала здесь что-то, что-то удивительно цельное. Подходящее время, наша связь, наше соседство. Финн прав, создавалось впечатление, будто что-то значительное свело нас вместе. Могла ли это на самом деле быть судьба? Он так хочет меня, он многое сказал мне прямо в лицо. Натан сказал, что не хочет меня.

Как далеко каждый из них готов зайти? А что на счёт меня?

Когда я проснулась на следующее утро, Джинджер не было в изножье кровати. Я задумалась, как Натан будет себя чувствовать, узнав, что она всю ночь прождала его на плитке у входа, вместо того, чтобы спать на своём обычном месте, на ковре в спальне. Но, когда я выбралась из постели и направилась в гостиную, я остановилась. Хвост Джинджер торчал позади дивана. Натан растянулся под одеялом, из-под которого торчали его ноги. Я схватилась за одну ногу, будто за спасительный плот посреди океана. Его кожа была ледяной. Наша традиция не включать отопление теперь казалась не милой, а глупой.

— Натан, дорогой, — я потрясла его.

Он прищурился и простонал.

— Сэ-ди.

— Иди в постель. Здесь очень холодно.

Он снова закрыл глаза, вытянул руку в направлении головы Джинджер и взъерошил её шерсть.

— Сильнейшее похмелье, — пробормотал он. — Домашняя версия.

Я улыбнулась, его волосы торчали в разные стороны. Даже со своего места я почувствовала запах алкоголя.

— Тяжёлая артиллерия? — предположила я.

Он кивнул.

— Когда ты вернулся домой?

— Говорил же, буду дома, когда ты проснёшься.

У него заняло немало усилий, чтобы добраться домой в таком состоянии. Я всё ещё злилась, что он не ночевал дома, но этот поступок сыграл в его пользу.

— Иди в постель.

— Не могу двигаться.

— Тогда я принесу постель к тебе, — я принесла наше огромное пуховое одеяло из спальни и укутала его, подоткнув края внутрь. Ни одна часть его тела не должна замёрзнуть. Его глаза были закрыты, но он всё ещё гладил Джинджер, его длинные пальцы зарывались в её шерсть.

— Тебе что-нибудь принести? — спросила я.

Он громко сглотнул, причмокнул языком в борьбе с сухостью во рту. Он стал нащупывать мою руку, на секунду я уставилась на него в неверии, а затем протянула ему руку. Мой пульс подскочил. Он нежно потянул за мою руку. Пока он не передумал, я раскрыла одеяло и присоединилась к нему. Он притянул меня ближе к себе. Несмотря на крепость его мышц, находиться в его руках было самым комфортным местом для меня в целом мире. Я надеюсь, он не чувствовал, как колотилось моё сердце. Я прижалась щекой к его груди. Может его ноги и были холодными, но его грудь была горячей. Это был мой дом. Мы как будто были в своём белом коконе с головы до ног. Я не могла видеть его лицо, но он был здесь. Я чувствовала его. В его руках я была в безопасности. Я задумалась, смогу ли рассказать ему что-либо прямо сейчас и стоит ли мне это делать.

Его дыхание выровнялось, я подумала, что он заснул, но он запустил руку мне под майку и погладил меня по спине. Я так нуждалась в таком простом прикосновении, я хотела радоваться ему. Но у моего воображения были другие планы. Мысль о том, что он мог также лежать с Джоан сильно меня задела. Я, на самом деле, не была уверена, что представляла его именно с Джоан, это могла быть любая женщина — Донна, Кендра, Синди Кроуфорд — которая может приглянуться Натану. Прошлой ночью я потеряла своё право волноваться об этом, но я волновалась, и очень сильно. Даже несмотря на то, что я была плохой женой, несмотря на то, что я была с другим мужчиной и даже ещё не приняла душ после этого, меня ужасал тот факт, что Натан скорее всего смотрел в направлении других женщин. Я вылезла из-под одеяла, села и обернулась посмотреть на него.

— Где ты был прошлой ночью?

— Я же говорил тебе, — Натан сонно вздохнул, — у Микки.

— Кто ещё там был?

— Да все ребята. Я потерял деньги, немного, но...

— И их жены?

— Ты что думаешь, у них был бы отдельный столик или что? — сказал он, тихо рассмеявшись.

— Так значит Джоан там не было?

Он скривил нос и открыл один глаз.

— Джоан? Невеста Микки?

— Ты знаешь какую-то другую Джоан?

Он снова закрыл глаз.

— Она там живёт. Она готовила еду.

Я закипела от злости. Готовка для Натана это была моя обязанность и только моя.

— Почему вы не заказали доставку?

— Ну, она предложила, мы согласились. Она была в спальне всё остальное время. А что?

Я потрясла головой. В моих мыслях был полнейший хаос. Мог ли Натан с такой лёгкостью солгать? Если да, то с каких пор? Я была не совсем уверена, как истолковать его слова, он как будто говорил на иностранном языке. Пять лет назад был такой случай, Натан должен был отвезти меня в театр, он позвонил за двадцать минут до назначенного времени моего выхода из дома и сказал, что потерял билеты на бродвейское шоу, которое мы с нетерпением ждали несколько месяцев. Он сказал, что раз я уже нарядилась, то он пришлёт за мной машину, и мы где-нибудь поужинаем. Это было ложью, и я уже знала об этом до того, как повесила трубку, он собирался сделать мне предложение. И он его сделал, во время вертолётного тура по Нью-Йорку, когда мы пролетали над

Эмпайр-стейт-билдинг, там мы провели половину нашего первого свидания.

Теперь же я была в полной неопределённости. То, что он говорил звучало убедительно, но в то же время удобно. Он мог сказать, что он был с Джоан, и это не было бы ложью. Я узнала бы наверняка, если бы спросила его в лоб, спал он с Джоан или нет. Но на данный момент он не делал всё возможное, чтобы держать меня на расстоянии, и по этой причине я не хотела поднимать этот вопрос.

— Ничего.

— Теперь я могу поспать?

Я кивнула, хотя он всё равно не видел. Он уже и так почти отключился.

— Хочешь, чтобы я осталась?

Несколько секунд он дышал через рот.

— Мм? Нет. Выведи Джинджер, — для человека в не совсем вменяемом состоянии, он произнёс эти слова резко, будто я разозлила его.

Я выбралась из-под одеяла — мои прикосновения, моя любовь снова были отвергнуты.

Джинджер посмотрела на меня.

— Гулять, — сказала я, и она вскочила на лапы.

— Сэди, — произнёс Натан, — одна просьба.

Я обернулась. Он был как маленький мальчик с опухшими глазами, завёрнутый в своё одеяло. «Вернись». Я хотела, чтобы он это произнёс. Или, «Извини». В данный момент, я бы даже приняла его признание. «Я спал с Джоан, но это ничего не значит. Я люблю тебя».

— Всё, что угодно, — сказала я, и правда это имела в виду.

— Сделай кофе.

Как два таких простых слова могут резануть лезвием по груди? Недостаточно острым, чтобы проткнуть кожу, а просто как напоминание, что он может, если захочет. Я глубоко вздохнула и поняла, что была не права. Не его слова больно ранят, ранит как раз то, чего он не говорит.

— Конечно, малыш.

Я могла поставить чайник и пока гуляла он бы вскипел, но мне нужно было привести себя в порядок, перед появлением на публике. Я сменила тапочки на кеды, и старую толстовку Натана на моё пальто.

Я повела Джинджер в направлении Quench. Это самая любимая кофейня Натана в нашем районе. Несмотря на то, что его рука гладила меня несколько минут назад, у меня было такое чувство, что я продрогла до костей. Кратковременное отклонение от ставшего уже привычным поведения Натана, я могла скорее списать на похмелье, чем на то, что он изменил свою точку зрения, и это причиняло боль. «Выведи Джинджер» и «сделай кофе». Его приказы были такими же пустыми, как и наш район в воскресное утро.

Так как в Quench не было посетителей, я вошла туда с Джинджер. Там её знают. Жизель, весёлая студентка кулинарного, которая подрабатывает по утрам и выходным, вышла из-за прилавка, чтобы поприветствовать нас.

— Как поживает моя любимая собачка? — спросила она и поставила бумажный стаканчик с водой перед Джинджер. Жизель относилась к Джинджер лучше, чем к некоторым покупателям, и я её за это не винила. Жители Нью-Йорка ужасны пока не заправятся кофеином.

— Как учёба?

— Я единственная в нашей группе держусь молодцом, потому что День Благодарения маячит на горизонте. Иначе говоря, я её люблю, — её лицо сияло, пока она возвращалась обратно за прилавок. — Кроме того, я возможно буду изучать интернациональную кухню в следующем семестре. Вы с Натаном можете быть моими подопытными кроликами.

— Мы всегда за.

— Где он сегодня утром? — усмехнулась она.

— Спит, — сказала я. — Немного переборщил с выпивкой вчера.

Она рассмеялась и покачала головой.

— Должно быть понадобился целый пивоваренный завод, чтобы свалить мужчину таких размеров.

— Не позволяй его росту тебя обмануть. Если присутствуют крепкие напитки, то он становится самым высоким легковесом в округе, — мы обменялись улыбками.

— Два кофе? — спросила она.

Я посмотрела на витрину с выпечкой.

— Нам бы ещё чего-нибудь перекусить. Что Натан заказывал в последнее время?

— Он давненько не заходил, — она повернулась ко мне спиной, потому как наливала кофе. — Я собиралась

спросить, может у него новая работа. Я уже давно не видела, чтобы вы заглядывали вдвоём.

— В последнее время мы не состыковываемся по времени. Мы пытались уходить в одно время, но из-за моей новой должности наши расписания не совпадают.

Она поставила наши напитки на поднос.

— Понятно.

— Я возьму ещё два круассана с тёмным шоколадом и фисташковым кремом.

Она взяла шипцы, но положила в пакет только один круассан.

— Он такие не любит. Полагаю, мне не следовало тебе это говорить, потому что он знает, что ты их любишь.

— Почему я должна расстроиться, если он их не любит? — я удивлённо вскинула брови.

— Может он не хочет ранить твои чувства, — она пожала плечами.

— Натан думает, что все такие чувствительные, как и он, — я закатила глаза.

— Круассан для тебя, глазированный пончик для него. Кажется, он заказывал его пару раз, — она протянула мне два пакета с выпечкой через прилавок. — Пончик за счёт заведения. Скажи ему, пусть поправляется.

— Спасибо, Жизель, я ему передам, — я с улыбкой заплатила за свой круассан.

У стойки с сахаром и сливками я сняла крышку с своего кофе, чтобы добавить сливок. Я, наверное, сотню раз была в Quench, но этим утром старое воспоминание всплыло в моей памяти.

Я не вспоминала об этом уже много лет, но навсегда выбросить его из головы так и не смогла.

Когда я училась в колледже, на этом самом месте я ударилась о кого-то рукой, когда тянулась к кувшину со сливками. Его зелёные глаза, светлые волосы до плеч, на тот момент это был самый красивый парень из тех, кого я когда-либо встречала. Солнечные лучи проникали сквозь окно, превращая его янтарные пряди волос в золотые.

— Извини, после тебя, — сказал он.

— Спасибо, — я добавила в кофе сливки, украдкой взглянула на него, на его спелые розовые губы и передала ему молочник. Его улыбка говорила о том, что он точно знал какой эффект производил на меня. Я практически потеряла равновесие.

— Фисташковый? — спросил он. Он ещё о чём-то говорил, я всё пропустила мимо ушей.

Понятия не имею, как долго я была на планете онемевших женщин.

— Прости?

— Это фисташковый круассан? — спросил он. — Я собирался его попробовать...

— О. Он самый лучший, — мы оба посмотрели на него. — Хочешь немного?

— Ладно, — удивлённо произнёс он.

Я отломил кусочек.

— Надеюсь, ты не боишься моих микробов?

— Нисколько, — он встал кусочек из моих пальцев. Я наблюдала, как он жевал и слизнул шоколадную каплю в уголке его рта. — Восхитительно.

— Я же говорила.

Мы улыбались друг другу немного дольше положенного. Я не могла придумать, что бы такого нормального ему сказать, у меня в голове было лишь то, что он был милым, сексуальным и появился так неожиданно. Я тоже выглядела хорошо: выпрямила волосы, нанесла макияж, принарядилась, потому что чуть позже этим утром у меня должна была быть презентация в классе.

Наконец он сказал.

— Я кое — кого жду. Могу я посидеть с тобой минутку?

Я не планировала оставаться здесь. Я собиралась прийти пораньше и порепетировать мою презентацию. Несмотря на это я не сдвинулась с места.

— Конечно.

Он взял свой кофе, выбрал столик у окна и выдвинул для меня стул.

— Ты учишься в Нью — йоркском университете?

— Как ты узнал?

— Твоя сумка выглядит тяжёлой. Учебники?

— И ноутбук, — я поставила мой тяжеленный груз на пол. — Проблемы со спиной не заставят себя ждать.

Он улыбнулся. Я почти пропустила ямочку, которая появилась на его щеке, потому что была очарована его губами.

— А моя специальность — фотография. Я люблю делать красивые фотографии, или фотографии красивых

вещей, — он заправил непослушные пряди волос за ухо.

— Мне следовало догадаться.

— Почему?

— Ты выглядишь как художник, — застенчиво произнесла я, но это было правдой. Я могла представить его в рабочем халате с пятнами краски на нём, или как он с лёгкостью командует целой комнатой моделей. — Может из-за твоей причёски.

Его взгляд наполнился радостью.

— Хорошо. Я всё думал, стричься мне или нет, но если тебе нравится, то это веский аргумент против.

Я покраснела и уставилась на стол. Не каждый день такие красивые парни обращали на меня внимание, и ещё реже учитывали моё мнение. Я о многом хотела у него спросить. Когда он оканчивает учёбу? Он живёт здесь или приехал откуда-то? Но я не была уверена с чего начать.

Я не успела ничего этого выяснить, потому что кто-то забарабанил в стекло, и мы оба вздрогнули. Пухленькая рыжая девушка облокотилась на витрину со стороны улицы.

— Я проспала, — прокричала она с широко открытыми глазами. У меня заняло какое-то время, чтобы осознать, что это была моя одноклассница.

— Бекки? — спросила я.

Она побежала к двери и влетела в кофейню как ураган.

— Я думала, что проснусь пораньше и доделаю слайды, но я слишком много выпила вчера вечером. Я проспала. Пожалуйста, помоги мне. Ну, пожалуйста, пожалуйста... — она схватила меня за руку и обратилась к парню, с которым я сидела за столиком.

— Мне так жаль, но мне нужно её украсть, на кону наши отметки, — она повернулась ко мне. — Помоги мне закончить её, пока занятия не начались. Возьми свой кофе, он мне пригодится.

Я не знала почему, но я уже вставала со стула. Мы с Бекки готовили презентацию по предмету Этика и Средства массовой информации, но мы решили разделить и каждый отвечал за свою часть. Её отчаяние и её просьбы были как сигналы крайней безотлагательности. И это было правдой, что моя отметка за этот проект также зависела и от неё.

— Мне жаль... — я не знала его имени.

— О... — его взгляд метался между мной и Бекки, — тебе нужно идти. Ты уверена?

— Занятия начинаются через час, — вставила Бекки. — Нам нужно идти, прямо сейчас.

— Мне жаль, — снова сказала я, и подняла свою сумку.

— Возьми, для неё, — он протянул мне свой стаканчик с кофе.

Я послала ему благодарный взгляд, пока Бекки тянула меня к выходу. На следующий день я вернулась в кофейню в то же время. Я месяцами принимала каждого высокого блондина в Ист-Виллидж за него. Я проверила стаканчик от его кофе, в надежде найти там его номер телефона, но его там не было. Я часто думала о нём. Но я никогда не встречала его снова, до теперешнего момента.

Я снова посмотрела на Жизель, будто она могла быть волшебным ответом, на тот ураган, бушевавший у меня внутри. Она пополняла запасы выпечки. Она была недостаточно взрослой, чтобы работать здесь десять лет назад.

«И снова здравствуй».

Мы выпили пару глотков кофе вместе, обменялись флиртующими взглядами, съели пополам круассан с тёмным шоколадом и фисташкой. Я уже встречала Финна раньше...

И он всё это время об этом знал.

Одной рукой удерживая подставку с кофе и поводок Джинджер и искоса поглядывая на мою квартиру дальше по коридору, я тихо постучалась к Финну.

Он был без рубашки, растрёпанный, его волосы сбились в одну непослушную волну. Он широко мне улыбнулся.

— С утречком, красавица.

Прошло десять лет. Сейчас морщинки вокруг его глаз оставались, даже когда он перестал улыбаться. Его волосы теперь были короче и темнее, ближе по цвету к его бороде, которую раньше он не носил. Но его медово — зелёные глаза художника и выразительные губы были те же.

— И снова здравствуй, — сказала я.

— Входи, — он шире распахнул дверь.

— Я не могу. Я пришла не за этим.

— Ага, — сказал он с небольшим кивком. Он скрестил руки на груди. Его спортивные штаны, на которых отсутствовал шнурок, немного сползли вниз. — Ты чувствуешь себя виноватой из-за вчерашнего.

— Нет, — я почесала подбородок. Волосы, показавшиеся из-за резинки его штанов, и явно очерченное мужское достоинство указывали на то, что у него отсутствовало нижнее бельё. Возможно я подняла его голого из постели. — То есть, я не знаю.

Он проследил за моим взглядом и привёл себя в порядок.

— Извини. Утренний стояк.

Внезапно мне стало очень жарко в пальто и шарфе. Я смотрела куда-угодно, только не на него.

— Извини.

— Расскажешь, почему ты здесь?

— Да. Конечно, — я расправила плечи, напоминая себе, что Финн утаивал от меня ключевую информацию. Наша беседа в Quench много лет назад была короткой, но многообещающей.

Между нами пробежала искра. Я знаю, он чувствовал тоже, что и я. Почему он не рассказал мне о Quench?

Его взгляд метнулся с моего лица на кофе и обратно.

— Ты вспомнила? Когда?

— Прямо сейчас, — Джинджер громко вздохнула и улеглась на пол. — Тебе следовало рассказать мне, Финн.

— Почему?

— Потому, что... — мне было жарко, ногам в носках и ботинках, шее в кашемире, — ты солгал.

— Когда? О чём?

— Ты заставил меня поверить, что мы незнакомцы.

— Мы ими и были, — на его щеке появилась ямочка. — Я хотел, чтобы ты сама всё вспомнила.

— Почему? Какое это имеет значение?

— Входи, — он взял подставку с кофе из моих рук.

— Я не могу. Это для Натана.

— Сэди... — он поставил кофе на пол рядом с Джинджер. — Ты веришь в судьбу?

— Не совсем.

— Нет? Даже не допускаешь возможности, что она существует? — его склонённая голова и небольшая улыбка говорили о том, что он знал что-то, мне не известное. — Возможно нам нужно было получить некоторый опыт, для того, чтобы наконец оказаться там, где мы и должны быть.

— И это место, где мы должны быть, предопределено? Но кем?

— Я не считаю, что судьба должна на самом деле означать отсутствие у нас контроля.

Решения, которые мы принимаем, ведут нас по какому-то пути и это в некотором роде и есть судьба. Ведь так?

Я опустила взгляд. Его голые ступни были в паре дюймов от носков моих кроссовок. Я не совсем понимала, он говорил то, что думал, или просто оправдывал то, что мы сделали.

— Почему я выбрал именно Quench тем утром, я ведь мог пойти в Старбакс? Я не знаю.

Почему ты позволила мне посидеть с тобой?

— Ты знаешь почему, — я перенесла вес тела на другую ногу.

— Я тебе приглянулся? — он задал вопрос и сам на него ответил. — Да, также, как и ты мне, — он легонько дотронулся ногой к открытому участку моей кожи на лодыжке между носком и джинсами. Приятное ощущение разлилось по моему телу, мне захотелось сорвать с него спортивные штаны. — Ты тогда уже встречалась с ним?

— Ещё нет, — я подняла взгляд на него.

— А я ещё не встретил Кендру. Ты и я — мы встретились первыми.

Мы стояли молча. Я позволила себе затеряться в тех же глазах и губах, которыми была очарована тогда. Финн и я, мы на самом деле встретились первыми. Если бы нас внезапно не прервали, где бы мы были сегодня?

— Я вернулась туда на следующий день, чтобы найти тебя.

— Я сделал то же самое, — он пожал плечами. — Полагаю, тогда наше время вышло. Но сейчас...

Я попала на его удочку. Я хотела знать, что же будет дальше. У него было две недели на то, чтобы всё обдумать, против моих двадцати минут.

— Сейчас?

— Сейчас мы всё сделаем правильно. Я знаю, это выглядит так, будто я давлю на тебя, но это потому что в то момент, когда я увидел тебя в коридоре, был как удар молнии. Я хотел, чтобы ты испытала всё это на себе.

— Разве попасть под удар молнии так уж приятно? — я нахмурилась.

Он выпрямился и жестом указал между нами.

— Может ли быть так, что Кендра и, — он посмотрел мимо меня, — Натан были лишь способом, чтобы свести нас вместе, чтобы у нас случился этот разговор?

Верила ли я, что какая-то сверхъестественная сила свела нас с Финном посредством Натана и Кендры? Нет. Не смотря на поэтичность момента, мы стояли лицом к лицу, у нас было море причин находиться в любом другом месте. Мне было страшно допустить мысль, что я могла полюбить его так как люблю Натана, если бы Бекки не проспала и не испортила нашу презентацию.

Я отступила на шаг назад.

— Мне нужно идти.

— Зайдёшь попозже? — спросил он с надеждой.

— Я не могу.

Он прищурился, когда посмотрел прямо на пакеты с выпечкой, которые торчали из моей сумочки, будто пытался туда не смотреть.

— Фисташковый?

Я помедлила, затем кивнула.

— Мой любимый.

— Я знаю, — мягко произнёс он и пропустил прядь моих волос между большим и указательным пальцами. — Возвращайся сюда.

Трудно было отказать. Мне нравился уют его тепла, его крепкое тело было божественным.

Я бы хотела научиться создавать скульптуры, и поместить его изваяние у себя на комод. Тепло волнами поступало из-за его спины. Я подошла к нему поближе. Он достал свёрнутый пакет, заглянул внутрь и достал оттуда круассан.

— Откройся мне.

Я уже слышала эти слова раньше, в этой же самой квартире. Он был так уверен, что я открою для него что-то большее, чем рот. Он дал откусить мне немного, а затем и сам попробовал. Мы жевали, закрыв глаза. Он поцеловал меня в щёку, произнеся «мм-м». Мне следовало отступить. Щекой я почувствовала прикосновение каждого волоска его бороды, они были одновременно жёсткими и мягкими, приятными, но колкими. Muskusный запах, как и вчера вечером, всё ещё был ему присущ. Его штаны натянулись. Я положила руку на его грудь и надавила, но он был недвижим.

— Твои волосы всё ещё волнистые, — отметил он.

— Я ещё не... — я вздохнула, расстроенная от того, что не могла произнести то, что хотела, от того, что мои руки и ноги не функционировали так, как следует. — Ни вчера вечером, ни сегодня утром. Я просто выскочила на минутку.

Финн обернул руку вокруг моей талии и спрятал меня в дверном проёме. Он легонько прикоснулся губами к моему виску. Джинджер спала, но создавалось впечатление, что она обо всём знает.

— Значит, я всё ещё повсюду на тебе, — сказал он скользя кончиком носа вдоль моего подбородка, под ушком. — Я тоже ещё не принимал душ. Я хочу тебя в моей постели. Хочу, чтобы мои простыни пахли нами.

Мне стало очень жарко. На этот раз я надавила сильнее.

— Натан ждёт.

Он отступил, его тело заметно напряглось.

— Я жду, Сэди. В течении десяти лет я надеялся, что поверну за угол и натолкнусь тебя.

— Ты же несерьёзно.

Он приложил ладонь ко лбу.

— Я не хочу показаться лицемерным. Не то, чтобы я был уверен, что когда-нибудь встречу тебя снова, — его длинные сильные пальцы массажировали виски. — Но я смотрел в оба всякий раз, когда был в этом районе. Я потратил в Queenh невообразимую для одного человека сумму денег.

Я не терял надежду, я искал... тебя.

— Меня? Или кого-нибудь, только не Кендру?

Он сжал челюсть.

— Что это за вопрос такой? У нас с Кендрой полно своих собственных проблем. Это не имеет ничего общего с тобой.

— Ладно, — я не хотела углубляться в эту тему. Насколько я знаю Натана, он всё ещё спит без задних ног. Самое эффективное средство от похмелья для него, это сон на протяжении всего следующего дня. Я бы хотела быть с ним, когда он проснётся, когда я ему понадобится.

— До встречи, Финн.

— Когда?

— Я не могу ничего обещать.

Он обиделся. Я собиралась уйти, но десять лет назад я бы прогуляла Этику и Средства Массовой информации ради ещё одной возможности увидеть этого многообещающего юношу, которого я упустила, ради неопровержимо сексуального, по пояс голого Финна, который просил меня остаться. О той встрече с ним я всегда вспоминала с сожалением, с осознанием того, что я упустила что-то стоящее. Финн так уверен, что нам суждено быть вместе, я была полной дурой, что ушла вместе с Бекки.

Я немного смягчилась.

— Ты действительно искал меня после той встречи?

Он взял меня за руку и поцеловал ладонь.

— Искал, ты особенная для меня. Ты та, которая ускользнула.

Он стал складывать мой круассан обратно в пакет. Я вздохнула, нет мне было не тоскливо, просто в животе зародилось какое-то неприятное чувство.

— Возьми его себе. Не уверена, что смогу сегодня к тебе зайти, — сказала так, будто выпечка мола быть утешительным призом. Но правда состояла в том, что я могла остаться здесь. Это меня пугало. Я хотела этого также, как и оказаться снова под одеялом рядом с Натаном. Меня также пугало, что я не знала, волнует ли Натана что-нибудь ещё кроме просьбы о кофе. Финн сейчас выглядел таким же нездоровым, как Натан, но он хотя бы принял моё утешение. Я бросила мимолётный взгляд через коридор.

— Завтра перед работой я пойду на прогулку с Джинджер.

— Я буду там.

Я подняла кофе, разбудила Джинджер. Стараясь создавать как можно меньше шума, я вошла в квартиру и сняла кроссовки. Джинджер опутала меня в поводок, пытаясь скорее найти Натана. Она виляла хвостом со скоростью света.

— Тсс! — прошептала я, когда она стала выть. — Папочка спит.

Мы отсутствовали меньше часа, но когда я отстегнула поводок, она ринулась в другую комнату.

Мне не стоило быть тихой и пытаться не разбудить Натана, потому что диван был пуст.

Я осмотрела пустую квартиру. Неужели он ушёл? Когда? Я сглотнула. Я была обезоружена тем, что он мог куда-то выйти, пока я обнималась с Финном, а не спал крепким сном, как я предполагала.

— Нат?

— Принесла кофе? — его голос донёсся из нашей спальни.

Я выдохнула с облегчением, осознав, что он всё ещё здесь. После утреннего прорыва, у меня появилась толика надежды, что этот день может стать удачным. Натан стоял перед шкафом, только что из душа и с полотенцем на талии.

Я облокотилась о дверной проём и переваривала развернувшуюся передо мной картину.

— Ты куда-то собираешься?

Он избегал встречаться со мной взглядом, взял кофе и сделал глоток.

— Он остыл.

— Вيني в этом Джинджер. Она хотела обнюхать абсолютно всё, не так-то просто выгуливать её и удерживать два кофе.

Он отвернулся, вернувшись к инспектированию шкафа. Сделав ещё один глоток кофе, полотенце на его талии развязалось. Он молниеносно его поймал. Натан не раздевался при мне после того случая, когда у нас был оральный секс в прихожей. Я вспомнила утренний стояк Финна.

Интересно, мастурбировал ли Натан в душе? Прошло ведь уже две недели. Моя надежда увидеть член собственного мужа была просто нелепой.

У него хватило приличия почувствовать смущение по этому поводу, но было лишь на краткий миг, затем оно

исчезло.

— Есть что-нибудь поесть? — спросил он.

— Сейчас принесу, — я оттолкнулась от дверного проёма и достала выпечку из сумочки. Это было наименьшим, что я могла сделать, принимая во внимание настоящую причину того, почему его кофе остыл.

За десять секунд моего отсутствия Натан надел трусы и повесил полотенце в ванную. Я наблюдала за игрой его мышц, когда он двигался. Его тело было рельефное, но худое, при росте в 190 см.

Натан взял у меня пакет, заглянул внутрь и простонал.

— Как ты узнала, чего именно мне хотелось?

Я воодушевилась и с гордостью произнесла.

— Жизель мне подсказала.

Он пристально на меня посмотрел, его взгляд резанул, будто я только что призналась, в том, что выбросила его ноутбук в окно.

— Жизель, значит, — бесстрастно произнёс он.

— Ага, — я нахмурила брови, — из Quench.

Он с такой силой сжал челюсть, что мог практически её сломать. Её имя вызвало такую реакцию. Но почему? Мы с ней дружим с тех пор как она начала там работать в прошлое Рождество. Она молодая и красивая, это не возможно отрицать. Однажды Натан спас её от бизнесмена, который распускал руки. Это было так мило. Она поцеловала его в щёку, а я обняла его за талию и поцеловала в другую.

Я склонила голову. Жизель. Неужели это она? Я побледнела. С Жизель это обретало больший смысл, чем с Джоан. Она моложе меня и более симпатичная. Мы с Натаном даже шутили, что её босс француз влюблён в неё, поэтому она обычно творит, что хочет в свои смены.

Например, бесплатно раздаёт пончики моему мужу.

— Что тебе сейчас так разозлило? — спросила я.

Его лицо расслабилось, и он вернулся к невозмутимому поеданию пончика.

— Ничего. Я просто подумал, что это забавно, — ответил он, откусив большой кусок.

У меня желчь подступила к горлу. Он что находит забавным издеваться надо мной?

— Что именно?

— Забудь, — он проглотил то, что было у него во рту. — Я собираюсь поработать волонтером.

— Опять? Ты же совсем недавно это делал.

Он схватил футболку с полки.

— Ты так говоришь, будто это стрип-клуб. Это всего лишь пункт бесплатного питания.

Я прижала кофе к груди и ничего не почувствовала, я хотела, чтобы он был горячим. Я опять теряла нить разговора, и не знала, что делать, чтобы получить ответы на мучавшие меня вопросы, взбеситься или покориться. Его равнодушие навело меня на мысль, что наш разговор окончен.

— Я знаю и люблю в тебе то, что ты такой великодушный... Но я скучаю по тебе здесь, — сказала я мягко, вызывая к его доброте. — Я подумала, мы могли бы сегодня ничего не делать, повалять дурака. Отоспаться после похмелья.

Он выглядел озадаченным, пока надевал футболку.

— У тебя похмелье?

Легко было бы винить Калуа в том, что случилось вчера вечером, но ликёр лишь раскрепостил меня.

— Нет.

— Как прошла вчерашняя фотосессия?

Я была удивлена его вопросом. Это был, возможно, единственный вопрос, который я не хотела обсуждать, а он задал именно его.

— Нормально... — я отвела взгляд. — Я думаю мы получили то, что нужно.

— Хорошо. Ты это оплачиваешь?

— Амелия, — я отрицательно покачала головой.

— Ещё лучше, — он смотрел на меня, на нём были лишь майка и боксёры. Так как он не торопился надевать штаны, я подумала, может он всё-таки решит остаться.

— Мы можем посмотреть всё, что ты захочешь, — уговаривала я его. Я действительно этого хотела. Я скучала по нему. — Я сделаю бутерброды. С беконом.

— Я знаю, оказывать добровольную помощь это не твоё, но для меня это имеет смысл.

Я не знала, как это истолковать. А проводить время со мной имеет для него смысл? Я уже и раньше над этим

задумывалась, даже когда у нас всё было хорошо, беспокоило ли Натана то, что я не даю ему той отдачи, какую получаю от него.

На одном из наших первых свиданий он сказал, что верит в то, что все люди по определению добродетельные. Мне показалось это очень милым, возможно немного приукрашенным. Но для него это было правдой. Натан отклонил предложение о продвижении по службе, чтобы помогать отцу, который никогда особо не участвовал в его жизни. Натан всегда даёт щедрые чаевые даже за плохое обслуживание, особенно в праздники. Из-за него Джинджер ввязалась в драку, так как он был слишком вежливым, чтобы попросить хозяйку пуделя взять его на поводок. И сейчас он больше чем когда-либо жертвует личным временем, чтобы оказать помощь в приюте. Великодушие значит для него больше, чем для меня. Я верю, что люди получают то, что заслуживают. Как например то, что мы с Натаном работали усерднее, чтобы переехать в лучшие условия за более выгодную цену. В отличие от надутой официантки, которая бы предпочла быть на новогодней вечеринке, чем подавать нам шампанское. Я бескорыстна с Натаном, Эндрю и Белл, но это не то, чем я щедро делюсь с другими.

— Я пытаюсь изо всех сил, — сказала я. — Если ты не хочешь оставаться здесь, я пойду с тобой.

Он криво усмехнулся и вытянул джинсы из стопки.

— Ты же ненавидишь пункты бесплатного питания.

— Я не ненавижу их, просто я не тот человек, который любит такие места. Я не получаю такого удовольствия, как ты от...

— От бескорыстной помощи?

У меня в горле образовался комок, стало трудно глотать. То, что Натан намекал на то, что я была поверхностной, беспокоило меня, потому, что по сравнению с ним, так и было. Я никогда не отдавала бездомным остатки еды. Я никогда не проводила всё воскресное утро за звонками знакомым в поисках пристанища для бездомной собаки. Таков Натан, но не я.

Неужели я такая эгоистичная? Мои взгляд начал блуждать по комнате. Моя прикроватная тумбочка была завалена книгами и журналами, которые я планировала прочитать. Выдвижной ящик моей прикроватной тумбочки содержал коллекцию разрозненных вещей — монеты, скрепки, ручки, противозачаточные таблетки, чеки, бальзам для губ, старые часы и тому подобное. На стороне Натана лежала книга Марсианин с закладкой внутри. Я полагала, он читал Эрика Ларсона, но оказалось, что он прочитал уже целую стопку книг. В его тумбочке лежал фонарик, запасное зарядное устройство, и не было никакого беспорядка. Он реже смотрел телевизор.

Я подавила стыд и подняла подбородок. Может я и нечасто думала о других в первую очередь, возможно я не замечала мелочей, как он. Но неужели это делает меня плохим человеком? Неужели я заслуживаю, чтобы от меня так отгораживались? Нет. Он поступает несправедливо. Я лучше проведу мой выходной заботаюсь о нём, чем о других — вот моё бескорыстие. Это я предложила взять Джинджер из приюта. Иногда я могу быть неряшливой, потому, что посуда и стирка могут подождать, а вот объятия на диване после вкусного и сытного ужина не могут. Я всегда была такой, и он знал об этом, когда женился на мне.

— Я не такая хорошая, как ты. Об этом ты пытаешься мне сказать?

— Нет, — стоя ко мне спиной, он натянул джинсы.

— Что же тогда?

Он вздохнул, затем пробормотал.

— Не уверен, что знаю.

Я вцепилась в маленькую уступку в его словах и его растерянный тон.

— Я стараюсь, Натан. Я выгуливаю Джинджер чаще, тебе в помощь. Я буду в приюте на День Благодарения, как ты всегда и мечтал. Я пришла на твою игру в боулинг.

— Да, — он произнёс, поворачиваясь ко мне. Он принял стойку руки «в боки». — Это было очень самоотверженно с твоей стороны, добраться аж до самого Бруклина.

Я не смогла понять, старался ли он меня задеть.

— Ну, это и был сам Бруклин, — пошутила я.

Он практически незаметно покачал головой, он не шутил.

— Да, ладно тебе, — сказала я разгневанно. — Ты до последнего будешь защищать это место. Что случилось тем парнем который однажды перенёс знак «место для прогулочных колясок» от ресторана к мусорному баку в Уильямсбурге?

Он обошёл меня.

— На самом деле сотрудников сейчас предостаточно, — сказал он одновременно игнорируя меня и отвергая

моё предложение. — По всей видимости у всех праздничное настроение.

Я проследовала за ним в гостиную, Джинджер шла за мной.

— Итак, почему тебе так нужно туда идти?

— Потому, что это часть моей работы.

— Больше никто в твоём офисе не делает это так часто, как ты.

— Это потому, что мне это нравится, Сэди, — он снял свою толстовку с крючка у входной двери. — Это напоминает мне о том, почему я делаю то, что делаю. Я не религиозный человек.

Забота о других, вот что помогает мне ощутить ясность, ты это прекрасно знаешь. Это, что преступление?

— Нет, — я ответила незамедлительно. — Мне нравится то, что мой муж такой замечательный. Даже если он может быть грёбаной скотиной.

Собачка на его толстовке замерла на полпути. Даже Джинджер притихла и перестала часто дышать.

— Натан, — я обратилась к его профилю, когда он не ответил.

— Что?

— Нам нужно поговорить.

— Я знаю, — он пропустил руку через влажные волосы и почесал кожу головы.

Я прикусила щёку изнутри. Я не чувствовала, что он здесь прямо сейчас, и меня это пугало.

Я хотела дотронуться до него, но если бы он отшатнулся, я бы не знала, что делать с тем противостоянием, которое росло внутри меня. Я не могла сейчас отступать.

— Я готова. Прямо сейчас.

— Не сейчас.

— Почему нет. Работа может подождать.

— Мне нужно время, чтобы собрать мысли воедино.

— Какие мысли? — я ощутила боль в животе. Это было реальностью, чтобы не случилось, мы больше не могли это игнорировать. — Мне страшно.

Он зажмурил глаза. Его челюсть сжалась, но не от злости, а как будто он сдерживал слёзы.

Хотя он не плакал, никогда. Я знаю моего Натана, он проявляет свою любовь, пряча свою боль от меня, и иногда я даже забываю, что он страдает.

— Я не уверен в том, чего хочу, и боюсь, если мы поговорим сейчас, я приду ещё в большее замешательство, — он сглотнул. — Мне нужно привести мысли в порядок.

У меня пропал дар речи, его наворачнувшиеся слёзы ошеломили меня. Он на самом деле страдает, и это говорит о том, что ему ещё не всё равно. Но для меня этого было недостаточно, мне хотелось, чтобы он обо всём мне рассказал.

— Так больше не может продолжаться, Натан. Ты даже на меня не смотришь.

Наши взгляды встретились.

— Помощь другим всегда помогает мне всё расставить на свои места. Поэтому я ухожу. Когда я буду готов, я поговорю с тобой.

— Это не честно. Ты не можешь просто оставлять меня в неопределённости. Мы сможем всё решить поговорив друг с другом, а не пытаюсь сделать всё в одиночку.

— Думаешь, я об этом не знаю? Кто идёт на уступки в каждом нашем споре, в каждой проблеме, возникающей в нашем браке, даже до того, как ты можешь это осознать? Я. Да, это я, — его лицо теперь было красным, вся боль, которую он испытывал, теперь была очевидна. Он пальцем указал на меня. — А ты просто плывёшь по течению, не обращая ни на что внимания, кроме себя самой. Я на протяжении всего нашего брака вёл тебя за руку. Может хоть раз, один грёбаный раз, ты... — его лицо сникло, когда он понял, что его голос перешёл на крик.

Моё сердце бешено забилося, а лицо кинуло в жар. Я не могла припомнить, чтобы Натан когда-либо повышал на меня голос. Сколько же он будет кипеть, прежде чем взорвётся? Он на самом деле так думает, или просто хочет побольнее ранить меня? Я не знала, накричать ли на него в ответ или разреветься, но выражение его лица остановило меня. Наконец, я увидела осознание и сожаление в его взгляде, которое исчезло два с половиной месяца назад. Я подумала, что он даже сможет сократить дистанцию между нами, крепко обнять меня и сказать, что всё будет хорошо, что всё наладится. Это то, чего я хотела все эти месяцы, чтобы он разрушил стену между нами, которую воздвиг вокруг себя и открыл мне обратный путь к нему.

— Что? Давай, продолжай. Я смогу это пережить, если это ознаменует конец этого ужасного молчания.

Он взял ключи, которые лежали на комодке.

— Прямо сейчас я на взводе, а это как раз то, чего я всегда пытаюсь избегать. Я уже говорил тебе, я не пытаюсь причинить тебе боль, а просто... Увидимся позже.

— Ты думаешь, что будешь спать здесь сегодня ночью? — сарказм так и сочился из моего вопроса. В какой-то момент мои руки сжались в кулаки. Если бы я была уверена, что смогла бы преодолеть это без внезапной остановки сердца, я бы высказала ему в лицо всё о Жизель и Джоан. Даже если вероятность измены была минимальной, для него по крайней мере это было бы какой — никакой встряской. — Или ты найдёшь себе местечко получше? Может в Добрых Семьях есть свободное спальное место?

Так ничего и не сказав, он сунул ноги в тенниски, не заморачиваясь со шнурками.

Мне не хотелось, чтобы он никак не реагировал. Лучше бы он сказал, чтобы я от него отстала, чем безмолвствовал. Я бы смирилась даже с самым худшим, чем с полным отсутствием реакции.

— Меня уже тошнит от этого дерьма. Я хочу обратно своего мужа.

Он открыл дверь.

— Я всё выясню, я обзвоню все пункты бесплатного питания в городе, — я знала, что он бы не стал лгать по этому поводу. Но в данный момент я бы сказала всё что угодно, только бы он хоть как-то отреагировал. — Лучше бы ты был там. Если тебя там не окажется, я даже не дам тебе возможности что-либо объяснить.

Он обернулся, в его взгляде отчётливо читалось замешательство. Затем его приподнятые брови сошлись на переносице, выражение лица помрачнело. Он покачал головой из стороны в сторону и так на меня посмотрел, будто я молила его дать мне ещё один шанс. Но я ведь не об этом его просила, почему же тогда я чувствовала себя такой жалкой?

У него ушло несколько минут на то, чтобы решить, как поступить дальше. Я ожидала, он скажет, что я сошла с ума. Я хотела, чтобы он так сказал. Мне хотелось, чтобы он потерял контроль над собой и начал ругаться, и мы, наконец, смогли во всём разобраться.

Он ушел, даже не позаботившись о том, чтобы захлопнуть дверь.

20

С каждым удаляющимся шагом Натана я ощущала растущее расстояние между нами.

Непостижимая пропасть в наших отношениях была непроглядной, но она нас полностью поглотила. Будет ли эта пропасть расти ещё больше? Я даже не знаю, смогу ли возвести мост через океан, разделяющий нас, и захочет ли этого Натан.

Его молчание оглушало сильнее, чем его слова. Джинджер растянулась на полу, как в любой другой обычный день. На тумбочке под телевизором лежали часы Натана, которые он в спешке забыл. Они громко тикали из-под разбросанных чеков. Фильмы стояли в ряд ниже на полке. Я никогда в жизни не покупала DVD, но все мои любимые фильмы были собраны здесь.

Несколько лет назад, зимой, Натан купил еду и принёс диск с фильмом. Пока я в микроволновке готовила попкорн, он подошёл ко мне сзади, накинул мне на плечи одеяло и поцеловал в щёку. Я никогда не задумывалась, как он догадался, что мне было холодно. Я не помнила, что упоминала о фильме Принцесса — невеста. Натан просто знал о таких вещах. Я считала это в порядке вещей, что так и должно быть. Я была счастлива, не осознавая, что это было благодаря мелочам, которые он замечал. Я полагала, что это делает его счастливым, также, как и меня.

Я глубоко вздохнула. Почему именно это незначительное воспоминание так сильно ранит?

Ведь их так много: день нашей свадьбы, первый поцелуй, тот вечер, вначале наших отношений, когда он позволил мне испачкать тушью его рубашку и никогда не просил объяснить зачем. Но, нет, это какой-то один из вечеров перед микроволновкой.

Я взяла в руки чек на пятьдесят семь долларов на сэндвичи из Subway [10]. Раз в месяц он угощает своих коллег, хотя я просила его этого не делать. В его обязанности не входит быть героем. Я разорвала чек на мелкие кусочки, немного взбунтовавшись.

Открытый ноутбук Натана на столе в углу привлёк моё внимание. Я приблизилась к нему и нажала на пробел, чтобы оживить экран. Его рабочий стол был совершенно пустым, в отличие от моего, загромождённого папками, фотографиями и файлами.

Я не знала, что на самом деле искала. Я не присела, а просто склонилась над ним. Его главной страницей была папка Входящие. Я прочитал пару заголовков. Не смотря на то, что он был организованным человеком, у него не очень хорошо получалось разделять работу и личную жизнь. По правде говоря, у меня отсутствовало желание рыться в его вещах. Если Натан что-то скрывает от меня, то это прежде всего убивает его самого. Мне не нужно, да и я не хотела, обнаруживать что-то в его почте или чеках.

Нахождение в этой квартире для меня было сравнимо с помещением головы в целлофановый пакет. Я немного прибралась. По природе своей я немного неряшлива, не считая мытья посуды после готовки еды, я не люблю работу по дому, ни стирку, ни уборку. Я всегда стараюсь убирать за собой, хотя, наверное, этого не достаточно. Я выбросила стаканчик с наполовину недопитым кофе и вернула одеяло на кровать. Натан должно быть очень торопился, потому что обычно он складывал своё одеяло и подушки на одну сторону дивана. Я добела вымыла раковину на кухне, ванну и туалет. Затем и сама приняла душ. Я хорошенько вымылась: волосы, подмышки, между ног, побрила ноги. Я одновременно смывала Финна с моего тела и тот негатив, который оставил Натан.

Натану нужно время, чтобы привести мысли в порядок. Что это может значить? Судя по его тираде, он находит наш брак односторонним. Я не отдаю взамен столько, сколько получаю. Как я могу доказать ему обратное, если на его стороне все те мелочи, которые он замечал годами?

Я открыла колпачки шампуня, бальзама, геля для душа, чтобы хорошенько вымыться и поменяла лезвие на бритве. Я могу пойти в Добрые Семьи и доказать ему, что я сдержу своё слово, что я пытаюсь всё наладить. Даже если он не хочет видеть меня там, мои старания будут по крайней мере замечены.

Я вышла из душа, вытерлась полотенцем и начала с причёски. Ему нравится, когда я выпрямляю волосы и наношу естественный макияж. Я надела джинсы, сильно облегающие попу, они сводят его с ума и розовый свитер из ангорской шерсти, в котором моя грудь выглядит на размер больше. Не то, чтобы Натан когда-нибудь на это жаловался. Я извлекла пару сапог на десятисантиметровых каблуках из пыльной коробки. От них у меня будут болеть ноги, но это окупится с лихвой.

Выйдя из квартиры, я направилась к лифту. Пройти мимо квартиры 6А было, как увидеть пробившийся сквозь облака солнечный луч в пасмурный день. И не потому, что обогреватель Финна такой мощный, что может обогреть весь коридор, а потому, что моё тело помнит, как я там себя ощущала. Его квартира манила меня, её мягкое освещение, чувство безопасности, которое она дарит. Планировка такая же, как и у нас, но трудно было представить эту квартиру моим домом. Решение спать отдельно с Натаном не решало нашу проблему. Да, конечно, это я сказала Натану уйти, но я не ожидала, что он не будет сопротивляться.

Я стояла возле лифта уже несколько минут, но только сейчас поняла, что не нажала на кнопку. Я не смогу пойти в Добрые Семьи. У Натана не такое чёрствое сердце, чтобы он мог отвернуться от меня на глазах у всех. Он будет терпеть меня, сжав зубы. Но сегодня я не хочу снова быть отвергнутой, обиженной, шокированной.

Я развернулась и пошла обратно в свою квартиру. Я выглядела красивой и счастливой лишь снаружи. Мне снова пришлось пройти мимо двери Финна, но на этот раз я остановилась.

Мне не следовало покупать на его возвышенные идеи, но мне многое не следовало делать, как например, стучаться к нему прямо сейчас. Он открыл не сразу. В конечном счёте, я почувствовала, что он сомневался. Это был не совсем тот восторженный приём, которого я ожидала.

Когда он открыл дверь, его губы были сжаты в тонкую линию.

— Каждый раз, когда ты стучишься ко мне, мне приходится одеваться. Ещё чуть-чуть, и я перестану париться. Мои щёки запылали просто потому, что он смотрел на меня. Несмотря на то, что он всё ещё был одет в те же откровенные треники, его кожа и волосы были влажными. Ему больше не был присущ запах мускуса, он пах свежестью, как и я.

— Извини, — я не знала, чего хотела, но я не хотела над ним издеваться. — Я просто подумала... я...

Его вздох был заглушён чем-то вне поля моего зрения. Он открыл дверь шире.

— Тебе не нужно объяснять. Я рад, что ты пришла.

Песни группы Black Sabbath играли в фоновом режиме. У входа я увидела новую полку для обуви и держатель для зонтов. Я кивком указала на кучу сваленных коробок.

— Ты делаешь успехи.

— Да. Нужно куда-то направлять всю эту... ну, ты знаешь, — он пожал плечами, — нервную энергию.

— Я делаю тебя нервным? — я прикусила нижнюю губу изнутри.

— Нервным? Нет. Не таким ты меня делаешь.

— А каким? — я сложила руки в задние карманы джинсов.

Он окинул меня неторопливым взглядом.

— Розовый цвет на тебе хорошо смотрится. Этот свитер выглядит таким... — его ленивый взгляд остановился на моей груди, — мягким.

Я попыталась скрыть изумление. Эту одежду я выбирала не для него, но мне было приятно, что она ему понравилась.

— Спасибо.

Он поднял подбородок и посмотрел мне в глаза.

— Ну? Так ты войдёшь?

Ещё пару минут назад, если бы я на кого-то натолкнулась, я бы развалилась на части. Но прямо сейчас мои внутренности походили на желе, только от одной мысли быть рядом с ним.

Несмотря на это у меня было и более сильное желание: поскорее убраться из этого удушающего здания.

— Я хочу побыть одна, — сказала я.

— Хорошо... — он переминался с одной ноги на другую. Он ещё раз вздохнул, этот вздох был глубоким, но коротким. — Тогда почему ты постучалась в мою дверь?

— Ты пойдёшь со мной?

— Ты хочешь побыть одна — со мной?

Я опустила взгляд. Ему нужен новый коврик у входной двери, тот, который лежит, сейчас заметно поизносился.

— Да.

— Один момент, мне нужно переодеться. Входи.

Если я зайду внутрь, то не выберусь оттуда до наступления темноты.

— Я подожду тебя здесь.

Финн посмотрел в обе стороны по коридору.

— Ладно, только никуда не уходи.

— Я не уйду, — ничто не сможет сдвинуть меня с этого места. Я решила провести сегодняшний день с Финном. Я вся свечусь, когда он рядом, и резкие слова Натана уже не так давили на мои плечи.

В считанные мгновения он вернулся в джинсах и ботинках, куртку он накинул уже в коридоре.

— Я готов, — сказал он.

Он пробежался расчёской по волосам, пока мы спускались в лифте на первый этаж.

— Я же сказала, что подожду, — произнесла я с полуулыбкой.

— Я решил не испытывать судьбу, — подмигнул он. — Всё хорошо?

Я кивнула.

— Сейчас намного лучше.

Мы вышли из здания и остановились на тротуаре. Я посмотрела в направлении Лексингтон-авеню и затем в обратном направлении. Финн скорее всего ожидал, что я поведу его куда-то, но я это не продумала.

— Пойдём, — Финн взял меня за руку, и мы повернули направо, углубляясь в наш район.

Наша обсаженная деревьями улица представляла собой взрыв красок сухой красно-коричневой листвы и остатков летнего газона.

Финн сжал мою руку, прежде чем отпустить. Я была благодарна ему за то, что мне не пришлось произносить это вслух: мы не можем касаться друг друга на улице.

— Почему ты передумала насчёт встречи со мной сегодня?

Я потуже закуталась в пальто в тщетной попытке вернуть тепло, которого он только что меня лишил.

— Я не хочу это обсуждать.

— Ладно, ты и не должна, — он почесал бороду. — Не прямо сейчас, но, в конечном счёте, тебе придётся.

— В конечном счёте, что? — я вытаращилась на него. — Мне придётся об этом рассказать?

— Ну да, — он втянул носом воздух, стрельнув в меня косым взглядом. — Я не собираюсь оказываться под рукой каждый раз, когда ты поссоришься с ним. Я хочу быть здесь ради тебя, а не потому, что ты не можешь быть с ним.

— С чего ты решил, что мы с ним поссорились?

— А я не прав?

Я резко остановилась. Это было не совсем то, что я бы хотела от встречи с ним. Мне нужно было привести мысли в порядок, расставить всё по местам, а не ещё одна ссора.

— Если ты собираешься кричать на меня, тогда нам стоит разойтись в разные стороны прямо сейчас.

— Кричать на тебя? Разве я повысил голос? Я просто сказал, что не хочу быть с тобой, только лишь потому,

что он не может.

— Я не знаю, почему хочу быть с тобой. Прими это или уходи. Я всё пойму.

Он на секунду опустил взгляд.

— Просто скажи, что я не его замена.

Я полагала, что Финн значит для меня гораздо больше. Но моё сердце не знало, кому он принадлежит. Я была уверена лишь в том, что я вообще ни в чём не уверена.

— У нас всё может получиться, Сэди. Но я не хочу быть на втором месте.

— Финн, он — мой муж. Нет никакого места позади него.

Он покачал головой.

— Может прямо сейчас это так, но так будет не всегда, — он обхватил обе мои ладони своими руками. — Господи, Сэди, ты взяла перчатки?

Я покачала головой, но мне стало теплее. Несмотря на те сомнения, которые посетили нас обоих, в его глазах теплилась искренняя надежда. И она была заразительной. Он поднёс наши ладони ко рту и согрел их своим тёплым дыханием.

— Я не давлю на тебя. Я просто хочу знать, что когда ты со мной, ты действительно со мной, а не желаешь оказаться в другом месте.

Я не могла дать такого обещания, но я не хотела его обидеть и совершенно точно не хотела, чтобы он уходил. Нужда быть рядом с ним усилилась после утренней игры в неопределённости.

— Я хочу быть здесь, с тобой, — я посмотрела на него с благоговением. Он был правда счастлив быть со мной сейчас. — Как ты можешь быть так уверен на счёт меня, ведь прошло так мало времени? — он приблизился и отправил мои руки в соответствующие карманы, на какую-то долю секунды он переплёл наши пальцы. — Честно говоря, я, наверное, их потеряла, — было так приятно рассмеяться от всей души, тем более, что он присоединился ко мне. Я осознала, что начинаю ожидать его ответную реакцию, а подшучивание над собой в этом очень помогало. — Но, пожалуйста, скажи мне, что ты прекрасно понимаешь, мы не можем бросить супругов, с которыми прожили годы, ради друг друга. Ты знаешь меня всего две недели.

— Мне кажется, я знаю тебя намного дольше, — он мне улыбнулся, и мы продолжили свой путь. — И мы можем делать всё, что, чёрт возьми, захотим.

— Мы можем... Но следует ли нам так поступать? Это нечестно по отношению к ним.

— Да, это нечестно. Но нечестно также и то, что ты так долго принадлежишь ему, хотя должна была быть моей, — и подхватив эту идею, он продолжил. — Может нам пойти в Quench и закончить тот разговор, который мы начали десять лет назад?

— Исключено, они знают меня и Натана... — скромная и милая улыбка Жизель всплыла в памяти, и моё настроение ухудшилось. Её зубы были слишком белыми для кофейни. — Там знают, что мы пара.

— Я всегда полагал, что это наше местечко, Сэди, — Финн проворчал в ответ, в котором отчётливо чувствовалось раздражение.

— А как же Марисса?

— Марисса? — он расправил спину.

— Если и есть какая-либо причина прекратить всё это, так это Марисса.

— Марисса всегда будет для меня в приоритете. Но разве это значит, что я должен быть несчастлив?

— Нет, — я не могла не подумать о моём брате. Эндрю непреклонно несчастлив, лучше так, чем рискнуть и снова страдать, даже если он открыто это не признаёт. Меня беспокоит то, какой пример он подаёт своей дочери. — Думаю, нет.

— Я — хороший отец. Даже если я полюблю кого-то другого, это не значит, что я должен потерять мою малышку.

Его чёткая позиция отменяет любой довод, который я могла придумать. Он точно знает, чего хочет, он хочет Мариссу, он хочет меня. Я же, наоборот, так далеко не заглядывала.

— Я даже не знаю, Финн.

Он пожал плечами, подошва его ботинок шаркнула по асфальту. Даже на самых моих высоких каблуках, я едва достаю до его подбородка.

— Я ничего не ожидаю. Такие решения не принимают с бухты-барахты. Но для меня очень важно, чтобы ты знала обо всём, о чем я думаю.

Это была приятная перемена, кто-то подпускал меня к себе, даже если это был не Натан.

Но настоящим облегчением для меня было то, что Финн не требовал от меня ничего прямо сейчас.

Мы бесцельно слонялись по улицам, пока не остановились перед картиной в витрине магазина винтажной одежды. Из колонок валил хэви-метал, казалось Финна привлекла музыка.

Зайдя внутрь, мы устремились всё к той же картине, выполненной в акварели, на которой была изображена обнажённая женщина. Картина висела на вешалке для одежды. Женщина сидела на полу ссутулившись, с широко разведёнными ногами. На её розовой коже отчётливо выделялись красные соски и чёрная точка — пупок. Несмотря на то, что женщина прикрыла промежность рукой, она немного развела пальцы в стороны, будто знала, что за ней могут подглядывать. Волосы такого же чёрного цвета, как и на голове, струились между её тонких пальцев.

— Могу я вам чем-то помочь? — спросила продавец.

— Нет, — произнесли мы одновременно громко.

Финн пристально смотрел на картину. А затем тихо произнёс.

— Я не могу перестать об этом думать, о том, как мы занимались сексом. Ни вчера вечером, ни сегодня утром, даже сейчас. Твоя совершенная грудь. Твоя попка, которая помещается в мою ладонь.

— Прекрати, — это уже было слишком. От его слов кружилась голова, я уже не была уверена, что смогу себя контролировать.

— У тебя тело ангела, — продолжил он, — или дьяволицы. Я ещё не решил.

Я перевела свой взгляд с картины на него.

— Это комплимент?

— Нет, — сказал он, снова посмотрев на меня. — Это проблема.

21

На 19-ой улице Финн поинтересовался о начале показа следующего фильма. Кассир в кассе кинотеатра едва оторвала взгляд от компьютера, одно из двух, либо она сидела в Твиттере, или же всё-таки просмотрела время сеансов.

— Следующий как раз начинается через пять минут, — сказала она.

— А он хороший? — уточнил Финн.

— Конечно, замечательный.

— А если честно, скажите правду.

Она обернулась через плечо, прежде чем произнесла.

— Полный отстой. Настоящий провал кассовых сборов.

— Отлично, — Финн достал бумажник. — Два взрослых на полный провал кассовых сборов.

Ещё пару минут назад Финн завёл меня до чёртиков посреди винтажного магазина, поэтому я не была уверена, что смогу спокойно сидеть на протяжении следующих двух часов.

— Финн...

— Да, любимая?

Тепло разлилось по моему телу. Он застал меня врасплох. Я не могла быть его любимой, но ведь женщина в кассе об этом не знает. Казалось, ему доставляло такое же наслаждение называть меня так, как и мне это слышать. Я решила промолчать.

— Ничего.

— Вот и замечательно, — ухмыльнулся он.

Как только мы вошли в фойе, наполненное ароматом попкорна, у меня внутри всё натянулось, как гитарная струна. Финн поинтересовался, не хочу ли я чего-нибудь. Я сказала, что ненавижу попкорн. Он был доволен, по крупицам узнавая что-то новое обо мне. Я солгала насчёт попкорна, просто из-за него нахлынули воспоминания и чувство вины, которые на данный момент лучше было бы спрятать глубоко на задворки сознания.

Мы вошли в темноту зрительного зала. Его пальцы поглаживали моё запястье, внезапно ступив на наэлектризованный ковёр, все волоски на моём теле встали дыбом. Я только теперь поняла, что когда мы займём свои места, он будет прикасаться ко мне, по этой причине мы здесь и находимся. Продолжить то, что мы делали вчера вечером.

Перед глазами замелькали картины-воспоминания, как сперва он опрокинул меня на диван, затем перевернул

на живот и исследовал доступные участки моего тела сзади, затем перевернул меня снова на спину, когда уже был готов перейти непосредственно к сексу. Его руки, раскрывающие меня для его рта.

— С тобой всё в порядке? — спросил он.

— Да.

Мы остановились, потому что трейлер к какому-то боевику прогремел, будто началось землетрясение. Когда мои глаза привыкли к темноте, я увидела, что зал был полностью пустым.

Финн повёл меня на самый последний ряд и усадил возле стенки. Как только мы уселись, он снял куртку и набросился на меня. Кончиком носа он дотронулся до моего уха, а его горячее дыхание обожгло мою кожу.

— Я больше не могу ждать, — сказал он, срывая пальто с моих плеч, я мигом выскользнула из него. — Есть какие-либо идеи?

Воспоминание о том, как он ощущался внутри меня, обожгло новизной, даже болью, но такой приятной. Я положила руку на его член и ощутила, как сильно он был возбуждён.

— Есть кое-что.

Он прошипел моё имя сквозь стиснутые зубы, будто едва сдерживался, чтобы не взорваться. Он прижал меня к спинке кресла, жестко поцеловав. Но и у меня внутри бушевал ураган, я ответила ему с таким же желанием, начав двигать рукой по его возбуждению. Он вторил моим движениям и ласкал меня через джинсы, как раз напротив клитора. Его пальцы сразу же стали двигаться неистово, от чего у меня перед глазами всё поплыло. Жесткая ткань и его настойчивость окончательно лишили меня контроля. У меня перехватило дыхание, я была уже не в состоянии его целовать.

— Уже почти? — я услышала его тихий смех.

— Как ты узнал?

— Ты замираешь перед тем, как кончить.

Моя рука замерла у него между ног, плечи практически вжались в уши, а бёдра начали дрожать от напряжения. Я прошептала, несмотря на то, что мы были одни.

— Ты собираешься довести меня до оргазма прямо здесь, в общественном месте?

— В конечном итоге, да. У нас в запасе всё ещё есть пара часов, — он снова накрыл мой рот своим.

Создавалось такое чувство, что мы оба были до смерти голодными, и лишь так могли утолить свой голод. Он расстегнул мои джинсы, но не прикоснулся ко мне там. Его рука пробралась ко мне под свитер и, не затронув живот, дёрнула за косточки лифчика.

Я ухватила за его рубашку и притянула его ближе. Он практически оказался на моём кресле, жадно исследуя каждый дюйм моего тела, когда услышав голоса, мы отпрянули друг от друга. Я ударила спиной о подлокотник. Пожилая пара оказалась в поле зрения и затем спустилась вниз по проходу между рядами. За ними проследовала группа девушек, которые заняли места через пару рядов от нас.

— Какого чёрта, — прошипел Финн.

Я тоже задыхалась, но каким-то образом умудрилась издать смешок.

— Ты что и вправду думал, что мы сможем уединиться посреди Манхэттена?

— Да, у меня стояк размером с Манхэттен, — он отбросил голову на сидение и возвёл взгляд к потолку.

— Мне жаль, малыш.

— Не так жаль, как мне. Теперь мне придётся сидеть на протяжении этого поганого фильма с чёртовым Эмпайр-стейт-билдинг в штанах.

Я захихикала сильнее, но моё веселье быстро испарилось. Теперь мои мысли вернулись к тому, как его член врывался в меня вчера вечером, даже несмотря на то, что это могло причинить боль.

— Насколько у тебя большой?

Он искоса на меня посмотрел.

— Не знаю.

— Врунишка, каждый парень это знает.

— Не я.

Я ему не поверила. Натан также проявляет скромность, когда дело заходит о размере его достоинства. Он будет шептать мне на ухо непристойности у всех на виду, чтобы заставить меня покраснеть. Но, когда я начинаю дразнить его из-за его размера, он сразу же замолкает.

Мы с Финном устроились поудобнее. Он положил мою ногу себе на колени и на протяжении фильма рассеянно гладил моё бедро. Я слабо понимала, что происходило на экране. Я была сильно возбуждена и сбита с толку — очень опасное сочетание. Сейчас я готова была найти оправдание чему угодно, включая арест за

обнажение в общественном месте. Как картинки сменялись на экране, также и в моей памяти всплывали отрывки нашей короткой истории с Финном, которая началась в кофейне, как я подняла взгляд и увидела его сквозь солнечные лучи, проникающие через окно. Возможно, всё-таки этот момент был основополагающим в моей жизни, началом истории моей любви, а не тот, который произошел пару лет спустя на пляже. Я точно не знала, могло ли это быть любовью. Что бы это ни было, оно было затуманено похотью, поэтому я не могла быть объективной. Но я также не могла отрицать, что это могло перерасти во что-то большее.

Я снова мысленно вернулась к тому, что произошло вчера: как он с любовью поправлял мои волосы для съёмки; как мы пили кофе с Калуа под серым покрывалом грозových туч; моё платье, съехавшее с одного плеча для его камеры, для его глаз; как его зубы прикусили мою кожу; как он не позволил мне кончить сразу; его тело, возвышающееся надо мной, мускулистые руки; как он прокладывал дорожку из поцелуев по моему телу; как его светлые волосы щекотали мою кожу.

Мои джинсы всё ещё были расстёгнуты, я запустила руку внутрь. Финн сразу же выпрямился в своём кресле. — Что ты делаешь?

Я прикусила нижнюю губу и часто задышала носом. Мои пальцы прекрасно знали, что делать, но даже если бы и не знали, то много времени мне бы не потребовалось. Воспоминание о том, как Финн прикасался ко мне, завели меня до предела. Финн не мог оторвать от меня взгляд.

— Я не смогу ждать до конца фильма, — сказала я.

Он схватил мою руку.

— Но я хочу, чтобы ты ждала. Я хочу, чтобы ты сидела здесь несколько часов и страдала от желания почувствовать меня внутри. Сгорала от желания узнать, как я собираюсь это сделать, ведь у нас нет для этого подходящего места.

Он достал мою руку из джинсов и поцеловал кончики пальцев, а затем прикусил подушечку мизинца. Я начала хватать ртом воздух, моя грудь вздымалась и опадала. Я съехала немного вниз в своём кресле и задвигала бёдрами, пытаюсь потереться клитором о жёсткий шов джинсов. Я, возможно, смогу кончить и не прикасаясь к себе.

— Прекрати извиваться, — сказал Финн глубоким и низким голосом. — Ты действительно не можешь потерпеть? Ты так сильно хочешь мой член.

Член. У меня перед глазами всё поплыло. Он мне нужен, да так, что я, возможно, погибну без него. Финн не остановил меня, когда я растегнула его джинсы, но и не помог мне это сделать.

Я немного растерялась, орудуя в темноте, и стала тянуть его джинсы как наркоман в поисках дозы.

Наконец, я добралась до его трусов и освободила член. Я сразу же отправила его в свой жаждущий рот. Со стоном он опускал мою голову вниз, пока не достиг задней стенки горла. Он изучал мои пределы. Мои глаза заслезились, мне не хватало воздуха. Он отпустил меня, но я снова взяла его до предела. Вскоре я почувствовала дискомфорт от такой позы, поэтому я опустилась на пол, разместившись в узком пространстве. Мои колени неудобно упирались в пол, но меня это не волновало. Финн переместил свои руки мне на плечи. Всё его тело было напряжено, пальцами он впился в мою кожу, а его бёдра стали просто каменными. Я чувствовала, как он всем телом пытался сдерживаться и оставаться тихим.

Я давала отсрочку своему собственному оргазму, но это удовлетворяло меня даже больше, чем секс. Прежде чем доставить удовольствие себе, доставить это ему. Я хотела, чтобы он использовал мой рот, и Финн не был нежным.

Он потянул мою голову назад за волосы, и мы посмотрели друг другу в глаза. Я совсем неизящно широко раскрыла влажный рот. Он схватил меня за руку выше локтя и поднял меня на ноги. Мои колени, приросшие к полу, с хрустом разогнулись.

Финн развернул меня лицом к экрану и усадил к себе на колени.

— Сведи ноги, — скомандовал он.

Я так и сделала. Он резко дёрнул мои джинсы и ремень вниз.

— Финн... — я не узнала свой голос. Когда послышался звук разрываемой упаковки презерватива, одна из впередисидящих девушек сдвинулась, будто собиралась обернуться, но этого не произошло. — Мы не можем. Не здесь.

Он немного приподнял меня, только чтобы открыть меня для него. Я уже ощущала упирающуюся головку его члена, но он замер, оставив меня дрожащую в подвешенном состоянии.

— Ты уверена? — проговорил он со смешком. Происходящее на экране внезапно притихло на какой-то торжественный момент. Я облокотилась на сидение впереди, пока он направлял мои бёдра вниз. Мои сведённые

ноги не давали ему лёгкого доступа, но он прорвался сквозь них, разрывая меня пополам. У меня свело челюсть от того, как сильно я сжала зубы. Актриса на экране безмолвно плакала. Я уверена, в зале было слышно, как я часто дышала через нос. Финн вошёл до упора, я, по факту, сидела у него на коленях. Мои мышцы сжались вокруг него, затем я расслабилась. Вот, что мне было так необходимо. Я была слишком ошеломлена происходящим, поэтому он взял инициативу на себя, поднимая и опуская меня за талию. Я не знала, откуда взялись искры у меня перед глазами, это либо Финн нажимал на нужные кнопки, либо это было частью фильма.

Я ощутила его горячее дыхание в волосах, затем на шее.

— Оседлай меня, Сэди.

Я выписывала бёдрами круги, пытаюсь достичь оргазма. Он запустил руки под мой свитер и, потянув за чашечки лифчика, освободил грудь. Я издала стон, когда он сжал мою грудь. Я скакала на нём, объезжая его член. Актёры на экране продолжали свою игру. Каждые несколько секунд Финн сжимал пальцами мои соски. Я издала какой-то тихий звук, он начал сильнее сжимать и щипать мою грудь. Он хотел, чтобы я закричала. Крики удовольствия и так уже давно путешествовали по моему горлу, поэтому начала двигаться на его коленях просто безумно, чтобы удержать крики в себе. Когда интенсивность зашкалила, я издала протяжный стон. Несколько человек обернулось, наши тела одновременно содрогнулись, и мы замерли. Когда все снова посмотрели на экран, Финн сгладил остроту момента, взяв инициативу на себя и снова начал вбиваться в меня.

Когда я была уже близка, он надавил мне на поясницу, пока моё лицо не опустилось на уровень спинки сидения перед нами. Он сжал мои бёдра и подвёл меня прямо к оргазму. Мы шептались друг другу — о боже, да — да, вот так, да! Мышцы моего влагиалища стали сжиматься вокруг него, принимая ещё глубже. Мой оргазм длился дольше, чем когда-либо, благодаря непривычному положению, трению наших тел; волнению, что мы в людном месте; моей невероятной борьбе сдержаться.

Силуэт вырос из ниоткуда прямо перед нами, загораживая экран. Я потянулась назад и ударила Финна по руке, в попытке привлечь его внимание. Он схватил меня за ладонь и стал толкать меня на себя жёстче, быстрее.

— Финн... — он рукой накрыл мой рот.

Девушка смотрела прямо на нас. У меня в ушах стоял звон, я не услышала, что она пробормотала. Финн трахал меня с бешеной скоростью, у него вырвалось «свя-я-тая Сэди», и, потянув меня за волосы, он кончил. Ещё несколько секунд его тело непроизвольно содрогалось, он что-то шептал, я не смогла разобрать.

Я приросла к месту, совсем не могла пошевелиться. Святая Сэди. Я вообще не могла вообразить, что когда-либо смогу двигаться снова. Но Финн практически сразу пришёл в движение. Он поднял меня с колен, я была полностью дезориентирована, он развернул меня и усадил в моё кресло, повернулся так, чтобы меня не было видно с прохода, он вернул мои штаны на место. Чашечки моего лифчика всё ещё были опущены вниз, соски ощущали мягкость свитера, он также это исправил.

Дверь открылась и луч света пересёк зрительный зал. Раздался звук застёгивающейся молнии. Мужчина громким шёпотом «прокричал» нам.

— Прошу прощения. Эй?

— Вот, чёрт, — Финн пробежался рукой по волосам и бороде.

Я обернулась через плечо. Работник кинотеатра помахал светящейся оранжевой палочкой.

— Сэр, мне придётся просить вас обоих покинуть помещение.

Финн схватил меня за руку и поднял на ноги так быстро, что у меня всё закружилось перед глазами. Меня трясло. Мы стали медленно продвигаться к мужчине в форме. Девушка, которая донесла на нас, стояла позади него, скрестив руки на груди.

Я споткнулась, Финн придержал меня за талию.

— Ты ничего не забыла? Сумочку взяла?

Я кивнула, несмотря на то, что он на меня не смотрел.

— Сэр, — начал работник кинотеатра, — вы не... такое поведение недопустимо...

— Мы уходим, — сказал Финн раздражённо. Он переместил свою руку с моей талии на тыльную сторону шеи и не убрал её. Я едва поспевала за ним, так широко он шагал.

— Мы просим вас не возвращаться, — работник кинотеатра произнёс нам вслед.

— Мы не вернёмся, — Финн даже не обернулся.

Мы снова оказались в ярко освещённом фойе. Я опустила голову, чтобы спрятать лицо в волосах. Я чувствовала на себе взгляды работников. Я не хотела, чтобы Финн меня отпускал, но мы уже были на людях, поэтому я вывернулась из-под его руки, и он меня отпустил.

На улице холодный ноябрьский воздух ударил в лицо, больно жалил лёгкие. Финн взял из моих рук пальто и обернул вокруг моих плеч, хотя сам еще не одел свою куртку.

— Хер с ними! — сказал он, пока мы шли. — Всё, чего я хочу прямо сейчас, это лежать рядом с тобой. Моё сердце бьётся с бешеной скоростью.

Моё тоже колотилось, но я уверена, что с меньшей скоростью, ведь он кончил всего за пару секунд до того, как нас прервали.

— Ты в порядке? — спросила я.

— Да, не считая того факта, что я всё ещё в презервативе.

Я захихикала, а он положил свою руку мне на шею, а другой за подбородок наклонил мою голову назад.

— Просто замечательно. А ты?

— Хорошо, — смогла произнести я, хотя у меня кружилась голова, а внутри всё ощущалось как желе. От того, что оргазм был таким интенсивным, я светилась изнутри.

— Те люди в зале увидели немного больше, чем рассчитывали.

Я улыбнулась. Каким-то образом он смог смотреть на меня и пробираться сквозь толпу.

— Та девушка видела нас, — сказала я.

— Да, видела. Ведь было горячо?

У меня внутри что-то приятно сжалось. Меня и вправду это заводило.

— Она знает наш секрет.

Он поиграл бровями.

— Ты волнуешься, что мы можем наткнуться на твоих знакомых?

— Немного. Хотя я не думаю, что теперь это будет волновать Натана.

Финн снова посмотрел вперёд.

— Мне жаль это слышать. Может не сильно, но я сожалею, это правда. Я уверен, что это нелегко.

Конечно, нелегко. В памяти всплыли печальные глаза Натана, перед тем, как он вышел за дверь. Я менее важна для него, чем наступить в кучу дерьма, во всяком случае, это довольно неприятно, но возможно хоть это вызовет хоть какую-то реакцию. Я оттолкнула руку Финна.

— Я ненавижу, что не могу проявлять своих чувств к тебе, — сказал он.

— Я уверена, что ты только что их проявил, — поддразнила я его.

— В каком он сегодня районе? Чтобы я знал, где нам не стоит сегодня появляться, — он был расстроен.

Любое моё честное признание только бы всё ухудшило.

— Вполне возможно, что недалеко отсюда. Он обычно работает в пункте бесплатного питания возле Шестой авеню.

Финн соскочил с тротуара и притормозил первое попавшееся такси.

— Куда мы поедем? — спросил он, усаживая меня в машину.

— Куда-нибудь подальше отсюда.

Пока мы садились в машину, я не сказала Финну, что не важно, куда мы пойдём, день ведь рано или поздно закончится, и мне придётся вернуться домой, к Натану. Это та реальность, от которой мы не сможем убежать.

В попытке уехать подальше, мы оказались на Таймс-сквер. В воскресный день, даже несмотря на холод, площадь казалась настоящей катастрофой. Было очень многолюдно, но из-за дутых пальто и ботинок на толстой подошве, толпа казалась ещё более плотной. Таксист высадил нас максимально близко к центру, предприняв при этом всё возможное.

— Почему мы здесь? — спросила я. Рекламные щиты сверкали у нас над головой. В течение тех лет, что я живу здесь, я всегда старалась избегать этого наводнённого туристами места.

— Ты знаешь хоть кого-нибудь, кто придёт сюда в воскресенье? — спросил Финн.

— Нет. Ни единого человека. Ни в течение недели, если только это не связано с работой, а тем более в выходные.

— Это точно.

Люди вокруг слонялись во всех направлениях. Ребёнок растерялся в толпе ног незнакомцев и заплакал. Я, наконец, осознала, что задумал Финн, и взглянула на него.

— Здесь мы можем побыть наедине.

Он щёлкнул меня по носу.

— Красавица и умница, — я не смогла скрыть улыбку. — Какая твоя девичья фамилия?

— Беквит.

— Красавица и умница Сэди Беквит.

Моя челюсть сжалась. Уже давно меня так никто не называл, я уже больше и не знаю эту женщину. Я Сэди Хант до мозга костей.

— У тебя есть брат или сестра? — спросила я, меняя предмет разговора.

— Нет. А у тебя?

— Старший брат, Эндрю. Тебе бы он понравился.

Финн оживился.

— Да? И почему же?

— Если бы кто-то и мог стать художником в нашей семье, так это он. Он владелец гаража, но в то же время фанат татуировок, у него их много. Он так же умеет их набивать. И у него маленькая дочь, как и у тебя.

Финн криво улыбнулся.

— Я бы с удовольствием с ним познакомился, — до того, как я успела возразить, он добавил. — Когда-нибудь. Не сейчас, конечно.

В мыслях я уже представила, как бы это выглядело, представь я их друг другу. Я, возможно, слишком рано забежала вперёд. Эндрю может и не профи в отношениях с противоположным полом, но он бы не одобрил моё поведение. На самом деле, если бы Эндрю узнал о Финне, он бы с удовольствием свернул ему шею.

— Так о чём это я? — спросил Финн. — О будущем?

— Нет.

— Прости. Просто я так обрадовался, когда подумал о будущем для нас.

Услышав эти слова, паника стала подниматься вверх по горлу. Пытаясь сменить направление разговора, я взмахнула руками и произнесла.

— Нет. Не об этом.

— О чём же тогда? Что-то о твоём брате?

Я сама загнала себя в угол.

— Просто Эндрю, ну, он, ему действительно нравится Натан. Я имею в виду, он его любит. Они как братья. На самом деле Эндрю не многие нравятся.

Финн сильно нахмурился. Его глаза изучали моё лицо.

— Значит, ты только что ошибалась. Я ему не понравлюсь.

— У вас много общего: любовь к искусству, отцовство, всё в таком роде. Эндрю всегда заботится обо мне, и о Натане тоже. Я уверена, что при других обстоятельствах...

Он отвёл взгляд в сторону.

— Мы забегаем вперёд.

— Да, — моё облегчение вылилось в длинном вздохе. — Давай, сделаем шаг назад.

— Хорошо, — он переминался с ноги на ногу и глазами пробежался по безликой толпе. — Можно я тебя поцелую?

Взглянув на него, я удивлённо вздохнула. Мне не следовало задумываться об этом, но я переживала из-за нашего неловкого разговора. И, безусловно, я не могла представить, чтобы кто — то из знакомых был здесь.

— Да.

Он склонил голову.

— Просто в кино всё получилось немного интенсивным.

— Нет, — я покачала головой. — Это было как раз то, что мне было нужно.

— Я чувствую, что мне нужно поцеловать тебя прямо сейчас. И просто чтобы ты знала, даже если всё происходит так, как происходит, это всё равно что-то значит для меня.

Он выглядел взволнованным и очаровательным. Кончик его носа покраснел от холода. Его волосы были в беспорядке после наших шалостей. Я подалась к нему, запустила руки под пальто и всем телом прижалась к нему.

Он наклонился и оставил на моих губах лёгкий поцелуй. Он прошептал в мои губы.

— За такой краткий промежуток времени ты осветила мой мир, как солнце, и согрела меня.

Мне было очень приятно услышать эти слова. Теперь его поцелуй был другим, он нёс глубокий смысл, был таким, о котором я читала в моих любимых книгах, боясь пропустить хотя бы одно слово. Ведь дело было не только в сексе, с лёгкостью наши чувства могут привести к чему-то более серьёзному, стоит мне лишь немного подкормить их. Он утолил мой недавно возникший душевный голод, но в то же время он не боялся показать, что ему страшно. Это было очевидно по тому, как сильно он меня держал.

Мы разомкнули объятия, чтобы посмотреть друг другу в глаза. Огни Таймс-сквер внезапно засияли. Неоновые вывески отражались в его глазах. Хорошо, что было холодно, одна из причин нам быть ближе друг к другу. Я прикоснулась к губам, которые немного пострадали от его растительности на лице.

Он перехватил мою руку и большим пальцем погладил мою нижнюю губу.

— Я сбрею бороду.

— Нет, не надо, — я улыбнулась и произнесла те же слова, что и много лет назад. — Ты выглядишь как художник.

Он изучал меня какое-то время, затем улыбнулся.

— Ты голодная?

— Полагаю, что да.

— У тебя бурчало в животе.

— Нет, этого не может быть, — рассмеялась я. — Правда?

— Я это слышал, кроме того, ты тесно прижалась ко мне, так что я мог это ещё и почувствовать, — он поцеловал мою ладонь. — Пойдём.

Он привёл меня в какой-то сетевой ресторан, где подавали бургеры и пиво. Внутри независимо от времени суток царил полумрак. На каждом столике присутствовала жёлтая лампа. В дневное время в барах и ресторанах было многолюдно, но свободный столик можно было отыскать. Официантка передала нам два меню и проводила нас к столику.

Финн остановил её.

— Можем мы...

— Кабинку? Без проблем, — сказала она. Много времени ей не потребовалось.

Уже через минуту мы удобно разместились в углу на одной скрипучей и шатающейся скамейке. Наша официантка была одета в чёрную майку поло, а надпись на бейджике гласила Эшли, Альбукерке, Нью-Мексико. Финн заказал нам что-то безумно калорийное и два горячих шоколада со взбитыми сливками.

— Если ты собираешься придать всему этому романтики... — начала я. Вокруг нас сидели в основном семьи. Цветной мелок пролетел мимо нашего столика. — С местом ты угадал.

Он подмигнул.

— Романтика ведь не всегда связана с окружающей атмосферой. Хотя для кого-то это может быть и так.

— Но не для нас?

Он покачал головой.

— Для нас романтикой являются эти украденные мгновения для нас двоих, это как я затащил тебя в кинозал, полный людей, просто потому, что не выжил бы, если бы не оказался сию же секунду в тебе.

Казалось, он ожидал моего ответа, но он выбил весь воздух из моих лёгких. Я не могла дышать, не то, что говорить. Он был прав. Наше совместное времяпрепровождение всегда обременено тем, что мы не можем сказать или не можем сделать.

— Между прочим, фотографии получились изысканными. Я собираюсь повесить их в гостиной, как произведения искусства.

— Ты не можешь.

Его рука скользнула между моих бёдер и начала поглаживать меня.

— Тогда может в спальне?

— Не думаю, что Кендре это понравится.

Он прекратил прикасаться ко мне.

— Извини, — сказала я и притихла, сдерживая любую попытку снова ляпнуть что-нибудь глупое.

— Всё нормально, — произнёс он невозмутимо. — Мы должны быть в состоянии говорить о них.

— Правда? — я почувствовала, что меня начало слегка подташнивать, это не сулило ничего хорошего в контексте той тяжёлой пищи, которую он заказал. — Я в этом не уверена.

— Да. Мы должны. Особенно, если всё может перерасти во что-то серьёзное. А оно может. Есть ли

что-нибудь, что бы ты хотела узнать.

Секс, это было первое, что пришло на ум. Теперь, когда я уже была необратимо близка с Финном, меня съедало любопытство.

— Ты когда-нибудь был таким ненасытным с Кендрой?

— Нет.

— Неужели никогда.

— Не совсем. Например, я никогда не терял контроль над собой в публичном месте, — выражение его лица смягчилось. — Я никогда всем не рисковал, только чтобы оказаться внутри неё.

Я опустила взгляд на руки, покоящиеся на коленях. Это верно, Финн поставил на кон всю свою жизнь ради секса. Я без сомнений тоже, но это решение было не такое фатальное, как то, которое я приняла в молодости. Натан уже вполне мог всё иметь, но с другой женщиной. Если бы я была уверена, что он не ошеломит меня неприятной новостью, я бы совершенно точно отказала Финну.

— А как у вас с этим? — спросил Финн.

— Ты о сексе? — я прикусила нижнюю губу. Натан мог бы посоперничать с лучшими в этом деле, и его умения лишь совершенствовались со временем. Он не такой изобретательный как Финн — конечно, до того эпизода со «шлюхой» — моё тело для него хорошо изученная карта. Он знает всё до мельчайших подробностей.

Но услышав моё чистосердечное признание, Финн наверняка бы встал и ушёл.

— Мне не на что жаловаться, — сказала я, не желая лгать. Я взглянула на него из-под ресниц. — Надеюсь, это не ранит твоих чувств.

Он сглотнул, я увидела движение его кадыка.

— Нет, я хочу, чтобы ты была честной.

— Мы делали это в общественном месте, но при этом другие люди не присутствовали.

— Но ведь тебе это понравилось? — Финн спросил нерешительно. — Казалось, что это так и было.

— Да. Тебе присуща грубая экспрессия. Натан не часто поднимается на такой уровень.

Он отодвинул волосы от моего лица.

— Это потому что ты сводишь меня с ума.

Я улыбнулась, чтобы скрыть боль на лице. Неужели он думает, что я не свожу с ума Натана? По этой причине Натан хочет шлюху? Натан нашёл кого-то, кто может дать ему то, что я не могу, что я не в состоянии ему дать, хотя он этого заслуживает. То, что дремлет где-то у меня глубоко внутри, пустота в моём животе, которую никто не сможет заполнить, наверное, даже Натан. Если он не планирует бросить меня, и ему пока не всё равно, он ещё не справился с тем чувством, что я подвела его как жена.

— Вот опять, ты снова грустишь, — сказал Финн. — Ты думаешь о нём.

— Извини, ничего не могу с собой поделать. Мы через многое прошли вместе, а я даже не могу понять, что пошло не так. Я в растерянности.

— Если он не разговаривает с тобой, то он делает это с кем-то другим. Мне неприятно это говорить, но вполне вероятно, что это правда. Взять, например, нас. Всё верно, мы сейчас не там, где должны быть. Или я заблуждаюсь, может я, наконец, нахожусь там, где и должна? Я уже больше ни в чём не была уверена.

— Ты думаешь, что Кендра сейчас общается с кем-то другим?

— Нет. Она не хочет кого-то другого. Обычно мы довольно откровенны друг с другом.

— Но ты не упоминал о...

— Конечно, нет. Возможно, я бы уже это сделал, если бы не опасался, что её семья будет препятствовать мне видиться с Мариссой.

Я взяла его за руку. Конечно, я принимала во внимание Мариссу. Она уже довольно взрослая, чтобы принять наш роман. Но я не думала о ней в контексте развода и опеки.

— Извини. Я не представляла...

— Это лишь значит, что нам следует быть более осторожными. И, если мы решим...

Наша официантка присвистнула и пропела.

— Эге-гей, влюблённые птички. Надеюсь, вы проголодались, — на лице у Эшли сияла гигантская улыбка, когда она принесла соус с артишоком и шпинатом, картофель фри и куриные крылышки. — Впервые в Нью-Йорке? Правда он полон романтики? — проворковала она. Мы оба теперь смотрели на неё. — Просто дождитесь, когда пойдёт снег. Надеюсь, это случится пока вы здесь. Ваш горячий шоколад скоро будет готов.

Финн снова повернулся ко мне и рассмеялся.

— Когда люди думают, что мы вместе, клянусь, я чувствую себя подростком, и мне это нравится.

Он поцеловал меня в кончик носа, когда я нахмурилась.

— Это весело, — сказала я, — как будто мы актёры.

— Ага, — он угостил меня картошкой, а затем и сам угостился. — Как я уже говорил, любовная связь не даст мне преимуществ в борьбе за опеку. Если бы это был кто-то другой, я бы остался в стороне, но это ты, моя кофейная девушка.

Его кофейная девушка. Я бы улыбнулась, но у меня был полный рот еды.

— Если до этого дойдёт, — продолжил он. — Мы же взрослые люди. Давай будем честны. Как ты относишься к детям? Почему у вас с Натаном нет детей?

Мой ангорский свитер и так был колючим, а после его вопроса у меня на шее появился зуд. Я оттянула свитер и почесала шею. Его вопрос был довольно простым, но я даже не знала с чего начать. Я проглотила еду.

— Детей? — повторила я.

— Да. Как тебе идея стать мачехой? Чисто гипотетически. Ой, прости. Я не хочу отпугнуть тебя, но я не могу не спросить.

В ресторане внезапно посветлело. Я отпустила горло свитера. Возможно, Марисса — это благословение, которого я не ожидала. Ответ на ту одинокую частичку меня, которую не смог затронуть даже Натан.

— Я не знаю, смогу ли говорить об этом.

— Почему нет?

Я нахмурилась. Как я отношусь к детям? Всё слишком сложно. Я даже не могу понять, что чувствую, и уверена, что попытки объяснить что-либо будут тщетными. Уже несколько месяцев мы с Натаном не разговаривали о детях, с тех пор многое изменилось.

— Я просто не могу.

Он прекратил жевать и наклонил голову в мою сторону.

— Сэди, детка, да ты страдаешь.

— Как и мы все.

Он вздохнул.

— Полагаю, для меня так и есть. И для Кендры тоже.

— И для Натана, — добавила я.

— Но ты делаешь меня счастливым, — сказал он. Его улыбка была вымученной, но я действительно была благодарна за его старание. — Если он тебе изменяет, я его убью. Это точно.

— Финн, на самом деле это нечестно.

— Может и нет. Но, если бы я был честным человеком, я бы не сидел здесь прямо сейчас.

Мои брови сошлись на переносице. Чтобы Финн не говорил о себе, это также было правдивым и для меня. Это невозможно отрицать. Я уже не в первый раз подвела Натана, хотя когда-то я делала его счастливым. Сейчас у меня уже нет возможности всё вернуть назад. Но правда состоит в том, что измена не самый мой худший поступок по отношению к Натану.

Финн отложил картошину, несмотря на то, что уже обмакнул её в соусе. Его брови были приподняты.

— В чём дело? — спросил он.

Я просто взяла и всё высказала.

— В молодости я сделала аборт.

Я увидела, как участился пульс на шее у Финна.

— Понятно, и теперь ты сожалешь об этом.

Я подняла взгляд на него.

— Я этого не говорила.

— О, нет, я не говорю, что ты должна. Я просто подумал... — он выглядел таким же сконфуженным, как и прозвучал. — Извини, глупо было это предполагать.

— Я понимаю. Нормальный человек сожалел бы. Я же напротив почувствовала облегчение.

Он легонько постучал пальцем по пластиковому столику.

— Не думаю, что какая-то «норма» может относиться к данной ситуации, — проговорил он медленно, будто пытаюсь синхронизировать мысли и слова. — Чтобы ты ни чувствовала, кто-то испытывал схожие чувства.

Я пожала одним плечом.

— Я считала, что на то время это было верным решением, — с трудом сглотнула я. — Не считая того, что... — моё сердцебиение зашкалило, — теперь мы с Натаном не можем забеременеть.

Страх отразился на его лице, прежде чем он смог его скрыть.

— Вы пытаетесь?

— Мы пытались, — целый водоворот мыслей роился в моей голове, я сделала над собой усилие и продолжила. — В течение семи месяцев. Это было ужасно, поэтому мы прекратили попытки. Я снова стала принимать противозачаточные таблетки. Он всё ещё полагает у нас есть шанс, но я свой уже профукала, — высказав всё то, что я не высказала мужу, ко мне пришло осознание. Всё это время я ждала, что Натан признает, насколько значим мой изъян. И что тогда, уйдёт от меня?

— О господи, мне так жаль.

— У меня была возможность стать матерью, — сказала я, — и я её упустила. На то время это было лучшей альтернативой для меня.

— Так не бывает, и ты это знаешь, — произнёс он почти скептически. — Ты, не верящая в судьбу, полагаешь, что располагаешь отведённым количеством попыток зачать?

— Может это и сумасшествие, но у меня не получается забеременеть. Вот и доказательство, — мои скрещенные руки лежали на коленях, на них чётко выделялись белые суставы и красные кончики пальцев, к которым прилила кровь. Я притворялась, что не хочу ребёнка, и в большинстве случаев это срабатывало, но Финн заставил меня открыть ту дверь, которую я обычно стараюсь держать на замке.

— Есть ли подтверждение тому, что аборт могут повлечь за собой проблемы с последующим зачатием?

— Не совсем, — отметила я.

— Вот видишь.

— Вначале мы были так взволнованы. Но позже, когда наши попытки не дали результата, я чувствовала, что виновата в этом. Чем больше мы об этом говорили, возможность забеременеть будто всё дальше отдалялась. Я больше не хочу снова заставлять его пройти через это.

Финн уже не сидел так близко, как всего минуту назад, хотя мы всё ещё ютились в углу.

Когда он тяжело вздохнул, я ощутила его выдох на лице.

— Мне нужно воспользоваться уборной.

— Сэди...

— Я в порядке, — я практически вытолкнула его из кабинки, испытывая головокружение. — Правда, я вернусь через минуту.

Я ощущала на себе взгляд Финна, пока я неслась прочь, и всё о чём я могла думать, это что конкретно он прочитал на моём лице.

Я просто не могла дышать. Я сидела на крышке унитаза в ресторане на Таймс-сквер и не могла дышать. У меня свидание в ресторане на Таймс-сквер, а я не могу даже вздохнуть. А там за столиком меня дожидаются горячий шоколад и мужчина, который не является моим мужем.

Натан всегда мечтал о ребёнке, но настоящие попытки зачать мы стали предпринимать лишь год назад. Мой цикл оставался регулярным, поэтому моё сердце разрывалось на части. Я пыталась быть сильной ради Натана, но очень трудно что-то скрывать от человека, который знает тебя лучше, чем ты сама. Когда Натан увидел меня, сидящей на полу в ванной и сжимающей в руке тампон, он записал меня на приём к гинекологу, чтобы вернуть меня на противозачаточные таблетки. «У нас вся жизнь впереди» были его слова. «Мы обсудим это с врачом и попробуем позже».

Я сказала ему, что не стоит останавливаться. Я знала, что он уже полюбил этого ребёнка, который даже ещё не был зачат. Он отказался подвергать меня такому разочарованию каждый месяц, пока мы не получим большее информации от врача.

Я поднялась на ноги. Зеркало над раковиной было покрыто каплями воды, в нём отражалось моё мёртвенно — бледное лицо. За моей спиной на двери кабинки было выцарапано слово «проваливай». Я была близка к мысли, что меня вырвет, если я последую данному совету. Я смочила бумажное полотенце и промокнула им лоб и шею.

Мой красивый розовый ангорский свитер внезапно показался глупым выбором, как будто кто-то нарядил куклу, отправив её на съедение собакам. Я развернулась и облокотилась о раковину. Может я ошиблась по поводу надписи. Там была ещё одна, едва заметная, будто вандал сдался на полпути. Всего хорошего.

«Легко тебе говорить», подумала я. Просто уйти, сбежать. Правильное ли это решение покинуть Финна? Или нам с Натаном будет лучше врозь? Я помыла руки, выбросила полотенце в мусорное ведро. Я уже была на полпути к Финну, когда услышала «Сэди Хант», и меня заключили в медвежьи объятия и окутали ароматом духов. Разняв объятия, я посмотрела в до боли знакомое лицо, моё сердце чуть не остановилось от мысли, что Финн сидит в другой части ресторана.

— Что, чёрт побери, ты здесь делаешь?

Это была Джил, моя близкая подруга уже на протяжении уже почти десяти лет. С того момента, как у нас с Натаном начались проблемы в отношениях, наша с ней дружба отошла на второй план. Она знает нас лучше, чем кто бы то ни был, ведь мы уже были с ней подружками до моей встречи с Натаном.

— Я хотела задать тебе тот же вопрос, — сказала я, всё ещё ошеломлённая. Я могла назвать тысячу мест, где я могла пересечься с ней — Lord&Taylor [11], ABC Kitchen [12], на занятии по йоге.

«Бар и зал гриль» в месте скопления туристов в этом списке не значились.

Она перешла на шёпот.

— К нам приехали родственники из Миннесоты. И, конечно же, им захотелось поехать на эту грёбаную Таймс-сквер в выходной день. Маленькие спиногрызы хотят пи-пи каждый час. Мы просто зашли сюда ради туалета, — её муж Виктор стоял в стороне с каким-то мужчиной, их руки покоились в карманах. Джил ему энергично помахала. — Ты что не видишь? Здесь Натан и Сэди.

Мы с Виктором улыбнулись друг другу. Мы с ним знакомы дольше, чем он знает Джил, а я Натана. Мы с ним вместе учились в колледже, как-то раз мы работали в паре и обнаружили, что сфабриковали наши эссе.

Женщина в кроссовках и с двумя детьми двигалась по направлению к нам.

— Мы быстро, — сказала она.

— Это будет настоящим чудом, — Джил закатила глаза. — Вы что кушаете здесь? Может нам к вам присоединиться? Может хоть у Натана получится поднять настроение Виктору, он ненавидит развлекать мужа моей сестры.

У меня было такое чувство, что слон наступил мне на грудь. Я не хотела врать Джил, но я также не могла сказать ей правду.

— Я здесь одна, — по всей видимости, я до сих пор была не сильна в сочинительстве. Я не смогла придумать ничего другого. — Я тоже здесь, только лишь, чтобы воспользоваться туалетом.

Удивление отразилось на её лице.

— Что ты делаешь в Мидтауне?

Я почесала бровь.

— Покупаю подарки к Рождеству, — ответила я неестественно высоким голосом, я почему — то не могла себя контролировать. — Я знаю ещё рановато для этого, но я ненавижу толпы покупателей в декабре.

— Я под впечатлением. Никто не станет отрицать, что ты настоящий житель Нью-Йорка, слоняющийся в ноябре в одном свитере.

Она поджала губы, а я задумалась, неужели она меня раскусила. Я не смогу и дальше придерживаться лживой истории, если она станет задавать вопросы.

— Я оставила пальто у столика. Я... я решила выпить чашечку кофе, взбодриться.

— Да ты просто бесстрашная, оставила сумочку без присмотра в этой ловушке для туристов.

Господи, она, что всегда такая подозрительная, я пыталась найти скрытый смысл в её словах или в выражении её лица. Я сделала над собой усилие, чтобы не посмотреть в направлении нашего столика, для проверки виден ли отсюда Финн. Джил может узнать моё пальто и сумочку. Я задалась вопросом, видела ли она их раньше. Возможно. Я этого не помнила.

— Может, встретимся в ближайшее время? Как насчёт Дня Благодарения?

— Я не смогу, — в горле было сухо, как в пустыне. — Мы с Натаном будем в приюте.

— О боже, что пошло не так, ты произнесла не то имя в постели? — сквозь смех произнесла она. — Я шучу. Он должно быть в восторге.

Виктор подошел к нам, разминая шею.

— Сэди, привет.

— Натана здесь нет, — вставила Джил.

— Разве я об этом спрашивал? — фыркнул он.

— Нет, но я знаю, тебе только дай повод избавиться от Гэри.

— Не правда, мне нравится Гэри, — мы с Виктором обменялись понимающими взглядами. — В любом

случае, где мистер Совершенство? Мы с ним давно не виделись.

— Он сегодня работает волонтером, — я почесала лоб. — Вы могли бы не упоминать о встрече со мной, я вообще-то покупаю подарки к Рождеству.

— Не стоит ожидать от меня такой же самоотверженности, — громко объявила Джил, перебивая шум толпы. — Покупать подарки в магазине в век технологий? Пришлешь мне ссылку на то, что хочешь, и если я одобрю, может оказаться, что ты обнаружишь это под ёлкой.

— Конечно, любимая, — он выразительно на меня посмотрел. — Я уже успел тебя поблагодарить?

Мы рассмеялись, Джил толкнула его локтем. Я их познакомила. Несмотря на то, что они совершенно разные, и Джил всегда сетует на то, что наш с Натаном брак более совершенен, чем их, и время от времени на что-нибудь да жалуется, они прекрасная пара и хорошо дополняют друг друга.

Между всеми нами существует особая связь, ведь на праздновании их помолвки в Хэмптонс я познакомилась с Натаном. Мы с Виктором любим воображать себя свахами, даже несмотря на то, что это раздражает Джил и Натана, когда мы этим хвастаемся.

Сестра Джил вернулась, буксируя детей.

— Мы готовы, — отрапортовала она. — Думаю, продержимся до возвращения домой. Правда, мальчики?

Джил многозначительно на меня взглянула, прежде чем поцеловать меня в обе щеки.

— Мы так давно не виделись, нужно многое наверстать. Скоро увидимся.

Я кивнула, попрощалась с Виктором и наблюдала за тем, как они удалялись. Даже спустя какое-то время, как они ушли, я всё ещё оставалась на месте. Джил знает меня очень хорошо, она меня не осудит. Но рассказать ей о Финне, значит признать мои проблемы с Натаном. Даже несмотря на то, что она моя самая близкая подруга, я не хотела, чтобы она узрела бреши в моём браке. Я не готова расстаться с титулом самой лучшей пары, которую она использовала, представляя нас на вечеринках.

Я преодолела длинный путь обратно к столику. Я была как на иголках, зная, что они в этом районе.

Финн встал, чтобы я могла пройти на своё место.

— Я уж было подумал, что ты сбежала насовсем.

— Извини, я натолкнулась на друзей.

— Друзей? — он замер, осматривая ресторан. — Они здесь?

— Только что ушли, — выдохнула я. — Они ничего не видели.

— Нам следует уйти? — его лицо напряглось. Мне нравилось, что он беспокоился обо мне.

Думаю, другой мужчина в данной ситуации сказал бы не волноваться, они же ушли, пей свой горячий шоколад, может, снова трахнемся.

Я потянула Финна вниз за куртку.

— Давай останемся. Мне очень неприятно, что всё так вышло, но здесь с тобой мне хорошо.

Он уселся рядом со мной и погладил меня по щеке.

— Ты уверена, что в порядке?

Я кивнула, я правда была в порядке. Моё сердце уже не выпрыгивало из груди. Огромное тело Финна загромождало меня от всех остальных, мы как будто находились в своём маленьком мире.

— Расскажи о своих друзьях, — попросил он.

Что может быть ещё хуже того, что я ему уже рассказала? Я прильнула к его ладони.

— Это были Джил и её муж Виктор, мы с ним вместе учились в колледже. Обычно мы пару раз в месяц выбираемся куда-нибудь семьями.

— Это круто, — улыбнулся он.

Я опустила ту часть, о том, что они являются причиной нашей встречи с Натаном.

— А как ты познакомилась с Джил?

На какое-то мгновение я задумалась. С Виктором всё было понятно, но вот как мы познакомилась с Джил? Я затруднялась вот так сразу ответить. Мы просто подружились, наши вкусы и предпочтения совпали. Она более властная, я более застенчивая. Мы с ней подружились на почве любви к дизайнерской одежде, привлекательным мужчинам и крепким коктейлям.

— А, — я начала припоминать, конечно, модные вещи и стали причиной нашей встречи. — Я встретила её в химчистке всех времён и народов, — улыбнулась я. — На 22-ой улице, мы вообще-то с тобой туда ходили.

— Да ну? — Финн наматал прядь моих волос на палец, его глаза засияли. — Расскажешь мне эту историю?

— Ну, у меня было очень красивое пальто от Барберри [13] на которое я пролила кофе. Джил стояла в очереди за мной, когда я его забирала. Они практически устранили пятно, но слабый след всё равно остался. Джил была

в шоке. До того, как мы успели обменяться хотя бы парой слов, она начала настаивать на повторной процедуре химчистки. Она сказала что-то вроде «Ты уничтожила Барберри. Какое ты имеешь право губить икону стиля?»

Финн рассмеялся, хотя я не была уверена, что он уловил серьёзность ситуации.

— И что произошло дальше?

— Мы разговорились, она мне понравилась. Она пригласила меня на чашечку кофе, при этом взяв с меня обещание, не пролить его на неё, и затем мы обменялись номерами телефонов.

Мы дружили уже несколько месяцев, когда я привела её в забегаловку возле студгородка и там мы наткнулись на Виктора, так у них всё закрутилось, завертелось.

— Готов поспорить, они благодарны твоей неуклюжести с кофе.

— Они любят прикидываться, что я разрушила их жизни. Но они любят друг друга, — ухмыльнулась я.

Я сделала глоток своего остывшего шоколада. Финн большим пальцем дотронулся до уголка моего рта.

— Взбитые сливки.

Какое-то время мы сидели молча. Пятно с пальто так и не удалось вывести до конца. Я пожертвовала его, когда Натан начал работать в Добрых Семьях. Это было довольно — таки дорогая чашка кофе, купленная, конечно же, в Quench.

Я резко выпрямилась, нащупав связь между встречей с Джил и кофейней Quench.

Финн застыл.

— Что случилось?

— Просто странно... — я уставилась вперёд и стала припоминать детали. Это не я пролила кофе.

Финн проследил за моим взглядом.

— Твои друзья вернулись?

— Нет. Это связано с пальто.

— А — он немного расслабился.

— Помнишь, когда мы с тобой встретились...

— Конечно.

— Я уже собиралась уходить, но ты предложил мне присесть с тобой. Нашу беседу прервала Бекки, девушка из моей группы. Она не закончила свою часть нашей презентации, которую нужно было представлять в тот же день.

— Это навеки останется в моей памяти. А какую отметку вы получили?

— Этого я не помню. Мы с ней переходили улицу, — продолжила я, — когда мы проходили мимо химчистки, каблук Бекки застрял в сливной решётке, и она резко схватила меня за локоть, от чего я пролила на себя весь кофе.

— Так это Бекки во всём виновата, — его брови взметнулись вверх. — За ней должок в виде пальто.

— Это была моя первая серьёзная взрослая покупка, это пальто. Я ела одну лапшу, чтобы накопить на него. Я была просто раздавлена. И так как всё это случилось практически на пороге химчистки, я сняла и сдала его, а затем мы отправились на занятия.

— Ты очаровательная, когда рассказываешь с таким оживлением.

Я добавила наглядности пальцами, прокладывая путь на столе, будто рисуя карту сокровищ.

— Послушай, если бы ты не задержал меня в Quench, Бекки меня бы там не обнаружила.

Он рассмеялся с недоверием.

— Так ты хочешь сказать, что это я задолжал тебе пальто? — он склонился ко мне и провёл носом по моей щеке. — Решено, пойдём, я верну должок прямо сейчас.

— погоди, — я оттолкнула его, он неохотно отодвинулся. — Я ещё не закончила, — в моей голове всё сложилось воедино. Детали всплыли в памяти, восстанавливая недостающие фрагменты. — Я забрала пальто из химчистки спустя пару дней, тогда и произошло моё знакомство с Джил. Ты меня слушаешь?

Теперь он внимательно за мной наблюдал, я заинтересовала его.

— Я слушаю.

— Я не упоминала об этом ранее, но празднование помолвки Виктора и Джил проходило в выходные в Хэмптонс.

— Им понадобились для этого целые выходные? — кривая усмешка Финна говорила о том, что он находил всё это остроумным, но его мнение изменится через пару секунд. Если уж на то пошло, это он верит в судьбу.

Я встретила с ним взглядом.

— Виктор пригласил соседских парней для игры в пляжный футбол, потому что им не хватало игроков. Натан

был одним из них.

Улыбка сползла с лица Финна.

— Что ты хочешь этим сказать?

Я выдохнула, даже не осознавая, что задерживала дыхание.

— Причина, по которой мы с Натаном встретились — это ты.

24

На первый взгляд всё казалось надуманным, притянутым за уши, но на самом деле всё было ясно как божий день — та судьбоносная встреча с Финном в кофейне много лет назад способствовала пересечению наших судеб с Натаном. Если бы Бекки не испортила моё пальто, я бы не отнесла его в химчистку, не встретила там Джил, и не познакомила бы их с Виктором. Но ведь история на этом не заканчивается, может ли мой брак с Натаном быть лишь ещё одним камнем преткновения на моём пути воссоединения с Финном? Допустим, судьба всё-таки существует, как понять, что это именно то, что мне предначертано.

— Я — причина, того, что ты вышла замуж за другого, — его толкование судьбы отличалось от моего. Было видно, что он раздражён. — Я? Это что, шутка?

— Нет, я не шучу, — произнесла я, покачав головой.

Он с силой ударил ладонью по столу, от чего куриные крылышки подпрыгнули в тарелке.

— Это полнейшая чушь.

Я не могла определить, в каком он сейчас был настроении. Я знала, что он, также как Натан, верит в родственные души и предназначение. Тогда что же ожидает каждого из нас? Может эта цепь развития событий была бессмысленной, но почему же тогда пустота образовалась у меня внутри. Если я хозяйка своей судьбы, то я несу ответственность за её исход. Это был мой выбор — находиться здесь с Финном и позволить Натану отдалиться.

Почесав лоб, Финн посмотрел в направлении бара.

— Ты и я — мы должны были быть вместе. Но всё пошло не так, — он снова посмотрел на меня. — Это я упустил тебя в тот раз в кофейне, и поэтому ты оказалась в руках другого мужчины.

Финн был совершенно точно в этом убеждён, это отчётливо было написано у него на лице.

Он считал, что это он во всём виноват. Мне хотелось сказать ему, что винить себя в этом совершенно нелепо, но на его долю и так сегодня выпало немало, мне хотелось его поддержать. У него были веские причины встать и уйти, но он этого не сделал, что говорило о многом.

— Может, это было лишь частью чего-то более грандиозного. И, если это так, любое решение является верным.

Он кивнул, и несколько золотистых прядей его волос упали на глаза, он откинул их назад.

— Возможно. Но я ненавижу, что всё вышло таким образом. Я бы хотел, чтобы наша встреча продлилась дольше, и я успел взять твой номер телефона. Может мы смоли бы многого избежать.

С каждым словом он всё ближе придвигался ко мне, я же во всех смыслах сама загнала себя в угол.

— Ты не совсем со мной согласна? — он прочитал это по выражению моего лица.

— Я люблю Натана. Я не жалею, что вышла за него.

— Я знаю, — он склонился ещё ближе. — Ты можешь любить его, но в то же время ты понимаешь, что он не совсем правильный выбор для тебя.

— Откуда ты это знаешь?

— Я этого и не знаю, просто, если бы ты любила меня, я бы не тратил попусту твою любовь, как это делает он. Он играет с тобой в какую-то игру. Несомненно, он будет сожалеть, что оттолкнул тебя, когда поймёт, что я только этого и жду — возможности присвоить тебя.

Будет ли Натан об этом сожалеть? Когда он, наконец, проснётся и увидит, что творится с нашим браком? Если до сих пор этого не произошло, то он и впоследствии не будет сожалеть. Так почему я должна от него этого ожидать? Если бы Финна не было рядом, я бы ждала, а так...

Наконец я осознала, что хочет сказать Финн.

— Из твоих слов получается, что ты уже всё решил для нас. Значит, ты уже принял окончательное решение

насчёт Кендры?

Не отводя взгляда, он сплёл наши пальцы вместе.

— Я не хочу отпугнуть тебя, но у меня такое ощущение, что всё это время я знал тебя, конечно, есть некоторые пробелы, но ничего из того что было не кажется случайным или мимолётным.

Моей руке было очень комфортно в его руке. Это мог быть обычный привычный воскресный день для нас.

— Но ведь мы едва друг друга знаем, — чем больше времени мы проводили вместе с Финном, мои аргументы в том, что мы не сможем построить отношения, становились менее убедительными. Когда мы были вместе, всё больше и больше узнавая друг друга, казалось, время замедляло свой ход.

— Ага, — я услышала улыбку в его голосе прежде, чем увидела её.

— Нам всё ещё многое предстоит узнать друг о друге.

Было действительно странно так мало знать о Финне. Я ещё не была знакома с его «тараканами». Я не наблюдала эволюцию его привычек от милых до раздражающих, не скучала по ним, когда он от них избавлялся. Я не знала, что может его разозлить. Смогу ли я снова пройти этот путь, но уже с Финном?

— Какой твой любимый цвет?

Он усмехнулся.

— Почему всегда задают именно этот вопрос, когда хотят кого-то поближе узнать?

— Потому, что вопрос о счёте в банке может стать препятствием на пути к дальнейшему знакомству.

— Ну, по крайней мере это хоть что-то прояснит, — он издал довольный смешок. — Вот честно, о чём тебе может рассказать мой любимый цвет?

— Эм, если я захочу купить тебе что-нибудь, отдам предпочтение твоему любимому цвету.

— Но мой любимый цвет в одежде и, например, любимый цвет для стен совершенно разные. И ни один, ни второй не сгодится, если говорить о цвете машины.

Не знаю почему, но я захихикала. У меня такая же ситуация. В одежде я предпочитаю чёрный цвет, но это совсем не значит, что я бы выбрала его для стен в спальне.

— То есть ты принципиально не будешь отвечать?

— Не-а.

— Ладно. Какую книгу ты сейчас читаешь?

— Дзен и искусство ухода за мотоциклом [14].

— Это что-то воодушевляющее?

— Что-то вроде того, — он коснулся моей щеки. — Я читаю о поиске себя, когда нужно бы искать родственную душу.

Мои щёки вспыхнули, как у школьницы.

— А ты что читаешь? — спросил он.

— В данный момент ничего. Я читаю не так много, хотя следовало бы, всё никак руки не доходят.

— Тогда почему ты об этом спрашиваешь?

— Разве это не поможет мне получше тебя узнать?

— Если только совсем чуть-чуть. Лучше об этом расскажет ответ на вопрос, когда я читаю.

— Ну и когда же?

— Я читаю перед сном. В это время моя мозговая деятельность наиболее активна, что не всегда хорошо, поэтому я читаю художественную литературу три — четыре раза в неделю перед сном, чтобы расслабиться. А по утрам я читаю об искусстве фотографии, чтобы держать себя в тонусе, так сказать.

Я удивлённо приподняла брови. Иногда я совершенно забываю, какие перемены произошли в последнее время в жизни Финна — он только что переехал, сменил работу, встретил меня.

— Да, теперь я определённо узнала что-то новенькое о тебе.

— Ты сказала, что тебе бы следовало больше читать. Это тоже кое-что говорит о тебе, об этом я сяду и поразмышляю позже.

Это предложение рассказывало мне даже больше, чем вся предыдущая беседа, о том, какой Финн человек. Он был внимательным к тем крупным фрагментам информации обо мне, которые удавалось узнать, и, когда меня не было рядом, он размышлял о них.

— Когда ты ешь? — был его следующий вопрос.

Я склонила голову, на губах играла улыбка.

— Как и все — утром, в обед и вечером.

— Ладно, с этим не поспоришь. Может, есть что-то особенно любимое?

— Даже не знаю. Может горячий шоколад? — я посмотрела на свою наполовину пустую кружку. Это его не убедило, он ждал. Было видно, что он не отступит, пока не дожждётся ответа. — Я люблю смузи [15].

— Когда ты в последний раз его пила?

— Эм, — я убрала несуществующую пылинку с джинсов, — этим летом, двадцатого августа.

— Понятно.

Я посмотрела на него, конечно же, его заинтересовало, почему я помню точную дату.

— Это был успокоительный смузи, — уточнила я.

— Почему?

— Мне выписали рецепт на противозачаточные таблетки.

— Тебе было грустно, и ты хотела немного приподнять себе настроение.

— Натан угостил меня, несмотря на то, что это было ему совсем не по пути, и мы оба сильно опаздывали на работу. Надо отдать должное Финну, он не отстранился от меня. — Может мне тоже следовало его чем-то порадовать, — сказала я, — я только сейчас об этом подумала.

Финн сжал мою руку.

— В том, что ты не хочешь детей, нет ничего криминального, Сэди.

— Натан совершенно точно хочет ребёнка, — я опустила взгляд. Я ведь тоже хотела, до того, как снова стала принимать противозачаточные таблетки. Теперь же, если я снова ступлю на этот путь, я уверена, что снова столкнусь с разочарованием, досадой, грустью. И я позволила напомнить себе, что мой брак не такой уж и идеальный. В последний год мы столкнулись с испытаниями и болью. Но, по крайней мере, Натан всегда подставлял мне своё плечо. Чем больше я думала об том, что бесплодна, чем сильнее страх подавлял стремление стать матерью. А что, если мы не сможем во всём этом разобраться? Этот вопрос я адресовала больше самой себе.

— Что, если наши желания не совпадают?

Большим пальцем Финн погладил впадинку на моей руке между большим и указательным пальцем.

— У меня нет проблем с тем, что ты не хочешь детей.

Эти слова застали меня врасплох. Я посмотрела на него и, казалось, снова вернулась в реальность, на какое-то мгновение, выпав из неё. Его взгляд был невесёлым, но в зелени его глаз, в которых присутствовали медовые нотки, отсутствовала неискренность.

— Правда?

— Да. У меня есть Марисса, она — всё, что мне нужно.

Для меня впервые в жизни все карты в вопросе о детях открыто лежали на столе. В последний год и особенно последние месяцы я много думала о том, что у меня не будет детей. Какая-то часть меня, не может представить себе жизнь без детей. Другая же часть отчётливо осознаёт, что даже не родившиеся дети могут доставлять много боли и страданий. Финн предлагал мне достойный выход из сложившейся ситуации.

— Ты не хочешь больше детей? Вообще?

Он покачал головой.

— Я сказал, что переживу, если у меня не будет больше детей. Но я рассматриваю такую возможность, если это то... чего хочет другой человек рядом со мной.

— А вы с Кендрой не обсуждали этот вопрос?

— Обсуждали. Она хочет ещё одного ребёнка. Я не хочу. Не с ней, — эти слова он произнёс с такой уверенностью, что мне стало немного жаль Кендру. И вдруг совершенно внезапно я пришла в замешательство. Не в плохом смысле, просто ко мне пришло понимание того, что с нами происходило, Финн будет не против ребёнка со мной. — Я знаю, это звучит жестоко. Просто с ней иногда так сложно. За годы, прожитые с ней, я усвоил, что должен выражаться точно и предельно ясно, потому что она с лёгкостью может исказить мои слова. Например, она захотела купить Мариссе собаку. Я сказал, что подумаю об этом. Угадай, что я обнаружил, придя вечером домой с работы. «Но ты же согласился» сказала она в своё оправдание.

— У тебя есть собака?

Настал его черёд почувствовать себя неудобно. Он опустил мою руку, своей же ударил по бедру.

— Если бы она забеременела, я бы чувствовал себя ещё более безнадежным. Я думаю, всё должно быть совсем иначе.

Его слова всё больше отталкивали меня, ведь как женщина я должна была бы встать на защиту Кендры, в то же время я восхищалась Финном. Ведь не все так легко могут сказать своей половине, что чего-то не хотят.

— Для тебя было бы легче просто поддаться ей.

— Ты себе даже не представляешь, на что это было похоже. Нам приходилось обсуждать это каждые несколько месяцев, и поверь, в этом было мало приятного.

— Так вы не спите вместе? — чем больше я проводила времени в компании Финна, тем больше у меня развязывался язык. Значило ли это, что мне с ним комфортно? Не знаю, в целом, я довольна — таки закрытый человек. — Не нужно отвечать на этот вопрос.

— Почему нет? Неужели ты думаешь, что не имеешь права знать?

— Я не думаю, что у меня вообще есть какие-либо права...

— Мы с тобой спим вместе, у тебя есть такое право.

— А у Натана и Кендры есть право узнать о нас?

Он нахмурился.

— Я не могу просто взять и сказать ей о тебе. Мне нужно сначала с ней развестись, — он произнёс слово развестись как-то привычно, обыденно, как бы между прочим, будто это не было серьёзным шагом. Это заставило меня задуматься о том, как давно он подумывает о том, чтобы уйти от неё. Возможно у нас с ним всё-таки намного больше общего, чем я предполагала, и это меня утешило.

— Это действительно то, чего ты хочешь? — спросила я.

— Я... — он немного сдвинулся, и скамейка закричала, как старая телега. — Мы сегодня итак о многом поговорили, я не хочу ошеломлять тебя ещё больше.

— Ошеломи меня.

Мы оба были удивлены моим ответом, хотя чему тут удивляться, на протяжении всего нашего разговора мы ходили вокруг да около. Я была уверена, что придя домой, у меня будет больше вопросов, чем ответов.

— Ладно. Если ты скажешь мне, что готова остаться со мной, я положу начало череде трудных разговоров с Кендрой. В идеале, я бы хотел разойтись с ней, разделить опеку над Мариссой и быть с тобой.

Он немного отодвинулся, я была ему за это благодарна. Я сама попросила его ошеломить меня, возможно, его слова произвели именно такой эффект. Но я не могла определить, был ли он приятным как ощущение бабочек в животе, или же дискомфортным, как ощущения, когда натыкаешься на колючую проволоку. Его намерения были абсолютно серьёзными. Было ли это неожиданным для меня? Наверное, нет, наша связь никогда не была мимолётной интрижкой.

Возможно, в какой-то степени я использовала Финна, чтобы убежать от проблем с Натаном. Но, когда Финн был во мне, я не могла думать ни о ком другом.

— Ты хочешь, чтобы я полюбила тебя?

— Хочу. Конечно, я не ожидаю, что это случится мгновенно, может мне даже не стоит надеяться на это. Но я бы этого очень хотела.

Вся сложившаяся ситуация напоминала мне состояние невесомости. Мы двигались очень быстро, но где в итоге окажемся, было неизвестно — сверху, внизу, слева, справа, в верном или неверном направлении. Этого я не знала. Я могу представить своё будущее с Финном, но я не уверена, смогу ли прожить без Натана.

Финн шумно выдохнул.

— Слишком много для одного дня?

— Да, ты прав.

— Я думаю, ты всё поняла. Мы можем быть вместе. Я вижу это в твоих глазах.

Допустим, я действительно останусь с Финном. Во-первых, зелёному дивану придётся исчезнуть.

Проигрыватель может остаться, у меня нет виниловых пластинок, но музыку я люблю. Я могу готовить для него в его чугунной сковороде. У Мариссы будет своя собственная спальня, я помогу её декорировать. У Джинджер есть любимые и укромные места в нашей квартире, но квартира Финна такая же, только дальше по коридору. С кем останется Джинджер? С кем будет Натан?

— Мне просто нужно время, чтобы всё это осознать, — я не хотела ранить его чувств, но и не хотела быть неискренней. — Мне нужно больше времени.

— Сэди, поверь, я всё понимаю, — он был серьёзен, почти счастлив, чего я точно не ожидала.

— Мы ещё не принимаем никаких решений. Ты ведь понимаешь? — он снова накрыл мою руку своей. — Просто мне трудно было сдерживать внутри мои чувства. И мне невыносимо видеть, как ты превращаешься в зомби, делая всё возможное, чтобы не вывести его из себя.

Мои брови взметнулись вверх. Да, в последнее время в моём браке наступил кризис, но это не значит, что моё сердце перестало чувствовать. Оно любит Натана, а теперь ещё и бьётся сильнее в присутствии Финна.

— Тебе кажется, я выгляжу как зомби?

— Прямо сейчас нет, — его улыбка согревала. — Прямо сейчас ты полна жизни, ты сияющая, ослепительная, — усмехнулся он. — А сейчас вообще покраснела. Ты даже себе не представляешь, что для меня значит видеть, как ты смущаешься, — его губы коснулись моей щеки, затем виска. — Вот видишь? Я всё больше и больше узнаю тебя, задав один, казалось бы, очень простой вопрос.

Я с большим трудом попыталась вспомнить его вопрос, это было довольно-таки трудно, когда его губы касались меня. А ведь жизнь с ним была бы замечательной — секс в кинотеатрах, мы бы согревали друг друга горячим шоколадом, целовались, мечтали. Какая девушка не захочет, чтобы её называли ослепительной, быть рядом с привлекательным фотографом, который заставит поверить в её неопровержимую сексуальность, пережить в прошлом момент настолько романтический, что он сможет изменить весь ход её жизни?

Но я не могла избавиться от чувства, что эта жизнь для меня никогда бы не сдвинулась со второго места пьедестала.

Финн расплатился по счёту, а я осознала, что он так и не ответил на мой вопрос о сексе с Кендрой. Из того, что он рассказывал мне о Кендре, не думаю, что они были близки, хотя должны были, ведь они столько лет прожили вместе. Может это случается от случая к случаю? А что, если нет? Что, если в следующий раз, когда он поедет в Коннектикут, он будет с ней таким же страстным, как со мной?

От этой мысли мне стало как-то не по себе. Я не была уверена, была ли это ревность, но время было упущено. Мы уже уходили, это был не совсем подходящий момент. Я надела пальто, взяла сумочку и проследовала за ним к выходу.

Жизнерадостность Эшли просто зашкаливала.

— Желаю приятно провести время! — пожелала она нам в след. Я задумалась о том, как долго она живёт в Нью-Йорке.

Когда мы оказались на тротуаре, Финн заговорил, даже не взглянув на меня.

— Я хочу купить тебе пальто от Барберри.

— Нет, Финн. Не нужно, — заартачилась я.

— Я настаиваю. Просто давай представим, что оно было испорчено по моей вине. Мне нравится мысль, что оно сыграло роль в нашей истории.

— Правда, Финн. Теперь я могу себе его позволить.

— Знаю, но ведь я предлагаю. Как ты можешь отказаться?

Не стану отрицать, что отказать в такой просьбе практически невозможно. С тех пор, как я получила повышение, а Натан от своего отказался, я не хотела много тратить на себя. Несмотря на то, что сейчас мы находились в лучшем финансовом положении, чем когда-либо, всё равно это выглядело бы так, как будто я делаю на этом акцент.

— Я не могу просто взять и заявиться домой в новом пальто.

— А он разве заметит?

Этот вопрос резанул, как нож. Натан знаком с содержимым моего шкафа. Он заметит, если, конечно, удосужится взглянуть. Сердце неистово забилося в груди, когда пришло осознание, что мой брак с каждым днём всё дальше и дальше ускользает в бездну.

— Прости, я сказал не подумав.

— Всё нормально.

— Можешь хранить его у меня, — предложил он, — хотя бы какое-то время, — не дождавшись моего ответа, он взял меня за руку, мы перешли на другую сторону улицы. Мы проскользнули в открытую дверь жилого многоквартирного дома. Он сразу же притянул меня к себе, и поцеловал.

— Да, кстати, синий — мой любимый цвет.

Я безуспешно попыталась подавить улыбку.

— И что же синий цвет может рассказать о тебе?

Он внимательно изучал моё лицо — рот, нос, уши, подбородок — будто пытался запечатлеть в памяти каждую деталь, и наконец снова встретился со мной взглядом.

— Раньше у меня не было любимого цвета, пока однажды я не повстречал девушку с невероятно синими глазами, практически переходящими в фиолетовые, как небо за считанные секунды до восхода солнца. Эта девушка запала мне в душу. Каждый раз, когда я вижу букет ирисов или, например, павлина в зоопарке, я вспоминаю о ней, на ум приходит лишь мысль о том, что это мой самый любимый цвет на свете.

Амелия заплатила таксисту, он высадил нас на запруженном тротуаре перед входом в рынок Челси. Амелия разгладила одну единственную складку на её кричащем платье-халате от Дианы фон Фюрстенберг.

— Как я уже говорила, — продолжила она разговор, начавшийся ещё в машине, — мы ни в коем случае не должны разочаровать Мисти Барроуз.

— А разве мы кого-нибудь должны разочаровывать? — спросила я.

Она прищурила глаза.

— Осторожно. Ты мне нравишься, но помни о том, что я твой босс.

— О, — мой тон и жесты были театральными, пока я открывала дверь, ведущую на рынок. — Позвольте открыть для вас дверь, мисс Ван Экен.

Она самодовольно ухмыльнулась.

— Совсем другое дело, моя фаворитка.

Оказавшись внутри, я стянула перчатки и распихала их по карманам. Амелия развязала свой шарф. Я, не задумываясь, поправила её наэлектризовавшиеся волосы, которые прилипли к воротнику.

— Это пальто — замечательный выбор, — сказала Амелия, оценивая мой внешний вид. — Уверена, Мисти догадается, что это Барберри даже с закрытыми глазами.

Я расстегнула воротник пальто. Забавно, как легко в этом городе можно ощутить пронизывающий холод, а потом вдруг резкий прилив жара. Когда утром раздался звонок от Амелии, извещающий о том, что сегодня нам неожиданно удалось договориться о встрече в обеденный перерыв с востребованной интернет-предпринимательницей, я подождала пока Натан ушёл на работу и постучалась к Финну.

— В воскресенье ты меня замучила, — он, шутя, изобразил возмущение, он был таким сонным. Даже несмотря на то, что прошло уже два дня, моё тело всё ещё меня не слушалось.

Он протянул мне моё новёхонькое тёмно — синее пальто и поцеловал.

— Прости, я ещё не почистил зубы.

Я вздохнула.

— Ты не поверишь, меня это совсем не волнует.

— Вот поэтому — то я и выбрала тебя для этой встречи, — сказала Амелия. — Я без понятия, где и когда ты его купила, раньше я его не видела, тебе всегда удаётся выуживать вещи из задницы, как раз в нужный момент.

— Уверю тебя, я его не из задницы раздобыла, — мы пересекли ресторанный дворик в стиле складского помещения, укомплектованного буфетами, магазинами подарков и книжных лавок. — Где будет проходить наша встреча?

— В Friedman's.

Этот старенький ресторанчик был очень маленьким, стеклянные витрины которого входили прямо на торговые ряды.

— Там же так тесно.

— Согласна, но она на этом настояла. Она очень любит Рубены [16] которые там готовят. Я уверена, что Амелия уже много лет не ест хлеб, а вот я его ем регулярно.

— Удивительно, что я здесь раньше не побывала, — отметила я. — Я всегда выискиваю места, где продают сэндвичи.

— Я бы пригласила её в Sirgiani, но по слухам она уходит от своей теперешней фирмы, из — за их излишнего консерватизма. Я решила играть по её правилам, — Амелия огляделась вокруг.

Мы не стали садиться за общий стол, вместо этого выбрали отдельный столик у входа. — Давай-ка присядем, у нас есть около десяти минут, перед тем, как она появится.

Мы убрали со стола пустые коробки и использованные салфетки. Во время обеденного перерыва здесь было многолюдно и шумно. Амелия разложила на столе документы. Я уже собиралась присесть, когда лучше присмотрелась к стойке и увидела Натана в очереди, чтобы сделать заказ. Он откинул голову назад и рассмеялся. Внезапно натолкнуться на собственного мужа было немного неожиданно, поэтому я не сразу заметила, что он был не один.

Я перевела взгляд на женщину рядом с ним и мгновенно её узнала, даже без её передника и бейджика из QuenchCoffee. Без сомнений эта изящная фигурка с длинными чёрными волосами принадлежала Жизель. Она

так и светилась юностью.

Жар пронзил мою грудь, шею и уши. Шум толпы внезапно стал мучительно громким, а верхний свет вызвал жжение в глазах.

— Сэди? Что случилось? — спросила Амелия.

Я сильно сжала спинку своего стула. Натана трудно не заметить, он высокий, стройный брюнет. Но этот человек не мог им быть, он уже очень давно так не смеялся.

Сегодня утром я пыталась приготовить ему что-нибудь для перекуса в обеденный перерыв. Но его рассеянный ответ «нет, спасибо» ужалил, как пощёчина. Теперь всё стало на свои места. Зачем ему какая-то скучная ссбойка от жены, если он может поест лучшие Рубены в городе в компании очаровательной и молоденькой Жизель.

А я ещё убеждала себя, что я параноик. Я выбрала отрицание очевидного, чтобы не столкнуться с суровой реальностью. Резко пришло осознание, я никогда до конца не верила, что он может мне изменить. Это совсем не в его характере, даже несмотря на то, что он в последнее время отдалился. Но доказательство обратного было прямо перед моими глазами. Продолжать всё и дальше игнорировать было невозможным.

— Извини, я на секунду, — сказала я Амелии, удаляясь.

— Я думала, мы подождём Мисти и потом сделаем заказ, — звон в моих ушах заглушал её слова. Мой взгляд впился в спину Натана. Его руки покоились в карманах.

— Что ты здесь делаешь? — я была уже рядом с ним.

Натан на секунду замер, затем обернулся. Улыбка озарила его лицо, но исчезла так же внезапно.

— Сэди.

Жизель тоже обернулась.

— Сэди, привет. Я не знала, что ты тоже придёшь.

— Я задала тебе вопрос, что ты здесь делаешь? — я буравила взглядом Натана.

Его губы сжались в тонкую линию, жестом он указал на кассу.

— Покупаю обед. А ты что здесь делаешь?

— Встречаюсь с клиентом, — я ждала, только неизвестно чего: неуклюжего извинения, признания, вспышки эмоций. Всё это было новым для меня, но я знала одно, Натан чёртов лгун. Сколько нужно времени, чтобы он признался? — Ты чисто случайно проделал такой долгий путь от работы сюда? — мой тон был обвинительным.

— Это место не так уж и далеко. Я всё время здесь обедаю.

— Это что-то новенькое.

— Сэди, я говорил тебе об этом месте уже сто раз. Помнишь, я пытался заманить тебя сюда сэндвичами?

— Бред собачий, — когда он произнёс слово сэндвич, что-то всплыло в моей памяти, но теперь это было уже не важно. Я переключилась на Жизель. — А ты что здесь делаешь?

Она перевела взгляд своих невинных карих глаз на Натана.

— Извини, я сделала что-то не так?

— Нет...

— Не так? — я была с ней знакома уже практически год, и всё это время каждое утро она смотрела мне в глаза и улыбалась, будто мы были друзьями. — Ответь на вопрос. Что ты здесь делаешь?

— Сэди, — Натан был шокирован.

— Ну, честно говоря, я не могу об этом распространяться, — уклончиво ответила Жизель. Казалось, она поняла, что я могу взорваться, поэтому быстро добавила. — Начальство пытается держать это в секрете, пока решение ещё не принято. Но они хотят открыть вторую кофейню здесь, на рынке Челси. Вы не поверите, сколько людей здесь питается.

Я поджала губы, очень даже удобное оправдание. Она прямо на ходу это придумала, у неё ещё хватило наглости взглядом молить о спасении Натана, будто у него было разумное объяснение. Я вся кипела от злости. Мне следовало бы вручить медаль за то, что я не свернула ей шею.

— Значит, ты чисто случайно здесь оказалась?

— Вроде того, — судя по нерешительности, она тщательно подбирала слова. — То есть я и мой босс только что встречались с управляющим рынка по поводу места для кофейни недалеко от этого ресторана. Поэтому я решила здесь перекусить, и неожиданно наткнулась на Натана. Он любезно предложил мне встать в очередь перед ним.

— Это правда, — возмутился пожилой мужчина, стоявший в очереди за ними. — Она влезла без очереди.

Я снова взглянула на Натана, который смотрел на меня как на феномен, не поддающийся объяснению. Я

покачала головой.

— Лжец.

Внезапно в ресторане наступила гробовая тишина. Медленно его глаза сузились.

— Что ты сказала?

Мы молча буравили друг друга взглядами. Моё сердцебиение отдавалось везде — в ушах, в горле, в животе.

— Ты слышал, что я сказала, ты чёртов лжец. А я, видите ли, на цыпочках вокруг него хожу, стараюсь вести себя хорошо, боюсь сделать что-то не так, даю тебе преимущество в твоей неопределённости. А ты всё это время — все эти месяцы... — мои слова застряли в горле. Я с большим трудом продолжила. — Я была права.

— Права в чём?

— Ты мне изменяешь...

— Боже, нет! — Жизель стала хватать ртом воздух, её подбородок задрожал. — Нет, нет, нет. Сэди, ты всё не правильно поняла. Всё не так, клянусь.

У Натана отпала нижняя челюсть, он смотрел на меня широко открытыми глазами, не моргая.

— Ты, должно быть, думаешь, я непроходимая идиотка, — сказала я, не пытаясь скрыть гнев в голосе. — Что я вообще не в курсе, что происходит. Я уже несколько недель обо всём знаю, Натан. Только я думала, что это Джоан...

Натан резко схватил меня за руку. Я немедленно притихла, удивлённая его хваткой. Он обратился к Жизель.

— Я хочу извиниться перед тобой за поведение моей жены. Мне правда очень жаль, — он вывел меня из очереди и отвёл в уголок, где в минимальной степени можно было уединиться, он ослабил хватку, но мою руку не отпустил. — Да что с тобой такое? Джоан?

— Я думала, ты встречаешься с одной женщиной, — я покачала головой. — Это она? Или их намного больше?

Он издал короткий, удивлённый смешок.

— Тебе нужно успокоиться. Ты раздуваешь проблему на ровном месте.

— На ровном месте? — я попыталась вырвать свою руку, но он не отпустил её. Жизель поспешно проскочила мимо нас, опустив голову, спрятав лицо за своими чёрными волосами. — Вот и объяснение тому, что происходит между нами все эти месяцы, — я произнесла это громко, чтобы и она тоже это услышала. — Почему ты заставляешь меня пройти через всё это? Почему просто не оставишь меня?

Его глаза округлились, а лицо стало белым, как мел, скорее всего, моё лицо было таким же. Вот и всё, я видела, как он осознал, что его поймали. Это происходило на самом деле.

— Подожди. Ты что действительно думаешь, что я тебе изменяю? То есть серьёзно?

— Со сколькими? — тихо спросила я.

— Со сколькими...? — он с трудом сглотнул. — Сэди, ты единственная женщина в моей жизни. Как ты вообще могла подумать, что я... что я могу прикоснуться к кому-то кроме тебя?

Я закрыла глаза. Даже если он этого не заслуживал, мне не нравилось видеть боль в его глазах.

— Я видела след от помады на твоём галстуке.

Он выпустил мою руку.

— Какой помады? — его брови в удивлении сошлись на переносице.

— После боулинга пару недель назад, — я никак не могла забыть этот глубокий красный цвет, — я относила вещи в химчистку и увидела его.

— Что ты увидела? Помаду? На моём галстуке?

Я уже устала от этой словесной баталии, от ощущения того, что нужно продумывать каждый следующий шаг. Финн был прав, Натан играет со мной в какие-то игры, пришло время положить этому конец. Если он не прекратит прямо сейчас, это просто подтолкнёт меня в объятия Финна.

— Это не игра, Натан, — я снова стала повышать голос. — Я этого не заслуживаю.

— Игра? Ты думаешь, всё это было игрой?

— Чей это след от помады?

Он несколько раз медленно моргнул.

— Даже не знаю, скорее всего, это был кетчуп. Во время игры я съедаю огромную порцию картошки фри, я был занят игрой, поэтому легко мог перепачкаться.

— Кетчуп, — я произнесла нейтральным тоном. Тоже красный и густой, подходящее оправдание, но я на него не купилась. — Как ты объяснишь тот факт, что следующим вечером ты вернулся домой и от тебя несло баром за версту.

Он презрительно усмехнулся. Такое пренебрежительное отношение с его стороны было непривычным и ещё

больше отдалило меня.

— Ты обвиняешь меня в том, что я солгал, что был у отца?

Когда он произнёс это вслух, стало очевидно, что он не мог так поступить. Я застыла в замешательстве. Мне пришлось обуздать гнев и поразмыслить. Натан не стал бы врать о чём-то, связанным со здоровьем его отца, и мне следовало об этом знать. Получается, я заварила всю эту кашу из-за какого-то дурацкого кетчупа.

— Так значит, я была права? — спросила я уже тише. — Ведь так?

Натан замер и притих. Он одарил меня таким же взглядом, когда сообщил, что его отец при смерти. Всего лишь одним взглядом он поднял волну сомнений в моих убеждениях. Моя решимость пошатнулась.

— Ответь, так или нет?

— Ты хочешь сказать, что в последние несколько недель ты думала, что я тебе изменяю, и ничего не сделала и не сказала. Ты ждала, надеялась поймать меня на лжи?

Я застыла, открыв рот.

— Всё не так, — мои ладони покалывало, в горле пересохло. — У меня не было весомых доказательств. Это не правда, что я «ничего не делала». Я столько раз пыталась с тобой поговорить...

Он активно затряс головой.

— Ты же хотела поговорить не об этом. Я бы не стал игнорировать такие серьёзные обвинения.

— Откуда мне было знать, что ты выслушаешь меня? Каждый раз ты закрывался.

— Это вообще не подлежит сомнению, — сказал он, как отрезал. — Ты должна была знать, что я бы никогда так с тобой не поступил. Никогда.

Я сделала глубокий вздох и отступила на шаг назад. Если быть совсем откровенной, если бы я до конца поверила в то, что Натан предал меня, я бы поговорила с ним раньше. Я бы не успокоилась, пока не докопалась бы до истины, ведь не считая последних месяцев, мы всегда были откровенны и честны друг с другом.

— Я надеялась, что заблуждаюсь...

— Так и есть, ты заблуждаешься, — я чувствовала на себе людские взгляды, но не могла оторвать свой от Натана. — Господи, Сэди, — он взъерошил волосы на голове. — Я даже понятия не имел, что наш брак такой хрупкий. Вот значит, как всё может закончиться, едва возникнут трудности.

— Нет никаких трудностей, ты просто исчезаешь, уходишь, закрываешься от меня, — возразила я, но моя уверенность пошатнулась. Натан не был актёром, он не играл роль, по его реакции я могла совершенно точно сказать, что я заблуждалась, очень глубоко заблуждалась.

Кетчуп был определённее более логичным оправданием, чем Джоан. Мы с ним вместе виделись с Жизель бесчисленное количество раз, и ничто не вызывало подозрений, на это совершенно не было причин.

— Это продолжается два с половиной месяца, думаю, мои выводы были обоснованными.

Он нахмурился.

— Я с этим не согласен. Я думал, что после семи лет брака, ты лучше меня знаешь. Чего ещё тебе хватало в нашем браке? Я же делаю для тебя всё — я живу там, где хочешь ты, делаю всё, что ты скажешь, даже если это утомительно, но я это делаю, потому, что люблю тебя больше, чем себя. Я не отрицаю, что в последние месяцы у нас наступил кризис, но такая сильная любовь не может просто пройти, мои чувства остались прежними.

Посмотрев на него, я попыталась взглянуть на себя его глазами. Он всегда старался изо всех сил ради меня, и может я не всегда платила ему тем же, но я полагала, что его забота обо мне делает его счастливым, что я делаю его счастливым. Но, если я и была эгоистичной все эти годы, это потому, что весь мир Натана вертелся вокруг меня, будто я была его солнцем. Я его об этом не просила.

— Я никогда не принуждала тебя что-то делать против твоей воли. Я всегда говорила о том, что если ты не счастлив...

— Ты не станешь меня удерживать, — он криво усмехнулся. — Так? Мне просто нужно произнести это слово?

Его слова отозвались внезапной острой болью в моей груди. Натан считает, что я не буду бороться за наш брак. И принимая во внимание, к чему мы пришли с Финном, возможно Натан оказался прав.

Пальцами он зажал переносицу.

— Мне нужно вернуться в офис.

— А как же твой обед?

— Увидимся дома, — по его взгляду я поняла, что у него пропал аппетит.

— Сэди, что, чёрт возьми, это было? — ко мне приблизилась Амелия.

Я сунула руки подмышки, чтобы остановить дрожь, однако она распространилась по всему телу. Я обвинила

его в том, чего он не совершал, в том, в чём я сама была виновата. Надеюсь, Натан поймёт, почему я пришла к такому заключению, движимая той болью от дистанции между нами, которую он установил.

— Это было жёстко, но сейчас тебе нужно собраться и сосредоточиться на нашей встрече или уйти, — Амелия сжала моё предплечье.

Наконец перед глазами всё прояснилось. Мисти Барроуз стояла возле нашего столика, скрестив руки на груди и сжав губы в тонкую линию.

Я подавила все чувства, бушевавшие внутри, и решительно направилась напрямик к ней, она находилась очень даже близко.

— Мисс Барроуз, мне очень, очень жаль, и я сгораю от стыда.

— Что это было? — поинтересовалась она.

Я прикусила нижнюю губу, сдерживая неожиданные и запоздалые слёзы. Это мой брак трещал по швам. Я сто процентов получу конкретную взбучку от Амелии позже, несмотря на то, что она тихо стояла рядом.

— Это были личные проблемы, здесь не место их решать, — Амелия ответила за меня.

Я вдохнула через нос и кивнула, боясь того, что если заговорю, то могу разрыдаться. Ещё секунда, и я бы вытерла глаза рукавом, но Мисти перехватила мою руку.

— Милая, ни один мужчина не достоин того, чтобы из-за него пачкать тушью пальто от Барберри.

Я на мгновение замерла, а потом мы втроём сухо рассмеялись, и это немного разрядило обстановку.

— Так значит, твой муж тебе изменяет, — подытожила Мисти, пожав плечом. — Пошли его к чёрту!

Амелия улыбнулась, облегчение явно читалось у неё на лице.

— Она только что застучала его.

Моим первым порывом было встать на защиту Натана, но я этого не сделала, в данной ситуации это бы не помогло.

— Я повела себя очень непрофессионально, — сказала я и снова извинилась. — Я уверяю вас, со мной такое впервые — это никак не отразится на работе нашей фирмы.

Мисти выдвинула стул и присела.

— Послушай, сама я не замужем, но муж моей сестры конкретно запудрил ей мозги. Если бы я позвонила и рассказала ей о тебе — не сомневайся, я, чёрт возьми, так и сделаю — она бы восхитилась тобой в данной ситуации. Итак, почему бы тебе не привести себя в порядок, и мы вернёмся к обсуждению наших дел.

— Конечно. Благодарю вас, мисс Барр...

— Нет, — перебила она, взмахнув рукой, — просто Мисти.

— Спасибо, Мисти, — я извинилась и отправилась на поиски уборной. Конечно же, там была очередь. Я прошла мимо неё, направляясь напрямик к зеркалу, проверить, не размазалась ли тушь и несколько раз глубоко вздохнуть. Я не могу позволить себе разрыдаться на этой встрече.

Создаётся впечатление, что Мисти терпеливая, но она же бизнесвумен, такого она не потерпит.

На лице Натана я видела боль от моих обвинений. Мне следовало прислушаться к интуиции. Натан никогда бы меня не предал, но в том, что произошло была и его вина. Он испытывал моё терпение, и вот во что это вылилось. В последние несколько недель я совсем запуталась, напрочь лишилась представления, какая я на самом деле, какой Натан, что из себя представляют наши отношения. Я могла бы запереть его в одной комнате с Синди Кроуфорд и предоставить ему полную свободу действий, он бы к ней даже не притронулся. Но о себе я такого сказать не могла. В своём приступе слепой ярости, я возложила все свои грехи на плечи Натана.

Поймёт ли Натан когда-нибудь, в каком я была отчаянии, чтобы так отреагировать.

Я ещё несколько раз глубоко вздохнула и вернулась за столик. Амелия и Мисти уже сделали заказ. Они полностью погрузились в дела. Мисти повернулась ко мне и спросила.

— Разве это не самая лучшая баструма [17], которую вы когда — либо пробовали? Если вы думаете, что я просто так назначила встречу за тридевять земель от Трамп Тауэр, то вы сошли с ума, — мы рассмеялись.

Мисти согласилась сотрудничать с АВЭК. Мы пожали друг другу руки, и когда туфли Мисти с красными подошвами скрылись за дверью, мы с Амелией выдохнули с облегчением.

— Твою мать, — прошипела Амелия.

Я медленно кивнула.

— Угу.

— Мы обстряпали это дело.

— Не стоит благодарности.

— Это верно, — мы друг другу улыбнулись. — Я шучу. Ты отлично справилась, учитывая сложившиеся

обстоятельства. Мисти большой ценитель театральных постановок, но ваше выступление было круче бродвейских шоу.

Как ни странно, я даже немного рассмеялась.

— Что, чёрт побери, это было? — поинтересовалась она.

— Помнишь, я рассказывала тебе о моей подруге, которой изменяет муж?

— Ага, подруге. Помню.

— Оказывается, он ей не изменяет. Оказывается, она была не права, она заблуждалась, и выставила себя полной дурой перед целой кучей народа.

— Сэди... — Амелия изучающе на меня посмотрела. — Когда я обвинила Реджи в измене, он тоже всё отрицал. Он заставил меня почувствовать себя законченной идиоткой. По итогу выяснилось, что правда всё-таки была на моей стороне, и я не знала даже и половины того, что он вытворял. Мужчины, которые изменяют, могут мастерски тобой манипулировать. Кто эта девушка? Ты её знаешь?

— О боже, — я съёжилась и закрыла лицо руками. — Это Жизель. Мы с ней давно знакомы.

Моя вспышка была совершенно не обоснованной. Мне следует послать ей цветы в качестве извинения.

— Или целый цветочный магазин, — предложила Амелия.

Я скривилась.

— Это было ужасно.

— Может мне отпустить тебя домой?

Я умоляюще на неё посмотрела.

— Пожалуйста, не делай этого. Дома я буду просто сидеть и сходить с ума, пока Натан не вернётся домой с работы.

— Как скажешь.

Всю дорогу до офиса, я молилась, чтобы сегодня на меня навалилось работы по горло, потому что как только я отвлекалась, мои мысли неизменно возвращались к нашему разговору с Натаном. Я не могла довериться интуиции и быть уверенной, что он мне изменяет, но какая-то часть меня всё-таки хотела в это поверить. Потому что в противном случае, у меня возникло неприятное подозрение — если он пренебрегает нашими отношениями не потому, что увлечён кем-то другим, значит вся проблема во мне.

26

По пути домой я остановилась, чтобы купить еды на вынос. У нас с Натаном предстоит долгий разговор, и я не знала, смогу ли приготовить ужин, если мы его начнём. В метро было светло как днём, а поднявшись по ступенькам, я увидела, что город окутан в сумерки. Иногда Нью-Йорк полон противоречий — безмятежные группки деревьев, втиснутые между бетонными плитами; жизнерадостное «здравствуйте» от проходящего мимо незнакомца в пасмурный день, ощущается как спасательная лодка для утопающего. Случается, заходящее солнце окрашивает небо в красные, фиолетовые, оранжевые цвета, которые отражаются в небоскрёбах, как в больших зеркалах. И ты хочешь — не хочешь, а на секунду замедлишь шаг, заглушишь мотор машины, сделаешь паузу в разговоре, а затем снова поспешишь по своим делам.

Я заметила Финна, когда он выходил из продуктового магазина на углу недалеко от нашего дома. Он помахал мне рукой, в которой держал целлофановый пакет.

— Привет, красотка.

Я сбавила шаг. Финн — самая постыдная часть происходящего — факт измены ужасен, но лицемерие ещё хуже — и всё же я остановилась и подождала его. При виде Финна у меня возникали только положительные эмоции.

— И снова, здравствуй.

— И снова, и снова.

Он наклонился, чтобы поцеловать меня, но я отшатнулась и пробормотала.

— Извини.

Он выпрямился.

— Могу я проводить тебя до дома?

Моя рука была в кармане, я настолько сильно сжала её, что ногти впились в ладонь. Мне не следовало этого делать, но я не могла ему отказать. Мне хотелось побыть с ним пару минут, и притупить обуревавшие меня чувства.

— Или мне плестись позади тебя? — он притворился, будто оценивает мою попу. — Я действительно ничего не имею против.

— Пойдём, — я выдавила улыбку.

Мы были всего лишь в одном квартале от нашего дома, наша прогулка продолжилась бы всего пять минут, однако он не терял времени зря.

— Когда я снова тебя увижу?

Я смотрела себе под ноги, пока мы шли по сухой листве и избитому бетону. После захода солнца город был полон огней.

— Прямо сейчас я с тобой.

— Мне этого не достаточно. Часы вдали от тебя, тянутся слишком долго.

Я почесала бровь. Сегодня мысли о Натане, о работе полностью поглотили меня, о Финне я думала лишь абстрактно, в контексте измены. Сейчас же находясь рядом с ним, груз того, что случилось сегодня в обеденный перерыв, уже так сильно не давил на мои плечи. Обожание Финна, его страсть и обещания — всё это действовало на меня успокаивающе. Между нами не было глубоких ран, которые легко могли начать кровоточить; слов, которые лучше бы остались невысказанными.

— У меня был трудный день.

— Правда? Расскажешь?

— Не сейчас, — сказала я, подумав о предстоящем вечере.

— Будет время, заходи, — он легонько толкнул меня плечом. — У меня есть вино. Ты расслабишься, а я массажем удалю твою усталость от трудного дня.

— Звучит заманчиво, но я не могу, — мне даже не следовало думать об этом. Натан уже должен был вернуться с работы. Как бы я не хотела избежать последствий сегодняшней ссоры, я продолжала надеяться, что сегодня выясню, что происходит с Натаном.

— С тобой всё в порядке? У вас с ним что-то произошло?

— Нет, — по какой-то причине я заняла оборонительную позицию. Я уже и так многое рассказала Финну о Натане за последние несколько недель, и на сегодня с меня уже было достаточно свидетелей наших с Натаном отношений. — Просто устала на работе.

— Давай угадаю, проблемы с руководством?

— Есть немного, — частично это было правдой. Амелия загрузила меня больше обычного, когда мы вернулись в офис после встречи. — Иногда она очень строгая.

— Амелия, верно?

Я быстро взглянула на него, то, что он знал её имя, очень удивило меня.

— Откуда ты знаешь, как её зовут?

Он пожал плечами.

— Я немного разузнал о компании, в которой ты работаешь, когда готовился к нашей съёмке. Работа важна для тебя, мне было интересно.

— О, — я прикусила губу, сдерживая порыв предупредить его, что он снова забегает вперёд.

Я сегодня не в том настроении, чтобы быть открытой книгой. Лишь мысли о возможной ссоре удержали меня от этого.

Когда мы подошли к нашему дому, Финн открыл дверь своим ключом. В лифте, оставшись наедине, он дотронулся до моего подбородка и приподнял мою голову вверх.

— Эй, мне очень жаль, что у тебя был такой трудный день.

Я глубоко вздохнула, воздух в лифте смешался с запахом Финна. Его запах был одновременно свежим, успокаивающим и немного терпким, сегодня он пах лесом. Я встала на носочки, чтобы поцеловать его, потому что мы уже почти приехали, потому что я этого хотела.

Думаю, он старался проявить ко мне уважение. Сегодня его губы были мягкими как никогда раньше, и он позволил мне взять инициативу на себя.

Сигнал лифта оповестил нас о том, что мы приехали на наш этаж, прервав наш поцелуй. Я уже собиралась пойти к себе, но Финн поймал мою руку.

— Мм? — спросила я.

— Помни, я совсем рядом. Думаю о тебе. Мечтаю о тебе в моей постели. Если я тебе понадобится, только постучи в мою дверь.

Его слова были искренними, от заботы в его голосе я почувствовала облегчение. Я прикоснулась к его губам кончиками пальцев.

— От твоих губ у меня всегда подгибаются колени.

— Докажи.

Мы снова поцеловались, две пары неверных губ слились воедино, затем мы разошлись по своим квартирам, не проронив больше ни слова.

В нашей квартире было темно, когда я вошла. Я подумала, что Натан ждёт меня в спальне.

Я прошла на кухню и доставала еду из пакета, когда неожиданно пришло сообщение от Натана.

Я внизу. Зашёл выпить пива.

У меня внутри всё упало, ему следовало быть сейчас здесь. Сегодня мы много чего наговорили друг другу, но в то же время между нами повисло и много недосказанности. Почему он не хочет разобраться с этим поскорее? Или он думает, что уже слишком поздно?

Натан сидит в баре, недалеко от того магазина, где я встретила с Финном. Вполне возможно, что мы с Финном проходили мимо. Обычно, когда Натан идёт туда, он садится у окна и наблюдает за проходящими мимо людьми или читает книгу. Натан мог видеть нас. Тот Натан, которого я знаю не ревнивый, но всё же есть некоторые пределы. Он обозначает своё присутствие, когда я сталкиваюсь с мужчинами, которые уж слишком демонстрируют свою заинтересованность — в ресторанах, в метро, блуждая по фермерскому рынку. Однажды мой бывший коллега по работе допустил неуместное высказывание о моей юбке. На следующий день Натан пришёл ко мне на работу в обеденный перерыв и поставил его на место. Тогда он хотел, чтобы я целиком и полностью принадлежала ему. Так ли это сейчас?

Слеза скатилась по моей щеке, я шмыгнула носом и утёрла её. Я была скорее как выжатый лимон, чем грустной. Я устала, сегодня был очень трудный в эмоциональном плане день. Мне одновременно хотелось, чтобы не было той встречи с Финном в коридоре, чтобы наши взгляды не пересеклись, и в то же время я желала большего после сегодняшнего поцелуя с ним в лифте. Я вспомнила, как мы были близки в эти выходные. Я никогда раньше и мысли не допускала о других мужчинах, пока снова не встретила с Финном. Натан всегда и во всём полностью меня устраивал. Он мог удовлетворить меня с завязанными глазами и связанными за спиной руками.

Он знает моё тело как свои пять пальцев. Он брал меня на животе, на спине, сонную, в спальне, на улице, в моей комнате в доме у родителей. Мы делали это тихо и очень громко. Но в последнее время не делали вообще.

Я вывела Джинджер на прогулку, но мы погуляли лишь возле дома. Сегодня было очень холодно, и мне не хотелось неожиданно столкнуться с Натаном, будто мы незнакомцы.

Вернувшись домой, я сменила рабочую одежду на фланелевую пижаму, потому что меня била дрожь. Несмотря на то, что 21-е число наступит через пару дней, я не стала соблюдать нашу традицию и включила отопление. Мне и без того было очень холодно на душе.

Я взяла суп и устроилась на диване. Я включила какой-то документальный фильм о сайентологии, но мыслями была далеко отсюда. Я думала о том, что скажу ему, когда он вернётся домой, что он скажет мне. После всего того, через что я прошла за эти несколько месяцев, не думаю, что у него есть право сильно злиться. Как мне это ему объяснить и при этом не чувствовать себя лицемеркой? Адреналин, который бушевал у меня в крови, когда я увидела его в компании другой женщины, уже испарился, а вот от угрозы открытого противостояния я поёжилась. Пока я выросла, даже самая незначительная мелочь могла породить скандал. Если, например, мой отец споткнулся о шнур пылесоса, это могло привести к тому, что моя мать начинала бить посуду.

Таковыми же были ссоры у моего брата Эндрю с Шэной, непредсказуемой матерью Белл, до того, как она бросила их. Почему эта история должна повториться со мной? Натан никогда не повышал на меня голос, никогда не вымещал гнев на предметах обихода. Даже если мы серьёзно поссоримся, думаю этого не произойдёт. Он далеко не мой отец.

Я услышала, как поворачивается его ключ в замке, а затем и его голос.

— Привет, моя девочка, — проворковал он, приветствуя Джинджер. — Мамочка тебя уже выгуляла?

Я переключила канал, и попала на какой-то ситком, игнорируя Натана. У меня на душе бушевала грусть, от того, что Натан предпочёл побыть одному, чем находиться здесь и пытаться спасти наш брак. Но по моему внешнему виду можно было решить, что я злюсь. Из-за того, что произошло в обеденный перерыв, из-за того,

что он задержался. У меня создалось впечатление, что я неделями пытаюсь поймать его, преследую его. Мне бы так хотелось, чтобы он поговорил со мной, я уже так устала от его шарад. Мне уже казалось, что на него никаким другим образом невозможно повлиять, поэтому сейчас я вела себя как ребёнок.

— Если только ты не нежилась в ванной, полагаю, ты уже была на улице, — жетон Джинджер звенел, пока Натан гладил её шею. — Мокрые лапы, — это уже относилось ко мне, — тебя выдали.

Как раз вовремя, на экране телевизора раздался смех. Все любят Рэймонда [18]. Когда трава на улице влажная, Джинджер оставляет мокрые следы в холле. Натан уже упоминал об этом, и обычно он их вытирает. Такое чувство, что это случается только, когда я выгуливаю Джинджер. Не думаю, что Джинджер проводит параллель между влажной травой и мокрым полом, поэтому я решила, что это камень в мой огород.

— Извини.

Натан всё ещё гладил Джинджер.

— За что?

Я не ответила и даже не посмотрела на него, хотя и ощущала его взгляд на себе.

— У тебя новое пальто? — спросил он.

Наконец я взглянула на него. Он был в костюме, его лицо покраснелось может от пива, а может и из-за холодной погоды.

Он кивнул в направлении прихожей.

— Я его раньше не видел.

Я не хотела приносить домой это пальто, я просто забыла оставить его у Финна. Я не знала, как объяснить покупку стоимостью в тысячу долларов, при этом никак не отразившуюся на состоянии моего банковского счёта. Я даже не была уверена, стоит ли мне вообще что-либо объяснять.

— Я верну его в магазин, — сказала я и снова повернулась к экрану.

— Зачем? Оно красивое.

Я снова переключила канал, никогда не была поклонницей Рэймонда.

— Ты уже поела? — спросил Натан, заметив контейнер с супом на кофейном столике.

— Твой на кухне.

Натан принёс свой суп и сэндвич, который я купила, чтобы хоть как-то компенсировать ему обед. Он сел в кресло рядом с диваном, на котором сидела я.

— Ты смотрела Наваждение?

Я снова переключила на документальный фильм. По крайней мере, у меня было на чём сосредоточиться. Я пыталась вникнуть в смысл того, о чем говорили на экране, но не смогла. Мне даже не нужно было смотреть на Натана, я ощущала каждое его движение. Он съел немного супа, который должно быть уже остыл, мне следовало подогреть его, но я не стала этого делать. Он съел ещё пару ложек и откусил сэндвич.

— Я покурил по пути домой, — сказал он.

Его неожиданное признание вынудило меня посмотреть на него. Раньше Натан курил нечасто, изредка. Один из немногочисленных его недостатков. Мне это не нравилось, но я знала, что это долго не продлится. Во всём остальном он придерживался здорового образа жизни.

— Поэтому от меня сейчас может пахнуть сигаретами, — продолжил он. — По этой же причине мой костюм пропах сигаретами, когда я вернулся из больницы от отца. И поэтому ты не нашла меня у входа в Бруклинский боулинг, я курил за углом. Это из-за стресса. Извини.

На экране вещал Дэвид Масковидж. Я открыла рот в попытке заговорить. Я хотела сказать Натану, что меня беспокоит не запах, а его здоровье. То, что он снова стал курить, говорило о многом, о том, в каком эмоциональном состоянии был сам Натан, пока его отец умирал от рака лёгких в последней стадии. Натан очень переживал.

Он поставил тарелку с супом на кофейный столик и локтями облокотился на колени.

— Будем играть в молчанку. Я понимаю, я это заслужил. Ты злишься.

Я пожала плечами, понимая, что его план сработал, и, похоже, он вёл к тому же, чего хотела и я, к открытому и честному разговору.

— Разве нет? — спросил он. — Тогда почему ты вопреки нашей традиции включила отопление?

— Я мёрзну. Ночью. Одна.

Он ради приличия нахмурился. Затем облокотился о спинку кресла, и наши колени соприкоснулись.

— Из тебя сегодня не так — то просто вытянуть и пары слов.

Я взглянула на него, он пытался подавить улыбку. Когда я поняла, что он дразнит меня, вся моя оборона

разлетелась в клочья. Это был определённый прогресс. В моих глазах стояли слёзы, даже не знаю каким чувством вызванные — облегчением, стрессом или гневом. Он обнял меня рукой за шею.

— Ты что плачешь, Горошинка?

От того, как нежно он меня назвал, по моей щеке скатилась слеза. Я так боялась, что он уже никогда меня так не назовёт.

— Нет.

— Ты же знаешь, я тоже расклеиваюсь, когда ты плачешь.

У меня защемило в груди, и по щекам потекли тихие слёзы. Мои слёзы всегда влияли на него, он становился нежным, ласковым, я была рада, что это не изменилось.

— Я ненавижу это прозвище.

— Знаю, больше не буду тебя так называть.

Я утёрла слёзы.

— Никогда не прекращай меня так называть.

— Я знаю, тебе было тяжело. Я не хотел, чтобы всё так вышло. Но чем дольше я удерживаю свои чувства внутри, тем труднее их выудить на поверхность и выразить, — он погладил меня по плечу. — Но то, что сегодня произошло, помогло достучаться до меня. То, что ты пришла в такое замешательство, что даже предположила, что я могу тебе изменять... — он покачал головой. — Извини, что я себя так повёл, но я пытаюсь понять, почему я так поступаю...

Я вскочила. Возможно, это было самое худшее из того, что он мне сегодня сказал, а я месяцами пыталась выяснить, что происходит в его мыслях.

— Попытайся понять, почему я так поступила.

— Хорошо.

Я застыла в оцепенении. Такого ответа я не ожидала, только не понятно почему. Мы с Натаном никогда не дерзили друг другу, даже ссорясь. Я возвышалась над ним, мои босые ноги против его, обутого в туфли. Он смотрел вверх на меня, рубашка расстёгнута, узел галстука ослаблен.

— Ты заставил меня почувствовать себя одинокой, ничтожной, маловажной в своём собственном доме.

Он опустил взгляд в пол, затем снова взглянул на меня.

— Я понимаю, то есть на самом деле, я не понимаю, Сэди. Я пытался не сильно на этом заикливаться и вдумываться в это.

— Почему? Почему ты делаешь вид, что тебе всё равно?

Он покачал головой.

— Потому, что когда мне не всё равно, это причиняет сильную боль. Мне больно знать, что я ранил тебя. Я... — он замолчал, я его потеряла. Его взгляд был прикован к моей груди, поэтому я посмотрела туда же. Когда я резко поднялась, пуговица на пижаме расстегнулась, и теперь моя грудь предстала его взору. Натан так смотрел на меня, будто раньше никогда не видел.

— Нат?

Он расстегнул ещё одну пуговицу. У меня мурашки побежали по коже, когда он кончиком пальца провёл по ложбинке между моих грудей. Он остановился и взглянул на меня. Голод в его глазах возник внезапно, он спрашивал разрешения. Мы ещё ничего не решили, ни в чём не разобрались, но несмотря ни на что — на мою злость, на моё смятение, на мою печаль — кое-что осталось неизменным. Моё тело жаждет его прикосновений. Мы так долго спали отдельно, это лишь усилило моё желание. Я хотела его, и он об этом знал.

Приподняв краешек моей рубашки, но, не сняв её, он оголил мой живот. Мои любимые клетчатые пижамные штаны, которые, честно говоря, покупались для Натана и были на несколько размеров больше меня, держались лишь на тазовых косточках. Моё серое хлопковое бельё скрывало даже больше, чем следовало. У меня были опухшие глаза, и сегодня я не побрила ноги, но, несмотря на это палец Натана скользнул под резинку моих штанов и тянул их вниз, будто они были сделаны из изящного кружева, пока они не упали к моим ногам. За талию он притянул меня к себе, лицом уткнулся в мой живот. Его горячее дыхание опалило мою кожу.

— Я так голоден, Сэди.

— Я никогда тебе не отказывала.

Подняв мою рубашку до подмышек, он скомандовал.

— Придержи её.

Я не знала, почему нельзя просто снять её, но спрашивать не стала. Я дрожала как подросток.

— Почему ты дрожишь? — он посмотрел на меня, в его взгляде было такое сильное напряжение, какое я

ощущала у себя внутри. — Нервничаешь?

— Нет, — семь лет мы были вместе, семь лет занимались любовью. А сегодня у меня в животе порхали бабочки, будто я собиралась заняться этим впервые.

Его палец пробрался под ткань моих трусиков.

— Это плохо, — он знал, что я вру. — Мне нравится мысль, что ты можешь нервничать, — он согнул палец и сдёрнул с меня трусики. Мои пальцы впились в ткань рубашки. Я таяла под его прикосновениями.

Он поднялся с дивана и сделал шаг назад. Я была почти полностью обнажённой, не считая пижамных штанов и трусиков на лодыжках и поднятой вверх рубашки. За его спиной сменялись изображения на экране телевизора.

Я ждала, опасаясь сделать неверное движение. Ведь он мог оставить меня задыхающуюся, как в прошлый раз, даже несмотря на то, что его член сильно натянул ткань брюк. Как только я это увидела, у меня потекли слюнки.

— Почему ты назвал меня шлюхой? — спросила я.

Его взгляд метнулся от моей груди к лицу. Если он и был удивлён моим вопросом, то виду не подал.

— Только так я мог быть с тобой той ночью.

Этого ответа я и ожидала, но услышать от него, что он хотел кого-то, но не меня, всё ещё причиняло мне боль.

— Я думал, что могу превратить тебя в кого-то другого, — продолжил он, — но я не смог. Ты никогда не будешь такой в моей постели, — он не отводил от меня взгляд. — Это была одна из причин, почему я в последнее время не мог быть близок с тобой.

Моё дыхание сильно участилось. Я хотела постичь смысл сказанного, но ноющая боль между ног была такой сильной, что даже доставляла дискомфорт.

— Натан, — взмолилась я.

— Сэди, — грубая игривость в его голосе, снова отразилась дрожью на моём теле. Его глаза горели. Он стал расстёгивать свою рубашку. — Ты уверена, что хочешь этого после всего того, через что мы прошли.

— Да, — даже если бы я и смогла сформулировать хоть какую-то мысль против секса, я знаю, что мой безусловный ответ был бы «да».

— Иди на кровать. Встань на четвереньки.

Мне не следовало колебаться, он брал меня во всех возможных позах, я доверяю ему.

Прошли недели с тех пор, как у нас был секс, и, если я была так сильно возбуждена, то он, наверное, вообще с огромным трудом сдерживался.

— Если, конечно, ты не передумала, — сказал он, расстёгивая ремень.

— Нет, — я хотела снять рубашку через голову, но он меня остановил.

— Я сам это сделаю, просто иди в кровать.

Когда Натан сильно заведён, он становится жёстким, требовательным, но никогда не выходит за рамки. И то, что сегодня он командовал, меня не удивило, удивило то, что он был более резким.

Я направилась в спальню, ощущая его взгляд на себе, и забралась на кровать лицом к изголовью, встав на четвереньки, так, как мне было сказано. Я представила его взору, все свои самые интимные места, в то время как рубашка упала мне на глаза, блокируя зрение.

Несколько секунд спустя он пересёк гостиную и вошёл в спальню. Матрас прогнулся под его весом, Натан был уже позади меня. Я едва ли услышала, как он расстегнул молнию на брюках, а он принялся дразнить меня. Головкой члена он шлёпнул меня по киске, а затем по бедру.

Ощущение его мягкой кожи на моей просто сводило меня с ума. Я уронила голову на кровать, часто дыша. Я почувствовала на коже его предсемя.

— Я сейчас оттрахаю тебя по полной, — сказал он. — Я могу растянуть удовольствие, но не хочу.

— Я готова.

— Разве что ты будешь умолять меня об этом, — продолжил он, игнорируя мои слова. — Я могу попробовать тебя на вкус. Если ты хочешь, я сначала подведу тебя к краю.

— Нет, — я сказала твёрдо и требовательно. Я осознала, что начала извиваться, поэтому постаралась замереть, только моя грудь вздымалась. — Мне это не нужно. Я хочу тебя внутри.

Он расположился у моего пульсирующего входа, намотал мои волосы на свой кулак и потянул мою голову назад. Он поцеловал меня, его поцелуй был влажным, но решительным, и начал входить в меня.

— Вот так? — спросил он в мой рот. Я знала, как тяжело ему было сдерживаться, слышала это в его голосе, чувствовала в его прикосновениях. Он единственный, кто по-настоящему, без преград, был во мне.

Он медленно, так медленно заполнил меня. Я приняла каждый его миллиметр с мучительной

неторопливостью, будто смаковала десерт, откусывая по крошечным кусочкам. Я попыталась податься ему на встречу, но он меня остановил, шлёпнув по попке. Мы не прерывали поцелуй. За все семь лет, что мы вместе, он никогда не прекращал меня целовать. Бывало мы трахались быстро и жёстко, бывало, занимались любовью медленно и долго. Но он никогда, никогда не прекращал меня целовать.

Когда он, наконец, вошёл в меня до конца, он замер.

— Я просто умирал без этого, малыш. Секс с тобой — это мой наркотик, я не могу без него.

— Правда? — я подстрекала его, я хотела, чтобы он порвал меня на части. — Поэтому ты так медленно всё делаешь?

— Это не так, и ты об этом прекрасно знаешь.

— Вот так бы ты трахал шлюху?

Он прорычал мне на ухо, отодвинулся назад и резко толкнулся в меня. Вот это мне уже больше нравилось.

— Продолжай, проси, чего хочешь.

Такая экспрессия обычно нам была не свойственна, но прямо сейчас я хотела именно этого.

— Используй меня как хочешь. Я не сломаюсь.

Он выпрямился и раздвинул мои половые губы так широко, что стало даже больно. Его толчки внутрь-наружу стали ещё быстрее, но он всё ещё сдерживал себя. Меня же он за бёдра удерживал на месте, будто я была его куклой или какой-то игрушкой.

— Какой вид, — сказал он. — Жаль, что ты этого не видишь.

Он не знал, что дверь в гардеробную открыта, а моя голова была повернута как раз в ту сторону. Я могла видеть нас в зеркале. Натан снял рубашку, а его брюки были на коленях. Его накачанные ягодицы сжимались и разжимались, как хорошо смазанный механизм. Если бы он нагнулся, то его большое тело полностью поглотило бы меня. Мы были на своём месте, в нашей постели. Мы были там, где и должны были быть. Завтра же я порву с Финном и обо всё расскажу Натану. И об аборте тоже. Я пообещала себе, что сделаю это. Я знаю, это больно ранит Натана, но я залечу эти раны. А если он решит уйти от меня, я лягу у него на пути, сделаю всё, чтобы не потерять его.

Натан снова наклонился ко мне, его губы целовали мою шею, а затем он укусил меня за лопатку. Я вскрикнула, он заглушил боль поцелуем. Уже не сдерживаясь, он вдавил моё лицо в матрас, от чего я предстала перед ним в ещё более выгодной позе. Моя рубашка снова упала мне на лицо, он не поправил её. Я сказала, что не сломаюсь, значит так и будет. Моя щека тёрлась о шерстяное одеяло. Натан облокотился о мои плечи, изменил угол и став входить ещё глубже, он полностью завладел мной.

Я страстно желала лежать на покрывале, а не на одеяле, но, тем не менее, держалась стойко. Сначала одним пальцем он стал выписывать круги вокруг моего клитора, затем добавил второй палец. Эти маленькие круги лишили меня какого-либо контроля над происходящим. Его прикосновения были отточены до совершенства за годы практики, он с лёгкостью подвёл меня к краю блаженства и чрезвычайно интенсивному оргазму. Мои бёдра не выдержали, и я рухнула на живот. Его толчки были такими сильными, что я соскользнула с кровати на пол, благо вовремя упёрлась ладоням в пол. За бёдра он удерживал меня на кровати. Подол моей рубашки затерялся где-то под животом, но при этом она продолжала нависать на мои глаза. Сегодня он брал меня, как когда-то в первый наш раз, тогда мы минув предварительные ласки сношались, как кролики на матрасе в его однушке.

— Хочешь, чтобы я кончил в тебя? — спросил он.

— Да, — взмолилась я.

— Неверный ответ.

Кровь прилила к моей голове.

— Что?

— Скажи мне, что я могу делать всё, что захочу.

— Всё, что захочешь, Натан. Ты же знаешь, всё, что захочешь.

Он сильно сжал мои бёдра, но в данный момент для меня не существовало ничего кроме его пульсации глубоко во мне и жара, разливающегося по моему телу, когда он кончил.

Я всё ещё наполовину свисала с кровати, ожидая какого-либо сигнала от Натана. Уже как две недели мы не были близки, поэтому наш секс был таким безумным. Но последовавшая за ним тишина была пугающей. Мои руки затекли и дрожали под тяжестью веса моего тела. Натан вздрогнул надо мной, его дыхание было громким и хриплым. Он ещё несколько раз медленно толкнулся в меня и замер. Время шло. Когда я почувствовала, что локти могут не разогнуться, я немного сдвинулась.

— Ш-ш, — он провёл рукой вниз от моей шеи вниз по спине, — не двигайся.

Я застыла в ожидании. У меня потемнело в глазах, кровь прилила к моей голове, мне было не совсем удобно оставаться в таком положении, думаю, ему об этом было известно. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем он стал вращать бёдрами. У меня что-то сжалось в животе, стенки влагалища стали сокращаться вокруг него.

— Ты снова готов?

— Почти.

Он вышел из меня и за бёдра притянул обратно на кровать. Руки начало покалывать, я согнула их в локтях, но больше никак не двигалась. Сегодня Натан руководил процессом. Он потянул мою рубашку вверх и стянул её с меня через голову. Своими сильными пальцами он стал массажировать мою ладонь, кисть, всё выше и выше до самого плеча, затем проделал то же самое с другой рукой. Я закрыла глаза, не уверена, что когда-либо чувствовала себя более умиротворённой.

Ногами он раздвинул шире мои бёдра, руками погладил то место, где он укусил меня, из него вырвался гортанный стон.

— Не сдерживайся, я уже скоро буду в тебе, — я ногой почувствовала прикосновение его члена.

Его руки гладили мою спину, затем спустились ниже. Я не сдерживала себя, дыхание стало учащённым, когда он поглаживая раскрыл мои ягодицы, а затем его пальцы приблизились ко входу в мою попку и легонько надавили на него. Натан знает, что я могу кончить снова, но на это потребуется чуть больше времени. Я уже предвкушала, что может произойти, но два его пальца вместо попки скользнули в киску.

— Ты вся в моей сперме.

Я ощутила нарастающее возбуждение. Он знает, где я больше всего жду, нуждаюсь в его прикосновениях, какие слова меня заводят. Его пальцы ещё несколько раз атаковали мою киску, а затем его рука переместилась выше и, его скользкий от моего возбуждения и его спермы, палец проник в мою попку, растягивая вход. Сначала я напряглась, но потом полностью расслабилась.

— Это никогда не перестанет меня возбуждать, — пробормотал он.

— Даже когда мы состаримся? — одеяло двигалось под моим отчаянным и хаотичным дыханием.

Он хмыкнул и убрал палец.

— Повернись. Теперь можем заняться любовью.

Его холодный, лишённый эмоций голос не отпугнул меня. Натан поднялся с кровати и застыл в нерешительности, будто не знал, что делать дальше. Я тоже поднялась и, взяв инициативу на себя, усадила его на кровать.

Мы переплели наши ноги, на этот раз мы были лицом к лицу. Когда я опустилась на него, он так приятно ощущался внутри.

— Прижмись ко мне грудью, — простонал он. — Господи, ты такая горячая внутри.

Он обнял меня и прижал к своей тёплой груди, его палец снова стал дразнить мою попку.

Когда его палец проник внутрь, моё лицо вспыхнуло. Движения его пальца вторили моим движениям на его члене, а я вращала бёдрами, стимулируя при этом все нужные точки. Мы поцеловались. Его жаждущие губы и язык, его палец и член внутри меня — я полностью растворилась в нём.

— Смотри на меня, когда я буду кончать, — эти слова быстро вырвались из меня прямо в его голодный рот. — Я хочу, чтобы ты сказал мне, как я выгляжу.

— Я уже знаю каждую деталь, каждую мелочь, — его голос звучал намного спокойнее моего, хотя на лбу и над его верхней губой выступил пот.

— И как я выгляжу?

— Ты на себя не похожа.

Такая беседа не отвлекала меня, наоборот, приближала к оргазму.

— Ты культурно пытаешься намекнуть, что я становлюсь некрасивой, страшненькой?

— Не страшненькой, но и не красивой. Сексуальной до безумия. Ты похожа на... — его горячее дыхание

обжигало, он тоже был уже так близок к оргазму, — хищницу, которая вот — вот достигнет свою добычу.

Я крепче обняла его за шею, и стала двигаться ещё более неистово, он тоже не сбавлял темп, его палец погружался в меня глубже, быстрее. Его честный ответ завёл меня до чёртиков, ведь моё лицо в момент пикового наслаждения не было прекрасным, оно было натуральным, и бесконечно чувственным.

— Ты меня убиваешь. Кончай. Я сейчас взорвусь, но я не могу пока ты не... — прошептал он.

— Можешь.

— Нет.

И он дождался меня, я взорвалась первой, моё тело покрыла дрожь, волоски на теле встали дыбом. Он продолжил погружаться в меня, его палец в моей попке заводил его также сильно, как и меня, это было понятно без слов. Он прикусил зубами кожу на моей шее. Когда он кончал, в какой-то момент мне показалось, что он оторвёт мне голову, но этого не произошло.

Когда я снова смогла чувствовать своё сердцебиение отдельно от его, он высвободился из моих объятий и исчез в ванной. Я развалилась на кровати и прикрыла глаза. Слышать, как он освобождает свой мочевого пузырь после интенсивного секса, странным образом успокаивало меня. Эта маленькая деталь, которая многое для меня значила.

Я уже начала погружаться в сон, но быстро встрепенулась, когда Натан вернулся, остановился у кровати и посмотрел на меня.

— Всё в порядке? — я внезапно вспомнила, что его постельное бельё осталось на диване, что эту дистанцию мы ещё не сократили. Казалось, его терзали сомнения, будто он не мог решить, что делать дальше. Но затем он произнёс.

— Да, я только схожу за своей подушкой.

Я зевнула, наблюдая, как он поднял с пола пиджак и отнёс его в гардеробную, затем сходил за подушкой и вернулся в спальню. Мы так и не закончили наш разговор, но я сдвинулась, освобождая ему место рядом со мной. Я перекатилась на бок, посмотреть на него. Его глаза были уже закрыты, это дало мне возможность изучить его лицо. В последнее время у меня не было возможности по достоинству оценить его тело, он постоянно занимался и это давало результаты.

Его руки и грудь были мускулистыми и сильными. Когда он переворачивался на бок, я была заморожена игрой его мышц. Я всегда считала, что он выглядит божественно, но он начинал беспокоиться, когда мы ели больше и не занимались при этом спортом. Он говорил, что ему приятно знать о том, что я до сих пор считаю его сексуально привлекательным. Меня поразила мысль, что он мог полагать, что это иначе.

Испытывая удовлетворение от того, что мы снова сблизились, я упустила тот факт, что он отвернулся от меня. Мы так долго спали врозь, и теперь после того, что между нами только что произошло, единственное, чего я хотела — это зарыться в его объятиях. Оказалось, что наши желания не совпадали. Вместе с осознанием меня пронзил холод.

Утром я проснулась поздно и в пустой кровати. Когда я села, мои суставы хрустнули, всё тело ломило и болело после прошлой ночи. Я снова возбудилась, вспомнив детали: как Натан потерял нить разговора и свой контроль, едва увидев мою грудь, как он кусал и трахал меня, а затем целовал и занимался со мной любовью.

Я поплелась на кухню. В это время я уже должна была принять душ, но я не чувствовала вины из-за того, что выбилась из расписания. На кухне меня ожидали кофе и записка от Натана.

Соня, выгулял и накормил Джинджер.

Нежная улыбка озарила моё лицо. Грудь защемило, но впервые за долгое время, в хорошем смысле. Возможно, я зря накручивала себя вчера, когда он отвернулся и уснул. Ведь он вернулся в нашу постель, начало было положено. Более того, мы начали разговаривать.

В холодильнике я обнаружила свежее молоко. Должно быть, Натан вчера вечером заходил в магазин. Я ведь забыла сделать это в воскресенье, потому что оприходовала Финна.

Содрогнувшись от этой мысли, я заскрежетала зубами. Примечательно, что мысли о Финне напрочь отсутствовали у меня в последние 24 часа. Оприходовала не совсем подходящее слово применимо к Финну — ведь он серьёзно относится ко мне. Он хочет быть со мной. Для него это не просто секс, он хочет быть со мной. Интенсивность проявления его чувств пугает меня, но также и восхищает. А что будет с Финном, если мы с Натаном продолжим наш путь к примирению?

Я добавила в кофе молока и отправилась в ванную. Я разделась и неохотно смыла следы прошлой ночи. Мне следует забыть Финна и сконцентрироваться на отношениях с Натаном. Пока я брила ноги, я решила сделать что-нибудь приятное для мужа, чтобы закрепить прогресс, достигнутый прошлой ночью. Я чувствовала, что он, наконец, снимет оборону. Ему просто нужно снести стену, которую он воздвиг. У меня не заняло много времени, чтобы придумать сюрприз для Натана, у меня не было сомнений, что он будет от него в восторге. Я решила приготовить его любимое блюдо — рёбра барбекю. Моё воображение разыгралось, я тут же представила, как он вернётся домой и обнаружит ожидающий его ужин при свечах, сияющую чистотой квартиру, благополучную и тёплую атмосферу. И мы сможем обо всём поговорить и начать всё с чистого листа. Чем больше я об этом думала, тем сильнее билось моё сердце.

Подстёгиваемая адреналином, я позвонила на работу и сказалась больной, не испытывая при этом чувства вины, пока Амелия учинила мне разнос. Я едва ли различала её голос, представляя шок на лице Натана, когда он войдёт в квартиру и увидит ожидающий его сюрприз. Я уже слышала его смех, когда я расскажу ему, что прогуляла работу, чтобы подготовиться к его приходу. Для пущего эффекта, я покашляла в трубку, прежде чем попрощаться с Амелией.

Закончив разговор, я приступила к подготовке.

28

Будучи замужем за Натаном, я уже бесчисленное количество раз готовила рёбрышки барбекю. Тем не менее, я снова и снова перечитывала рецепт, стоя на кухне. Пакеты с продуктами из Дагостино стояли на рабочей поверхности кухни. Я купила всё необходимые ингредиенты для ужина, упаковку ремесленного пива, которое так рекомендовал молодой продавец и лучшие каллы в округе, любимые цветы Натана.

Натирая рёбра приправами, я мысленно пыталась подготовиться к эмоциональной стороне сегодняшнего вечера. Нам с Натаном многое предстоит обсудить. Но я уверена, что рёбрышки барбекю расположат его к разговору. Может быть, я не совсем готова услышать то, что он хочет сказать, но сомневаюсь, что к такому вообще можно подготовиться. Если мы не разрешим это сейчас, то дальше будет только хуже, и в конечном итоге, лишь доведёт кого-то из нас до безумия.

Я выложила рёбрышки на противень и отправила его в духовку. Затем я осмотрела кухню.

Натан будет дома в районе шести-семи часов, поэтому у меня достаточно времени, чтобы навести чистоту, тем более что у нас и так практически везде был порядок. Я распаковала покупки, поставила цветы в воду и убрала следы готовки.

Затем я перебралась в гостиную, связала в узел бельё Натана, которое лежало на диване, на котором он больше спать не будет, и добавила поход в прачечную к списку дел на сегодня.

Проходя мимо стола, я остановилась. Это было место, где обычно лежал ноутбук Натана. Но сегодня его крышка была открыта. Порыв заглянуть туда был мне не свойственен, казалось напряжение этих месяцев. Натан ничего не держит в секрете. Но может эта темнота на экране скрывает не секреты, а ответы на мои вопросы.

Я не села за стол, а оставив на полу бельё, перегнулась через спинку стула и нажала на пробел. Через секунду экран ожил. Я открыла веб-браузер и оглянулась через плечо с колотящимся сердцем, хотя у меня не было причин так волноваться. Я часто пользуюсь ноутбуком Натана, а он моим. Если бы он сейчас вошёл в комнату, он бы ничего такого не заподозрил.

Джинджер неожиданно завывала, а я подпрыгнула на месте, совершенно позабыв о её существовании. Я посмотрела на неё и, клянусь, она покачала головой, не одобряя мои действия.

Сначала я взглянула на историю его поисковых запросов. В своё свободное время Натан следит за работой сайта Добрых семей и, если надо, вносит дополнения. Его преданность этой организации нисколько меня не удивляет, наоборот, вызывает восхищение и чувство гордости. Я почувствовала себя настоящей стервой, потому что не доверяла ему. Я уже хотела закрыть все окна и выключить компьютер, но одна из вкладок привлекла моё внимание.

Бруклин.

Может это и есть ключ к мыслям, терзающим моего мужа? Может это папка содержит ответы на мои вопросы.

Почему он сомневается во мне? Я не хотела знать, что там, но всё равно нажала на неё. Высветился ещё один список закладок. Craiglist, Zillow, StreetEasy [19]. У меня вспотели ладони. С каких это пор он ищет жильё в Парк-Слоуп, Бей-Ридж, Гринпойнт, Дамбо? Я не перешла по этим ссылкам, но я узнала эти районы.

Мои внутренности скрутились в тугой узел, я быстренько закрыла браузер, будто бы компьютер запустил бы программу по самоликвидации, если бы я этого не сделала. Вот поэтому не стоит совать свой нос не в свои дела — у вас возникнет ещё больше вопросов. Натан ищет жильё в Бруклине, хотя знает, что я там жить не хочу. Или он, как Финн, решил, во что бы то ни стало переехать туда со мной или без меня?

Внезапно у меня потемнело перед глазами. Я вспомнила, что из-за суматохи, и подготовки к сегодняшнему вечеру, ничего кроме кофе не пила и не ела. Я немного перекусила и проверила рёбрышки. Всё, что я могу сделать, это как следует подготовиться к приятному вечеру, но, тем не менее, в разговоре можно и упомянуть Бруклин.

В ванной я собрала волосы в пучок и натёрла до блеска зеркало, туалет и ванную. Я выбросила ненужную косметику, средства и пробники из шкафчика, которые стояли там годами.

Натан тонко намекал, что пора бы избавиться от этого мусора уже очень долго. Я до отказа набила мусорный пакет этим полупустым, с истёкшим сроком годности барахлом. Тоже самое я сделала и со своей прикроватной тумбочкой. Я безжалостно выбрасывала старые квитанции, а последние скрепила и сложила к другим бумагам в другую комнату. Когда я закончу, ему очень понравится квартира и та женщина, которой я теперь стала.

Вещи для прачечной я сложила в пластиковую корзину, которая стала ещё тяжелее от мешочка с мелочью [20], который лежал наверху, я направилась к входной двери. Джинджер скакала у меня под ногами, бегала кругами в поисках поводка.

— Мы сходим позже, все вместе, — сказала я ей, взяв ключи.

Как только я подошла к лифту, двери со звоном открылись. Моё сердце бешено заколотилось. В какой-то момент я подумала, что сейчас из лифта выйдет Натан. Еще даже и близко не было пяти, а что если он вернулся пораньше? Я была ещё не готова к его приходу.

Квартира до конца ещё не убрана, я как следует не продумала, что ему скажу.

Но не Натан вышел из лифта и резко остановился. Это был Финн. Моё сердцебиение немного успокоилось, будто мне вручили утешительный приз. Хотя и утешительный, но всё же приз. Я была рада его видеть. На подсознательном уровне я знала истину, если я хочу сохранить брак с Натаном — а я этого хочу совершенно точно — мне нужно порвать с Финном.

Увидев меня, Финн вытер руки о футболку. Он весь был какой-то перепачканный, на его одежде и коже были какие-то серые следы.

— Возвращаюсь с первого занятия по гончарному искусству, — сказал он, продемонстрировав мне свои перепачканные ладони. — Это не так сексуально, как я предполагал.

Я прижала корзину с бельём к бедру. Даже перепачканный в глине, он выглядел очень привлекательно.

— Честно говоря, я тоже не блистаю чистотой.

— Не знаю, не знаю, мне кажется, ты чертовски горяча в роли хозяйки, — он указал на мои волосы и корзину с бельём.

— Я выгляжу ужасно, — я залилась румянцем.

— Мы оба выглядим ужасно, — заметил он и улыбнулся. — Может, в следующий раз вместе будем наводить беспорядок?

Двери лифта стали закрываться, я подалась вперёд, но Финн опередил меня, своей сильной рукой он удерживал двери открытыми. Вспомнив ощущение его сильных и умелых рук на моей талии, на лице, между ног, у меня внутри всё сжалось.

Находиться рядом с ним было очень опасно, мне не следовало больше здесь стоять и позволить моему воображению ещё больше разгуляться.

— Мы можем... поговорить? — спросила я.

— Конечно. Прямо сейчас?

— Нет, не сейчас, — я вытерла пот над верхней губой рукавом. — Может завтра...

— Я не смогу так долго ждать.

Мы смотрели друг на друга. Лифт просигналил, мы слишком долго удерживали двери, Финн убрал руку.

— Давай встретимся у входа через два часа, — сказала я. — Мы пойдём на прогулку.

Он нахмурился, отчего его лоб перерезали морщины. Его фиолетовая футболка с надписью Нью-Йорк делала его глаза ещё более выразительными.

— Почему мы не можем поговорить сейчас? — спросил он.

Двери лифта закрылись. Я почувствовала нервозность от того, что практически целый день была лишь на кофеине. Его озадаченное выражение лица никак не выходило у меня из головы. Я устало облокотилась о стенку лифта. Работа по дому, ужин и Бруклин тотчас же лишились значимости. Чего я действительно хотела прямо сейчас, это потеряться на несколько часов в обожании и тепле, которое дарил огромные руки Финна. Он помог мне забыть, какие надежды я возлагаю на корзину с грязным бельём.

Но моё желание потеряться в Финне было не таким сильным, как желание побороться за мой брак с Натаном. Я скажу Финну, что между нами всё кончено, что ему придётся держаться от меня подальше. И, честно говоря, он не должен спорить со мной по этому поводу — с самого начала я ему не принадлежала. Он не сможет полностью завладеть моим сердцем, если большая его часть принадлежит другому. Ведь он же знает об этом?

Я запустила стирку и вернулась в квартиру. По возвращении Натана домой, квартира будет сиять, постель будет пахнуть весенней свежестью, а за стол с ужином так и будет хотеться поскорее сесть. Когда я нарисовала это в своём воображении, я запаниковала, у нас дома не было свечей, ведь они играют существенную роль в создании атмосферы. Я выпотрошила наш шкаф для белья и нашла две коротенькие свечки в стеклянных стаканчиках. Не самый лучший вариант, но так как они были не ароматизированные, то они не будут препятствовать распространению аромата от рёбрышек. Я также извлекла салфетки и столовое серебро, которое нам подарила моя свекровь, когда переезжала в Калифорнию. Закончив с сервировкой стола, я побежала вниз, чтобы загрузить бельё в сушилку, и снова вернулась в квартиру. Сердце неистово колотилось, лицо покраснело. Хорошо было немного поразмяться, разогнать кровь.

Я перетянула обеденный стол из кухни в гостиную. В гостиной я передвинула кресло к стене, освободив место для стола. Я пропылесосила ковёр, уделяя повышенное внимание следам от ножек кресла.

Когда пришло время забирать бельё, я вымыла руки и взглянула на часы. У меня было достаточно времени, чтобы забрать бельё, расчесаться и поговорить с Финном.

Пожилая женщина поднималась вверх, пока я спускалась вниз. Я её уже встречала раньше, поэтому я поздоровалась с ней, даже несмотря на то, что до этого мы не разговаривали. В прачечной во всю работали машины, гудели, жужжали, крутились барабаны, даже несмотря на обеденное время буднего дня. Мои шаги в шлёпанцах отдавались скрипом по виниловому полу. Я поставила корзину между двумя сушильными машинами, в которых были мои вещи. Одежда Натана была уже готова, а вот бельё ещё бешено крутилось. Я наклонилась и начала доставать бельё из первой сушилки, когда дверь за моей спиной открылась.

Атмосфера в комнате изменилась. Я выпрямилась, услышав тяжёлые шаги. Две руки приземлились по обе стороны от меня, заключая в ловушку.

— Ты хотела поговорить? — спросил Финн, его губы были так близко к моему ушку.

Моё сердце отчаянно заколотилось. Он пах мылом, мой мозг мгновенно отключился. Я не могла припомнить ни одного слова, которые я собиралась ему сказать.

— Не сейчас.

— Сейчас, — сказал, как отрезал.

Я открыла рот, чтобы что-то сказать, но растерялась. Я знала, что находиться в такой близости от него очень опасно. Если я не вырвусь из его рук и не произнесу то, что следует, я просто проиграю в этой битве.

— Между нами всё кончено.

— Всё кончено? — его голос был мягким, но хриплым. — Почему?

Я покачала головой. Его тепло передалось мне и распространилось по всем телу. Капелька пота скатилась вниз по моему животу. Мы можем снова сделать это, быстро, в последний раз.

После того, что мы сделали, это уже не будет иметь никакого значения. Его пронизательный взгляд, его щедрые губы, его огромные руки и член. Он такой мужественный, я с удовольствием приму всё, что он может мне дать.

— Я должна... мне нужно... наладить отношения с Натаном. Он ведь мой муж, — произнесла я защищаясь.

— Ты никому ничего не должна, — просто сказал он.

— Но я хочу этого.

Он потянул за несколько прядей волос, которые выбились из моего пучка, но это никак на меня не подействовало. Тогда он распустил мои волосы и запустил в них свою руку.

— Ты больше не хочешь трахаться со мной, Сэди?

Мне следовало соврать, но я не смогла. Мои трусики уже намокли, тело требовало прикосновений.

— Хочу, но мы должны это прекратить. Если мы остановимся сейчас, то никто ни о чём не узнает, и мы

никому не сделаем больно.

— Значит, всё кончено? — он потянул меня за волосы, я опрокинула голову назад, мой взгляд упёрся в потолок, кожу головы стало покалывать. Кожа на шее натянулась, мне было трудно глотать. — Мы расстанемся?

— Да, — моё тело выдавало меня, мой хриплый голос, дрожащие бёдра. Я немедленно реагировала на Финна, это было неопровержимо, не было никакого смысла это скрывать.

— Если они никогда об этом не узнают, значит ещё один раз ничего не решит? — спросил он.

— Я буду знать об этом. Мы будем знать.

Его рука опустилась вниз по моему животу, и сильно сжала моё местечко между ног. Затем он приподнял меня немного, будто я была его куклой. Он убрал свою руку и прижал меня бёдрами к вибрирующей стиральной машине.

Я громко и удивлённо простонала. Горячая машина беспощадно терзала мой пульсирующий клитор. Мои внутренности сжались в комок. Финн же никогда до этого не был настолько возбуждённым, настолько твёрдым.

— А если я не буду внутри тебя, это считается?

Я отчаянно пыталась восстановить дыхание, пыталась прийти в себя, собраться с мыслями, почему я здесь. Из-за Натана.

— Считается.

Он резко оттащил меня от машинки. Приятная истома растеклась по телу, желание не пропало, лишь усилилось.

— Извини, ты была уже близка? — тихо спросил он с издёвкой. — Можешь попросить. Моё мнение о тебе не изменится.

Я заскрежетала зубами. Разочарование в самой себе развеяло моё возбуждение. Я совершала ошибки, Натан тоже, но чем больше я уступаю Финну, тем труднее мне возвращаться к Натану. Я ведь именно этого и хочу. Я же не могу быть с ними обоими, несмотря на то, что я могу представить моё будущее с Финном. Я отошла от сушилки и развернулась.

Финн схватил меня за подбородок и жёстко поцеловал, в его поцелуе была заключена страсть всех тех десяти лет. Мне стоило невероятных усилий оттолкнуть его. Он пристально на меня посмотрел, я тяжело дышала.

— Я не могу, — сказала я.

— Это не правда.

Дверь в прачечную открылась, женщина, которую я видела раньше, вошла в помещение.

Она заглянула в свою стиральную машину. Она не знает ни меня, ни Натана.

Финн склонил голову, будто мы сошлись на дуэли.

— Вы уже просушили своё бельё? Могу я занять вашу машинку? — спросила она. Сушилка, на которой я только что чуть было не кончила, закончила свою работу. Моё постельное бельё сделало ещё пару кругов, упало вниз и замерло.

— Да, — ответила я. Затем сложила бельё из двух сушилок в корзину. Мой клитор сейчас был очень чувствительным, а ткань штанов грубой. Я изо всех сил прикусила губу, чтобы унять боль от этой пытки. Я избегала встречаться глазами с этой женщиной, пока она складывала свои вещи в сушилку, затем закрыла дверцу, запустила машинку и вышла из комнаты.

— Ты не понимаешь, — сказала я. — Мне очень жаль...

— Что я не понимаю? Я тоже женат.

— Но ты не...

— Что?

— Ты не чувствуешь к ней того, что я испытываю к Натану. Ты часто говорил мне об этом.

Он запустил руку в свои влажные волосы и отвёл взгляд.

— Нет. Всё не так. Ещё ничего не кончено.

— Это необходимо сделать, — я знала, что была не в состоянии убедить его в этом и у меня ещё была куча дел, поэтому я взяла в руки корзину с бельём и собралась уходить.

Он преградил мне путь.

— Между нами происходит что-то замечательное, нельзя просто взять и всё прекратить. Ты знаешь, что это так.

Честно говоря, я уже вообще ни в чём не была уверена. Мне нужно было порвать с ним, даже несмотря на то, что я не была уверена в правильности моего выбора. А, что, если сегодня вечером с Натаном всё пойдёт не так, как я запланировала? Что если всё станет только хуже?

— Я замужем, — произнесла я, понутив плечи. — Ты женат.
— Я звонил адвокату, — спокойно произнёс он, удерживая мой взгляд. — Сегодня утром я сказал Кендре не приезжать в конце месяца.
— Что ты сделал? — я ахнула от удивления.
— Она интересовалась почему.
Я оцепенела. Корзина с бельём выскользнула из моих рук и рухнула на пол.
— Я тебя об этом не просила.
Его губы сжались в тонкую линию.

— Я хочу развестись не для тебя, а для меня самого, — его слова были лишены эмоций, будто он был хирургом, для которого развод был лишь плановой операцией. — Моё решение жить с Кендрой было ошибочным. Ты помогла мне осознать, что у меня есть выбор.

У меня пропал дар речи. Я не ожидала, что Финн нанесёт ответный удар, учитывая его благородные обещания. Мужья обычно не покидают жён ради мимолётного увлечения. Для Финна же наша связь значит намного больше. Он никак не может забыть нашу первую встречу в кофейне с одной стороны это очень романтично, с другой же смахивает на какую-то манию. Без сомнений то, что мы снова нашли друг друга это очень мило, но достаточно ли это, чтобы перевернуть наши жизни с ног на голову?

Я посмотрела на входную дверь прачечной, постоянно принимающую посетителей.

— Мне нужно вернуться домой, — произнесла я.

— Не бойся. Я не прошу тебя поступить так же, Сэди.

— Хорошо, потому, что я не буду так поступать, — сказала я, подняв с пола свои вещи. — Я хочу сохранить брак, и поэтому, мы должны положить конец нашим отношениям.

Я оставила его среди работающих машин, стиральных и сушильных. Моё сердце неистово билось, даже протестовало, потому что прямо сейчас Финн был здесь, со мной, Натан же — нет. Убеждённость Финна была привлекательной, заразной, опасной. Но, несмотря на то, что я не могла придумать причины, почему я должна уйти от Финна, от правды мне было не уйти — я могу полюбить Финна, но не думаю, что когда-нибудь смогу по-настоящему разлюбить Натана.

29

Только после шести я, наконец, переделала все дела, которые запланировала. Я хотела дожидаться Натана и только тогда приготовить салат, но затем просто нарезала все необходимые ингредиенты в миску, но перемешивать не стала, просто отставила её в сторону. Затем проверила, охладилось ли пиво, и налила себе красного вина, чтобы успокоить нервы. Я медленно смаковала его, чтобы расслабиться и перестать думать о предстоящем разговоре, я была не уверена, куда он нас заведёт.

Без пятнадцати семь я выключила духовку, но еду оставила внутри, чтобы она не остыла.

Затем зажгла наполовину сгоревшие свечи и поправила каллы, стоявшие по центру стола. Они были прекрасны, но, когда мы сядем ужинать, нужно будет их отодвинуть в сторону, чтобы мы могли видеть друг друга. Я улыбнулась сама себе, ведь один только букет не сможет залатать прорехи в нашем браке.

Наводя порядок в шкафу, поправляя нижнее бельё, я решила, что надену лишь самый сексуальный комплект и передник. Раньше такое удачно срабатывало на Натане, но сегодня это не совсем тот сигнал, который я должна посылать. Прошлой ночью было просто замечательно восстановить с ним физическую связь, сейчас же я хотела проникнуть в его мысли. Натану нравится, когда я ношу белое, «как куколка с глазами цвета индиго» — это были его слова. Поэтому я выбрала белую шёлковую блузку с открытыми плечами, ненавязчиво намекающую на чёрный кружевной бюстгальтер под ней, который совершенно не скрывал ни реакцию на холод, ни возбуждение. Я была настроена на серьёзный лад, но и не хотела лишать его возможности пофантазировать.

После того, как я покормила Джинджер, она стала гиперактивной и преследовала меня по всей квартире. Я попыталась спасти свои чёрные брюки от её слюны и рыжей шерсти, но она решила, что я с ней играю, поэтому я сдалась и рухнула на диван, а она уютно устроилась рядом.

— Я знаю, тебе не терпится его увидеть. Он скоро будет дома, — успокоила её я.

Она одарила меня своей часто-дышащей улыбкой. Я почесала её мордашку. Натан не будет против моих

штанов в шерсти.

Я села по-турецки, мои ступни замёрзли и нуждались в педикюре. Я могла бы обуться, но не хотела пропустить выражение лица Натана, когда он переступит порог квартиры. Плюс ко всему, Натан не любит, когда я ношу обувь дома, один из объектов его неприязни. Как он мог подумать, что я его не знаю, он намекнул об этом на рынке Челси? Он обвинил меня в том, что я не знаю его, его характера. Неужели он и вправду так думает?

Натан замечательный человек, но быть его партнёром по жизни не всегда легко. Если не брать в расчёт последние месяцы, Натан всегда настолько добрый, что на его фоне блекнет доброта самого Папы Римского. Не то чтобы я плохой человек, но рядом с ним, я иногда чувствую себя ущербно. На нашем четвёртом свидании мы шли ужинать и внезапно наткнулись на передвижной автобус для сдачи крови. Натан предложил мне вместе с ним стать донорами. Я не очень-то люблю иголки, и в тот день вообще была не в настроении. Я соврала, сказав, что целый день ничего не ела. Мы прошли мимо, но в ресторане Натан, беспокоясь обо мне, заказал еды в два раза больше обычного.

Окинув взглядом нашу квартиру, я подумала о том, что Натан позволил мне выбирать мебель и декорировать всё на мой вкус. Грамерси Парк был моим убежищем со времён колледжа. Натану пришлось просить о повышении по службе, чтобы вытянуть аренду, несмотря на то, что его всего год назад как повысили. Но он и так уже выполнял работы больше, чем требовалось. Это было взаимовыгодное решение.

Я взяла в руки Сияние [21] роман, который Натан постоянно перечитывает. Я пробежалась глазами по странице, затем отложила книгу и взяла Вог, который просматривал Финн, когда приходил на ужин.

Финн. Только от одного его имени меня бросило в жар. У меня до сих пор кружилась голова, от того, как он манипулировал мной своими руками. Ноющая боль между ног мгновенно вернулась, как будто там и присутствовала всё это время. Закрыв глаза, я начала вспоминать прачечную, в этом месте мы с Натаном никогда раньше не занимались сексом. Теперь оно связано с Финном, то, как он прижал меня к сушилке, тёплой и настойчивой, как бескорыстный любовник. Его рука, держащая меня за сладкое местечко между ног через джинсы. Я резко втянула в себя воздух.

Я хотела это повторить.

Меня душила нужда.

Я сказала себе, что это больше не может продолжаться.

Мне уже нечем было больше заняться и отвлечься, поэтому до меня, наконец, дошёл смысл слов Финна. Он уходит от Кендры. Он утверждал, что не ради меня, но если бы мы были незнакомыми между собой соседями, сомневаюсь, что он бы начал весь этот процесс.

Я встала и прошлась по квартире, в попытке развеять эти фантазии — о сексе с ним, о том, какой бы у нас была жизнь, будь я вместе с ним. Я налила себе ещё вина и дважды проверила телефон, чтобы не пропустить звонок или сообщения от Натана. Но единственное, что было на экране — это часы, показывающие, что уже перевалило за семь часов. Прикусив ноготь большого пальца, я позвонила Натану. Я хотела сделать ему сюрприз, но уже было так поздно, а его всё ещё не было дома. Он всегда ставил меня в известность, если задерживался на работе после шести.

Моя обеспокоенность никуда не исчезла, когда мой звонок был переадресован на голосовую почту. Натан редко совсем выключает телефон, но иногда ставит его на беззвучный режим.

Например, когда навещает отца в больнице.

Мою грудь защемило, когда я нашла номер Центра Раковых Заболеваний, где лежал отец Натана, Ральф. Его то месяцами держали в больнице, то на какое-то время выписывали. Вроде бы после последнего курса лечения его должны были выписать. Так как я пропустила недавний визит Натана в больницу, я уже очень давно не видела Ральфа. Мне следовало настоять, чтобы мы снова навестили его, только уже вместе.

Медсестра ответила на звонок. Я спросила, находится ли Ральф всё ещё у них.

— Да, он здесь, — подтвердила она, немного подержав меня на линии. — Но прямо сейчас он спит.

— С ним всё хорошо? Он не в критическом состоянии?

— В критическом состоянии? Нет. Несмотря на то, что он, кажется, не совсем хорошо перенёс последнее облучение.

Я почесала бровь.

— Да, я знаю об этом. Вы знаете, я ищу своего мужа, его сына, Натана. Я подумала, он, должно быть, зашёл навещать Ральфа после работы. Вы не знаете, он там?

— У Ральфа сегодня не было посетителей.

Я поблагодарила её и повесила трубку. Я не ощутила облегчения, потому, что всё равно не узнала ничего о местонахождении Натана. Я позвонила в его офис, но там уже никого не было.

Ощущая себя беспомощной, я направилась в спальню и, сама того не желая, надела тёплые носки.

Натан всегда видит меня в домашней одежде, поэтому мне хотелось застать его врасплох в собственном доме. Но, спустя ещё пятнадцать минут наблюдения за горящими свечами, я сняла носки и, присев на краешек ванны, решила перекрасить ногти на ногах. Я не знала, чем ещё себя занять. Пропадать неизвестно где, было не в характере Натана. Но опять же, так ли это теперь?

Прошлой ночью он подарил мне надежду, но это ни в коей мере не было каким-то прорывом в наших отношениях. Учítывая, как всё было до прошлой ночи, то, что он наотрез откажется со мной общаться, это был лишь вопрос времени.

Была ли я права, заволновавшись, что он отвернулся от меня, когда заснул? Может прошлая ночь не имела для него такого значения, как для меня? Кроме того, после той ночи, когда он назвал меня шлюхой во время секса, на следующий день он вёл себя как мудака. А после того, как кончил мне в рот в прихожей, он даже не стал дожидаться утра, чтобы разозлиться на меня.

Может быть, я и не всегда правильно поступала в нашем браке, но разве это даёт ему право так со мной поступать. Мучать меня ожиданием и даже не удосужиться позвонить. Я поднялась и стала расхаживать по квартире. Я нечаянно задела ногой кресло, лак смазался, я выругалась.

Третий бокал вина мне уже не пошёл, создалось впечатление, что оно застряло в горле, окрасив зубы. Моя помада осталась на бокале, но я не потрудились снова её нанести. Я ещё раз набрала Натана, его телефон не отвечал.

Еда уже остыла. Я съела немного салата, остатки отправила в измельчитель. Неужели он, правда, остался на работе допоздна? Или он снова застрял в баре внизу? Где ещё он может быть?

Я уставилась на чёрное отверстие, в котором исчез салат, и вдруг меня осенило, как же я раньше не догадалась. Сегодня же среда, а по средам он играет в боулинг. Но вместо облегчения, меня, как пламя пожара, охватила ярость. После того, что случилось прошлой ночью, и, учитывая в каком состоянии, находится наш брак, ему следовало знать, что не стоит пропускать семейный ужин ради встречи с друзьями. А он не только не потрудились предупредить меня, он ещё и выключил телефон.

А я сижу здесь, как дура, и волнуюсь.

Нанесла макияж, накрутила ногти, полагая, что это поможет что-то изменить.

Я надела для него самое лучшее бельё, специально пошла и купила его любимые цветы, постирала одеяло, только лишь потому, что он накрывался им без меня. Я так сильно сжала барную стойку, что побелели костяшки пальцев. Всё, с меня хватит. Хватит ходить вокруг него на цыпочках, хватит гладить его по шерсти.

Знаю ли я этого человека, который является моим мужем? Я никогда не могла предположить, что он сможет предпочесть Бруклинский Боулинг работе над нашим браком, временем, проведённым со мной. Это не тот Натан, за которого я выходила замуж, но это тот Натан, с которым приходится иметь дело сейчас. Может даже теперь Сияние больше не его любимая книга. Может ему уже всё равно, как я питаюсь. Может он уже израсходовал всю свою доброту, и прямо сейчас там, в боулинге, он смеётся надо мной и над моими жалкими рёбрышками.

Я потратила весь день на готовку, а он даже не потрудились прийти домой и поужинать.

Несколько месяцев я мирилась с этим дерьмом и пыталась всё делать правильно. Несколько месяцев я молчала в тряпочку.

Я резко развернулась, опрокинув пластмассовую салатницу и всё, что встречалось на её пути. Рывком я открыла духовку и достала еду. Я сильно побледнела, и так сильно была сбита с толку, что подняв противень, я хотела швырнуть его на пол, но в последнюю секунду замерла. Вот мой способ проявить любовь к Натану — я готовлю для него. Но он больше не хочет есть мою еду.

Что ж, я знаю человека, который хочет.

???

Держа в руках холодный и нетронутый ужин, я пяткой постучала в дверь Финна. Ему потребовалась целая минута, чтобы открыть. Волосы растрёпаны, футболка наполовину одета.

— Сэди? — он окинул взглядом коридор, взглянул мне за спину. — Боже, что...?

— Ты любишь рёбра барбекю? — я потрясла едой между нами. — Вот. Возьми. Они вкусные. Ну, по крайней мере, были такими часа два назад, когда были с пылу с жару. Я готовила их для Натана, но ты... — меня

обуревали эмоции. Лицо исказилось от злобы. А от чувства потери на глазах выступили слёзы. — Но я подумала, что ты сможешь оценить их по достоинству.

— Сэди, — грустно произнёс он, взяв противень и поставив его на скамейку в прихожей.

Финн крепко меня обнял. Я разревелась. Всё то время, которое я потратила на макияж было бессмысленным, время, прожитое в браке, было потрачено впустую. Была ли в этом моя вина?

Может это я позволила Натану ускользнуть сквозь пальцы, даже если и так, когда он успел отдалиться так далеко, что теперь был в зоне недосягаемости? Может уже слишком поздно для того, чтобы его вернуть? Неужели его любовь прошла, или, ещё хуже, превратилась в безразличие?

— Ш-ш, — Финн дал мне возможность выплакаться. Он гладил меня по спине, но не заметил, как я зашипела, когда он дотронулся до того места, где Натан меня укусил. — Всё хорошо. Такое случается, — сказал Финн.

Я хлюпнула носом. Когда я немного успокоилась, я посмотрела ему в глаза.

— Что случается?

В его глазах плясали смешинки, он утёр мне нос своей футболкой.

— Извини, — я скривилась от того, что перепачкала его слезами, соплями.

Но, несмотря на это он улыбался.

— Всё начинается с мелочей, — его лицо стало серьёзным. — С того, что забываешь о годовщине или оставляешь мокрый след от чашки на дорогом кофейном столике. Со временем всё только обостряется. Незначительное недовольство перерастает в значительное и начинает сводить тебя с ума. Иногда ты взрываешься, иногда чахнешь, тебе становится всё равно.

Я посмотрела на мокрое пятно на его футболке. Я не могла поверить, что три месяца ощущались целой жизнью. Натан превратился в совсем другого человека практически за одну ночь и без предупреждения. Но Финн мог сослаться лишь на свой опыт.

— Это то, что произошло с тобой и Кендрой?

Он вздохнул.

— Полагаю, все мы обречены. В наших отношениях с Кендрой я был тем, кто забывал памятные даты, не думал о том, о чём она просила, например, использовать подставку для чашек.

Не специально, я просто не думал о том, что делает её счастливой. Очень похоже на то, как ведёт себя Натан.

Его слова были пугающе ошибочны, будто он случайно перепутал меня с Натаном и назвал его имя. Финн знал Натана только как мужа, который пренебрегает мной, но это я забываю о мелочах. Я редко выбрасываю старый кофейный фильтр. Я не покупаю гель для душа, когда он на исходе. Я сразу же съедаю вишенку на мороженом с сиропом, в то время как Натан сперва предложит свою мне. Но это не значит, что я не задумываюсь о том, что делает его счастливым. Я по-другому проявляю свою любовь.

— Но моё отношение к тебе будет иным, — снова возвращая разговор к нам и читая мои мысли, произнёс Финн. — Конечно, то моё поведение было связано с динамикой развития наших с Кендрой отношений, а не с тем, каким мужем я могу быть.

Моё внимание привлекла уверенность в его высказывании.

— Для меня?

— Но ведь ты здесь для этого, ведь так? — он скорее предполагал, чем был убеждён. — Не нужно приходить ко мне всякий раз, когда ты расстроена, если ты не хочешь моей поддержки. Лучший способ из тех, что я знаю, это сказать тебе, как всё будет, если ты выберешь меня.

Лифт дзынькнул, оповестив о прибытии на этаж. У меня перехватило дыхание. Должно быть это Натан. Я хотела разорвать объятия, но Финн крепко меня держал.

— Просто скажи, и я отпущу тебя, — сказал он. — Всё снова вернётся к норме, но ведь этой нормы для тебя не достаточно.

Я снова взглянула на него. Он не просто хочет меня в физическом плане, он ещё и хочет любить меня, но и я хочу снова быть с ним. Несмотря на все трудности. Такое случается очень редко, встретить хотя бы раз в жизни человека, с которым посчастливится испытать такую глубокую связь, но я встретила уже второго, и им оказался Финн. Я прекратила попытки вырваться.

Мужчина из квартиры 6Д вышел из лифта. Проходя мимо, он не скрывал тот факт, что заметил наши объятия. Он живёт в этом здании намного дольше всех нас, и он знает, что Финн не мой муж.

Финн полностью его проигнорировал.

— Пойдём внутрь, — сказал он, когда мы снова остались одни.

— У меня ведь ничего с собой нет.

— А что тебе нужно?

— Ну, во-первых, я босиком.

— У меня найдётся для тебя обувь, — он обнял меня за плечо. Я тотчас же успокоилась, почувствовала себя в безопасности, в укрытии посреди бури. Моё сердцебиение успокоилось. — Ты взяла ключи от квартиры? Я раскрыла ладонь, на которой остались следы от зубцов ключей, так сильно я их сжимала.

Он улыбнулся.

— Что ещё? Ты поела?

Я покачала головой.

— Нет.

— Тогда входи, и я накормлю тебя.

30

Финн отнёс тарелку с рёбрышками, приготовленными для Натана, на кухню. По крайней мере, та любовь, с которой я готовила их, не будет потрачена впустую. Несмотря на то, что Финн уже несколько недель живёт в этой квартире, пол был всё ещё завален коробками. Некоторые кухонные шкафчики были открыты, а их прикрыла.

— Финн, ты практически ничего не распаковал, с тех пор как я в последний раз была у тебя.

— Я делаю всё, что могу. У меня сейчас переходный период, — произнёс он безучастно, будто хорошо заученную фразу, и вышел из комнаты. Затем вернулся с парой шерстяных носков в руках. — Садись.

На одном стуле были свалены в кучу руководство по фотографии, биография Джорджа Штейнбрэннера [22] и диск с фильмом Таинственный сад [23]. Второй приютил проигрыватель, коробку с конструктором «Лего» и зелёную армейскую куртку.

— Куда?

Он подошёл ко мне, поднял меня за талию и усадил на рабочую поверхность кухни.

Я захихикала, а его лицо озарила улыбка. Он надел на мою ногу носок, спустив верхнюю его часть до лодыжки. Я ощущала себя, будто скользнула под тёплое одеяло после долгого и холодного дня, и меня не заботило, пострадает ли от этого мой свежий педикюр. Я осознала, что не чувствовала удушающей жары.

— Ты починил обогреватель?

Он мне подмигнул.

— Сегодня утром. С тех пор я в раю. Такое чувство, что этот день может стать лучшим в моей жизни.

Я видела это в его глазах — прямо сейчас он был счастлив.

Он надел на меня второй носок.

— Вот. Или эти носки, или мои кроссовки 44 размера.

— О, я буду в них как на лыжах.

— Да, а в носках — нет, — он широко улыбнулся.

— Это мило, — я обняла его за шею и притянула его к себе для поцелуя. — Спасибо.

— Нет проблем, принцесса, — сказал он и подошёл к тарелке с рёбрами. Хорошо, что он отошел, потому что не уверена, что смогла бы скрыть когда-то очень милое, но на данный момент наводящее уныние воспоминание, которое отразилось на моём лице.

— Я не Принцесса.

— Тогда ты Горошина.

Финн открыл микроволновку, но тарелка была слишком большой и не поместилась бы в ней. Его взгляд молил о помощи.

— Может, съедим только половину?

Закатив глаза, я спрыгнула с рабочей поверхности, игриво оттолкнула его с пути.

— Я не для того часами над ними ворковала, чтобы потом просто подогреть их в микроволновке, — сказала я включив духовку. — Всего пару минут, и они снова будут тёплыми.

— Понятно, — произнёс он, почесав шею сзади. — Я же говорил тебе, что кухня меня ненавидит.

— Кухня подобна женщине, — сказала я, облокотившись на кухонный шкафчик. Не знаю, откуда я это взяла,

но продолжила, развивая эту мысль. — Ты не можешь просто завалиться на туда и сразу же успешно приготовить изысканное блюдо. Потребуется время, чтобы исследовать её, изучить её содержимое, поэкспериментировать с приправами и пропорциями.

Он стоял в другом конце комнаты с улыбкой на лице.

— Значит, судя по твоему примеру, ты — изысканное блюдо?

— Нет... — я уже хотела пуститься в более подробные объяснения, но, запнувшись, поняла, что он надо мной шутит. — Я просто тебе говорю, не мешаться под ногами и не бренчать попусту кастрюлями и сковородками.

Он пожал плечами.

— Просто иногда кастрюли и сковородки хотят немного побренчать, иногда к ним присоединяется даже кухонная лопатка...

— Ага, всё понятно, — смеясь, сказала я. — Ты хотя бы знаешь, что из себя представляет кухонная лопатка?

— Хм, — он пошёл прямо на меня, у меня задрожали колени. Воспоминание о том, что случилось в прачечной, всплыло в памяти слишком быстро. Он потянулся за мою спину, и затем продемонстрировал мне его кухонную лопатку. С улыбками на лице мы смотрели то на эту кухонную утварь, то в глаза друг друга.

— Это она? — уточнил он.

— Да.

— Повернись.

— Нет. Давай сначала закончим с едой.

Он не сдвинулся с места, выражение его лица было игривым, но намерения решительными.

— Ладно, — согласилась я и повернулась лицом к рабочей поверхности. — Только будь нежн...

Он шлёпнул меня по попке, не очень больно, я захихикала.

— Лучше? — спросил он.

Я честно ему кивнула.

— Благодарю. Ты вправду знаешь, как порадовать девушку.

— Всегда к твоим услугам, — подмигнул он. — Хочешь, устрою тебе экскурсию по квартире?

Несмотря на то, что мы здесь занимались сексом, я так и не видела его спальни. То, что я прямо сейчас находилась у Финна, уже само по себе подразумевало, что моё решение принято.

— Ладно... только...

— Просто экскурсия. Обещаю, — сказал он, подняв ладони вверх.

Я кивнула, испытывая благодарность, что он смог прочесть мои мысли. Я отправила рёбрышки в духовку и проследовала за ним. Он открыл одну из дверей в маленьком коридорчике. Я сразу же ощутила резкий запах. Пол был застелен клеёнкой и завален банками с краской. Одна стена была наполовину расписана, на ней были изображены лошади.

— Марисса хотела лошадей, — объяснил он.

— Ты сам их нарисовал? — спросила я. Конечно, это не была фреска Микеланджело, но это показывало, насколько Финн предан своей дочери.

— Она делала наброски вместе со мной. Некоторые её вещи уже здесь. Я планировал перевезти остальное после Дня Благодарения.

Я в задумчивости почесала бровь.

— Но теперь уже нет.

— Наш дом продан, поэтому им в любом случае придётся переехать. Ну, то есть, безусловно, я помогу Кендре найти... — какое-то время его взгляд блуждал по комнате. — Мы ещё не обсуждали детали.

Мне стало любопытно, и я заглянула в коробку у двери. Всё это было реальностью: раскраска Холодное сердце, Шопкинсы [24], розовые носочки.

— Не надо, — сказал он, пристально вглядываясь в меня.

— Не надо, что?

— Это бы в любом случае произошло, Сэди. Это не твоя вина.

Я заправила прядь, выбившихся волос, за ухо. Однажды я была маленькой девочкой, у которой были хреновые родители. Пока я росла, я пришла к выводу, что лучше бы мой отец развёлся с матерью и положил конец страданиям их обоих.

— Может, тебе следует немного притормозить? Дать Кендре возможность свыкнуться с этой мыслью?

Он покачал головой.

— Она убедит себя, что я изменю своё решение. Она всегда так делает. Ты бы хотела, чтобы тебя водили за

нос?

Если не брать в расчёт последние месяцы, я не сталкивалась с двусмысленностью в наших отношениях с Натаном.

— Думаю, нет.

Он закрыл дверь.

— Не самом деле, тут особенно не на что смотреть, ни в этой комнате, ни во всей остальной квартире.

Стены следующей комнаты были чисто белыми. Справа от письменного стола три большие картины. Это были фотографии, они стояли, прислонившись к стене.

— Это твои работы? — спросила я, входя внутрь.

— Я не настолько претенциозен, чтобы повесить их на стену, — а затем добавил. — Честно говоря, не знаю, куда их пристроить.

На первом фото был изображён солнечный пейзаж и ступеньки Юнион-сквер. Размытый силуэт мальчика-подростка, взмывшего в воздух на своём скейтборде и перелетевшего перила.

Его друзья тоже на скейтах застыли в движении. Женщина, сидящая на ступеньках с сэндвичем в одной руке и электронной книгой в другой. Кто-то из прохожих говорил по телефону, кто-то наблюдал за подростками, кто-то общался между собой. Справа мужчина сидел на складном стульчике в окружении картин с ценниками. Финн сумел в точности и деталях запечатлеть обычный день в парке на станции метро 14 улица.

— Это мой босс в день, когда я уволился с работы, — сказал Финн, привлекая моё внимание к следующей фотографии. Седовласый мужчина сидел, опираясь локтем о стол, он удивлённо приподнял бровь, его губы были плотно сжаты в тонкую линию, а лицо представляло собой топографическую карту его жизни, оно было усеяно оспинами и глубокими морщинами.

Я уставилась на Финна.

— Ты уволился... а потом сфоткал его?

— Я хотел запомнить этот день на всю оставшуюся жизнь. Я принёс камеру с собой в офис и щёлкнул его без разрешения. Технически это не самый лучший мой снимок, потому, что был сделан очень быстро, но выражение лица моего босса говорит само за себя.

— Он выглядит злым и раздражённым.

— Так оно и было, из-за фото и моего ухода. Я, было подумал, что он разобьёт мою камеру, но он просто сказал мне выметаться.

— А тебе не было страшно увольняться? — поинтересовалась я. Кабинет его босса был роскошным, абсолютно белым с остроугольной мебелью и видом на реку. Его наградами была завалена целая полка.

— У меня в крови бушевал скорее адреналин, чем страх.

— Почему ты это сделал?

Он не ответил, я повернулась, посмотреть на него.

— Я просто хотел перемен.

— В последнее время в твоей жизни случилось много перемен.

Он пожал плечами.

— Кендра любит постоянно указывать на это. Я работаю сам на себя, сам себе хозяин. Я не понимаю, в чём проблема.

— Ну, я думаю, когда у тебя есть семья и маленький ребёнок...

— Я никогда их не подведу. Финансово так точно. Я прилично зарабатывал и смог многое отложить. Я не поддался соблазну покупать всякую материальную ерунду, как мои коллеги, — доказывая свою правоту, он указал на практически пустую комнату. На полу стояли две коробки, подписанные инструменты и офис. — Ты сама прекрасно всё видишь.

Наши взгляды медленно переместились к последней фотографии, на которой молотый кофе был рассыпан на, казалось, знакомом полу.

— Этот снимок был сделан здесь?

— Ага, — усмехнулся он. — Подтверждение того, что на кухне я, как слон в посудной лавке. Кендра обычно готовит мне кофе.

— Также поступает и Натан. Даже когда кофе на две кружки не хватает, он варит одну и оставляет её для меня.

Несмотря на то, что все эти три фотографии вызывают те или иные эмоции, ярко выраженной связи между ними не было. На письменном столе лежала ещё кипа фотографий 10 на 15 см. На верхней, был изображён

терьер, привязанный к скамейке в парке. Что было изображено на остальных, можно было определить по торчащим кончикам — палец, покрытый морщинками, ржавая велосипедная цепь, лепесток розы.

Я заметила, что Финн на какое-то время умолк.

— Извини, — сказала я, осознав, что мой последний комментарий был о Натане. — Мне не следовало углубляться в детали.

— Почему нет?

— Это странно.

— Всё, что с нами происходит, довольно странно. Если мы не сможем об этом разговаривать, это может навредить нашим отношениям.

— Это зрелое замечание.

— Ведь это логично?

Мне стало бы легче, если бы отпала необходимость задумываться и редактировать каждое моё высказывание.

— Логично, — согласно кивнула я.

Он подошёл поближе и крепко меня обнял.

— Я хочу, чтобы ты чувствовала себя комфортно и могла говорить о том, что чувствуешь. Даже если сначала будет трудно это сделать. Я понимаю, любовь не может испариться за одну ночь.

— Ты всё ещё любишь Кендру?

— Я говорил о вас с Натаном.

— Понятно, — моргнув, произнесла я. Даже если это не совсем приятно, не думаю, что хотела бы, чтобы он внезапно разлюбил Кендру. Любовь не может резко угаснуть после стольких лет брака. — Так любишь её или нет?

Он отвёл взгляд. Ему понадобилось время, чтобы ответить, будто он не знал, что сказать, или ещё недостаточно над этим поразмыслил.

— Конечно, люблю. Она же мать моего ребёнка. Она моя жена уже почти восемь лет. Но мои чувства к тебе совершенно иные, к Кендре я никогда такого не испытывал, — он сжал меня в объятиях.

Ткань нашей короткой истории с Финном блестящая, сотканная из новых жизненных переживаний, романтики, похоти — но больше всего из открывающихся возможностей. Как новое начало. С Натаном же меня связывают нити более крепкие, но поплёкшие. Они долгое время удерживали нас вместе. Они выдержали споры, несчастье, разочарование, но были также и приключения, и минуты абсолютного счастья. Как, например, в тот день, когда Натан с боем вытащил меня из постели после снежной бури на прогулку. Всю дорогу до Центрального парка я на него дулась, укутанная в шарф, вязаную шапку и перчатки. Натан на этом настоял, а я ворчала.

Каким-то чудом, он знал, что этот день окажется волшебным. Мы катались на коньках, взявшись за руки, глазели в витрины магазинов на Пятой авеню и устроили бой снежками, в котором я проиграла из-за безудержного смеха. У нас с Финном пока ещё не было таких воспоминаний.

Очарование состояло в том, что они ждут нас впереди, но будут иными. И само по себе это новое начало может превратиться в прекрасное воспоминание. Ничто из того, что было или будет не является лучшим, я понимаю, что Финн имел в виду сказав об ином.

Финн выпустил меня из своих объятий.

— Осталась ещё одна комната...

— Ванная что ли? — пошутила я.

Духовка просигналила, мы рассмеялись.

— Вмешательство Всевышнего, — прокомментировал он, поцеловав меня в макушку. — Давай поедим. Пахнет чертовски вкусно.

Идя на кухню, я думала о том, что Финн употребил слово отношения всего минуту назад. Я не сразу заострила на этом своё внимание, значит, меня оно не испугало.

Финн освободил стол и стулья. Я достала тарелки и столовые приборы. Я была знакома с его кухней, так как помогала здесь всё расставлять. Вполне вероятно, что я знаю её даже лучше, чем жена Финна.

— Чем я могу помочь? — спросил он, пока я накрывала на стол.

— Садись. Позволь я обслужу тебя.

Он ни на секунду не отрывал свой взгляд от меня. Я достала две бутылки пива. Я бы лучше выпила ещё вина, но вина у Финна не было, а мысль о том, чтобы сходить к себе за вином, отозвалась болью в груди. Я разложила еду по тарелкам.

— Извини, что без зелени, мне пришлось выбросить салат.

Он схватил меня за руку и усадил к себе на колени.

— Скажи это снова.

Я удивлённо приподняла бровь и задумалась. Я поняла, о чём он просил, но вслух не произнесла.

— Мне пришлось выбросить салат?

Он покачал головой, довольный, ожидающий.

— Позволь я обслужу тебя.

— О да, — он разместил свою руку у меня между ног. — Скажи это снова.

Я стала извиваться, но он крепко меня держал.

— Позволь я обслужу тебя.

Кончиками пальцев он стал дразнить мой клитор. Я резко вдохнула, его взгляд метался от моих губ к глазам и обратно.

— У меня на примете несколько способов, как я хочу, чтобы меня обслужили.

Бедром я почувствовала, как он затвердел. Я накрыла его руку своей, они стали двигаться в унисон. Это было так замечательно, так легко.

Он перевернул свою руку, переплёл свои пальцы с моими и поцеловал костяшки моих пальцев.

— Тебе нужно поесть. Если мы продолжим в том же духе, не могу обещать, что у нас будет возможность поужинать.

Он отвёл от меня взгляд. Его самоконтроль мог рухнуть в любой момент, это было написано у него на лице. Но я ценила то, что он остановился, чтобы сперва меня накормить, поэтому поцеловала его в щёку. Я попыталась встать, но он удержал меня за талию.

— Можешь остаться здесь. Просто сильно не крутись.

Я улыбнулась, легонько толкнув его локтем под рёбра, и перенесла вес своего тела на одно его бедро.

— А как мне кушать и не двигаться?

— Сейчас увидишь, — он взял рёбрышко в руку и сначала дал мне откусить.

Я с удовольствием ещё и слизала сок барбекю с его пальцев.

— Мм-м.

Он же со стоном удовольствия поглощал мясо. А проглотив, пошутил.

— Я не жалею, что обездвижил тебя.

Я хрипло рассмеялась его неожиданной шутке.

— Врунишка.

Мы съели ещё немного рёбрышек. Я уже наелась, поэтому прислонилась к его твёрдой груди, пытаюсь устроиться поудобнее, она была каменной.

— Полагаю, ты уже нашёл тренажёрный зал.

— Я записался в Equinox. Я подумал, что будет не совсем разумно записываться туда, куда ходите вы.

Я в удивлении приподняла бровь, но Финн не мог видеть выражение моего лица. Мы с Натаном ещё шутили на эту тему, в этом тренажёрном зале всё было таким же, как и в том, который посещали мы, оборудование и всё прочее, только абонемент стоит в два раза дороже.

— Как часто ты туда ходишь?

— Прямо сейчас почти каждый день. Навёрстываю упущенное.

— Что ты имеешь в виду?

— Мотаясь между работой, Кендрой и Мариссой, в Коннектикуте я не мог уделять тренировкам столько времени, сколько хотел, — он запил еду пивом. Когда он сделал глоток, его тело качнуло меня вперёд-назад. — Я ещё бегаю по набережной Ист-ривер. А ты бегаешь?

— Нет, — ответила я, умолчав о том, что Натан пытался привлечь меня к бегу, но бег меня изматывает, не зависимо от выбора местности.

— Давай завтра вместе побежим. Если выйти пораньше, там будет практически безлюдно.

Там такая красотища!

— А сейчас не холодно для бега?

— О, там чертовски холодно, — сказал он, издав смешок. — Но не волнуйся, малышка, я тебя согрею.

Кончиком пальца я выписывала восьмёрку на его бедре. По какой-то причине, когда Финн говорил о беге, он уже не казался таким уж изматывающим, наоборот, очень даже весёлым занятием.

— И что потом?

Он не замешкался ни на секунду.

— Потом мы закажем весь завтрак в закуской. Набьем желудок картофельными оладьями до отказа, пока нам не станет совсем плохо. Мы будем мило макать их в яичницу — глазунью и кормить ими друг друга, пока нашей официантке не станет совсем плохо.

Я очень широко улыбнулась, меня распирало от радости, я уже почти смеялась.

— А потом?

— Ну, возможно, нам всё-таки удастся вернуться сюда. Мы будем наевшимися и потными.

— Наевшимися и потными? — я сморщила нос. — Вот какой парочкой мы будем в твоём представлении?

— Оставайся со мной, — сказал он и посмотрел в направлении гостиной. — В прихожей я с радостью сорву с тебя всю одежду, закину тебя на плечо и отнесу в душ. Я возьму тебя там, потом на кухне, потом по всей квартире. А потом уже наступит обеденное время, и мы пойдём куда — нибудь развлечётся. Тебе нравится Музей Естествознания?

— Думаю, да. Я уже давно там не...

— Он самый лучший. Там очень интересно, совсем не претенциозно. А потом купим на улице хот-доги и немного прогуляемся пешком.

— Хот-доги? После такого-то завтрака?

— Счастливые люди едят очень много, знаешь ли.

Мы одновременно рассмеялись. Когда его дыхание пришло в норму я спросила.

— Что дальше? — я повернулась посмотреть на него. — Подожди, дай угадаю. Пицца?

Он чмокнул меня в носик.

— Если это то, чего ты хочешь.

Я снова повернулась лицом к столу. Его тарелка была уже почти пустой, моя — всё такая же полная.

— Это просто замечательная фантазия, Финн. Спасибо.

— Ей не обязательно оставаться фантазией. Только скажи.

Меня не удивило его предложение, но в каком же мире живёт Финн, если считает, что мы можем осуществить это уже завтра? Мне нравится, что он хочет провести со мной целый день, но мы говорим о серьёзных вещах, и нужно реально на них смотреть.

— Я говорю о том, что мне завтра нужно на работу. Ты же знаешь об этом? Завтра ведь четверг.

— А мне нужно ехать в Коннектикут, — он пожал плечами. — Я могу всё отменить, а ты можешь взять выходной.

— Допустим, — уступила я, хотя это было невозможно, ведь я уже взяла выходной сегодня. — А что дальше? Я же не могу постоянно брать выходные.

Он притих. Я ждала его ответа, но вскоре стало ясно, что он не собирается отвечать.

Я разрушила то весёлое настроение, в котором мы только что пребывали, но это к лучшему. Нам следует подумать, как сложится наша жизнь за пределами этой квартиры, не за закрытыми дверями.

— Как обстоят дела с твоей работой? — спросила я.

Он передвинулся подо мной.

— Если ты волнуешься о финансах, то не стоит, я и раньше распоряжался семейным бюджетом, так что с этим я разберусь. А пока у меня есть сбережения и инвестиции.

— Я не волнуюсь, просто мне интересно, — своей ступнёй я погладила его по ноге, чтобы показать, что я не собираюсь его пилить по этому поводу. — Ты хочешь зарабатывать на фотографиях? Как идут дела с тех пор как мы в последний раз говорили об этом? А что с тем заказом, который ты получил?

— Эта работа связана с книгами, — ответил он уже веселее. — Хотя я в ней не уверен.

— Почему? — моя голова уютно устроилась под его подбородком.

— Я хочу всё делать правильно, а для этого мне нужно более новое оборудование, если я хочу быть более конкурентоспособным. Я хочу превратить тот офис в студию. Уже прошло много времени с тех пор, как я занимался этим профессионально, сейчас я чувствую себя любителем.

Я посмотрела ему в глаза. Я была одновременно рада и обеспокоена тем, что он хотел осуществить свою мечту. Я не много знала о биржевом рынке, но слышала, что иногда случаются обвалы, и если он вложил туда деньги, надеюсь, он знает, что делает. Не так-то просто отказаться от такой стабильной работы. Я, например, никогда не смогу так поступить. Но я прекрасно помню того длинноволосого художника, которого я повстречала в кофейне, и моё сердце наполняется радостью. Я поцеловала его подбородок.

— Сделай это. Когда ты снимал меня, ты был великолепен.

Он улыбнулся. Внешне он оставался спокойным, возможно волнение бушевало где-то внутри. Вся его жизнь в одночасье перевернулась с ног на голову: он ушёл с работы, его браку пришёл конец. Но и не менее значимые вещи также меня интересовали, например, то, что он посещает чрезмерно дорогой тренажёрный зал при отсутствии доходов.

Я немного отодвинулась.

— Могу я задать тебе вопрос, который может тебе не понравиться?

— Валяй.

— Может, у тебя кризис среднего возраста?

Он издал сдавленный смешок, погладил меня по волосам и притянул меня для поцелуя.

— Я люблю, когда ты ошарашиваешь меня такими вещами.

Я подождала, пока он прекратит ухмыляться.

— Так да или нет?

Он возвёл взгляд к потолку и вздохнул.

— Вообще-то я даже и близко не прожил половину жизни. По крайней мере, я на это надеюсь.

— Ты знаешь, о чём я.

— Ну, если ты хочешь это так обозвать, то полагаю, что да. Хотя я не рассматриваю это с данной точки зрения. Я думаю, что раньше я ходил во сне, а теперь я, наконец, смотрю на мир открытыми глазами. Я никому не обязан своему счастью, даже Мариссе. Когда она увидит, что я не стал жертвовать своей мечтой ради сохранения брака, когда придёт время и настанет её черёд, она будет знать, как это делается.

Я изучала его лицо, оно было гладким, но всё же контуры первых морщин уже проглядывали. По правде говоря, я не понаслышке знаю, какие перемены коснулись его жизни, но ведь так легко забыть, что все эти преобразования начались ещё до того утра, когда мы встретились в коридоре.

— Что подтолкнуло тебя открыть глаза? — спросила я. — Этому поспособствовало какое-то событие?

— Что-то вроде того, — фыркнул он. — Я могу, конечно, тебе рассказать, но ты можешь подумать, что я какой-то святоша.

— Я вообще не в праве никого судить.

Он коротко кивнул и погладил меня по бедру.

— Мой босс со своими партнёрами несколько раз в год делали «вылазки в свет», чтобы зажигать. Они напивались, заваливались в стрип-клубы, кутили, курили сигары, в общем, отрывались по полной. И они нанимали этих... ну эскорт, на ночь. Эти женщины поднимали их самооценку и их... — он замолк. — Ты сама всё поняла.

Я подавила порыв поднести руку к лицу от изумления. Я не могла представить себе Финна с его романтическими идеалами, участвующего в таком. Я была уверена, что он никогда не присутствовал в компании таких женщин. Такое поведение ему не свойственно.

Он покачал головой.

— В любом случае, если кто-то вроде меня получал приглашение поучаствовать в таком, это было, как получить привилегию. Если ты отказывался, то тебя считали тряпкой. А тряпки не поднимаются по карьерной лестнице. Знаешь, кто мне об этом сказал?

— Ну, не Кендра же.

Он рассмеялся.

— Нет, её отец. Он был одним из них, только работал в другой фирме. Для него было важнее, чтобы я получил повышение, чем остался верен его дочери.

— Финн, это просто отвратительно, — нахмурилась я.

— Я знаю, — он успокаивающе сжал моё колено. — Я этого не делал.

— Я знаю. Но тебя приглашали?

Он кивнул.

— Отказ от повышения лишь отсрочит неизбежное. Эта система работает без перемен, в ближайшее время так точно, — но какое-то время он затих, казалось, потерялся в своих мыслях. — У меня было два варианта: либо принять правила игры или перейти работать в другую фирму, чтобы получить повышение. Я пообщался со многими сотрудниками. И знаешь, к какому выводу я пришёл — все сотрудники в моей, и в других фирмах тоже, ненавидели такую жизнь. Конечно, они не говорили об этом открыто, но это было правдой, как для них, так и для меня, — он фыркнул. — Я ненавидел сложившееся положение вещей. Было время, я верил, что буду заниматься искусством, найду любовь всей жизни и положу мир к её ногам, чтобы её осчастливить. Не

единожды меня посещали мысли, что переспать с проституткой, это всего лишь было частью сделки. Не то, чтобы мне насильно приходилось засовывать свой член в кого-то — прости — или я бы никогда не добился успеха. Это больше касалось самой сферы, где я работал... и что я не мог понять, как совместить работу с тем, чтобы никого не обидеть и при этом сделать свою семью счастливой.

Я почувствовала укол совести. Он ушёл с работы, чтобы стать лучше.

— Мне так жаль.

Он вздохнул.

— Чертовски разочаровывает, когда жизнь складывается не так, как ты этого хочешь. Но я делаю всё возможное, чтобы всё было именно так.

— Ты ни о чём не жалеешь?

— Нет. По крайней мере, пока. Когда я снова тебя увидел, это было похоже на свет в конце туннеля. И, если я смогу пройти через этот туннель, то буду вознаграждён.

— Или наказан, — сказала я. — Может, нам не суждено быть вместе.

Он уверенно покачал головой.

— Я в это не верю. Может, я сделал что-либо хреновое в жизни, но я не плохой человек.

— Натан тоже не плохой.

— Может, для него это тоже будет наградой. Может, он хочет вырваться из брака с тобой, но чувствует себя привязанным.

Я с трудом сглотнула. Финн не может знать, как его слова напугали меня, как больно было их слышать. Когда мой отец хотел уйти от мамы и Эндрю, он узнал, что мама была беременна мной. Я закрыла для него эту дверь. Не то, чтобы он очень порядочный, но он был близок к тому, чтобы уйти от беременной жены. Но никогда так этого и не сделал. Их брак состоял лишь из пьянок, драк и азартных игр.

Финн поудобнее уселся на стуле, а я на его коленях.

— Он сегодня в боулинге, ведь так?

Я играла с воротничком его хлопковой футболки. Неважно где сейчас был Натан, суть от этого всё равно не менялась.

— Это уже не важно.

— Потому, что его здесь нет, — понимающе сказал Финн. Большими пальцами он оттянул вниз мою нижнюю губу, затем отпустил. — Когда ты хмуришься, я тоже хмурюсь.

— Извини, тебе, наверное, нелегко об этом говорить.

— Я могу с этим справиться, — ответил он, и добавил. — До определённого уровня.

— Спасибо, — я чмокнула его в губы. — Уже поздно.

— Ещё не очень.

Я взглянула на электронные часы на духовке.

— Уже почти девять.

— Часы спешат на пару часов.

Улыбнувшись, я закатила глаза.

— Мне завтра на работу.

— Мы ещё не закончили экскурсию по квартире. Да ладно тебе. Неужели не интересно?

Я не могла себе вообразить его спальню. Есть ли там признаки того, что это спальня и Кендры тоже? Есть ли там изысканно украшенная кровать в цвет дивана?

Я не могла понять, зачем всё время смотрю на часы, мне ведь совсем не хотелось домой. Я не хотела выслушивать извинения Натана, или, ещё хуже, его молчание. По всей видимости, лучшее, на что я могла надеяться получить от него это парочка грязных словечек и качественный, жёсткий перепих. Вот и всё, чем он меня наградил за эти последние месяцы.

Финн сжал мои бёдра, и я встала. Он протянул мне свою руку.

Это было нечто большее, нежели приглашение взглянуть на его спальню, он просил меня остаться, выбрать его, жить с ним счастливо. Моя уверенность в Натане в последнее время всё больше и больше подрывалась. А сейчас я уже не была уверена, что вообще её чувствую. Пришло время взглянуть правде в глаза. Я обещала, что никогда не буду силой его удерживать.

Он не хочет сохранить наш брак, и даже если я этого хочу, я не могу его заставить. И опять же, может, я уже больше этого не хочу.

Я приняла руку Финна.

Финн зажжёт тусклый свет, и я впервые увидела его спальню.

— Вот и она, — просто сказал он. Такое название носило это место. Не было ни малейшего намёка, что Кендра приложила к её обустройству свою руку. Здесь совсем не было мебели, белые стены пустовали. Его кроватью был накрытый простыней матрас, лежащий на полу, две подушки и покрывало. Комната была совершенно пустой, не считая нескольких чемоданов, полной корзины вещей для прачечной и одиноко висящих плечиков для одежды.

Он прочистил горло.

— Если бы я знал, что ты придёшь...

У меня ёкнуло в груди. Эта комната совсем не похожа на спальню семейной пары. Здесь даже воздух был пропитан одиночеством. Я постаралась сохранить оптимистический настрой. Ведь она такой будет не всегда.

— Всё нормально. Только не говори, что из-за меня у тебя не было времени на распаковку вещей, — пошутила я.

— Я пытаюсь с этим покончить, но я быстро раздражаюсь и теряю терпение. Это наводит меня на мысли о том, что я оставил тот дом, и о решениях, которые придётся принять. Для меня легче расписывать стены лошадьми.

Я отпустила его руку и заглянула в корзину с бельём.

— Давай я помогу.

Он склонил голову.

— Ты серьёзно?

— Кажется, эти вещи чистые.

— Так и есть, — он достал пару джинсов и взял вешалку. — Я просто их ещё не разложил.

— Это Нью-Йорк, детка, — я обратилась к нему, а затем взяла джинсы из его рук и сложила пополам, а затем ещё пополам. — Место для хранения здесь на вес золота. Джинсы можно просто сложить.

— Ух ты, какая ты шустрая.

— Я уже столько джинсов складывала-перескладывала за свою жизнь, — улыбнулась я и сложила их на полку. — Тебе понадобится какое-то место для хранения, например, большой шкаф или гардеробная.

— Это верно. Может ты сможешь мне что-то выбрать?

Я игриво пошевелила бровями. Надежда в его голосе развеселила меня, кроме того я легко могла представить себе нас, отправившихся за покупкой мебели во второй половине дня в воскресенье.

— Посмотрим.

Он повесил рубашку на пуговицах на вешалку и определил её в шкаф-купе. Её следовало бы погладить, но я прикусила язык. Нужно двигаться в этом направлении медленно. Могу я перевезти сюда свою гладильную доску? Интересно на постоянно или нет?

— Мы можем сходить на блошинный рынок, — предложил он. — Может найдём там что —нибудь достойное и починим его. У меня как раз краска заканчивается.

Я никогда ничего не восстанавливала, но эта идея мне понравилась. У меня под кроватью лежит куча журналов, старых и новых, по декору дома.

— Звучит здорово.

Он развесил ещё немного вещей, пока я создавала стопки из джинсов и повседневных футболок.

— Ты сегодня можешь остаться здесь, — внезапно сказал он.

Я застыла. Находясь в его спальне, я была окружена той реальностью, в которой я была с Финном. Я не могла избавиться от мысли, что спать рядом с другим мужчиной довольно непривычно. Но ведь поэтому я здесь и нахожусь, так ведь. По какой ещё причине я могу находиться здесь, как не по той, что я ухожу от Натана к Финну.

— Я знаю, что этого не достаточно, — не совсем верно истолковав моё молчание, произнёс Финн. — Ты заслуживаешь настоящей кровати. Завтра же она будет здесь, — он сделал паузу. — Это мой способ сказать тебе, что ты и завтра тоже можешь остаться здесь. Я куплю кровать для тебя.

— Финн, — произнесла я, но не знала, как продолжить. Ладно, конечно, почему бы и нет?

Как вообще это должно происходить?

Он повесил ещё одну рубашку на металлическую трубу и развернул меня к себе лицом за плечи.

— Посмотри в кого он превратил тебя за эти месяцы, — Финн звучал убедительно. — Я хочу оставаться спокойным, но когда ты плачешь в моих объятиях, потому что он даже не потрудился вернуться домой к ужину... это просто выводит меня из себя. Он не ценит то, что имеет. Я хочу отобрать это у него.

Его голос звучал уверенно, взгляд был искренним. Прямо сейчас мне хотелось его обнять и поцеловать, потеряться в нём. Но хочу ли я этого каждый день до конца своих дней? Могу ли я вообще это знать, мы ведь знакомы всего пару недель.

— Как ты думаешь, возможно ли любить двоих одновременно?

— Да, — тихо произнёс он. — А ты как считаешь?

— Я не уверена, — ответила я.

Я почувствовала, что его разочаровал мой ответ, но это быстро прошло. Его большие пальцы успокаивающе погладили мои руки.

— Я не прошу тебя полюбить меня сегодня. Всё чего я хочу, это получить возможность проявить мою любовь к тебе без всяких там условностей. Я хочу тебя на матрасе, на полу прямо сейчас, и не важно, что стены ещё до конца не выкрашены и вещи не разложены по местам. Если только ты скажешь да, я мигом здесь всё обустрою. Но это не значит, что сегодня в этом беспорядке я тебя не хочу.

Я огляделась вокруг. Финн, возможно, подумал, что пустота настораживает меня, но в действительности, я видела чистый лист. В нашей квартире мне дорога каждая мелочь — мы с Натаном вместе создавали там уют. Но в то же время это действует, как мучительное напоминание.

— Я не говорю «нет», просто всё слишком быстро.

— Не для меня. Такой брак, в котором находился я, вот от чего я пытаюсь спасти тебя. В нём было слишком много обиды и неприязни. Я готов. Поверь, нет смысла продолжать так страдать.

Для того чтобы покончить с неудачным браком, потребуется железная сила воли. Мне было очень жаль, что это оказался вовлечён ребёнок, мне было жаль, что Кендра не захочет развода — но в чём-то Финн прав. Если он останется, он может причинить им ещё больше боли.

Финн всё равно будет плохим, не важно, как он поступит — останется или уйдёт.

Он коснулся моего лба своим.

— Ну так как? — он нежно меня поцеловал, погладил своим языком мою нижнюю губу. — Останешься, сладкая Сэди? Сладкая, сексуальная Сэди?

Я обняла его за шею и тоже поцеловала. Он красивый и умный мужчина, который заботится обо мне. Я чувствовала это в прикосновениях его рук, его губ. Своим поцелуем он вселил в меня надежду. У нас всё получится, это будет нелегко, но ведь разве не всё лучшее в жизни достигается сквозь боль и борьбу. Я хочу этого. Я хочу начать всё с начала. Мы перервали поцелуй из-за моей широченной улыбки.

— Это означает «да»? — спросил он у моих губ.

— Это «да».

Теперь мы уже оба улыбались. Он крепче обнял меня за талию и поднял в воздух. Целуясь, мы добрались до матраса, на который он меня повалил. Головокружительные поцелуи стали более жадными, более жёсткими.

— Здесь? — спросила я, посмотрев по сторонам, а он куснул меня за подбородок.

— А где же ещё? Это не настоящая кровать, но я слишком долго ждал, чтобы ты оказалась здесь.

— Но вы с Кедр...?

— Нет, — он продолжал атаковать нежную кожу моей шеи.

Мои протесты испарились вместе со способностью дышать, я обернула ноги вокруг его талии. Мы всё ещё не досконально знали тела друг друга, многое предстоит исследовать, изучить.

Он не знал моё тело так, как Натан, но Финн выбил все мысли из моей головы, толкнувшись в меня бёдрами, его твёрдость упёрлась в мой клитор. Я зашипела от неожиданной остроты ощущений.

— Боже, Нат. Да.

Финн мгновенно замер, а я продолжала извиваться под ним, моё сердце бешено колотилось, даже он мог это почувствовать. У меня заняло пару секунд на то, чтобы понять, что я сказала, и осознать ошибку. И, когда это произошло, на меня будто вылили ушат холодной воды.

Финн поднял голову и посмотрел на меня.

— Как ты меня назвала?

— Я — я п — прости, — произнесла я задыхаясь. — Просто невинная оговорка.

Он нахмурился, с каждой секундой напряжение в воздухе нарастало. Мне не следовало думать о Натане, когда я с Финном. Но ведь семь лет я живу с одним мужчиной, с Натаном, как я могу этого не делать?

Наконец Финн сказал.

— Ничего страшного.

Но его голос говорил об обратном. Я приложила ладонь к его щеке.

— Это ничего не значит, Финн.

— Я знаю, — хмыкнул он. — Полагаю с одним из нас подобное должно было случиться.

Большим пальцем я погладила его нижнюю губу.

— Не прекращай меня целовать.

Он отодвинул своё лицо от моей руки и почесал бороду.

— Возможно, нам следует сделать перерыв.

Я прикусила нижнюю губу.

— Ты хочешь остановиться?

— Хочу ли я? Нет, — он улыбнулся. — Но думаю, что нам всё-таки стоит. Ты пришла ко мне в слезах, и сегодня мы приняли очень важное решение. Сейчас ты уязвима. Я не хочу этим воспользоваться, — он смотрел на меня открыто и с обожанием. Возможно, он уже какое-то время меня любил. Он придавал огромное значение случаю, который вообще никогда мог и не произойти. Случаю, который свёл меня с Натаном, а затем снова вернул к Финну.

Голова просто взрывалась от мыслей. Несмотря на то, что ещё совсем недавно я была очень возбуждена, моё тело расслабилось, как будто Финн дал на это разрешение. Внезапно я почувствовала чудовищную усталость.

— Может ты и прав.

Он поцеловал меня в уголок рта, а затем в щёку.

— Кроме того, — прошептал он, — то, что ты будешь спать в моих объятиях, звучит лучше всего на свете, даже лучше секса.

Я не смогла сдержать улыбки. Я почувствовала, что мои глаза уже слипались.

— Это действительно звучит очень даже хорошо.

Он встал, чтобы погасить свет. Лучи лунного света струились из окна, я наблюдала, как он босой подошёл к кровати и снял рубашку. Я сделала то же самое, бросив свою на пол к его. Он проскользнул в постель и прижал мою спину к своей груди.

Одеяло было ненужным. Он был горячим, и мне было не холодно. Но он всё равно укрыл нас простыней и уютно устроился в изгибе моей шеи. Всё это было непривычно, немного странно, но в то же время естественно, так, как и должна ощущаться моя первая ночь в новом доме.

Несмотря на то, что наш дом хорошо отапливался, рано на рассвете, стоя перед дверью своей квартиры меня била крупная дрожь. Финн так крепко спал, что даже не шевельнулся, когда я выскользнула из его объятий. Я оставила его обнимающего пустоту, будто я просто испарилась, будто меня там никогда и не было.

Я очень тихо открыла входную дверь, даже невзирая на то, что Натану в любом случае уже скоро нужно было вставать на работу. Джинджер приветствовала меня, будто только этого и ждала. В квартире было тепло, свет продолжал гореть, как и вчера вечером, но в воздухе витало напряжение. Даже Джинджер казалась подавленной.

— Малышка, извини, что оставила тебя одну, — прошептала я в её шерсть. Я перепрыгнула через порог и оказалась на ковре, в надежде согреть свои босые, холодные ноги, и почти вскрикнула, увидев Натана, сидящего на диване, локтями облокотившегося на колени.

Положив руку на неистово бившееся сердце, я глубоко вздохнула.

— Боже мой, Натан. Ты меня напугал.

Его покрасневшие глаза следили за моими передвижениями по комнате.

— Где, чёрт возьми, тебя носило?

У меня заняло какое-то время, чтобы вновь ощутить вчерашний гнев, но картина перед моими глазами была очень красноречивой: сгоревшие свечи, нетронутые столовые приборы, полосы на ковре от пылесоса, сгорбившиеся и широко раскрывшиеся, будто насмехающиеся, каллы.

— Где меня носило? А где был ты?

— Прямо здесь. Всю ночь.

— Очень смешно. Тогда, наверное, это не я сидела в одиночестве, часами наблюдая, как остывал ужин.

Он потряс головой.

— Ой, не начинай. Ты даже понятия не имеешь, какой у меня выдался вечерок.

— Нет, не имею, — я подошла к столу и стала убирать пустые тарелки.

Он встал, на нём были штаны на завязке и рубашка хенли.

— Я искал тебя, звонил Эндрю, звонил Джил.

Я ощущала на себе его взгляд, когда принялась собирать столовые приборы.

— Я звонил отцу в больницу. Я уже собирался звонить в полицию.

Я взглянула на него.

— Ты что, не спал?

— Спал? — он отшатнулся. — Как, чёрт возьми, я могу спать, не имея ни малейшего понятия, где ты находишься.

Я слишком сильно сжала губы. Он вёл себя так, будто не осознавал, что я тоже через это прошла вчера — часы ожидания, мучений, беспокойства. Я и так слишком натерпелась, пытаюсь привлечь его внимание, а он даже не потрудился появиться на ужин.

— Ты не единственный, кто волновался вчера, — Джинджер ткнула носом в моё бедро, она всегда так делала, когда кто-то из нас повышал голос. Я собрала тарелки и стрельнула в него взглядом. — Но знаешь, что, я больше не собираюсь переживать. Начиная с этого момента, можешь делать всё, что тебе, чёрт побери, заблагорассудится.

— Что это значит? — спросил он, проследовав за мной на кухню.

Я разложила ножи и вилки в выдвижной ящик. Натан не единственный любящий порядок и злой человек в наших отношениях.

— Что конкретно тебе не понятно?

— С того места, что я могу делать всё, что захочу. Ты что, всё ещё думаешь, что у меня кто — то есть?

— Нет.

— Сэди, посмотри на меня.

Я сложила тарелки в шкафчик и повернулась к нему. Своей огромной рукой он массажировал виски, мне пришлось подавить желание спросить, мучает ли его головная боль.

— Тебя не было дома целую ночь, и ты несёшь какую-то чушь. Что происходит?

Я медленно моргнула. Мой закипающий гнев уже дошёл до точки кипения. Несколько месяцев он вёл себя так, будто я вообще не существую, а к себе такое же отношение он не может вынести даже на одну ночь.

— Ты спрашиваешь, что происходит? — произнесла я сквозь стиснутые зубы. — Это ты мне скажи. Я просто следую твоему же примеру. Почему ты можешь проводить вечер вне дома, а я не могу? Ты уже вычеркнул себя из наших отношений. А я только что поняла, что могу поступить также.

— Я не вычеркнул себя, и ты не можешь сделать то же самое, — резко возразил он. — Мы ведь только позавчера занимались любовью. Что ты на это скажешь?

Я отвела взгляд, потому что знала о том, что не смогу скрыть, что помню, как приятно было снова оказаться в его объятиях. Как я могла ощущать к нему такую связь, если с его стороны была пустота.

— Это ничего не значило.

Его смешок был грозным.

— Я ни на секунду тебе не поверил. В чём — в чём, а в этом ты не сможешь меня обдурить.

Ты что думаешь, я не знаю, когда твоё сердце открыто.

— Я думаю, ты действительно знаешь, когда оно открыто, — произнесла я ровно. — И ты в точности знаешь, в каком месте я наиболее уязвима.

Он замер, когда понял смысл моих слов.

Я тоже не невинна, но наш брак умер из-за него. Все семь лет нашего брака Натан работал над тем, чтобы я чувствовала себя в безопасности, как за каменной стеной. А затем, он развернулся на 365 градусов и использовал это против меня. Он отвергал всё, что бы я ни предложила, будь то проявление любви в

физическом или эмоциональном плане. То, как он мучал меня все эти месяцы было даже хуже того, что я разделила постель с другим мужчиной.

— С меня хватит, между нами всё кончено, — я подошла к нему на несколько шагов. — Как бы я ни поступила по отношению к тебе, я надеюсь, наш брак того стоил.

Его взгляд изменился, досада испарилась. В неверии он отдернул голову назад.

— Кончено?

Я выдержала его взгляд, смогла сдержать дрожь внутри. Он больше не увидит меня слабой.

— Да.

— Нет.

— Да.

Он прирос к месту, где стоял. Я обошла его и направилась в гостиную.

— Подожди, — сказал он, обернувшись. — Давай на секунду сбавим обороты, и я смогу всё объяснить.

Я фыркнула, складывая скатерти.

— Извини, конечно, но ты опоздал на два с половиной месяца. Объяснение могло помочь ещё даже неделю назад, даже вчера утром. Ты мог бы позвонить мне вчера вечером, пока я сидела здесь одна и ждала тебя, но думаю, ты был очень уж занят в Бруклине, чтобы подумать об этом.

— Я не ездил в Бруклин. Ну, то есть ездил, но не для...

Я покачала головой, фокусируясь на складывании. Упоминание Бруклина больно укололо, будто он говорил о своей любовнице.

— Конечно, ты ездил.

Он вырвал подложку под столовые приборы из моих рук и швырнул её на пол.

— Ты можешь выслушать меня или нет?

Я скрестила руки на груди и повернулась к нему, но не могла смотреть ему в глаза.

— Я сел на поезд на линии Л, но в мыслях всё ещё был сумбур. Я всё ещё злился, но ночью с тобой мне было так чертовски хорошо, что я совершенно запутался в своих чувствах. Я проехал свою остановку, я хотел привести мысли в порядок, прежде чем встретиться с тобой.

— И поэтому ты решил выйти на станции Бедфорд и пойти поиграть в боулинг.

— Совсем нет. Целых полчаса я ехал не в том направлении, потом, наконец, опомнился и пересел на обратный поезд, чтобы добраться домой. Но в это время на линии случились какие-то неполадки. Детка, я застрял на три часа под землёй. Я не мог тебе позвонить, связь отсутствовала.

Я отвернулась к столу. Линия Л печально известна из-за перебоев в работе, поэтому я не сомневалась в правдивости его слов. Но теперь это уже не имело значения.

— Что всё это значит? — жестом он показал вокруг. — Цветы? Свечи?

Мой подбородок задрожал. Все мои надежды не оправдались. Я ощущала это так же отчётливо, как и вчера.

— Ты был прав, — сказала я. — Та ночь многое для меня значила. Вчера я взяла выходной, чтобы приготовить тебе рёбрышки и сделать уборку в квартире. Я думала мы, наконец, всё обсудим, всё разрешим.

Он нахмурился.

— Ты мне об этом не говорила.

— Это был сюрприз.

Он огляделся вокруг.

— Если бы я знал, я бы прямиком приехал домой.

— Но ты этого не сделал, — я расцепила руки и взглянула на него. — Ты знаешь, как много значило для меня твоё возвращение в нашу постель. Ты сам сказал, что я была открыта для тебя, на седьмом небе от счастья. Но ты жёстко опустил меня на землю.

Он открыл было рот, но его возражение, так и осталось внутри. Он снова посмотрел вокруг.

— Ты права. Прости меня.

— Всё в порядке, — я сглотнула ком, стоящий в горле, затем продолжила. — Может, это и к лучшему. Это помогло мне кое-что прояснить.

Я не стала вдаваться в детали, потому как видела, как заработали шестерёнки в его голове, и, возможно, если бы он поинтересовался, ему стало бы ещё хуже. Спустя какое-то время, он произнёс.

— Я не хотел причинить тебе боль. Я тоже страдаю. Я был в таком смятении, и, да — я не совсем хорошо с этим справлялся.

— Ты так думаешь? Да ты меня полностью игнорировал. Ты же знаешь, как трудно мне было открыться и

полюбить тебя. Я никогда не хотела оказаться в дерьмовом браке, как мои родители, вечно злиться и обижаться. А это как раз то, что с нами происходит, но самое ужасное, что я даже не знаю причины.

Он сглотнул и плотно сжал губы.

— Всё просто... вышло из-под контроля.

— Мне уже всё равно. Твои извинения мне не нужны, — я подняла ладони вверх. Я уже сделала выбор, продолжать вести беседу в таком же духе, не даст результатов, и мне будет лишь труднее сказать ему о моём решении. — У тебя было достаточно возможностей поговорить со мной, но ты этого не сделал. На данный момент я скорее чувствую усталость, чем любопытство, я просто хочу со всем этим покончить. Покончить с этим браком.

Он сгрёб волосы в кулак, казалось, он не осознавал, что делал.

— Ты же не всерьёз.

— У меня была длинная ночь, я устала. Я собираюсь принять душ, позвонить на работу и сказать себя больной, и пойти спать. Тебе следует уйти. Мне уже всё равно куда. Хотя позже нам всё же стоит поговорить, что нам делать дальше.

— Сэди...

Я развернулась и направилась в спальню.

— Сэди, подожди... Я знаю о ребёнке.

Я замерла. О ребёнке? Но ведь нет никакого ребёнка, и он никак не мог узнать об аборте.

Мой брат единственный человек, который знает всю правду, но он бы никогда не предал меня. Я снова повернулась к Натану лицом.

— Что?

— Я знаю, что ты сделала аборт, — спокойно произнёс он. — И что это был наш ребёнок.

33

Моё учащённое сердцебиение отзывалось в горле. Сделав аборт, я пообещала себе, что обязательно расскажу об этом Натану. Может не обязательно в тот же день или даже в том же году, но если у нас получится построить отношения, то однажды я обязательно наберусь смелости и сделаю это. И вот мы там, где мы есть, семь лет спустя. Я никак не предполагала, что он сам сможет об этом разузнать, или что меня не будет рядом, чтобы всё ему объяснить.

— Так вот в чём причина твоего поведения в последние месяцы?

— И да, и нет.

Меня расстроил тот факт, что меня не было рядом, когда он узнал правду. Я понимаю, что это известие очень сильно ранило его, но неужели он не мог признаться мне раньше.

— Ты должен был сказать мне, что обо всём знаешь.

— А ты должна была рассказать мне, что сделала это.

Я уставилась в пол. Он был прав. Я скрывала от него правду намного дольше, чем он игнорировал меня.

— Я боялась твоей реакции.

— Ты принимала серьёзнейшие решения — я говорю не только об аборте — не поинтересовавшись о моём мнении. Ты не можешь по своему усмотрению решать, о чём мне стоит знать, а о чём нет. Так отношения не строят.

— Как ты узнал?

— Случайно. Я искал клиники, которые делают аборт на твоём компьютере для одной девушки из приюта как раз в то время, когда ты снова стала принимать противозачаточные таблетки. Я увидел, что ты искала информацию по абортам — может ли влиять аборт на наступление беременности в будущем.

Я кивнула. В тот вечер я прочитала около десяти статей по этой теме.

— Я думала, что это причина, по которой я не могу забеременеть.

— Эти события между собой никак не связаны. Я читал исследования.

Я поджала пальцы на ногах. Может и не связаны, но в моём случае жизнь показывает обратное.

— Почему ты решил, что это был твой ребёнок?

— Я вспомнил разговор, который я невольно услышал несколько лет назад на вечеринке в честь дня Рождения Белл. Вы с Эндрю наблюдали, как Белл играла с другими детьми на заднем дворе. Я принёс тебе кусочек торта, когда ты сказала Эндрю «Разве не странно? Они бы были примерно одного возраста. Представь, сегодня они бы уже играли вместе».

Закрыв глаза, я в деталях воспроизвела тот вечер. Натан внезапно оказался у меня за спиной, и я испугалась, что он мог что-либо услышать. Это было так давно, он никогда об этом раньше не упоминал.

— Эндрю сказал тебе не думать об этом. Я не понял, о чём вы говорили, но не мог об этом забыть. Когда я увидел твою историю поиска, в моей голове всё сложилось воедино. Белл родилась где-то через год после нашего первого свидания. Я помню ту неделю, когда ты меня полностью игнорировала, мы с тобой встречались всего пару месяцев, а ты взяла и просто исчезла с лица земли. Я думал, что между нами всё кончено. Я винил себя, пытался выяснить, что я сделал не так. Я боялся, что ты повстречала кого-то другого. А потом ты вдруг появилась у меня на пороге вся в слезах и совершенно не хотела говорить о том, что с тобой произошло. А я был слишком счастлив твоему возвращению, чтобы давить на тебя. Я боялся, что ты снова исчезнешь, — он потёр руками лицо, а затем запустил их в волосы. — Поэтому ты уходила, да? Чтобы в одиночку сделать аборт?

Я не была одна, со мной был мой брат. Мы сидели в холодной комнате ожидания, потупившись в журналы, даже не листая страниц. Вот какой мы были семьёй — только одного присутствия Эндрю было для меня достаточно. Мне не нужно было, чтобы он держал меня за руку или уверил в том, что я сделала правильный выбор.

— Это может прозвучать эгоистично, но я сделала это ради нас. Если бы ты узнал, что я беременна, ты бы поступил правильно, несмотря на свои чувства ко мне.

— Как бы я поступил? — спросил он, вздёрнув подбородок.

— Мы были молоды, и едва друг друга знали. Мы встречались всего три месяца, но между нами было что-то особенное. Мне необходимо было знать, что ты со мной потому, что любишь меня, а не потому, что обстоятельства вынудили тебя остаться со мной. Я не хотела заманивать тебя в ловушку.

— Сэди, но ты же не твоя мать, а я не твой отец. Ты не можешь принимать такие решения, не посоветовавшись со мной.

Я смотрела на него изучающе. Мы так сильно старались избежать судьбы моих родителей, а оказалось, что пришли именно к этому. Брак моих родителей жалок. Его же родители перестали разговаривать друг с другом и поэтому отдалились друг от друга.

— Если бы ты пришёл ко мне, как только обо всём узнал, я бы сказала тебе тоже, что говорю и сейчас, по крайней мере, этих последних месяцев можно было избежать. Я не сожалею о том, что сделала, наши отношения лишь окрепли от этого трудного решения, которое я приняла для нас.

Нахмурившись, он покачал головой.

— Ты меня не понимаешь. Я зол не потому, что ты сделал аборт. Я зол, потому что ты полностью исключила моё мнение и всё решила сама. Потому, что не настолько доверяла мне тогда и на протяжении семи лет нашего брака, чтобы позволить мне тебе помочь, принимать участие в нашем браке. Как только я это понял, каждое твоё решение ощущалось одиночным.

— Как это?

— Я обожаю делать тебя счастливой, ты знаешь, это правда. Но, когда я всё выяснил, я осознал, что я всегда ставил тебя превыше всего, но от тебя ответной реакции так и не дождался. Я отверг предложение о повышении по службе, чтобы иметь возможность проводить с тобой больше времени...

— Нет, — перебила я. — Ты сделал это, чтобы в любую минуту оказаться рядом с больным отцом.

— Я сделал это для тебя. Ведь это подразумевало большее количество времени, проведённого в офисе. Но, когда Амелия предложила тебе повышение несколько месяцев спустя, ты приняла его в тот же день. Ты никогда со мной не советуешься.

Я нахмурила брови.

— Ты что, издеваешься? И поэтому ты заставлял меня чувствовать себя изгоем в собственном доме целых три месяца?

— Все эти факты наслаивались друг на друга. Ты даже не знаешь, какую выпечку я люблю.

Жизель должна тебе об этом напоминать. Месяцами я пытался уговорить тебя прийти на мою игру в боулинг, а потом ты вдруг ни с того ни с сего изъявила желание её посетить, ещё и обвинила меня в том, что я тебя не приглашаю. Ты слышишь всех кроме меня, когда тебе говорят о новом баре или ресторане. Я сто раз тебе говорил о Парк-Слоуп, но только лишь, когда Донна упомянула о нём, у тебя открылись глаза на то, что такое

место существует. А потом ты принимаешь судьбоносные решения без меня. И тут меня осенило, а ты вообще, чёрт возьми, заметишь или нет, если я исчезну.

У меня отпала челюсть.

— Это так несправедливо, — возразила я. Выпечка? Бруклин? Я не могла поверить, что из-за этих мелочей между нами образовалась такая пропасть. Может всё, о чём он говорит и правдиво, но у него было предостаточно возможностей всё это мне высказать. Вместо этого он позволил ситуации усугубиться, а потом и вовсе отгородился от меня. — И из-за этих глупых причин, ты подвёл наш брак к краю?

Он указал на меня.

— Именно поэтому я не торопился обсуждать это. Ты себе даже не представляешь, каким бараном я себя чувствовал, когда расстроился из-за грёбаного пончика. Но суть-то лежит намного глубже. Суть в том, что ты даже не паришься узнать и запомнить то, что мне нравится. Вот какие мысли занимали мою голову.

— Но я столько раз пыталась вызвать тебя на разговор, чтобы всё выяснить. И ты мог бы рассказать мне о том, что тебя тревожило, но ты предпочёл меня игнорировать. И в этом Натан ты зашёл слишком далеко. Может я и не была такой внимательной, как ты того хотел, но я такой и была, когда ты женился на мне. Ты же, напротив, полностью изменился и оставил меня в неведении и одиночестве.

— Я был обижен, я был в замешательстве.

— Но я не намеренно обидела тебя, — внезапно в моей груди разбушевалась буря эмоций, и мне стало просто необходимо дистанцироваться от него. Слишком долгое время я была очень уязвима. Он злоупотребил этим моим положением, больше я ему этого не позволю. — Ты не любил меня в темноте, когда сумерки сгустились, как обещал.

Его глаза удивлённо расширились, он, несомненно, был ошеломлён тем, что я процитировала его клятву. Я буду любить тебя как при свете солнца, так и в темноте.

— Любить? Я ни на секунду не переставал любить тебя. Мне было так больно, потому что я очень тебя люблю.

— Всё должно быть не так, — я схватила вазу с каллами и протянула её ему. — Я купила их потому что люблю тебя, они твои любимые. Я приготовила тебе рёбрышки барбекю, я нарядилась в то, что тебе нравится. Я не посторонний человек, я — твоя жена.

Он взял вазу из моих дрожащих рук.

— Они не мои любимые.

— Нет, это не так.

— Каллы — твои любимые цветы, именно по этой причине я их и люблю.

Я нахмурилась от внезапно нахлынувших воспоминаний о том вечере, когда мы впервые встретились, который мы провели на пляже под сияющими звёздами. Он интересовался, какие мои любимые цветы, книги, города. Он помнит всё это и по сей день, а вот вспомнить, спрашивала ли я о его любимых, я не смогла.

— Я этого не знала. Полагаю, это значит, что я люблю тебя не так сильно, как ты меня. Если тебе не нравится такая жена, как я, тогда уходи.

— Это не то, что...

Я развернулась и направилась в спальню.

— Мы ещё не закончили, — сказал он.

— Я закончила. У меня была тяжёлая ночь, сейчас я хочу побыть одна, — я захлопнула за собой дверь в спальню, но он открыл её. Я направилась в ванную, он следовал за мной по пятам. Я обернулась, начав расстёгивать штаны. — Тебе здесь больше не место. Выйди.

— Нет, — ваза всё ещё была у него в руках, он поставил её на раковину. Джинджер металась меду нами, смотрела то на меня, то на Натана, будто посредник. — Да, я совершил ошибку, но ты тоже. Я готов закрыть глаза на те решения, которые ты принимала без меня, но не в этот раз. Теперь я не позволю тебе поступить эгоистично.

— Я не понимаю, что ты от меня хочешь. Между нами всё кончено. Назад пути уже нет, — я была «загнана в угол», поэтому забралась в душ в одежде и задёрнула занавеску. Он дёрнул её обратно.

— Я говорю не об аборте.

Находясь в нерешительности, рукой я опёрлась о плитку. Сперва, я подумала, что ослышалась. Решение, которое я приняла за нас, но не аборт. Какое тогда? Потом я вспомнила о нашем уговоре. Мы договорились, что если у кого-то из нас появится соблазн изменить, то мы не будем этого скрывать друг от друга.

Он всё знает о Финне. Но как он узнал?

Мы с Финном были неосмотрительны. Нью-Йорк не такой уж и огромный, как многие думают. Нас могли увидеть где угодно: в прачечной, на Таймс-сквер. Вчера он звонил Джил, может быть она ему что-нибудь сказала.

У меня в животе что-то сжалось, но не от того, что он всё знает. А от того, что я не знала, расстроен ли он от того, что я совершила или от того, что нарушила наш договор и ничего ему не сказала. Наименее болезненная часть моей измены состоит в переплетении и соединении частей тела. Наибольшие страдания и муки заключены в душе, в причинах, кроющихся внутри. Подпустив к себе Финна, я не предпочла его Натану, я выбрала себя.

Я посмотрела Натану прямо в глаза, даже после всего этого, его взгляд был открытым.

— Как давно ты об этом знаешь?

— О чём?

— О Финне.

Он склонил голову и свёл брови к переносице.

— О Финне? Нашем соседе?

В ту же секунду, как он выпрямился, я всё поняла. Натан ничего не знал о моей измене. Но он не глуп и, услышав имя Финна, обо всём догадался. Он отступил от меня на несколько шагов, качая головой из стороны в сторону.

— Нет.

Моё сердце бешено заколотилось, наблюдая, как осознание отразилось на его лице.

— Натан...

Сначала его рот лишь немного приоткрылся, но затем его нижняя челюсть отпала, и он стрельнул в меня взглядом своих карих глаз.

— Финн? — спросил он так, будто никогда раньше не слышал этого слова.

Впервые в жизни я не могла предугадать его реакцию. Я видела напряжение, пронзившее его руки, выражение его лица сменялось от замешательства, гнева до отчаяния.

— Ты была... с... как долго это продолжается? — задыхаясь, спросил он. — Стоп. Не говори, — его взгляд пробежался по комнате, он посмотрел на рулон туалетной бумаги, на корзину для мусора, на мыло для рук с морским запахом. — Когда он фотографировал тебя.

Я скрестила руки и на вдохе произнесла.

— Да. Мы этого не планировали...

— Когда это было? Всего две недели спустя как он сюда въехал? — ноздри Натана раздувались, как у огнедышащего дракона. — Думаю, всё могло быть намного хуже. Ты могла сделать это прямо в день его переезда.

Он молча сверлил меня взглядом, его лицо и шея начали потихоньку краснеть.

— Так вот, где ты ночевала?

Чувство вины, которое я думала мне не присуще, зародилось внутри. Я не могла подобрать правильных слов, не уверена, что такие вообще существуют. Несмотря на то, что вчера вечером я сделала свой выбор в пользу Финна, для меня было, как ножом по сердцу видеть страдание, отразившееся на лице Натана. Я собиралась в ближайшее время всё ему рассказать о Финне. Но я не хотела, чтобы он обо всём узнал таким образом. Я была в состоянии лишь кивнуть.

— Значит ты была с ним, а потом всё равно вернулась сюда.

— Прошлой ночью между нами ничего не было, — произнесла я, будто это могло меня оправдать. — Мы не...

С каждым вздохом его грудь вздымалась.

— Я не понимаю, если ты с ним не спала, ты изменила мне или нет.

— Да, но вчера вечером ничего не было, время было неподходящим, ведь... — я закрыла лицо руками. — Я не могу это объяснить. Ты всё равно не поймёшь. Дело не только в сексе...

— Ага, — презрительно фыркнул он. — Нет. Я, блядь, не хочу это слышать.

— Натан, я была в полной растерянности, в смятении, совершенно одна. Тебя не было рядом, а он был, — я опустила руки. — Я обратилась к нему. Я плакала у него на плече — о тебе, он мне позволил. А теперь...

Его челюсть сжалась, подбородок напряжён. Весь его внешний вид говорил о том, каких усилий ему стоило сдерживаться.

— Теперь? Что теперь?

Мне было трудно выдавить из себя хоть что-нибудь. Я ещё не до конца привыкла к тому, что приняла решение остаться с Финном. Но я должна произнести это вслух. Я должна рассказать Натану правду, если ожидаю от

него того же.

— Ты уже знаешь, между нами всё кончено, — произнесла я, и, наконец, на моих глазах выступили слёзы. Я не ожидала, что моя любовь к Натану будет отзываться такой сильной болью в груди, казалось, она может меня даже убить, раскрошить моё сердце на части. Я никогда не хотела другой судьбы для себя или кого-то другого, только его, но он заблокировал свои чувства ко мне, чем ранил меня очень больно. И ради чего? Для меня причины, по которым он это сделал, обоснованные, но они не оправдывают его поведения. И вот, где мы оказались, это не должно было случиться. Теперь у меня есть кое-кто другой. — Всё слишком сложно.

— Брак вообще штука сложная, знаешь ли.

— Не говори мне, что из себя представляет брак, — произнесла я на повышенных тонах, раздражённо. Джинджер жалобно заскулила, толкаясь в ногу Натана. — Ты полностью от меня отвернулся.

— А ты переспала с другим.

Я отшатнулась.

— Он мне не безразличен.

— И что ты собираешься делать, а, уйти от меня? К нему? К человеку, которого знаешь меньше месяца?

Я покачала головой.

— Мне жаль, что ты узнал обо всём при таких обстоятельствах. Я собиралась тебе всё рассказать. Просто, когда ты сказал, что зол не из-за аборта, я подумала, что ты говоришь о Финне.

— О Финне? — выдавил он, его ноздри раздулись, а лицо стало красным, как помидор. — Ты что думала мы просто сядем, ты расскажешь мне об измене, и я приму это как должное?

— Нет, я думала, ты будешь...

— Каким? Злым? Взбешённым? — он схватил вазу. — А ты не думала, что моя реакция может быть вот такой, — он запустил вазу с лилиями в стену. Стекло разбилось и разлетелось на множество осколков. У меня зазвенело в ушах. От испуга я прикрыла рот рукой.

Ошеломлённая, я замерла, будто он запустил её в меня. Но Джинджер запаниковала, она отскочила и в испуге поскользнулась на плитке. Я выпрыгнула из душевой.

— Натан.

Он уже был рядом с ней, она стремглав бросилась к двери и пробежала как раз по стеклу.

Осколки разлетелись в разные стороны из-под её лап. Выругавшись, Натан бросился за ней из ванной, я тоже поторопилась вслед за ними, на носочках перепрыгивая весь этот беспорядок, двигаясь на звук её завывания.

В спальне Натан руками обхватил Джинджер и попытался повалить её на спину.

Пятна крови были повсюду, особенно ярко они выделялись на белом ковре. Я заплакала.

Наконец, взяв себя в руки, я поймала одну из её лап, я хотела её осмотреть, но Джинджер стала ещё больше извиваться.

— Отойди. Я сам всё сделаю, — приказал мне Натан.

— Но там могут быть осколки. У неё такое сильное кровотечение.

— Я это, чёрт возьми, вижу, — рявкнул он. — Я всё сделаю. Просто отойди.

Я выпрямилась и дрожащими руками прикрыла рот. В её глазах был такой страх, что меня начало терзать чувство вины.

— Тише, тише, Джиндж, — произнёс он, уговаривая её лечь на бок. Её глаза метались по комнате, будто она плохо нас видела. — Выйди из комнаты, — это уже мне, произнёс он, даже не повернувшись в мою сторону. — Она не может сосредоточиться. Ты делаешь только хуже.

Я отступила на шаг назад, больше от шока. Он выгонял меня в тот момент, когда Джинджер так во мне нуждалась, это было неприятно, болью отдавалось в груди. Натан зарылся носом в пушистую шею Джинджер, и спустя несколько секунд её завывания притихли.

Когда они оба ещё немного успокоились, я обратилась к Натану.

— Нат...

— Ш-ш. Всё хорошо, — мягко произнёс он. — Мне просто нужно осмотреть твою лапку. Будь хорошей девочкой.

Она вся дрожала, мне так хотелось её обнять. Вместе мы могли оказать ей больше помощи, я бы придержала её, а он осмотрел бы лапы.

— Натан, — я снова предприняла попытку. — Давай я...

Джинджер вздёрнула голову и стала вырываться из хватки Натана.

— Чёрт возьми, Сэди. Мне нужно её успокоить, чтобы ветеринар смог её осмотреть.

— Как ты её довезёшь?

— Если потребуется, донесу. Это недалеко.

— Через десять кварталов. Тебе понадобится...

— Мне ничего не понадобится. Ветклиника ещё не открылась, позвони на линию экстренной помощи, и скажи, что мы приедем. И отойди с дороги, ты нам не нужна.

Комок в моём горле вырос до громадных размеров, я с трудом его сглотнула. Я вышла из спальни, не имея ни малейшего представления, куда иду. А, да, позвонить в ветклинику. В сумочке моего телефона не оказалось, я не могла вспомнить, куда его положила. Я взяла телефон Натана с кофейного столика. В письменном столе мы храним список с номерами телефонов экстренных служб. Я нашла его и позвонила в ветклинику предупредить, что Натан приедет.

Натан вышел из спальни с Джинджер на руках.

— Открой дверь.

— Я поеду с тобой.

— Нет. Я не могу сражаться с вами обеими прямо сейчас.

— Натан...

— Господи, Сэди. Мне нужно снести вниз 27-ми килограммовую собаку и загрузить её в такси. Мы можем отложить разборки на потом?

Рассерженная, но больше всего обеспокоенная состоянием Джинджер, я пошла и открыла дверь для Натана.

— Где мой мобильник? Ключи? — спросил он выходя.

Я засунула мобильник, ключи и кошелек в карман его джинсов, которые он смог каким-то образом напялить, пока её усмирял.

— Ты позвонишь мне, когда её осмотрит врач? — спросила я.

Он уже был практически у лифта. Мне пришлось побороть желание броситься за ним. Моя душа болела за Джинджер, за Натана. Я знаю, что причинила ему боль и страдание, но, несмотря на то, что инстинктивно я хотела всё исправить, я не была уверена, что мне следует это делать.

Или даже, что в данный момент для меня это осуществимо.

???

На работу я приехала рано, но Гови уже восседал на своём стуле, соседствующим с моим.

Его лицо было наполовину скрыто огромными наушниками.

— Круто выглядишь, — саркастически отметил он, едва на меня взглянув.

В любой другой день я бы рассмеялась. Его замечание было «верным». После ухода Натана и Джинджер я убрала беспорядок в ванной, приняла душ и упаковала свои вещи.

Одевалась я на автопилоте, и, не высушив волосы, собрала их в пучок. На сегодня у меня не было назначено встреч, поэтому я не стала заморачиваться по поводу своего внешнего вида.

Открыв приложение Outlook, я на автомате стала отправлять электронные письма клиентам, содержащие статьи их блога с прошлой недели. Я нажимала копировать, вставить, копировать, вставить до тех пор, пока не доказала себе, что могу выполнять свою работу, по крайней мере могла, до событий, произошедших на этой неделе. Я должна была обрадоваться, потому что одна из звёзд Инстаграма выставила фото, сделанное в эти выходные, на котором она красила глаза тушью IncrediBlast. Вместо этого я стала выяснять, для кого она так прихорашивалась, замужем ли она, если да, то выставляет ли она своего мужа на всеобщее обозрение также, как и ресницы. Или может она ходила куда-то с подругами цеплять парней и попивать мартини. После десяти минут прочёсывания ее ленты в Инстаграме я была в курсе всего и даже больше.

Без пятнадцати одиннадцать Амелия приехала с утренней встречи. Я единственная в офисе была настолько невнимательной, что не заметила её появления, хотя все сотрудники, и я в том числе, уже выпили по две — три чашки кофе. Бегло на меня взглянув, Амелия кивком указала мне на свой офис.

Войдя в него, я закрыла дверь, чтобы нам никто не мешал. Я, скорее всего, сделала что-то не так, просто пока не знала, что именно. Возможно я первая, с кем она сегодня встретилась взглядами.

— Что это? — спросила она, вешая свой красный плащ в шотландскую клетку на покрытую латунью вешалку.

Я переминалась с ноги на ногу.

— О чём ты?

— О твоём внешнем виде, причёске, — она присела на край стола. — Ты нанесла хоть какой — то макияж? Такой вид в этом офисе неприемлем, Сэди.

Я могла бы с этим поспорить, что я работаю с одинаковой отдачей как с макияжем, так и без, но ведь я сама подписалась на эту должность. Этим утром я составила рекламное объявление для US Weekly о поп-звезде, которая всегда готова к встрече с камерой, потому что всегда носит с собой в ложбинке груди блеск для губ с эффектом объёма.

— Я сейчас же уединюсь, — сказала я, намекая на небольшую комнату с дизайнерской одеждой на случай крайней необходимости и пробниками косметики.

— Будь так любезна. Я уже думала, может тебе снова следовало сказать большую. То, что происходит у тебя с мужем, также будет сказываться и на твоей работе, как и на твоей внешности?

Я ответила не сразу, что стало моей ошибкой.

— Я легко распознала все признаки. Я сама была такой же, — Амелия пальцем указала на меня сверху вниз. — В тот день, когда я узнала, что муж мне изменяет, я тоже была полностью раздавлена. Твой внешний вид — это самое важное в той сфере, где мы работаем.

— Я всё поняла. Я пойду переоденусь. Это никаким образом не скажется на моей работе.

Я направилась к двери.

— Подожди.

— Что? — повернувшись, спросила я.

Она очень внимательно на меня посмотрела. Несмотря на её прямоту, я знала, что ей не всё равно.

— Я надеюсь, ты поступила правильно и послала его куда подальше.

Я уставилась в пол. Ведь это я планировала уйти от Натана, почему тогда у меня было такое чувство, что это меня послали куда подальше.

— Не надо опускать взгляд в пол, Сэди. Нужно быть сильной. Если ты простишь ему этот проступок, он обязательно поступит также снова, поверь мне. Мужчины, которые изменяют, любят только себя, они эгоисты. Ты дашь ему ещё один шанс, а он будет вытирать о тебя ноги, на протяжении всего брака.

Мне следовало её остановить, но, наверное, я заслужила услышать правду о нашем с Финном поступке. Амелия же была более чем счастлива, вещать об этом.

— Сделай одолжение себе и ему, пакуй вещи. Вот увидишь, он будет умолять, но грош ему цена. Он любит тебя, не её. Этому сукину сыну следовало помнить об этом, когда он был на ней в моей кровати.

— Это случилось всего пару раз, — вставила я, защищаясь.

— Какая разница сколько раз это было, один или сто. Какая разница были ли они незнакомцами или делились сокровенными мыслями и секретами друг с другом. Он одурачил тебя. Он предал тебя на самом примитивном уровне.

Я с большим трудом выслушала её речь. Она никогда не была особенно скрытной, но найдя в моём лице пострадавшую от того же врага, она стала более искренней. Откуда же ей было знать, что я воюю по другую сторону баррикад.

— Это самое худшее, да? Враньё, прятки по углам? — спросила я, по-настоящему желая получить ответ. Я хотела попытаться понять Натана. Почему ему кажется, что он мне не нужен. Как и то, что я не всегда принимала его мнение в расчёт, дало ему ощущение, что он находится за бортом нашего брака.

Амелия фыркнула.

— Все так говорят. Самое худшее, что он сунул свой член в другую женщину.

Амелия описала всё более чем понятно. И, если бы всё было наоборот, и Натан переспал с кем-то, я уверена, что стала бы рвать на себе волосы, только чтобы выбросить эту картину из головы.

— Меня сейчас стошнит.

— Я тебя понимаю, — Амелия всегда рада уколоть при первой же возможности. — Сейчас самое время воспользоваться помощью подруг. Да ты можешь поговорить и со мной, если хочешь. Я не ем мороженого, но с радостью могу выпить Гленливета с тобой, — она скрестила руки на груди. — Предприми всё необходимое. Если ты останешься с ним, это к добру не приведёт.

Из-за того, что на улице похолодало, обогреватель жарил на полную. Я потянула за горлышко своего свитера и подумала о Финне, который принял решение расстаться с Кендрой, потом подумала о своём брате, который был отцом — одиночкой. И, наконец, я вспомнила о том, как мои родители постоянно и бесконечно ссорились, о том, как я мечтала, чтобы всё это прекратилось любым способом, включая развод.

Но разве это может относиться ко мне и Натану? Я всегда думала, что мы не такие, я думала, наш брак совершенен. Ели бы Натан не подвёл меня к краю, и мне бы не к кому было обратиться, не было бы Финна, ждущего с распростёртыми объятиями, наш брак никогда бы не распался.

— Я не знаю, смогу ли с этим согласиться. Должны же быть пары, которые пережили измену. Она не выглядела удивлённой.

— Ты так думаешь? — спросила она, разглядывая свой маникюр.

— Может, пережив такое, отношения лишь крепнут. Я не говорю, что именно так и будет, но ведь мы столько лет прожили вместе, и будет лучше, если...

Она ждала, что я продолжу.

— Если что?

— Уже ничто не сможет разрушить наш брак.

— Полагаю, такое может случиться. А если снова настанут тяжёлые времена, то он снова тебе изменит. И что тогда?

— Ну, — ладонями я потёрла бёдра, — это больше не повторится, он больше никогда так не поступит. Она рассмеялась, но в её смехе не было ни грамма радости.

— Конечно, конечно. И вы оба уйдёте вместе под заходящее солнце. Ты никогда не будешь зудеть, что он не достал посуду из посудомойки или слишком много времени проводит с друзьями. Он никогда больше не взглянет на красивую женщину, — Амелия безапелляционно взмахнула рукой, её глаза так и сияли от восторга. — Позволь ей пожить с ним, она очень скоро об этом пожалеет.

— А Регги всё ещё встречается с той женщиной, с которой он тебе изменил?

— Конечно нет! — Амелия откинула голову назад и разразилась смехом. — Через две недели подонок снова появился у меня на пороге. Она, скорее всего, отказалась стирать его вонючие трусы. А с чего ей это делать? Она же его не любит. А мне лучше без него.

Амелии лучше без него. А Регги без неё? Для Натана вообще не будет проблемой повстречать другую женщину, а у меня будет Финн. Так будет лучше для всех нас, ведь так. Я не знаю почему, но представив Натана с другой женщиной и их детьми, я испытала физическую боль.

— Сэди, если ты не хочешь услышать ничего другого, то услышь хотя бы это. Такой мужчина, как он, никогда не будет любить тебя больше, чем себя. Если же он, правда, тебя любит, он это поймёт и отпустит тебя.

Её слова тяжёлым грузом легли на мои плечи. За последние несколько недель Натан часто употреблял слово эгоистичный. Вплоть до того момента, когда он отвернулся от меня, я впитывала его обожание без зазрения совести. Но его всё устраивало, ему всё нравилось. Рядом с ним я всегда ощущала себя особенной. Для меня было ударом, что именно по этой причине он отвернулся от меня. Но, если это то, чего он хочет — моей самоотверженности — может, как раз уйдя от него, я смогу ему это дать. В ближайшее время я не собираюсь меняться, а со мной такой Натан несчастен. Возможно, Амелия была права на счёт моего решения уйти от Натана, так будет лучше для всех нас.

Когда дверь дома Эндрю открылась, мне пришлось опустить взгляд, потому что её открыл не он, а моя племянница Белл. Она без сомнений была одной из нас, Беквитов, у неё были такие же фиолетово — синие глаза и чёрные волосы, как у меня и у Эндрю.

— Тетя Сэди, — её громкое восклицание заставило Эндрю всё бросить и примчаться с кухни.

— Что я говорил тебе насчёт открывания входной двери незнакомцам, особенно по вечерам? — спросил Эндрю, подтягивая вверх свои сползшие трусы.

Кивком головы она указала на меня.

— Если человек окажется мне не знаком, я должна дать ему пинка под...

— Хорошо, хорошо, — прервал он её пламенную речь, погладив своей ладонью её по голове. Наконец он взглянул на меня, приподняв брови, и спросил.

— А ты что здесь делаешь?

— Ищу местечко, где можно переночевать, — ответила я, опустив свою сумку на пол.

— Ты в курсе, что Натан разыскивает тебя?

Я глубоко вздохнула. С тех пор, как Натан с Джинджер вышли из квартиры, я с ним не разговаривала. Хотя я звонила в ветклинику до того, как ушла с работы. По всей видимости, Джинджер дали болеутоляющее и

отпустили домой.

— Нет, не знаю. Сегодня утром я не смогла найти свой мобильник, он затерялся где-то в квартире.

— Тётя Сэди, давай я тебе помогу, — предложила Белл и схватила мою сумку за ремешок.

Сумка была ей по пояс, поэтому она перетянула её за порог.

— Это папочка научил тебя хорошим манерам? — спросила я, сдерживая улыбку.

— Нет. Он говорит, что ты не гость — ты просто родственница. Хотя я с ним не согласна.

— Понятно, — я посмотрела на Эндрю, пождав губы. — Значит просто родственница?

— Предательница, — пробормотал он.

В последний раз я видела Эндрю на Хэллоуин, я взяла Белл, и мы вместе с ней отправились выпрашивать сладости. С тех пор столько всего произошло. Не то, чтобы мы с Эндрю всегда обнимались при встрече, но в этот раз я подошла к нему, и он раскрыл свои объятия для меня.

— Что случилось, Сатанюка?

Я рассмеялась в его грудь. Эндрю всегда защищал меня и поддерживал, даже когда мы были детьми, но иногда ему просто не нравились мои поступки. Например, когда я шпионила за ним и его друзьями, или, когда я предупредила девушку, с которой он встречался в старшей школе, что он собирается её бросить. Тогда вместо Сэди я становилась Сатанюкой, его зловредной сестрёнкой.

Я немного отстранилась и посмотрела на него. Эндрю был точной копией нашего деда, такие же высокие скулы и гладкие чёрные волосы. Наш дедушка умер, когда я была совсем маленькой. Так как наш отец не мог быть примером для подражания, то им для Эндрю стал наш дедушка.

Белл что-то напевала себе под нос, пока тащила мою сумку в комнату для гостей.

— Поговорим об этом позже, — сказала я, кивнув в её сторону. Он закрыл за мной дверь.

— Ты голодная? Я только что закончил с ужином. Яичница с овощами и специями.

Расстегнув пальто, я проследовала за ним в дом. Несмотря на все трудности, мой брат преуспел в жизни. Вместо колледжа он пошёл работать в White Castle [25] за гроши, но вскоре он уже управлял многими филиалами на северо-востоке. Все вечера напролёт он проводил в гараже, обучаясь ремонту машин и восстановлению классических авто у друга нашего дедушки, который уйдя на пенсию, продал свой гараж Эндрю.

Белл появилась за нашими спинами и забралась на барный стул, который выглядел слишком для неё высоким. Эндрю говорит, что она лучшая на своих занятиях по гимнастике. Хотя я думаю, что в этом возрасте не стоит сравнивать достижения детей.

— По четвергам у нас завтрак на ужин, — пояснила она, — потому что у нас здесь нет правил.

— Ну, некоторые правила всё-таки есть, — возразила я, стрельнув взглядом в Эндрю. — Я права?

Он пожал плечами. Эндрю совсем не подходит под описание обычного, среднестатистического отца, но он лучший из тех, кого я знаю. Когда несколько лет назад мать Белл ни с того ни с сего собрала свои вещи и уехала, бросив их одних, мы с Натаном сразу же приехали к ним. Натан отвёз Белл во все доступные места развлечений, чтобы отвлечь трёхлетнюю малышку. А мы с Эндрю остались дома, и я его всему научила — готовке, стирке, уборке. Он был хорошим учеником, но, честно говоря, у него просто не было другого выхода.

Попробовав яичницу, я пробормотала.

— Ты проделал долгий путь, кузнецик. Что это такое?

Он одарил меня своей фирменной, сражающей женщин наповал улыбкой.

— Ученик превзошёл своего учителя.

Я метнула в него хрустящей картошкой. Поймав её, он отправил её в рот.

— Тебе до меня ещё ой как далеко, — сказала я, защищаясь, отправив ещё кусочек яичницы в рот.

— Тётя Сэди, я знаю все песни Rolling Stones наизусть.

Я удивлённо уставилась на Эндрю.

— Серьёзно? Ты заставляешь её их слушать?

— Это её любимая группа. Правда, Колокольчик [26]?

Она выглядела напряжённой.

— Я пыталась слушать то, что слушают мои друзья, — серьёзно произнесла она, — но «I can't get no satisfaction» [27].

Мы с Эндрю разразились смехом. Она тоже старалась не рассмеяться, но один уголок её губ всё-таки приподнялся. Вполне возможно, что Эндрю сказал ей, смеяться над своими шутками, это не круто. Он мог такое зарядить.

После ужина я помогла Белл сделать уроки, пока Эндрю мыл посуду.

— Я пойду позвоню Натану, — сказал он, вытирая руки. — Я знаю, он беспокоится. Хочешь поговорить с ним?

Я почесала висок. Я не знала, о чём говорить с ним по телефону. Натан, должно быть, устал ещё больше, чем я, учитывая, что он совсем не спал этой ночью. У нас будет достаточно времени, чтобы выяснять отношения, когда я вернусь домой.

— Нет. Только спроси его, как Джинджер.

Голова Белл взметнулась, но прежде чем она успела что-либо спросить, это сделал Эндрю.

— А что с ней случилось?

Я погладила шёлковые волосы Белл и посмотрела на Эндрю.

— Ничего. С ней всё в порядке.

Он удивлённо приподнял брови, будто говоря «что, чёрт возьми, происходит», но я не собиралась вдаваться в подробности, пока малышка Белл рядом. Она сама невинность, и пока мы с Эндрю рядом, она такой и останется.

Он вышел из кухни, но вернулся уже через минуту.

— Сэди.

Я взглянула на него, он протянул мне свой мобильник.

— Это тебя.

Поцеловав Белл в макушку, я встала и решила ответить на звонок на заднем дворике. Я прошла вглубь сада, сухая трава кололась через носки, но я этого не замечала.

— Привет, — произнесла я в трубку.

— Ты ему не достанешься.

Моё сердце пропустило удар. Я уставилась в темноту, пока до меня доходил смысл сказанного.

— Что?

— Я сказал, — тут он сделал паузу, — ты... ему... не достанешься.

— Натан, это не какое-то соревнование. Всё слишком сложно.

— На самом деле всё просто, — в его голосе безапелляционно присутствовала твёрдость, и вопреки моим ожиданиям, совершенно отсутствовал гнев. — Да я покорю самую высокую вершину, преодолею любое расстояние. Я водружу мир на свои плечи, — он перевёл дух. — Ты что думаешь, я буду сидеть сложа руки и смотреть, как кто-то у меня тебя заберёт? Да, я совершил много ошибок, но я ни за что не позволю тебе ускользнуть из нашего брака. Я буду бороться за нас, и ты тоже, даже если мне придётся тебя заставить.

Закрыв глаза, я проглотила образовавшийся ком в горле. Так долго я мечтала, чтобы он вернулся ко мне. Всё это время я жила, как в пустыне в поисках воды. Сперва я шла пешком, затем обессилев, ползла на четвереньках. Но не он, другой протянул мне воды. Всё, что мне было так необходимо, я получила от Финна.

— Мне очень жаль, — тихо произнесла я. — Если бы ты знал, как мне было тяжёло...

— Я это знаю. Я тоже сильно переживаю. Я бы приехал и забрал тебя, но не могу оставить Джинджер одну. Я нужен ей здесь.

— Как она?

— В порядке. У собак капилляры находятся слишком близко к поверхности подушечек лап, поэтому они так сильно кровоточат. Но порезы не так страшны, как выглядят.

— Слава богу, — сказала я.

— Ей дали обезболивающее, — он прочистил горло. — Я пытался дозвониться до тебя.

— Я забыла телефон дома.

— Я думал, что ты с ним. Я битых полчаса барабанил в его дверь, но этот трус так и не открыл.

Я посмотрела на свои носки, на тени на траве. Я даже не подумала о том, что Натан может меня разыскивать. Мне даже не хотелось представлять, что бы могло произойти, если бы они столкнулись лбами.

— Я не с ним, но даже если бы и была, то что? Натан. Я ухажу. Ты получишь то, что хотел.

— Сэди, ты думаешь, я этого хочу? Ты очень сильно заблуждаешься, — казалось, он говорил искренне, будто это был неоспоримый факт. — У меня сегодня было достаточно времени всё обдумать, и мне очень жаль, что всё зашло так далеко. Я не слишком хорошо умею объясняться, но это не значит, что я готов тебя отпустить. Я облажался, но я хочу всё исправить, и я так и сделаю.

Его слова задели потаённые струны моего сердца. Правда ли он поступит так, как обещает? Я не знала кто это обещал, мой Натан, или тот самозванец, с которым я жила последние месяцы.

— Всё не может быть либо совсем хорошо, либо совсем плохо.

— Конечно, может. А теперь иди к Белл, поцелуй её за меня. Но завтра первым делом возвращайся домой. Мы с Джинджер тебя ждём, — он отключился.

Я опустила телефон и вдохнула холодный вечерний воздух. Моё сердце сражалось с разумом. Но хуже всего было то, что они не знали на чьей стороне воюют. Казалось, моё сердце тоскует по теплу, которое может дать мне Финн, по безопасности его объятий, но в это же время разум говорил о том, что Финн никогда не будет таким, как Натан. Потом я подумала о всех тех причинах, по которым я должна уйти от Натана, который намеренно причинил мне боль, но в глубине души я знала, что всем сердцем его люблю.

Я вернулась в дом как раз в тот момент, когда Эндрю безрезультатно пытался уложить Белл спать.

— Давай, малышка. Тебе завтра в школу.

— Но у нас гостит тётя Сэди, — закричала она. — Это особый случай.

Я стояла в двери и наблюдала за ними. Для меня может быть вполне достаточно иметь Белл. Я люблю её, как родную дочь. И мне не придётся каждый месяц страдать из-за того, что я не могу забеременеть. С Натаном это будет целое сражение, он легко не сдастся. Если же я останусь с Финном, у нас будет Марисса, и ему этого достаточно. Я очень хочу свою собственную Белл или Мариссу, но не все получают то, чего хотят. И я буду рядом, когда Белл понадобится мать. Шэна бросила Белл. И, когда наша малышка вырастет и поймёт это, я понадоблюсь ей как никогда.

Я сменила Эндрю и почитала ей книжку. Когда я закончила читать, она ещё не заснула, но, по крайней мере, больше не протестовала. Закрыв дверь в её спальню, я вернулась на кухню.

Эндрю сидел на барном стуле за кухонным островком и налил мне красного вина. Тот факт, что у моего брата — плохого парня есть бокалы для вина, вызвал у меня неслыханный прилив гордости.

— Ну, так что на самом деле случилось с Джинджер? — спросил он, посылая мой бокал через кухонный островок.

— Она пострадала в ходе грандиозной битвы между мной и Натаном сегодня утром. Она порезалась на стекле, и Натан повёз её к ветеринару.

Его брови взметнулись вверх, пока он наливал вина себе.

— Вы с Натаном устраиваете битвы? С каких это пор?

Я опустила взгляд в свой бокал, не имея ни малейшего представления с чего начать.

Эндрю и Натан очень близки, а Эндрю сближается с немногими. Уже много лет они как братья. Я в одинаковой степени не хотела лишать их этой связи, и также не хотела признаваться в том, что я натворила.

— Когда вы с Натаном виделись в последний раз?

— Пару месяцев назад, — он приподнял голову, задумавшись. — Нет, стой. На самом деле, на 4 июля. Неужели это было так давно?

Я кивнула, посмотрев на него.

— Странно, правда? Он любит к вам приезжать, но в последние несколько месяцев у него находились отговорки.

Эндрю облокотился локтями на кухонный островок.

— Я всё понял, он завален работой.

— Но не настолько же, чтобы не видеться с Белл.

Эндрю согласно кивнул.

— Это верно. Ради неё он бы всё отменил. Значит, он слишком занят, чтобы быть с тобой? — предположил он.

Я покачала головой.

— У нас проблемы, но это не связано с работой.

— Проблемы? В смысле?

— Пару месяцев назад его поведение кардинально изменилось, практически в одночасье он стал сдержанным и равнодушным.

Реакция Эндрю была предсказуемой, вращая свой бокал вина, он произнёс.

— Равнодушным и сдержанным — это совсем не похоже на Натана.

— Я знаю. Я не хотела об этом упоминать, надеясь, что всё образуется. Но вплоть до сегодняшнего дня на протяжении нескольких месяцев он со мной едва ли перекинулся парой слов и совершенно не объяснил почему. Ты же знаешь, какой влюблённой парочкой мы всегда были. Представь, как трудно мне было пережить весь этот игнор.

— Да — а, Натан, с которым я знаком, тебя ни на секунду не оставлял одну. Ты же знаешь эту фишку, когда

летишь в самолёте и если вдруг что, нужно сначала надеть кислородную маску себе, а потом уже рядом сидящему.

Я согласно кивнула.

— Он бы надел её сначала мне. Так было всегда.

— Это точно, — Эндрю сделал глоток вина. — Так что сегодня произошло?

— Я, наконец, выяснила, почему он был таким расстроенным. Он узнал об аборте.

Эндрю замер, только его рот открылся в удивлении.

— О том, который ты сделала семь лет назад? Но как? — теперь уже и его глаза округлились.

— Если я ему не говорил, значит, кто-то ещё в курсе.

— Да нет же. Всё вышло по глупости, — вздохнув, сказала я. — Я искала кое-какую информацию про аборт, когда мы прекратили попытки забеременеть. В тот вечер он куда-то уехал, а я топила свою печаль в вине. Я никогда ничего не скрывала от Натана, и мне просто не пришлось в голову стереть историю поиска. Даже если бы я и подумала об этом, не думаю, что удалила бы её.

— И ты призналась ему, что ребёнок был его?

— Он сам догадался. Он годами по крупицам собирал факты, но сложил их воедино только увидев то, о чём я читала.

— Ух, — Эндрю медленно выдохнул. — Учитывая, как сильно он хочет ребёнка, он должно быть...

— На самом деле, по этому поводу он, кажется, не сильно зол, — задумчиво произнесла я. — Его больше рассердило то, что я так долго от него это скрывала, а то, что недостаточно ему доверяла в тот момент, не позволила ему быть рядом и решить всё вместе.

— Его можно понять. Но не думаю, что из-за этого стоило так долго тебя бойкотировать.

— Я знаю. Но это ещё не конец истории.

— Что? Неужели кроме новости об аборте есть что-то ещё?

Сделав глоток вина, которое я, думала, принесёт мне уверенности, я произнесла.

— Ты же знаешь, как много Натан для меня значит, каким безупречным был наш брак.

— Был...?

С Эндрю лучше не ходить вокруг да около, поэтому я выпалила.

— Я ухожу от него.

Эндрю опустил свой бокал и выпрямился.

— О чём ты сейчас говоришь?

— Всё зашло слишком далеко... — я не смогла продолжить. Признаться Эндрю в том, что у меня произошло с Финном, было ой как не просто. Потому что Эндрю ценит верность превыше всего. Не думаю, что он поймёт мой поступок.

— Значит, всё кончено? — он пристально на меня посмотрел. — Вы просто возьмёте и расстанетесь. Я ничего не понимаю.

— Я просто разуверилась в нём, — я плотно сжала губы. — Он знал, как трудно мне было полностью открыть моё сердце для него, и в тот момент, когда я этого совсем не ожидала, он вдребезги его разбил.

На несколько мгновений Эндрю притих.

— Мне трудно представить, что Натан так себя вёл, — медленно произнёс он. — Но, если ты на самом деле так себя чувствуешь, то я не могу понять, почему ты хочешь отступить.

Мы долго смотрели друг другу в глаза. Шэна даже не потрудилась пропустить его сердце через мясорубку. Нет. Она просто бросила его без каких-либо объяснений.

— Но сейчас вы знаете, в чём проблема, и вы можете её решить, в конце концов, обратиться к специалистам. Вы слишком хорошая пара, чтобы позволить каким-то нескольким месяцам разрушить ваш брак.

— Конечно, мы могли бы так поступить, если бы всё сложилось несколько иначе. Если бы он мне раньше обо всём рассказал, если бы я раньше ему во всём призналась. Но этого не случилось, и пока Натан делал всё, что в его силах, чтобы избегать и игнорировать меня, кое-кто другой делал всё наоборот.

— Что ты имеешь в виду под «кое-кто другой»? — спросил Эндрю, склонив голову.

— Его зовут Финн. Пару недель назад он въехал в соседнюю квартиру, и... я и он... мы стали очень близки. Очень.

Эндрю сузил глаза.

— Насколько?

Я опустила взгляд.

— Сэди. Ты серьёзно?

Прокручивая ножку бокала между пальцами, я подумала о том, как Финн будет покупать мебель в свою квартиру для меня. Или мы отправимся за покупками вместе. Я совершенно точно всё оставлю Натану.

— Мы пересекли черту, — призналась я. — У меня с ним роман.

Эндрю снова облокотился локтями на стойку, закрыв лицо ладонями.

— Господи боже, — пробормотал он, затем встал и налил себе ещё вина. Стоя ко мне спиной, он произнёс. — Пожалуйста, скажи, что Натан в курсе, и мне не придётся скрывать это от него.

— Он обо всём знает.

Эндрю взглянул на меня через плечо.

— Так вот почему ты здесь, он тебя выгнал.

— Как раз наоборот, он хочет, чтобы я вернулась домой.

— Естественно он этого хочет, — Эндрю сел напротив меня. Нахмутив лоб, он заявил. — Да он пойдёт на что угодно, лишь бы ты осталась с ним.

— Я так не думаю. Ты не видел его в последнее время, — нахмурившись, возразила я.

— Я тебя умоляю, — сухо, но с издёвкой произнёс он. — То, что он чувствует к тебе не может измениться в один миг. Как бы он не изменился, каким бы преданным он себя ни чувствовал, его любовь к тебе очень глубокое чувство.

Я поёрзала на стуле.

— Он больше не относится ко мне так, как раньше. С меня хватит. Эндрю, он заставил меня почувствовать полным ничтожеством. Представь, какой одинокой я должна была себя чувствовать, чтобы открыться другому.

— Это не оправдывает твоего поведения, — он посмотрел на вино в своём бокале, он был раздражён. Хоть Эндрю и лояльный человек, но в то же время очень справедливый. — Ты знаешь, что это так. Как это произошло?

— Честно говоря, я и сама не знаю, — сглотнув, я положила руки на колени. Как всё это началось? Будто споткнувшись о камень, я полетела вниз со скалы. — Не то, чтобы я кого-то искала. С ним мне хотелось улыбаться, даже когда я грустила. Мы много разговаривали, а потом всё как-то... бац... и случилось, — тут я запнулась. — Это нормально, если ты хочешь встать на сторону Натана.

— Я не хочу вставать на чью-то сторону, — сказал он. Его взгляд был задумчивым, он сделал ещё глоток вина. — Я просто пытаюсь анализировать ситуацию с обеих сторон.

Я почесала шею. Передать то, что мне пришлось пережить и через что пришлось пройти, в паре слов было невозможным, и, казалось, у меня это не очень-то получилось.

— Ты думаешь, что я эгоистка? Что я плохой человек?

Приподняв один уголок губ, он уточнил.

— Ты имеешь в виду, как Сатанюка? Я ещё не до конца определился.

Я закатила глаза. Я хотела ударить его по руке, но он сидел слишком далеко. Несмотря на то, что он улыбался, я видела печаль, появившуюся в его глазах, после того, как Шэна его бросила.

— Прости, что это напоминает тебе о былом.

Он провёл языком по верхним зубам.

— Я просто думал о том, как далеко я продвинулся с тех пор. Я так долго был зол на неё, но теперь... Я уже не знаю, что чувствую.

Я внимательно посмотрела на своего брата. Наблюдать, как он боролся с трудностями, было нелегко. Он всегда был сильным, у него было море возможностей пойти по стопам нашего отца и топить переживания в бутылке, тем не менее, он этого не сделал.

— Но это же не лишает меня права всё ещё на неё злиться? — уточнила я. Он рассмеялся.

— У меня ушли годы на то, чтобы понять, что возможно Шэна поступила правильно. Мы не планировали заводить детей, и она не была готова к материнству. Но в тот момент я сказал ей, что это не важно, раз она забеременела, то у нас нет другого выхода, как самим повзрослеть и растить нашего ребёнка. Но ты же помнишь, как часто мы с ней ругались. Я бы не хотел, чтобы Белл росла в такой же обстановке, как...

— Как мы, — закончила я. В этом был смысл. Эндрю всегда был защитником. Когда наши родители ругались — до того, как он подрос и стал уезжать из дома — он всегда всячески старался меня отвлечь. Он показывал мне театр одного актёра, имитируя звуки животных. Когда страсти доходили до предела, он закрывал мои уши руками и строил смешные рожицы, пока кризис не миновал. Уже какое-то время я не нуждалась в его поддержке и защите, но может быть я сейчас здесь как раз для этого.

Он вздохнул.

— Если бы Шэна осталась и была вечно несчастной, Белл бы это почувствовала. А моя малышка — это подарок судьбы, а не тяжёлое бремя. И я убью любого, кто будет считать иначе.

— Если бы Шэна появилась сейчас у тебя на пороге, тебе бы нечего было ей сказать?

— Хватит уже обо мне, — его губы расплылись в зловещей ухмылке. И я поняла, что у него определённо было, что ей сказать. — Послушай, если ты будешь счастлива, то и Натан тоже будет.

Может быть, это как раз и значит, что тебе иногда нужно быть эгоистичной, а иногда совсем наоборот. Постарайся оказаться первой, и сама надень свою маску.

— Возможно, ты и прав. Но меня беспокоит то, что Натан слишком часто отодвигает себя на второй план. И я ему это позволяю.

— Так скажи ему об этом.

— Он думает, что я эгоистка, и от этого люблю его меньше. Я не знаю, какую выпечку он любит или какие его любимые цветы.

— Такие мелочи никогда не были для тебя важными. Но для него это так, — он присмотрелся ко мне. — Но это не значит, что ты была плохой женой. Я видел, как ты тоже о нём заботилась, — он ударил рукой по бедру. — Когда наша мать начинает что-то говорить о его работе, о том, что, по её мнению, он занимается хернёй, подавая бесплатную еду людям, оказавшихся в таком положении из-за ошибок, совершенных по собственной вине. Ты как с цепи срываешься, защищая его.

Думаешь, ему есть хоть какое-то дело до того, что она думает? Нет, конечно. Но ты превращаешься в бешеную собаку.

Я нахмурилась.

— Ладно, но я никогда не стану такой, как он. Он каждый день шёл мне на уступки. Он помнит каждую важную для меня дату. И, когда мне грустно, он знает, как меня развеселить. Он как будто знает, что мне необходимо, ещё до того, как об этом узнаю я сама.

Теперь настала очередь Эндрю закатить глаза.

— Да ладно тебе, Натан тоже человек, у него тоже есть недостатки. Ты же об этом прекрасно знаешь. Если уж на то пошло, произошедшее за эти месяцы открыло вам глаза на то, что не так в ваших отношениях. Думается мне, что это не так уж и плохо.

— Как так? Мы же заставили друг друга пройти через ад.

— Да он вознёс тебя на чёртов пьедестал, а ты его. Пришло время спуститься на землю, туда, где вы и должны быть. Вот каким должен быть фундамент, а не какие-то там возвышенные идеи, что вы не можете быть счастливы, если ваш брак несовершенно.

— Я так не думаю, — сказала я в свою защиту.

— Ещё как думаешь, меня не проведёшь. Ты не хочешь превратиться в наших родителей. Я тоже этого не хочу, поэтому я всеми силами стараюсь держаться и не скатиться до уровня отца. Но, если мы иногда совершаем ошибки, не значит, что мы в них превращаемся.

Я внимательно на него посмотрела. Я всегда гордилась своим совершенным браком.

Натан тоже об этом знает. Неужели я в своей голове возвысила его настолько, что он думает, что просто обязан соответствовать моим представлениям. Буду ли я любить его меньше из-за его недостатков?

Определённо нет.

Большим пальцем я стёрла след от помады на бокале.

— Эндрю, я не знаю, что мне делать.

— Сэди, ты его любишь.

— Очень сильно. Просто мне кажется, он этим воспользовался в свою пользу. Я думала, он так никогда не поступит. Это заставляет меня задуматься, насколько же он изменился.

Эндрю потянулся через островок и накрыл мою руку своей. Однажды он уже обжёгся, и ему до сих пор трудно кого-то близко подпустить к себе, но с появлением Белл, он стал мягче с теми, кого он любит. Но вслух я ему об этом никогда не скажу.

— Я знаю, что легче просто уйти, — произнёс он. — Проявить стойкость и остаться — намного труднее. Ты можешь бороться против него, но можешь и за него. От этого ваш брак станет намного крепче.

Я прерывисто вздохнула. Эндрю живёт один уже три года. Что он может знать об отношениях? Возможно, намного больше, чем я думала. Натан сказал, что не отпустит меня, а я не хочу, чтобы меня отпускали. И не хочу идеального брака, если это подразумевает отсутствие счастья. Лучше у меня будет он, с его тараканами и

недостатками, чем кто-либо другой. Эндрю прав, всё это нелегко и не прекрасно, но в этом заключается правда. Я никогда себе не прошу, если сдамся и не поборюсь за Натана. Жить с этим осознанием будет нечестно по отношению к Финну. Для меня Финн всегда будет в тени Натана.

Эндрю содрогнулся.

— Ты что, сейчас заплачешь?

Я слабо рассмеялась, одинокая слез скатилась по щеке. У Эндрю хватило такта её проигнорировать.

— Нет.

— Это хорошо, — он обошёл островок и приблизился ко мне. — Если уж Белл умеет сдерживать слёзы, то у тебя это должно получиться.

Я толкнула его в грудь.

— Ты же не гнобишь её за слёзы.

Он ухмыльнулся, мы взяли бокалы и переместились в гостиную.

— Мне даже не пришлось утруждаться. На днях она заявила мне, что слёзы удел мальчишек.

Мы разразились смехом, и тут же Белл прилетела из своей спальни. На её розовой пижамке было изображение Спящей Красавицы. Слава богу, что при таком покрытом татуировками, скупом на эмоции, механике-отце, она всё же оставалась женственной маленькой девочкой.

— Я не буду спать. НЕ БУДУ. Тётя Сэди у нас в гостях, нам просто необходимо поговорить о своём, о женском.

Эндрю плюхнулся на диван с поднятой вверх ладонью.

— Японский городской! Ладно. Валяй. Не спи всю ночь, хоть до рассвета. Мне всё равно. Я умываю руки.

Она уже запрыгнула на диван между нами. Она балакала добрых десять минут, а мне так хотелось, чтобы Натан был здесь. Он бы ловил каждое её слово. Вскоре она свернулась калачиком, положив голову на папины колени, а ноги на мои. Её слова стали невнятными, а веки стали закрываться. В середине истории о том, как она отчитала задиру из своего класса, она уснула.

— Как вы поживаете? — я кивком указала на Белл. — Как у неё дела?

— Безупречно. Всё как всегда, даю ремня, веду допросы.

— Как дела в школе?

— Её учителя каждый день ко мне подходят и говорят о её успехах.

Я медленно приподняла брови, глядя на него. Я не думаю, что Эндрю не догадывается об истинных причинах обращения к нему, особенно учительниц, но с удовольствием ему на это укажу.

— Ты что серьёзно думаешь, что они хотят поговорить только о Белл?

Пожав плечами, он откинулся на спинку дивана.

— Они хотят сообщить мне, какая у меня замечательная малышка, почему я должен этому препятствовать.

— Они пытаются добиться твоего внимания, дурачок.

Он снова пожал плечами.

— Мне пофиг.

— Не надо говорить, что тебе пофиг.

Тем, что он совсем исключил свою кандидатуру на брачном рынке, он оказал медвежью услугу многим женщинам. Кроме того, что он был высоким привлекательным брюнетом, он ещё был умным, энергичным и превосходным отцом. Его дело процветает. Хотя он бы меня и не послушал, я бы хотела, чтобы он последовал своему же собственному совету, но он довольствуется лишь тем, что души ни чаёт в Белл.

— Ты же знаешь, я не отстану. Какие новости на любовном фронте, может, появилась какая-то девушка?

— В моей жизни уже есть одна особенная.

— А кроме Белл. Как прошло твоё свидание в прошлые выходные?

Он раздражённо вздохнул.

— Последний раз тебе говорю, это не было свиданием. Я пришёл к ней посреди бела дня взглянуть под её капот. Вот и всё.

— И что же ты там обнаружил? — я, как Белл, сжала губы в тонкую линию, чтобы не захихикать. — Под её капотом?

В усмешке он приподнял уголок губ.

— Хреновый карбюратор. Старый как мир. Клапан на жидкость не перекрывал подачу топлива...

Я взмахнула руками, чтобы перекрыть этот поток непонятных и неинтересных слов.

— Понятно, понятно. Я отступлю, но ненадолго.

Эндрю посмотрел на Белл и пригладил её волосы.

— Ты думала о том. О чём мы говорили на Хэллоуин?

— О том, чтобы перейти на миндальное молоко? — саркастически заметила я. Он одарил меня красноречивым взглядом. Я знала, что он хотел услышать.

— Как я вообще могу думать об этом, когда мой брак рушится?

— Ты, наверное, шутишь, сейчас и есть самое подходящее время обо всём этом хорошенько подумать. Решить для себя, чего именно ты хочешь, Сэди, что для тебя самое важное в жизни, — тут он сделал паузу, чтобы его слова дошли до моего сознания. — Из тебя выйдет хорошая мать.

Инстинктивно, я скрестила руки на животе. Натан не единственный, кто хочет этого для нас. Эндрю уже давно давил на меня, чтобы я побольше об этом разузнала.

— Вы с Шэной едва прикоснулись друг к другу, а она уже была беременной. Прости. Просто ты не знаешь, каково это, ощущать такую пустоту, когда больше всего на свете хотелось бы ощутить кого-то внутри. И получать напоминание об этом каждый месяц, каждый день.

— Я тебя понимаю. Значит, ты признаёшь, что снова хочешь попробовать забеременеть?

Я несколько раз моргнула. Конечно, я пыталась ему объяснить другое, а он всё равно приходит к этому заключению.

— Я имела в виду, что так было раньше, когда мы пытались зачать. Теперь я вообще не уверена, что вообще когда-либо захочу детей.

— А что говорит врач? Что ты бесплодна и нет никаких шансов?

Нахмутив брови, я пыталась вспомнить детали нашего разговора на Хэллоуин. Я ему не говорила, что буду проходить обследование.

— Какой врач?

— В том — то всё и дело, — заявил он, ударив кулаком по дивану, будто воспитывая меня. — Ты даже не знаешь, в чём причина и уже ставишь на себе крест. Послушай меня. Во-первых, выясни, в чём загвоздка, во — вторых, от этого и отталкивайся. Без первого пункта никак нельзя.

Я довольно громко сглотнула, ощутив тепло, разлившееся по телу, только лишь от идеи поговорить об этом с гинекологом.

— Не всё так просто.

— Почему нет?

— Потому что...

— Потому что ссыкухой быть легче?

Я открыла рот от изумления.

— Эндрю.

Он фыркнул.

— Но ведь это правда. Ты боишься узнать результаты, поэтому и не идёшь. Ты боишься разочаровать Натана, поэтому и собираешься от него уйти. Ты поступаешь так же, как в детстве, когда пряталась под кровать, когда мать с отцом ругались. Тогда это было рационально, но не теперь.

Я не проронила ни слова, молчала, как нашкодившая школьница. Эндрю всё разложил по полочкам, для меня теперь всё стало на свои места. Но я знала, что эта правда может изменить всё — не только мой брак, но и всю мою жизнь. Готова ли я к этому прямо сейчас? Можно ли вообще к такому подготовиться?

— Знаешь, она очень на тебя похожа, — с восхищением произнёс Эндрю, говоря о Белл. — Иногда я смотрю на неё и вижу тебя. Я всегда старался защищать тебя, как только мог. И, когда мне становится страшно, или я беспокоюсь о её будущем, мысли о том, какой выросла ты, меня успокаивают. Даже если ты — ссыкуха.

Мне хотелось разозлиться на него, за то, что он заставил меня рассказать о том, что мне хотелось бы похоронить глубоко внутри, но я не рассердилась. В этом доме мне было так комфортно в окружении двух людей из трёх, которых я люблю больше всего на свете, поэтому единственное, что я действительно смогла сделать, это рассмеяться вместе с ним.

Натан сказал мне утром сразу же вернуться домой, но я этого не сделала. Вместо этого я снова отпросилась с работы и нанесла визит к гинекологу, который нужно было совершить уже давным-давно. Он попытался отправить меня восвояси без предварительной записи, но после моего разговора с Эндрю, я больше не могла терять ни минуты, мне необходимо было узнать правду. Нас с Натаном ждёт откровенный разговор о том, чего мы хотим, и, чтобы поговорить об этом, я должна точно узнать, смогу ли родить ему ребёнка. Доктору Хэррису стало меня жаль, и он втиснул меня между пациентами.

Как только я освободилась, я отправилась домой. Выйдя из лифта на шестом этаже, с перекинутой через плечо спортивной сумкой, я в нерешительности остановилась у двери Финна. Я не могла заставить себя постучать. Финн — привлекательный, сексуальный, добрый, он — отец, любовник, настоящий мужчина. Но, тем не менее, он никогда не сможет стать Натаном.

Я тихо постучала и стала ждать. Стоя у двери в его квартиру, мои ощущения были отличными от тех, что обуревали меня на протяжении последних нескольких недель, мурашки не бежали по коже. Наконец Финн показался в дверном проёме, такой же, как и всегда: одетый в спешке, застигнутый врасплох, вспотевший. Это навело меня на мысль, не сломался ли снова его обогреватель. Я об этом не спросила, теперь это уже не моё дело.

Сначала его взгляд метнулся к моей спортивной сумке, лишь затем он одарил меня взглядом своих зелёных глаз, округлившись и лучившись от радости. Я не могла заставить себя заговорить и убить тем самым в нём эту радость. Я слишком долго мешкала.

— Сэди... — он широко улыбнулся, а затем привлёк меня к себе, сжал в объятиях, прижал к своей тёплой и влажной груди. Его сердце отчаянно билось. — Ты сделала меня счастливейшим человеком. Вчера я был в Коннектикуте, но сегодня я только и занимаюсь, что сбором мебели и распаковкой коробок, — прошептал он мне в волосы.

Это было убийственное объятие, такое, после которого все предыдущие напрочь стираются из памяти. Но, несмотря на это моё тело одеревенело, моё решение было непоколебимым. Я предполагала, что смогу полюбить Финна, но это не так. Обнимавшие меня руки не принадлежали Натану. Может со временем я бы к ним привыкла, но для меня этого было не достаточно.

Объятия Финна едва уловимо ослабли, а затем он и вовсе меня отпустил. Отстранившись, на этот раз он внимательно всмотрелся в моё лицо. Его блуждающий по моему лицу взгляд, его губы, к которым я могла бы прикасаться и бесконечно целовать, с которых сползла улыбка.

— Финн... — начала я.

— Вот чёрт, только ничего не говори, — сказал он, отступив на шаг назад. Он сжал свои волосы на макушке в кулак. — Подожди, чтобы ты ни собиралась мне сказать...

— Не говорить? Но от правды не уйдёшь.

— Сэди, — он снова подошёл ко мне, положил руки мне на плечи, приблизил своё лицо к моему. — Ты не должна жить в несчастливом браке. Развод очень пугает — я это прекрасно знаю, поверь. Но мы пройдем через это вместе, будем поддерживать друг друга.

— Что нас ожидает, Финн? Мы будем жить здесь, а Натан в соседней квартире?

— Мы поселимся в любом месте, где ты пожелаешь, в Риме, в Париже, в Нижнем Ист — Сайде. Мне всё равно.

— Это не сработает.

— Зайди ко мне, — его взгляд метался между лифтом и дверью в мою квартиру. — Давай поговорим.

— Я туда не пойду.

— Почему? — вскипел он, вены проступили на его руках. — Потому что ты боишься того, что происходит между нами? Если ты не можешь спокойно находиться со мной наедине, это что-то да значит.

— Дело не в этом, — моё притяжение к Финну по-прежнему присутствовало, но внезапно любовь к Натану закрыла на замок моё сердце для кого-либо кроме него. Финн снова бегло оглядел коридор. Казалось, он не осознавал, что постоянно оглядывается. Я же совершенно этим себя не утруждала. Если вдруг Натан появится прямо сейчас, то пусть лучше застигнет меня у двери Финна, чем в его квартире.

— Натан обо всём знает.

Финн замер, лишь его глаза часто моргали.

— Что?

— Я ему всё рассказала.

— Я... — он шумно выдохнул, руками упёрся в дверной косяк, сжал его так сильно, что его руки

покраснели. — Я думал, мы с тобой сначала это обсудим.

Мне хотелось убежать домой, исчезнуть, по меньшей мере, закрыть глаза, чтобы не видеть отразившейся боли на лице Финна. Но я должна была посмотреть на него, я должна была убедиться в том, что он правильно меня понял, исключить любую недосказанность, потому что в моём сердце не было места для него.

— Здесь нечего было обсуждать. Это вышло случайно.

— Как? Он что-нибудь нашёл? — Финн посмотрел на сумку в моих руках. — Он выгнал тебя?

— Нет.

— Ты уходишь от него?

— Нет.

— Я ничего не понимаю. Послушай, — всё ещё возвышаясь в дверном проёме, его голова поникла. Сейчас его причёска была моей самой любимой, волосы взъерошены, неряшливы, даже немного грязные. Ему уже можно было бы подстричься, но, если бы мы были вместе, я бы попросила его с этим повременить. Финн посмотрел на меня и глубоко вздохнул. — Я не собираюсь больше просить тебя. Я и так уже неоднократно это делал. Но, если он сомневается в тебе, то я — нет. Я хочу, чтобы ты присутствовала в моей жизни. Навсегда, — он жестом указал на нас и на коридор. — Я не думаю, что всё это — то, что мы оказались в одном здании, когда так нуждались в друг друге — было ошибкой.

Так легко было не устоять перед ним. Не каждый смог бы уйти от судьбы и от такого мужчины. Но я уже всё решила, и я не смогу уже больше ничего изменить, если даже и захочу.

— Я не могу знать, что случится с Натаном. Но я знаю одно, я не смогу от него уйти.

— Всё это время, что я тебя знаю, он вёл себя отвратительно по отношению к тебе.

— Всё очень сложно. Если бы я осталась с тобой, я бы никогда не смогла избавиться от мысли, а что, если мне следовало ещё побороться за мой брак.

— Я могу быть терпеливым. Тебе не нужно всё решать сегодня. Просто согласись остаться со мной, всё решится само собой.

— Сколько ты будешь ждать? — спросила я, покачав головой.

Он уже собирался ответить, но не стал, осознав, что ответа я не жду. На этот вопрос просто не существовало ответа.

— Так значит это «прощай»? — он ослабил хватку на дверном проёме. — Или ещё увидимся?

Я поставила сумку на пол и достала пальто от Барберри.

— Это прощай.

— Что? — он нахмурился. — Нет. Не надо возвращать мне пальто.

— Из-за него мне как-то не по себе, — я протянула его Финну, и увидела, что мои руки дрожат. Это было нелегко. Я была так холодна с ним, какая-то часть меня хотела прильнуть к его тёплому телу и отключиться от всего мира на несколько часов. — Пожалуйста. Возьми его.

Немного поколебавшись, он взял его. Мы стояли довольно близко, поэтому я видела медовые блики его зелёных глаз, которые пытались меня соблазнить. Он расстроено вздохнул.

— Может ли широкий жест изменить твоё решение?

Опустив взгляд в пол, я дотронулась до ключицы. Вера Финна в наше счастливое будущее была непоколебима. Я надеюсь, он найдёт то, чего так отчаянно желает. Мы стали так близки за такой короткий промежуток времени, иногда кажется, что мы действительно знали друг друга с той самой первой и короткой встречи в кофейне. Мне было жаль терять такого друга, как он.

— Любая девушка будет...

— Прекрати. Это дерьмо мне не поможет.

— Это не дерьмо, — я замолчала, он всё это обдумывал. Затем он снова сосредоточил своё внимание на мне. — Если бы обстоятельства были иными, я бы никогда не смогла уйти от тебя. Ни за что. Я вообще не могу понять все эти годы, какая сила заставила меня подняться со стула и оставить тебя. Может это судьба меня заставила, — от этих слов он вздрогнул. — И, возможно, в этом и кроется настоящая причина, почему я сейчас ухожу. Когда ты найдёшь женщину, которая сделает тебя счастливым — по-настоящему — ты сможешь меня поблагодарить.

Его взгляд метался от моих глаз к губам и обратно. Я его не убедила, но, честно говоря, я на это и не рассчитывала.

— Думаешь я заслуживаю быть счастливым после того что между нами было?

— Это уже не мне решать, — мы оба допустили множество ошибок, но Финн не плохой человек. — Конечно,

без сомнений.

— Значит и ты тоже.

Я прижала руку к груди, казалось, моё сердце пропустило удар, но не из-за Финна. А из-за того, кто ждёт меня в моей квартире. Из-за того счастья, которое ждёт нас с Натаном впереди, которое мы заслужили.

— Знаю.

Финн обнял моё лицо своими большими ладонями и прижался губами к моему лбу. Так мы и простояли несколько секунд. А потом он произнёс.

— Кажется, я тебя люблю.

Я проскрежетала зубами, из-за образовавшегося комка в горле. Любовь может быть такой неосуществимой и затруднительной. Но я бы ни на что её не променяла, даже если бы она исходила не от того человека. Я знаю, можно влюбиться спустя несколько мгновений, после встречи с тем, с твоим человеком. Так и произошло у нас с Натаном, после того, как мы вместе провели вместе целый день.

— Спасибо тебе.

Он отпустил меня.

— Если он хоть когда-нибудь отнесётся к тебе ни как иначе, чем безусловно...

— Я всё равно буду его любить, — я была в этом уверена. — Теперь я понимаю, что безусловность переоценивают.

— Просто знай, что ты всегда можешь вернуться ко мне, — сказал он с грустной улыбкой. — Особенно, если у тебя с собой будет круассан с тёмным шоколадом и фисташкой.

Наши улыбки были искренними, но быстро исчезли. Запах его мыла уже был мне так знаком и приятен. Мне бы не хотелось его больше не ощущать, но я это переживу. Подняв руку, он губами произнёс «прощай» и закрыл свою дверь.

???

В нашей квартире царил тишина. Джинджер спала в своей корзинке в гостиной. Я не стала её будить, просто опустила на пол и осмотрела её перевязанные лапы. На кухне я нашла записку от Натана.

В 14:15 дал ей лекарства / обезболивающее.

Время уже перевалило за три часа. Рядом с запиской лежал пакетик с лекарствами. Я прочитала инструкцию к антибиотикам Джинджер. Вечером нужно будет дать ей ещё одну дозу.

Натан передвинул стол из гостиной обратно на кухню, салатница, которую я опрокинула, лежала на сушке для посуды. Я вспомнила, что мой телефон лежал рядом с ней, поэтому опустила на четвереньки и нашла его под холодильником.

Мой телефон полностью разрядился. Я пошла в спальню и поставила его заряжаться.

Самый последний пропущенный вызов был с неизвестного номера двадцать минут назад. Я присела на кровать и прослушала сообщение, оставленное на голосовой почте.

«Здравствуйте, миссис Хант. Вас беспокоят из Пресвитерианской больницы Нью-Йорка. Мы пытались связаться с вашим мужем по поводу его отца». Я сильно сжала телефон, меня пронзил страх. «Состояние Ральфа резко ухудшается, скорее всего он не переживёт эту ночь. Пожалуйста, перезвоните нам как можно скорее».

Убрав телефон от уха, я уставилась на экран. У меня в мыслях образовалась пустота.

Конечно, мы понимали, что к этому всё идёт, но до конца с этой мыслью так и не смирились. Всё случилось слишком быстро. Телефон был холодным, от того, что лежал на полу. Я прижала его ко лбу и задумалась.

Натана нет дома, может он уже туда едет. Если нет, где он может быть.

Я позвонила в клинику.

— Ральф? — переспросила медсестра, когда я спросила о его состоянии. В трубке воцарилась тишина, прерываемая лишь звуком работы на клавиатуре компьютера. — Вы ему родственница?

— Невестка.

Она глубоко вздохнула.

— Вам нужно приехать как можно скорее.

— А вы уже дозвонились до его сына, моего мужа?

— Нет. Вы можете его найти?

Вчера вечером Натан сказал, что будет ждать меня. Он может быть на работе, но я не могла представить себе его, сидящего за рабочим столом, пока мы с Джинджер так в нём нуждаемся. Ещё около часа назад он был дома. Принимая во внимание все последние события, он мог быть лишь в одном единственном месте. Там, где он

обретал ясность мыслей, ответы на мучавшие его вопросы; месте, которое служило ярким напоминанием о том, что самое важное в жизни каждого человека.

— Я привезу его, — ответила я.

— Замечательно. Тогда, до скорой встречи.

Я ещё раз проверила, не получала ли сообщений от Натана, даже несмотря на то, что он знает, что я без телефона. Там были только вчерашние, когда он разыскивал меня.

Я позвонила ему на мобильный. После четвёртого гудка, меня отправили на голосовую почту. «Вас приветствует голосовая почта абонента 6-4-6...»

Его телефон был включён, я не видела иной причины, почему он не брал трубку, если только он был там, где я и предполагала, в пункте бесплатного питания. Когда он раздаёт еду, он всегда выключает звук. Я схватила телефон, подзарядку и сумочку. Ральф сейчас один, и Натан тоже. Я обязана как можно скорее сделать так, чтобы они встретились. Я сбегала вниз по лестнице и, выскочив на улицу, поймала первое попавшееся такси.

— Куда едем? — спросил водитель.

— Пункт бесплатного питания на пересечении Шестой и Пятнадцатой.

Мне даже не пришлось говорить, чтобы он поторопился, потому, как он вжал педаль газа в пол. Во время пути я сжимала переносицу, пытаясь прийти в себя. Натану нужна будет моя поддержка. С тех пор, как мама Натана переехала, Натан сблизился с отцом. Эта новость не станет для Натана неожиданной, но от этого не станет легче её принять.

Когда мы приехали, я попросила водителя подождать у тротуара. Время клонилось к вечеру, на улице было свежо и серо. У входа в приют образовалась очередь, в основном из молодых людей и женщин, некоторые были с детьми. Через окно я заметила Натана, стоящего за столом в переднике и с улыбкой на губах. В этот момент он был счастлив, мне не хотелось его расстраивать, мы и так в последнее время причинили друг другу много боли. Мне следует с этим смириться и набраться сил, чтобы снова сообщить ему ужасную новость, но иного выбора у меня нет. Время было на исходе, осознав это, я открыла дверь и вошла внутрь.

36

Натан руководил процессом, но в то же время не был лишён доброты и нежности. Он разделявал индейку, как истинный глава семьи, и улыбался каждой женщине с ребёнком, стоящим в очереди за едой.

— Натан, — громко позвала я, люди в очереди обернулись в мою сторону. Он взглянул на меня и отложил нож в сторону.

— Сэди?

— Мы пытались дозвониться до тебя.

Он обошёл прилавок с едой и приблизился ко мне.

— Кто?

Мне хотелось прикоснуться к нему, когда я сообщу ему новости, поэтому я сжала в кулаке ткань его передника и притянула Натана к себе. Уголок его рта изогнулся в улыбке.

— Что происходит?

Сделав глубокий вдох, я произнесла.

— Твой отец...

Его лицо поникло.

— Как он? Что-то случилось?

— Пока ничего, но нам нужно ехать, — я посмотрела в его глаза. Он смотрел на меня, но не видел, мысленно он был далеко.

— Мой отец? Но мне нужно ещё немного поработать.

Я потрясла его за передник, он несколько раз моргнул.

— Натан, сейчас. Нам нужно ехать прямо сейчас.

Он слегка кивнул, затем более уверенно.

— Да, конечно, — он развязал передник и бросил его на стол, пока мы пробирались через обеденный зал к выходу. Я стянула с его головы одноразовую шапочку, его наэлектризованные волосы встали дыбом.

Мы направились к машине такси, которая ждала нас у входа с не заглушённым двигателем. Натан жестом пропустил меня вперёд, он всегда оставался джентльменом, несмотря ни на что.

— Пресвитерианская больница, — сказала я, проскользнув в салон.

— Побыстрее, мой отец... он, — Натан посмотрел на меня.

— Он пока жив, но он может умереть в любую минуту.

Натан отвернулся и посмотрел в окно. Я взяла его за руку, он снова посмотрел на меня, затем на наши переплетённые пальцы, и поцеловал мою руку.

— Ты здесь, со мной.

Я придвинулась к нему настолько близко, что практически оказалась на его коленях. Рукой я провела по его щеке, на которой за эти дни выросла щетина.

— Я здесь.

— Я понятия не имел о том, что происходит между вами. Если бы я знал, я бы немедленно это остановил.

— Не стоит говорить об этом сейчас.

— Я бы всё сделал по-другому.

Я склонила голову, любопытство взяло верх.

— Правда? Что бы ты сделал?

— Мне следовало поговорить с тобой, когда я узнал об аборте, но я этого не сделал. Я боялся, что ты придёшь к окончательному решению.

— Я не понимаю. К какому решению?

— Что ты вообще не хочешь детей.

Я в удивлении открыла рот и нахмурилась. Не уверена, что ожидала услышать, но только не это. Какое-то время эти мысли мучили меня, но вслух я их не озвучивала.

— Почему ты так решил?

— Я это почувствовал. Мимолётные комментарии, холод в твоих глазах, когда ты непроизвольно произносила их вслух. В тот день, когда мы пошли на приём к гинекологу, чтобы тебе снова прописали противозачаточные таблетки, когда ты вышла из кабинета, доктор сказал мне, что не стоит слишком сильно расстраиваться. Он сказал, что многие женщины, у которых не получается забеременеть, убеждают себя, что вообще не хотят детей.

— Я говорила ему об этом, — сказала я, опустив взгляд на наши руки на его коленях. Я не знала, какие слова подобрать и как объяснить, что из-за того, что я, возможно, не смогу дать ему то, что он хочет, у меня пропало даже желание попробовать зачать. — У меня появились сомнения.

— Я надеялся, что ты скажешь мне об этом. Вот о чём я говорил в ванной. Я не позволю тебе единолично принимать такие серьёзные решения, — какое-то время мы ехали в тишине. Наши ладони вспотели, так крепко мы держались друг за друга. Затем он снова заговорил. — И поэтому все эти месяцы я не мог заставить себя поговорить с тобой обо всём этом. Если бы ты сказала мне, что совсем не хочешь детей, и я не смог бы переубедить тебя, мне пришлось бы принять самое трудное решение в жизни.

Его слова отозвались болью в моей груди, мне была понятна серьёзность его решения. Я, бесспорно, любовь всей его жизни. Но как повлияет на его любовь тот факт, что я не хочу стать матерью?

— Раньше ты уже принимала решения без меня, поэтому я не мог быть уверен, что ты вообще когда-либо будешь учитывать моё мнение.

Я сжала его руку, но не для того, чтобы успокоить его, а потому что мне нужна была точка опоры.

— Я заставила тебя почувствовать себя нежеланным?

— Ненужным. Конечно, мне не следовало отгораживаться от тебя, но я хотел решить всё в трезвом уме и на свежую голову, а не испытывая боль и злость.

— Но ведь мы должны быть вместе, и в боли, и в злости. Ты не спрашивал моего мнения, когда решил отстраниться. Ты тоже принимал важные решения без меня, Натан.

— Теперь я это понимаю. Понимаю, что бояться — это нормально, а вот то, что я струсил — это неприемлемо. Прости меня.

Увидев раскаяние на его лице, мне захотелось придвинуться ещё ближе к нему, крепко обнять. Я прильнула к нему, уткнувшись в его шею и вдыхая его запах. Я чувствовала, как неистово билось его сердце. Он нервничал или был напуган. Я с лёгкостью простила его, потому что давно была готова это сделать и так долго этого ждала. Я хотела оставить всё в прошлом, это он цеплялся за то, что невозможно было изменить.

— Я тебя прощаю, — прошептала я в его кожу. Это был мой дом, мой Натан. — А ты сможешь простить, что я не сказала тебе о ребёнке?

Он кивнул.

— Да. Я никогда не пытался стать твоим врагом.

— Я хотела ребёнка, но время было неподходящим, — мою грудь так защемило, что я с трудом дышала. Я сильно зажмурила глаза, сдерживая слёзы, и снова заговорила, спрятав лицо в тёплом местечке на его шее. — Сейчас подходящее, но боюсь, я не смогу родить тебе ребёнка. Я не выдержу того разочарования, которое будет обрушиваться на тебя каждый месяц, может даже многие годы.

— Есть же ещё варианты? Или мы даже не будем пытаться? Просто расстанемся?

— Я не знаю.

— Однажды ты уже предпочла меня ребёнку. Ты сделаешь это снова?

Я с трудом сглотнула ком в горле. Желание Натана иметь детей никогда не вызывало сомнений, я, наверное, тоже этого хотела. Я могу снова попробовать забеременеть естественным путём, или с помощью ЭКО, или мы можем усыновить ребёнка. Но я сама должна захотеть стать матерью, а не делать всё это, потому что Натан хочет этого от меня.

— Я выбираю тебя, и хочу, чтобы ты тоже меня выбрал. Даже несмотря на то, что я не смогу дать тебе то, чего ты хочешь больше всего на свете.

Он нежно погладил меня по щеке рукой.

— Я люблю тебя, Сэди. Ты и есть то, что я хочу больше всего на свете. Ты можешь подавить свои чувства, но не забывай, я знаю, как найти ключ к твоему сердцу. Однажды я уже это сделал, и буду делать это снова и снова, пока ты не поймёшь, что я никогда не позволю тебе уйти от меня, и ни за что на свете не откажусь от тебя.

???

Только переступив порог больничной палаты Ральфа, я, наконец, действительно осознала, что отец Натана при смерти. Тётя Натана была здесь, её глаза были заплаканы, и тушь потекла. Она поздоровалась с нами, и мы по очереди обняли её.

— Я тоже только что приехала, — сказала она.

Ральф очень исхудал, и был того же цвета, что и его зелёная больничная пижама. Его внешний вид говорил о том, что ему действительно немного осталось. Он едва приоткрыл глаза и кивнул. Мне захотелось прижаться к груди Натана и заплакать. Нас с Ральфом ни в коей мере не связывали отношения как у отца с дочерью. Отец Натана был — на протяжении всей жизни таким же, как Натан в последние месяцы — холодным и отстранённым. Но, несмотря на всё это, он был его отцом.

— У тебя что, нет родителей? — спросил меня однажды за ужином Ральф, пока Натан вышел в другую комнату.

— Есть, — я почесала бровь. Мы с Ральфом не часто оставались наедине.

— Они не очень хорошие люди? Натан всегда становится в стойку, когда я о них спрашиваю.

— Он всегда готов меня защитить.

— Может он думает, что я попытаюсь стать тебе отцом, так он ошибается. Я не из таких.

— Всё нормально, у меня есть отец, может и не самый лучший, но отец. Мы с Натаном научились жить с тем, что имеем.

— Ты хочешь сказать, что и я не очень хороший отец?

— На самом деле так и есть, — и это была чистая правда. Этот человек не мог произнести вслух, что любит своего сына, но это было видно по тому, как Ральф смотрел на Натана. Натан всегда винил отца в том, что тот так долго игнорировал мать, что у неё не было другого выхода, только уйти. — Просто мне кажется, со временем многое позабылось.

Ральф внимательно на меня посмотрел.

— Он думает, что я не любил его мать, но я любил и очень сильно. Мне было больно наблюдать, как её любовь постепенно угасала.

— Поэтому вы оттолкнули её.

— Она бы осталась, несмотря на свои чувства, — сказал он, отведя взгляд. — Зато сейчас она счастлива, живёт в Калифорнии с богатым мужчиной, — я думала, что он закончил, но прежде чем Натан вернулся, Ральф добавил. — Если ты когда-нибудь увидишь, что его любовь начнёт угасать, предотврати это, пока не станет слишком поздно.

Не думаю, что Натан сможет когда-либо понять, почему Ральф позволил себе так сильно отдалиться от своей

жены, но думаю я смогу это понять. Ральф считал, что не сможет сделать её счастливой в той степени, в которой она этого заслуживала. Но, несмотря на то, что я это понимаю, я бы не хотела этого для нас. Нам с Натаном нужно усерднее работать над собой, чтобы в результате жить вместе и счастливо, пытаться найти общий язык, разговаривать друг с другом, всё обсуждать, особенно в тех случаях, когда это кажется невозможным.

Сегодня Ральф был не в том состоянии, чтобы общаться. Натан крепко обнял отца, сказал ему, что любит его и присел у кровати, держа его за руку.

Ральф снова погрузился в сон, хотя проснулся всего лишь пару минут назад. Натан сидел, понутив плечи, не отводя взгляда от отца.

— Мне нужно позвонить матери, — сказал он.

— Я позвоню ей, а ты на всякий случай останься здесь.

Он обеспокоенно на меня посмотрел и похлопал рукой по своим коленям.

— Посидишь со мной?

Я откинула чёлку с его лица и поцеловала в лоб, его кожа была такой тёплой, такой родной.

— Конечно, после того, как позвоню твоей маме.

По дороге в кафетерий, я нашла номер телефона его мамы. Она ответила после первого же гудка.

— Сэди, привет, ты немного неожиданно. Что-то случилось?

— Да, то есть, нет. Ральф...

— О, — какое-то время мы обе молчали. — Как жаль, что я не могу приехать.

— Да.

— Как Натан?

Я наполнила три чашки кофе.

— Старается держаться.

— Сэди, — она глубоко вздохнула. — Позаботься о моём сыне. Он будет пытаться быть сильным. Я так рада, что ты там, рядом с ним.

Мой взгляд упал на чёрный кофе в кружке. Меня могло здесь и не быть, но я была.

Хорошо, что мне пришлось принять те трудные решения — сегодня, вчера, в прошлом. Я поступала так, чтобы оградить от этого Натана, но теперь я видела урон, который нанесли мои единоличные решения. Поступать так снова мне больше не хотелось, если и принимать какое-то решение, то только сообща.

— Я о нём позабочусь.

— Пусть Натан позвонит мне, я помогу с организацией похорон.

— Я вам позвоню. Мы с вами обсудим...

— Сэди...

— Да?

— Передай Ральфу... что я его люблю, скажи, что я всегда его любила и до сих пор люблю.

Я облокотилась о стойку. Она говорила это искренне, только я не могла определить, какие чувства её обуревали, было ли это сожаление, скорбь, печаль.

— Правда?

— Какая — то часть меня, никогда не переставала любить его. Даже несмотря на то, что всё это дело давно минувших дней, но это так. Полагаю, сегодня старые раны снова начнут кровоточить.

— Я обязательно ему передам.

День Благодарения будет уже на следующей неделе, поэтому я купила сэндвичи с индейкой, клюквенный сок и шоколадный пудинг. Мы вчетвером насладились этим скромным и, возможно, последним обедом Ральфа, но, несмотря на безрадостное настроение, мы поделились тем, за что мы испытывали благодарность. Я была благодарна за то, что у меня есть Натан, за его понимание и прощение, за его неослабевающую любовь ко мне, и силы бороться за меня, за то, что я позволю ему это сделать. И, наконец, я была благодарна, что снова ощутила в себе силы желать того, что, как я уже знала, может причинить мне много боли.

— Мне нужно сделать несколько звонков.

— Я об этом позабочусь, — я погладила его по спине.

— У него был план похорон.

— Я его уже просмотрела, — сказала я. Пока Натан со своей тётёй оставались с Ральфом, я изучила этот вопрос, что нужно делать в случае смерти члена семьи. Там было много нюансов, но я всячески хотела взять на себя как можно больше, и освободить от этого Натана.

Натан ссутулился, прикрыл лицо руками и вдохнул со всхлипом. Натан мало плакал в моём присутствии. Всё, что приходило на ум, это тот день, когда кручёный мяч попал ему в промежность во время игры в пляжный волейбол. Я стремглав бросилась к нему, чтобы крепко обнять его. Он раскрыл свои объятия для меня и прижал к мокрой щеке.

Это был мой Натан. Мой Натан не сдерживается и не удаляется. Он любит и сожалеет, боится и надеется всем своим сердцем. Я была счастлива, что мы воссоединились, последние месяцы были сложными, но мы это преодолеем и станем сильнее. Но в данный момент для меня не было ничего хуже, чем наблюдать, как ему было больно. Я зарылась лицом в его плечо и рыдала вместе с ним.

Джинджер встречала нас у двери. Вчера вечером я забежала домой, чтобы проверить как она, и сейчас мне нужно было снова обработать её раны.

— Я выведу её на улицу, — сказал Натан, схватив поводок даже до того, как мы прошли через дверь квартиры.

— Нет, — я выхватила у него поводок.

Он поднял ладони вверх, будто был пойман с поличным.

— Что это было?

— Я выведу её, — Натан снова заботился обо всём и обо всех. Он мерил свою любовь по тому, сколько он мог на себя взвалить, нужно было это менять. — Затем я покормлю её. И проверю раны. Тебе нужен отдых. Позволь мне помочь тебе.

Он опустил свои руки.

— Хорошо, блин. Но не нужно так выхватывать.

— Нет, нужно, Натан, — я шагнула в прихожую. Джинджер наблюдала за мной. — Я хочу, чтобы ты выслушал меня, потому что это необходимо сказать. Впредь нужно обо всём говорить, а не откладывать на потом.

— Да, — произнёс он медленно. — Думаю, мы в этом уже убедились.

— Я люблю то, как ты заботишься обо мне. Я и не хочу, чтобы это прекращалось. Но ты должен позволить мне заботиться о тебе в ответ.

— Хорошо.

— Я ещё не закончила, — я посмотрела на него. — Ты вошёл в мою жизнь, выбил почву у меня из-под ног, и никогда не возвращал меня обратно на землю. Всем этим ты создал прецедент. Иногда, тебе нужно позволять мне заботиться о тебе. Когда тебе будет слишком трудно, просто скажи мне. Попроси помощи. Тебе нужно, прежде всего, надеть маску себе.

— Маску? — он склонил голову.

— И пьедесталы, — продолжила я, — с этим покончено. Всё. Мы теперь на земле, и это лучшее место, потому что она прочная.

Он нахмурил брови.

— Ты потеряла меня. Может, это тебе нужен отдых.

Я вздохнула.

— У Эндрю лучше получается это объяснить. Я пытаюсь сказать, что мы не идеальны, и нам нужно это принять.

— О, — он немного выпрямился, — но ты хочешь, чтобы мы были идеальными.

— Нет, не хочу. Больше не хочу. Я хочу нас, несовершенную версию. Я никогда не буду идеальной женой, а ты не будешь идеальным мужем, и, когда мы примем это, я думаю, мы оба будем более счастливыми. Не идеальными, но счастливыми.

— Я никогда не просил тебя быть такой. Я не хочу, чтобы ты была идеальной. Тебе придётся принять тот факт, что если ты облажаешься, ты не можешь прятаться, потому что так легче. Ты не можешь принимать решения сама, чтобы не обременять меня, — он сжал губы. — Когда ты растеряна, не ищи поддержки у кого-то другого.

— А ты не оставляй меня больше в одиночестве, — мы смотрели друг на друга. — Мне нужно твоё тепло, даже тогда, когда тебе кажется, что ты не можешь дать его мне. А что нужно тебе?

— Я хочу стать отцом.

Воздух покинул мои лёгкие. Я уже знала, чего я хочу от него. Когда речь заходила о семье, Натан всегда говорил открыто, но до этого он не говорил о том, в чём нуждался. Он положил руки мне на плечи.

— Я знаю, тебе страшно. Мне тоже. Это не обязательно должно случиться сегодня, в следующем году или через три года. Но я хочу любить кого-то кроме нас. Я столько всего хочу дать, и ты — о господи, Сэди, — ты тоже. Когда ты перестаешь сдерживаться, ты такая любящая.

Я почувствовала, как моё лицо скривилось. Любящая? Он так думает? Он верит в нас. В меня. И я на самом деле этого хочу — остаться с ним и вместе растить нашего ребёнка.

— Возможно, ты даже хочешь его больше, чем я, и именно поэтому ты так напугана. Если у нас не получится зачать, мы придумаем что-нибудь другое. Думаешь, я меньше буду любить усыновлённого ребёнка? — он крепко меня держал. Я сжимала и разжимала кулаки, чувствуя, что хочу сделать шаг назад, но я не могла. Это был уже другой уровень интимности. Так же, как и с Эндрю, когда Натан сказал это вслух, я знала, что это правда — мне на самом деле страшно. Меня не шокировало, что возможно он догадался об этом раньше меня, но мне не стало легче, когда я это услышала. Он отпустил меня и отошёл. — Чистые бинты и лекарства на кухонной стойке. Я пойду отдохну, — его губы изогнулись, намекая на улыбку, я почувствовала, он подумал, что одержал какую-то победу — даже несмотря на то, что я ещё ни на что не согласилась.

???

Пока Натан спал, я обработала раны Джинджер.

— Мне жаль, что ты поранилась, — сказала я ей. — Но, ведь, тебе уже лучше, правда? — она склонила голову. Я нежно, с любовью поменяла бинты на её лапах. С детьми чаще что-нибудь случается, чем с собаками. Этого не избежать. Несмотря на то, что Натан в нас верит, я смогу справиться с душевной болью и неоправданными надеждами иметь ребёнка. Но меня очень расстраивает то, через что Натану тоже нужно будет пройти. Моё нежелание заводить детей, было связано с тем, что я хотела защитить его, но такого рода решения я не могу теперь принимать без его участия.

— Он хорошо о тебе заботится, — прошептала я, — надеюсь, я тоже.

Когда я выгуляла и накормила Джинджер, я заглянула в холодильник. Когда Натан проснётся, я хочу ободрить его чем-то настолько вкусным, что он просто не сможет больше грустить. Сегодня он потерял своего отца, поэтому ему это необходимо. Я решила приготовить яблочный пирог с карамелью, который я планировала готовить на День Благодарения.

Я сделала глазурь и поставила её в холодильник остывать, нарезала яблоки. Когда все приготовления для пирога были готовы, я присела на диван. С горячим сидром в руке и компьютером Натана на коленях, я позвонила его тётке. Вместе мы составили список людей, которым нужно сообщить о смерти Ральфа. Мы обсудили то, что необходимо было сделать в ближайшие пару дней. Когда я повесила трубку, то заметила вчерашнее голосовое сообщение, я решила его прослушать.

«Добрый вечер, Сэди. Это Ким из офиса доктора Хэrrриса, я звоню по поводу вашего обследования на фертильность. Пожалуйста, свяжитесь с нами, чтобы записаться на приём и обсудить результаты».

Я убрала телефон от уха и уставилась на экран. Во время вчерашнего хаоса, я совсем забыла об обследовании. Записаться на приём? Означает ли это, что всё плохо? Я посмотрела на закрытую дверь нашей спальни. Натан думает, что сможет пройти через это, но осознаёт ли он, на что на самом деле мы подписываемся? Надолго ли его хватит, ведь это означает бесконечные посещения врачей и нескончаемые траты денег?

Я поставила пирог в духовку, едва осознавая, что делаю и почти обожглась. Правда заключалась в том, что я решилась, и мне просто необходимо всё узнать. Я не смогу больше ни на чём сосредоточиться. Не важно, какими будут результаты, мы с Натаном будем решать, что делать дальше вместе.

Я снова села на диван и перезвонила в клинику. Пока я набирала номер, моё нервное напряжение росло. Каждая секунда ожидания, добавляла неуверенности. Натан переживает из-за смерти отца. Не знаю лучшее ли это время или худшее, чтобы обнародовать результаты моего обследования. В клинике не отвечали, только тогда я осознала, что сегодня суббота. У меня не было другого выхода, как ждать до конца выходных. Я уже собиралась повесить трубку, но голос на том конце остановил меня.

— Здравствуйте? — произнёс мужской голос. — То есть, офис доктора Хэrrриса.

— Доктор Хэrrрис? — я спросила удивлённо.

— Да, это я.

— Это Сэди Хант. Извините, я получила ваше сообщение и совершенно забыла, что сегодня суббота.

— Если бы только все мои пациенты были так рады меня видеть, как вы, я бы никогда не обанкротился, — пошутил он.

— Мне правда очень жаль. Я знаю, я была немного назойливой вчера, — произнесла я с улыбкой.

— Всё в порядке, вы не первая. Но я не могу говорить о ваших результатах по телефону. Вам следует прийти на приём. А прямо сейчас, мы закрыты. Я просто проходил мимо, — он вздохнул. — Я не знаю, что моя жена имеет в виду говоря, что я слишком много работаю.

— Спасибо. Я приду. Но, может, вы хотя бы намекнёте.

— Сэди...

— Я не хочу вас задерживать. Просто у нас с Натаном эти несколько дней были очень тяжёлыми, и если новости плохие, я хочу покончить с этим. Но если они хорошие... это действительно может очень помочь.

Он вздохнул.

— Ладно. Давайте я найду вашу карту и посмотрю, с чем мы имеем дело. Дайте мне минутку, — на линии наступила тишина. Пока я ждала, я взяла ноутбук Натана с кофейного столика.

Папка с названием Бруклин в избранном привлекла моё внимание. Я кликнула на неё, и всплыл длинный список квартир.

— Сэди? Вы здесь? — спросил доктор.

— Да, я здесь.

— Замечательно. Как я уже вам говорил, я не могу обсуждать результаты обследования по телефону, — он хмыкнул в трубку. — Тем не менее, если бы вы задали мне гипотетический вопрос, я бы мог на него ответить.

Моё сердце заколотилось, и я приложила руку к груди, чтобы оно не выскочило наружу.

Хочу ли я на самом деле это знать? Подозревать, что я бесплодна — это одно, но знать наверняка, что так и есть, это поставит наши с Натаном отношения на совершенно новый уровень.

— Хм, — я сглотнула. — Гипотетически, если бы у меня был секс в эти выходные, смогла бы я забеременеть? Он рассмеялся.

— Это не совсем тот вопрос, который я ожидал. Послушайте, прямо сейчас я смотрю на экран компьютера, и мне нравится то, что я вижу.

Я сложила губы трубочкой и обняла себя, я была уверена, что слышу участие в его голосе.

— Но?

— Нет никаких «но». Конечно, в гипотетической ситуации, где результаты обследования физического состояния и анализ крови хорошие, он или она могут настаивать на детальном обследовании, чтобы получить больше уверенности.

Я расслабила пальцы, которые прижимала к груди. У меня было такое чувство, что кровь хлынула внутри меня, будто плотину прорвало где-то в моих венах. Хорошо? Все будет хорошо?

— Вы уверены? — спросила я.

— Стал бы я гипотетически врать?

Улыбка самопроизвольно появилась у меня на лице. Моё облегчение ощущалось физически, руки и ноги расслабились, дышать стало легче. Мне не терпелось разбудить Натана прямо сейчас и сказать, что на самом деле всё может быть хорошо.

— Вы думаете, что этому человеку следует обследоваться более тщательно?

— Хм. Если она со своим мужем пробуют зачать меньше года, то моей рекомендацией для неё было бы расслабиться, исключить ненужный стресс из её жизни. Начать вести дневник о том, что она делает и как себя чувствует каждый день. Физические ощущения, понимаете, о чём я говорю?

— Не совсем, я никогда не вела дневник, — запинаясь, произнесла я.

— Не думайте об этом, как о дневнике, пусть это будет больше похоже на пометки о том, что вы, то есть она, чувствует. Нужно фиксировать, что она ест, какие физические упражнения выполняет, те дни, когда у неё был секс. Нужно быть здоровой. И, когда она будет готова, пусть избавится от противозачаточных таблеток и наслаждается времяпрепровождением со своим мужем.

Я сморщила нос.

— И это всё? То есть таким образом можно забеременеть?

— Ну, не совсем так, но следует ли мне углубиться в детали?

Я рассмеялась, казалось впервые за несколько дней.

— Теперь у вас есть представление, — сказал он, по голосу можно было догадаться, что он улыбался. — Ваше тело негативно реагирует на стресс, Сэди. Когда вы говорили о том, что ранее делали аборт, вы звучали... безнадежно. Будто вы смирились с тем фактом, что из-за того решения, что вы предприняли много лет назад, вы разрушили своё будущее. Я уже об этом слышал и ранее, я бы рекомендовал вам поговорить об этом со специалистом, он поможет вам разобраться в тех проблемах, которые могут препятствовать наступлению беременности.

Ещё несколько месяцев назад я бы не смогла поверить в то, что могла существовать какая — то связь между моими страхами и неспособностью забеременеть. Сейчас же я понимала, что мне стало бы намного легче, если бы я всё рассказала Натану об аборте.

— Спасибо, вам. Она определённо обратится к специалисту. Она даже возможно... купит дневник.

— Хорошо. И послушайте, если всё вышесказанное не сработает, и она не забеременеет в ближайшие полгода — год, можно провести ещё некоторые обследования, включая и её мужа.

Я уже собиралась снова его поблагодарить, но вдруг замерла. Он сказал мужа?

— Извините, — сказала я. — Что вы имели в виду?

— Проблема может быть в его сперматозоидах. Конечно, это маловероятно, так как в прошлом от него забеременела его будущая супруга, но нет ничего страшного в том, что он обследуется.

Я облокотилась на спинку дивана, голова шла кругом. Я увидела себя со стороны, в своей квартире с открытым ртом, будто покинула своё тело. Я не знала, почему мне никогда не приходило на ум, что Натан может быть причиной того, что мы не могли зачать ребёнка. Я тотчас же разозлилась на то, как ругала и наказывала себя. Если бы Натан был бесплодным, я бы не стала меньше его любить. Я бы никогда не рассталась с ним из-за этого. Я почти за честь усыновить ребёнка с ним. Теперь мне стало предельно ясно — мы с Натаном будем вместе в этом вопросе и пойдём до конца. Я хочу дать ему семью, но, даже если я не смогу, я не в силах отпустить его.

Натан спросил у меня, предпочту ли я его ребёнку снова, и я бы выбрала Натана.

— Спасибо, доктор Хэррис. Вы даже понятия не имеете, какое значение эта беседа оказала на моё гипотетическое я.

— Счастливого Дня Благодарения, Сэди, — сказал он, — и Натану тоже передайте.

Я повесила трубку, ощущая такую эйфорию, будто ребенок, получивший новую игрушку. Я кликнула на первую ссылку в закладках у Натана. Это была квартира с тремя спальнями в Коббл Хилл, она была немного дороже нашего ценового диапазона. В описании говорилось, что это идеальное место для молодой семьи в спальном районе, школы были в нескольких минутах ходьбы. Следующим был дом в Дайкер Хайтс. Я просмотрела все ссылки. Теперь эта папка обрела смысл. Когда я впервые её увидела, то была уверена, что Натан искал жильё для себя одного.

Здесь же все было для семьи. Натан проводит время в Бруклине, потому что это место где он хочет жить в долгосрочной перспективе, рядом со своими друзьями, в районе благоприятном для семей. Не обращая внимания на то, что сегодня был выходной, я выбрала несколько наиболее понравившихся вариантов и сделала пару звонков.

Я украдкой заглянула в спальню, Натан вытянувшись лежал на спине, одна рука была вытянута и лежала на моей подушке. Было бы замечательно примоститься рядом с ним, но ему нужен был отдых. Я достала из прикроватной тумбочки годовой запас противозачаточных таблеток и отнесла их на кухню. Я выдавила каждую таблетку из фольги в раковину, скомкала упаковки, выбросила их в мусорный пакет и завязала его.

С ключами в одной руке и мусорным пакетом в другой, я вышла в коридор. Я сделала лишь пару шагов в направлении мусоропровода, когда дверь квартиры 6А открылась. Я замерла на месте, мне хотелось спастись бегством, но было слишком поздно. Я мысленно собралась с духом, потому что это была первая встреча с Финном, с того момента как я его бросила, но на пороге возникла Кендра в моём пальто от Барберри. Она накинула его на футболку с логотипом Нью-Йоркского Университета, которая была на несколько размеров ей велика. Она остановилась и посмотрела на меня.

— Чёрт. Ты всё слышала?

— Что?

— Не бери в голову. Сэди, верно?

У меня внезапно пересохло в горле, моя рука, держащая пакет с мусором вспотела. Я кивнула.

— Верно.

— Есть ли хоть какой-нибудь шанс, что у твоего обожаемого супруга есть брат, который свободен? —

произнесла она раздражённо. — Я довольно неожиданно тоже стала свободной.

Казалось, она была больше раздражённой, чем злой. Я подумала, знает ли она обо мне.

Казалось, что она не собиралась неожиданно наброситься на меня.

— Нет, нету. Мне... мне так жаль, Кендра.

Она пожала плечами.

— Это к счастью, всё равно он лживый подонок, — махнув рукой она направилась к лифту. — Покеда.

Финн вылетел из квартиры и поспешил за ней по коридору.

— Кендра, постой. Нам всё ещё нужно многое...

— Иди в жопу, — бросила она через плечо. — И я забираю пальто этой сучки. Если кто-то и заслуживает Барберри за то, что их трахают, так это я.

Она вошла в лифт, оставив Финна смотреть ей в след. Его рука лежала на бедре, он стоял, уронив голову несколько секунд, а затем повернулся в сторону своей квартиры. Увидев меня, он внезапно остановился.

— Как давно ты здесь стоишь?

Я переминалась с ноги на ногу, мешок с мусором громко зашелестел.

— Я всё видела.

— Супер, — пробормотал он. У него была борода, отросшая за двадцать шесть дней и тёмные круги под глазами в придачу.

— Ты рассказал ей о нас?

— Не совсем. Её визит был сюрпризом. Но тому было подтверждение... Во-первых, пальто.

Я осторожно направилась к нему.

— Мне жаль.

— Мне тоже.

— Но однажды ты увидишь, что это к лучшему. Лучше быть честным с ней сейчас...

— Ты собираешься рассказывать мне о честности?

Я прикусила язык. Он вздохнул и потёр ладонями лицо.

— Не так я себе это представлял. Мне было бы легче, если бы ты была на моей стороне... Дверь моей квартиры открылась у меня за спиной. Моё сердце подскочило к горлу. Я закрыла глаза в надежде, что мне лишь кажется, что Натан только что вышел в коридор.

Когда ничего не произошло, я обернулась через плечо. Несмотря на то, что глаза Натан были опухшими ото сна, его взгляд был резким и направлен поверх моей головы на Финна.

— Нат... — начала я, протягивая к нему свободную руку.

Игнорируя меня, он направился прямо к Финну. Натан ни в коей мере не обладает жестокостью, но внезапно я увидела, его напрягшиеся мышцы, руки, сжатые в кулаки, и стиснутые зубы. Я уронила мусор, чтобы поймать его руку, но он уже прошёл мимо меня. Он ударил Финна кулаком в нижнюю челюсть. Я закрыла рот рукой, он открылся от удивления. Финн отступил на пару шагов назад, схватившись одной рукой за лицо. Натан потряс рукой, сгибая и разгибая пальцы.

— О боже! — произнесла я, не в состоянии скрыть шок.

— Всё в порядке, — Финн прикрыл глаза и пошевелил подбородком из стороны в сторону. — Я это заслужил. Но, если за этим последуют ещё...

— Мне тебя жаль, — Натан прервал его.

Финн промолчал. Его зелёные глаза заволокло туманом, пока он смотрел то на меня, то на Натана.

— Тебе и следует.

Я хотела сказать Финну и его разбитому сердцу, что он встретит свою собственную родственную душу, женщину, которая будет полностью ему принадлежать, так, как я никогда не смогу. Женщину, которая, в отличие от Кендры, не будет удерживать его в плену, если она не получит то, чего хочет. Я не могла ему этого обещать, хотя в любом случае меня это уже не касалось. Ему нужно было разобраться во всём самому.

Натан развернулся. Он не смотрел на меня, но положил свою руку мне на плечи и крепко держал.

— Пойдём домой.

— А мусор...

— Оставь его.

Едва мы переступили порог квартиры, Натан схватил меня за руку и притянул к себе.

— Я хочу тебя.

Я смотрела на его руку, красную и возможно опухшую.

— Тебе нужен лёд.

— Мне нужна ты, Сэди, — он наклонился ко мне, и его дыхание пощекотало мою щёку. Я видела, как бился пульс у основания его шеи. — Сейчас.

Я густо покраснела от рычания в его голосе. Так давно он не смотрел на меня с такой любовью, с такой похотью. У меня внутри всё приятно сжалось в клубок. Я отвела взгляд, будто стеснялась такого сильного желания к собственному мужу, но прямо сейчас оно прожигало меня насквозь.

— Ты получишь меня, — сказала я, убирая мою руку из его. — Только после того, как я позабочусь о твоей руке.

Мы смотрели друг на друга. Он сузил глаза, как лев, учуявший добычу. Я сделала шаг назад. Он сделал шаг вперёд, балансируя на носочках. Я устремилась в кухню, он следовал по пятам. Я лишь успела схватиться за ручку холодильника, когда он поймал меня за талию и приподнял над полом.

Я разразилась диким смехом, потому что он то ли качал меня, то ли щекотал. Затем он поставил меня лицом к кухонному шкафчику, спиной к нему, и скользнул рукой под свитер. Я закрыла глаза, прислушиваясь к нашему сбивчивому дыханию, наслаждаясь мурашками, которые побежали по коже. Он стянул мой топ через голову и бросил его на пол. Мои волосы электризовались, когда он пропустил их сквозь пальцы. Он расстегнул мой лифчик, затем отбросил его и потянулся к пуговице на джинсах. Пару секунд спустя мои штаны и нижнее бельё были наполовину спущены по бёдрам.

Его рука погладила мою ключицу и задержалась у основания горла. Мое сердце колотилось так, будто это был первый раз, когда мужчина прикасался ко мне. Натан потянулся вперёд и достал противозачаточные таблетки из раковины.

— Это то... о чём я думаю?

Я повернулась в его руках и обняла руками его лицо. Он нахмурился и две морщины пролегли между его бровями, казалось он был очень обеспокоен тем, что я собиралась сказать.

— Натан, давай сделаем ребёнка.

Его лицо расслабилось и на нём появилось облегчение. Он поцелуями проследовал от внутренней стороны моей ладони до предплечья. Своими большими руками он приподнял меня за талию. Я вскрикнула, когда моя голая попа встретилась с холодной столешницей. Я кожей чувствовала муку и сахар, оставшиеся от моей выпечки. С этого ракурса я наблюдала за ним, как он лихорадочно расстёгивал пуговицу на джинсах, и избавлялся от штанов и нижнего белья. Он стянул футболку через голову.

И, наконец, всё также стремительно, он расположился между моих колен. Он взял мою голову в свои руки и начал путь из поцелуев с моей шеи, пока его рот, наконец, нашёл мой и начал его поглощать. Наши языки двигались так быстро.

Он подтянул мои бёдра к краю столешницы, и я обернула свои ноги вокруг него. Он дразнил меня, водя головкой члена вверх — вниз по моей щелочке.

— Не думаю, что смогу быть медленным прямо сейчас, — он надавил немного и застонал. — Просто прикасаться к тебе только лишь членом и чувствовать какая ты мокрая...

Я прикусила нижнюю губу, когда он вошёл в меня, наполняя, растягивая. Он потерял своего отца, он практически потерял меня. Я чувствовала его голод, и я хотела его утолить.

— Это новое начало для нас. Обещай мне, Натан.

Он поднял голову, чтобы посмотреть на меня. Солнечный свет проникал через кухонное окно. Его зрачки сузились, а глаза были миндально — коричневыми.

— Это не начало и не конец. Это то, где мы есть. У нас долгая и счастливая жизнь позади, и впереди тоже.

Я впиалась пальцами в его плечи, когда он раскрыл меня. Каждым искренним словом, каждым умелым прикосновением, он ласкал мои самые сладкие местечки. Я практически промурлыкала.

— Хорошо, Натан. Я доверяю тебе.

— Ты хочешь этого ребёнка?

— Я хочу его.

Он выпрямил спину, и я сконцентрировалась, чтобы принять его целиком, но тут духовка запищала. Мы замерли. Он посмотрел на меня, очаровательное выражение страдания и нерешительности отразилось на его лице. Он знал, что, возможно, я хотела остановиться. Я не хотела. Это ощущалось как солнечный свет после дождя, снова ощутить его внутри. Но, если мы не остановимся, то поплатимся.

— Это карамельный яблочный пирог, — я сказала ему. — Тебе решать.

Он вздрогнул, будто от пощёчины.

— Мне нужно выбрать между пирогом и сексом?

— Он горячий и аппетитный, — сказала я. — У меня даже есть ванильное мороженное.

Он искоса посмотрел на духовку.

— Для пирога или для секса?

Я захихикала и оттолкнула его. Он неохотно отодвинулся, но он тоже почувствовал запах печеных яблок и приготовленной мной глазури.

— Это займёт всего минутку, — сказала я и прыгнула со столешницы. — Иначе он стгорит.

Пока я доставала варежки для горячего, он достал фартук из бокового шкафчика и одел его на меня.

— Не стоит смешивать горячую еду с обнаженной кожей.

Я наклонилась, чтобы проверить пирог, и, ожидаемо, рука Натана погладила изгиб моей спины.

— Мм-м, — хмыкнул он. — Вот и весь десерт, который мне нужен.

— Можешь достать подставку под горячее из верхнего шкафчика, милый?

Он шлёпнул меня по попе. Я открыла рот от удивления из-за неожиданной боли.

— У тебя мука на булочках, — сказал он. — Я весь горю.

Я всё ещё была заведена, и пульсация между ног даже и близко не была удовлетворена. Я поставила блюдо на подставку, которую он достал.

— Его просто нужно остудить, — я поддразнила его, и отбросила варежки в сторону. — Может мне остудить и тебя тоже.

— Не надо меня остужать, лучше я доведу тебя до состояния горения, — и снова поднял меня и усадил мои покрытые мукой бедра на столешницу, отступил назад и осмотрел меня. Он был высоким, стройным и твёрдым везде. Его скульптурные плечи. Его розовый, твердый член, блестящий от моих соков.

— Нат, — тепло зародилось у меня в груди, — как мы сможем зачать ребёнка, если не доведём дело до конца?

Он медленно улыбнулся.

— Это просто ты в своём переднике. И мука у тебя в волосах. Ты такая красивая, Сэди. Так давно я тебе этого не говорил.

Я смутилась от его похвалы и отвернулась. Я спрятала улыбку, заправляя волосы за ухо.

— Это ты красивый.

Он подошел ко мне и за подбородок притянул моё лицо к себе. Он жёстко поцеловал меня и отпустил. Удерживая мой взгляд, он опустил на корточки, развёл мои колени и поднял передник вверх. Он поцеловал меня между ног так же, как и в губы, быстро и жёстко, и затем посмотрел на меня с самодовольной улыбкой.

— Что? — я спросила осторожно.

— На вкус как карамельное яблоко.

Я толкнула его в плечо, но он даже не шелохнулся. Я перестала смеяться, когда он продолжил. Он всосал мой клитор между зубов, а затем погрузился языком глубоко в меня. Я открыла рот от блаженства, наслаждаясь каждым его движением. Я хваталась за всё, что попадалось под руку, с одной стороны за водопроводный кран, с другой стороны за край шкафчика.

— О господи, На — ат. Где ты был с этим языком?

Он поедал меня, будто я была десертом на День Благодарения. В каком — то смысле я им и была. Я стонала и улыбалась. С особенно приятным щелчком его языка, я схватилась за его волосы. Он встал и облизал губы.

— Теперь перейдём к главному блюду.

Это был не первый раз, когда Натан соблазнял меня кулинарными терминами, но этот раз был самым милым. Его волосы стояли торчком, там, где я за них тянула, и на его лице играла неотразимая улыбка. Он подтянул меня к краю столешницы. Передник поднялся вверх, раскрывая меня. Мы оба следили за тем, как он взял в руку член, и надавил головкой на мой вход. Не было ничего милого в его члене, и в том, как он заполнил меня. Как только он оказался внутри, он взял меня за бедра и начал насаживать на себя, неуклонно и быстро. Он сжимал зубы, пока полностью не вошёл в меня.

— Господи, Сэди. Да что же с нами такое произошло? Вот где мы и должны быть. Это же так очевидно.

Моим единственным ответом было выгнуть спину. Он завладел моей грудью через кружевной верх передника и сжал её. Потолок стал расплываться, пока моё тело подстраивалось под его жёсткие, доминирующие толчки. Его рука приблизилась к моему рту, пальцы настойчиво попросились внутрь. Я облизала их, пока он толкался быстрее, жёстче. Своим влажным указательным пальцем он начал выписывать круги на моём клиторе. Я уже давно была на грани, поэтому мне не понадобилось много времени для достижения оргазма. Я закрыла глаза. Я стала сжималась вокруг него, принимая его ещё глубже. Он так страстно простонал, что это примитивное рычание унесло мой оргазм на более высокий уровень, это просто свело меня с ума.

Когда оргазм немного отпустил меня, я обернула руки вокруг его шеи, а ноги вокруг его талии, и предоставила своё тело в его полное распоряжение. Он врзался в меня, его толчки были мощные, настойчивые.

— Я люблю тебя, — он выдохнул мне в шею. — Только я могу так сильно тебя любить.

В ответ я прижалась к нему ещё теснее. Я хотела дать ему всё и приняла его болезненно глубоко. Я хотела сказать ему телом то, что не могла передать словами «мне так жаль, что я когда-либо сомневалась в тебе».

— Бля, о, господи, да, — все его мышцы были напряжены. Вены выступили на шее, предплечьях, висках. Его последний толчок был самым глубоким, и затем он кончил, наполняя меня изнутри.

Он неистово меня обнял, погладил тыльную сторону плеч, сжал мою талию и бёдра. Он зарывался пальцами в мою кожу, будто пытался убедиться, что я реальная.

— Сэди.

— Натан, — я крепко обняла его за шею и потёрлась своей гладкой щекой о его, колючую. — Я здесь.

Он выдохнул в изгиб моей шеи, расслабившись. Когда он выпрямился, я ослабила хватку, но не убрала рук. Он убрал мои волосы с лица и поцеловал меня. Медленно, наши губы соединились, и я скользнула своим языком по его. Он склонился надо мной, пытаясь углубить поцелуй.

— Давай сделаем это снова.

Я рассмеялась в его рот.

— Хорошо. Только может переместимся в душ? Кажется, у меня внутри мука.

Он зажал мою нижнюю губу между зубами и с усмешкой произнёс.

— Там и встретимся.

Я соскользнула со столешницы и направилась в нашу спальню. В ванной я включила душ.

Пока я развязывала передник, мусорное ведро попало в поле моего зрения. Оно было набито каллами, и некоторые из них были в пятнах крови Джинджер. Я облокотилась о раковину, у меня в ушах эхом отразился звук разбившегося стекла. Завывание Джинджер. Мрачное лицо Натана. Я так сильно сжала край раковины, что костяшки пальцев побелели. Всё могло быть иначе.

Но не было.

Когда-то прекрасные, теперь безобразные цветы стали частью нашей несовершенной истории. Я посмотрела на своё отражение в зеркале. Мука была у меня на висках, на бёдрах, на предплечьях. Волосы были не просто в беспорядке, но ещё и жирными, макияж вообще полностью размазался.

Натан появился позади меня. Он спустил завязки передника с моих плеч и отложил его в сторону. У него тоже были дни и получше, вчерашняя щетина, беспорядок в волосах, сахар прилип к его подбородку, пока он поедая меня.

Я обернулась посмотреть на него.

— Иди сюда.

Он наклонился, и я слизала сахар с его подбородка. Вместе с ним ужасающее воспоминание в этой ванной было заменено приятным ощущением.

Он обернул свои руки вокруг меня и обнял с невероятной силой. Его любовь затопила меня как наркотик, настоящая, приятная, тёплая.

— Я так по тебе скучал, — сказал он. — Я люблю тебя.

— Я знаю, — мои лёгкие горели, он так сильно вдавил меня в себя. — Какой беспорядок.

Никто из нас не сдвинулся с места. Было так хорошо, наши обнажённые тела, слитые воедино, вздымающийся пар, ритмичные звуки воды, капающей на пол. Сегодня вечером в постели я расскажу ему о разговоре с доктором. Я скажу ему, что у нас назначена встреча с риэлтором на воскресенье в Парк-Слоуп. А прямо сейчас просто хотелось остановить мгновение, запечатлеть в памяти его несовершенство и снова чувствовать себя как дома в объятиях Натана.

Благодарности

Хочу выразить благодарность моей команде: моему редактору Элизабет, которая заставляла меня работать на пределе возможностей. Саре, художнику — оформителю, и Тайлеру, фотографу, за самую потрясающую и головокружительную обложку, о которой я даже и не мечтала. Кэти, которая подняла историю, рассказанную в этой книге, на новый уровень своей тщательной вычиткой и правкой в очень сжатые сроки. Нине и Джен из Social Butterfly PR, а также Give Me Books & Gossip Girls PR за то, что замолвили словечко о книге Невинная оговорка. И каждому блогеру по всему миру, вы ребята сделали очень многое для независимых авторов, благодарность вам не может уместиться даже в целой книге, не то что в одном предложении.

Лизе, Бетани и Эмбер, они не просто читатели, но и мои друзья, не просто блогеры, но и супергерои, из-за вашей неослабевающей круглосуточной поддержки и любви, я осталась в здравом уме. Огромное спасибо всем остальным членам моей команды за то, что не дали мне возможности расслабиться, и, более того, мотивировали меня.

Говоря о мотивации, не могу не отметить положительный эффект от волшебного пендаля от моих коллег по цеху. Особенно хочу поблагодарить Картер Эшби и Луизу Бей, чью поддержку я ощущала ежесекундно. А также РС Грей, Лизу Сузанн, Лив Моррис и многих других авторов, которые являются для меня примерами для подражания и, конечно же, друзьями. Спасибо авторам, которые нашли для меня время, чтобы я смогла заглянуть за кулисы писательского мира, получить опыт самостоятельного издательства книг, а потом великодушно согласились прочитать и дать рекламу Невинной оговорке, когда я боялась об этом даже спросить. И, наконец, спасибо AS101 и BFFs за полезную информацию, руководство и шутки.

Огромнейшее, преогромнейшее спасибо! Выпивка за мой счёт!

Примечания

1

Home Depot — американская торговая сеть, являющаяся крупнейшей на планете по продаже инструментов для ремонта и стройматериалов.

2

Ксанакс — успокоительное.

3

Фриттата — итальянский омлет с начинкой из сыра, овощей или мяса

4

Ядро на цепи — песня Дженис Джоплин.

5

Вильямсбургский мост — это мост через пролив Ист-Ривер в Нью-Йорке, он соединяет районы Нью-Йорка — Манхэттен и Бруклин

6

Напиток из красного вина с фруктами или пряностями.

7

Олд фешен — коктейль на основе бурбона, скотча и ржаного виски

8

МБА — бизнес школа

9

Калуа — мексиканский кофейный ликёр

10

Subway — сеть ресторанов быстрого питания

11

Lord & Taylor — сеть дорогих универсальный магазинов главным образом одежды, наиболее известный находится в центре Манхэттена на Пятой авеню

12

ABC Kitchen— ресторан на 18 улице

13

Барберри — один из старейших британских брендов одежды

14

Дзен и искусство ухода за мотоциклом Роберт Пирсинг, философский роман, 1974 г.

15

популярный напиток из свежих фруктов с добавлением йогурта, льда, сахара или сиропа

16

Рубены — жареные бутерброды с мясом и сыром

17

Баструма — копчёная говядина

18

Все любят Рэймонда — американский комедийный сериал

19

Craigslist, Zillow, Street Easy — ресурсы для поиска жилья

20

В многоквартирных домах в Нью-Йорке не разрешается устанавливать стиральные машины, поэтому в подвале или на первом этаже есть прачечные

21

Сияние — роман Стивена Кинга

22

Джордж Штейнбрэннер — знаменитый американский миллиардер, удачливый предприниматель, владелец известной бейсбольной команды

23

Таинственный сад — экранизация произведения Френсиса Бёрнетта

24

Шопкинсы — коллекционные игрушки для девочек, которые представляют собой фигурки маленьких забавных персонажей в виде овощей, фруктов и сладостей

25

White Castle — одна из первых сетей быстрого питания в Америке, знаменита своими маленькими квадратными гамбургерами

26

Bluebell — название цветка, и уменьшительно — ласкательное имя девочки

27

«I can't get no satisfaction» — «Я не получаю от этого удовольствия» слова из песни группы Rolling Stones